

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 3 (52)
2023
ISSN 2542-1735
16+

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)*

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адилов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе) (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь (г. Могилев) (по согласованию);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (г. Караганда) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 3 (52)

2023

ISSN 2542-1735

16+

Scientific and practical journal

Subscription index «The Press of Russia» 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations.
The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Scientific Affairs) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Aibek N. Adilov, Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliev (Bishkek) (on agreement);

Yury V. Anokhin, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (on scientific affairs) (Barnaul) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Associate Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Yury P. Garmayev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker in the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dorji Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude) (on agreement);

Tatyana Ye. Gryaznova, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (on Scientific Affairs) (Belgorod) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Marina A. Kozhevina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of Omsk Region, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the MIA of Russia (Omsk) (on agreement);

Aleksandr V. Lubenkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of the Administrative Activity, Faculty of Militia, Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus (Mogilev) (on agreement);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod) (on agreement);

Oizhas T. Seitzhanov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov (Karaganda) (on agreement);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий?	9
Карпова О.В. Система принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации: требуется ли совершенствование?	17
Грибунов О.П., Агафонов А.С. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств	25
Пупышева Л.А. Меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным при исполнении приговора (общая характеристика, практика применения, правовая природа)	33
Лыга А.П. Производство о наложении денежного взыскания	42
Зиненко Ю.В., Сергеева О.В., Харченко Д.А. Организационно-правовые проблемы судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести причиненного вреда здоровью	50
Антонов А.Г., Павлов В.Г., Ромашов Р.А. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс!	59
Акиев А.Р. Критерии классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних в уголовно-правовой и криминалистической доктрине	64
Маторин М.А., Маторина Ю.Н. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма	71
Забродин А.В. Теоретические основы дифференцированного подхода к исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности	79

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Токманцев Д.В. К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных статьей 228 УК РФ	85
Овчинко О.А. К вопросу о легализации наркотиков как средстве противодействия наркоситуации	94
Морозов А.В., Лисихина Н.В. К вопросу личной безопасности сотрудников полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в подпольных нарколабораториях	102

Зарубежный опыт

Дудина Н.А., Ермакина Н.А. Ответственность за наркоправонарушения в США	109
Какешов Б.Д. Некоторые вопросы криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности Кыргызской Республики	119

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Лебедев А.С. Социально-практическое значение освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности	127
Рахматулин З.Р. Институциональное и функциональное усмотрение при реализации законных требований сотрудников уголовно-исполнительной системы	134
Плетников В.С. Язык и право: смыслы и действия	141
Рябинин Н.А. Особенности российской государственности.....	148
Климчук М.В. Актуальные вопросы применения средств исправления осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, в условиях реализации системы пробации	152
Газимов Р.Р. Особенности совершения краж и мошеннических действий с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по материалам Республики Татарстан): криминологические и криминалистические аспекты	158
Алимпиев А.А. К вопросу о влиянии судебного толкования уголовного законодательства на практику применения норм о массовых беспорядках в Российской Федерации.....	167
Заборовская Ю.М. Трансформация криминальной активности: современная тенденция роста преступности среди пенсионеров	173
Космодемьянская Е.Е.. Направления совершенствования методики расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса	182

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Бардовская А.Ю. Сложность квалификации преступлений, предусмотренных статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	190
Ильиных Н.А. Структура, уровень и динамика киберэкстремизма в Российской Федерации	196
Кулакова Д.В.. Юридическая характеристика актов уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг.....	202
Мандарханова Л.М. Допрос как одно из основных следственных действий при расследовании дорожно-транспортных преступлений, совершенных неустановленным лицом	208
Радова М.А. Защита сведений о частной жизни заявителя на стадии проверки сообщения о преступлении.....	215
Рожкова А.С. Особенности установления события преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ: вопросы правоприменения	221
Шиманович Е.В. Учет смягчающих обстоятельств, указанных в части 1 статьи 61 УК РФ, при назначении наказания	226
Шлегель П.О. Религиозный аспект идеологического компонента механизма обеспечения правопорядка.....	232

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Rossinskiy S.B.</i> Purposes and grounds for detaining a person on suspicion of committing a crime: what are the reasons for the existing contradictions?.....	9
<i>Karpova O.V.</i> System of principles of criminal proceedings in the Russian Federation: is improvement required?.....	17
<i>Grybunov O.P., Agafonov A.S.</i> Features of the initiation of criminal cases on crimes related to the change of marking designations of vehicles.....	25
<i>Pupysheva L.A.</i> Measures of procedural coercion, applied to convicted persons while executing a sentence (general characteristics, application practice, legal nature).....	33
<i>Lyga A.P.</i> Proceedings on the imposition of a monetary penalty.....	42
<i>Zinenko Yu.V., Sergeeva O.V., Harchenko D.A.</i> Organizational and legal problems of forensic medical examination to determine severity of the harm done to health.....	50
<i>Antonov A.G., Pavlov V.G., Romashov R.A.</i> The norms on exemption from criminal liability and punishment should be included in the Criminal Code!.....	59
<i>Akiev A.R.</i> Criteria for the classification of crimes against the family and minors in the criminal law and criminalistic doctrine.....	64
<i>Matorin M.A., Matorina Y.N.</i> Problems of qualification of public calls to carry out terrorist action, public justification of terrorism or propaganda of terrorism.....	71
<i>Zabrodin A.V.</i> Theoretical foundations of a differentiated approach to the execution of a custodial sentence in relation to persons convicted of terrorist and extremist related incidents.....	79

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Tokmantsev D.V.</i> On the question of the qualification of crimes provided for in Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	85
<i>Ovchinko O.A.</i> On the issue of drug legalization as a means of countering the drug situation.....	94
<i>Morozov A.V., Lisikhina N.V.</i> On the issue of personal safety of police officers during operational search activities and investigative actions in underground drug laboratories.....	102

Foreign Experience

<i>Dudina N.A., Ermyakina N.A.</i> Liability for drug offences in the USA.....	109
<i>Kakeshov B.D.</i> Some issues of criminalization of extremist crimes encroaching on the foundations of the constitutional order and security of the Kyrgyz Republic.....	119

Views. Reflections

<i>Lebedev A.S.</i> The social and practical significance of the exemption from criminal liability of persons, having committed crimes in the field of economic activity	127
<i>Rakhmatulin Z.R.</i> Institutional and functional discretion when implementing the legal requirements of the penitentiary system employees	134
<i>Pletnikov V.S.</i> Language and law: meanings and actions	141
<i>Ryabinin N.A.</i> Features of the Russian statehood	148
<i>Klimchuk M.V.</i> Current issues of the use of correction means of convicts serving imprisonment for committing crimes against minors in the context of the implementation of the probation system	152
<i>Gazimov R.R.</i> Features of the commission of thefts and fraudulent actions using information and telecommunication technologies (based on the materials of the Republic of Tatarstan): criminological and criminalistic aspects	158
<i>Alimpiyev A.A.</i> To the issue of the impact of judicial interpretation of criminal legislation on the practice of applying the norms about mass riots in the Russian Federation	167
<i>Zaborovskaya Yu.M.</i> Transformation of criminal activity: the current trend in increase of crime among pensioners	173
<i>Kosmodemyanskaya E.E.</i> Directions for improving the methods of investigating crimes in the timber industry complex	182

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Bardovskaya A.Yu.</i> The complexity of the qualification of crimes provided for by Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	190
<i>Ilinykh N.A.</i> Structure, level and dynamics of cyber extremism in the Russian Federation.....	196
<i>Kulakova D.V.</i> Legal characteristics of the acts of the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services	202
<i>Mandarkhanova L.M.</i> Interrogation as one of the main investigative actions in the investigation of road traffic crimes committed by an unidentified person	208
<i>Radova M.A.</i> Protection of information about private life of the applicant at the stage of verification of a crime report	215
<i>Rozhkova A.S.</i> Features of establishing the event of a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: law enforcement issues	221
<i>Shimanovich E.</i> Consideration of mitigating circumstances specified in part 1 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation when sentencing	226
<i>Shlegel P.O.</i> Religious aspect of the ideological component of the law enforcement mechanism.....	232

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.126.1

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_9

Сергей Борисович РОССИНСКИЙ,

главный научный сотрудник
сектора уголовного права, уголовного процесса
и криминологии Института государства и права
Российской академии наук (г. Москва),
доктор юридических наук

s.rossinskiy@gmail.com

ЦЕЛИ И ОСНОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: В ЧЕМ ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ?

PURPOSES AND GROUNDS FOR DETAINING A PERSON ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME: WHAT ARE THE REASONS FOR THE EXISTING CONTRADICTIONS?

В статье выявляются причины, предопределившие отсутствие взаимосвязи между четко определенными основаниями и вытекающими из смысла закона целями задержания подозреваемого. Установлено, что, несмотря на попытки законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, оно всегда было и продолжает оставаться не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебно-следственных органов. В связи с этим институт задержания подозреваемого предлагается вывести из предмета уголовно-процессуального регулирования и регламентировать отдельным законодательным актом.

The article reveals the reasons that predetermined the lack of correlation between clearly defined grounds and the goals of detaining a suspect arising from the meaning of the law. It has been established that despite the attempts of the legislator to introduce detention into the system of measures of criminal procedural coercion, it has always been and continues to be only a preventive police technique. It allows only to immediately restrict a person's right to freedom and personal immunity before it is transferred to the jurisdiction of the judicial and investigative bodies. In this regard, the institution of detention of a suspect is proposed to be removed from the subject of criminal procedure regulation and to regulate it by a separate legislative act.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, неприкосновенность личности, подозрение в совершении преступления, полицейское задержание.

Keywords: detention of a suspect, custodial placement, coercive measures, personal immunity, suspicion of committing a crime, police detention.

Рассмотрение проблем, входящих в предмет настоящего исследования, хотелось бы начать с очередной констатации ранее выявленных особенностей, присущих генезису национальной системы уголовной юстиции. Так, автором статьи уже неоднократно отмечалось, что на сегодняшний день ввиду ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России сформировалась особая, самобытная, в определенной степени даже уникальная модель досудебного производства, обусловленная бессистемным переплетением разных, в том числе плохо совместимых элементов, присущих другим моделям досудебного производства (расследования), что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты, а также собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания полноценные доказательства, равные по юридической силе доказательствам, полученным самим судом. Одновременно обращалось внимание, что этим объясняются многие извечные вопросы и противоречия досудебного производства, уже не первый год стоящие перед уголовно-процессуальной доктриной, оказывающие деструктивное влияние на качество закона и вызывающие серьезные ошибки и затруднения в правоприменительной практике [подр.: 14, с. 64]. В частности, этим можно объяснить целый ряд проблем, свойственных задержанию подозреваемого как одной из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер принудительного воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства. Некоторым из них и посвящается настоящая статья.

Вообще задержание по подозрению в совершении преступления – весьма распространенная в мировой практике мера принуждения, состоящая в кратковременном ограничении свободы человека и сопровождаемая его помещением в специальное учреждение тюремного типа, функционально

предназначенное для содержания арестованных. Ввиду понятных любому специалисту причин, обусловленных естественной очередностью действий с предрасположенными к нахождению под стражей лицами – вначале превентивно задержать такого человека и только затем приступить к решению вопроса о необходимости его более длительной изоляции от общества, подобный правоограничительный прием известен с глубокой древности и присущ работе правоохранительных органов любого государства независимо от существующих правовых традиций, способов досудебного расследования, степени правовой защищенности населения и прочих факторов. Именно поэтому различные аспекты теории, законодательного регулирования задержания подозреваемого и соответствующей правоприменительной практики уже достаточно давно привлекают внимание специалистов, становясь предметом многочисленных обсуждений и вызывая оживленные споры и дискуссии. А в последние годы указанные проблемы стали еще более актуальными и вошли в новую фазу развития благодаря изменению самих концептуальных подходов к обеспечению конституционных прав и свобод личности, особенно личности, вовлеченной в сферу деятельности правоохранительных органов.

Вместе с тем, невзирая на подобную популярность проблематики задержания, далеко не все связанные с ним вопросы получили доктринальное освещение и удостоились должного разбора в научных публикациях. В частности, такого внимания почему-то оказались недостойны основания задержания подозреваемого, то есть правовые гипотезы, предопределяющие объективную потребность в применении данной правоограничительной меры к человеку в связи с вероятной перспективой его привлечения к уголовной ответственности. Ученые-процессуалисты всегда воспринимали данные основания как само собой разумеющийся правовой постулат, поэтому практически никогда не подвергали их сомнению, а лишь занимались их толкованием [1, с. 81-85; 2, с. 41-49; 13, с. 18-21; 17, с. 9-11 и др.] либо вообще огра-

ничивались банальным переписыванием соответствующих положений закона [4, с. 51-52; 11, с. 31 и др.]. Другими словами, хорошо известный каждому выпускнику юридического вуза набор оснований, позволяющих органам дознания или предварительного следствия задержать человека по подозрению в совершении преступления: если лицо застигнуто..., если на него укажут..., если при нем будут обнаружены... и т.д. – фактически превратился в некую аксиоматичную данность, то есть в совершенно очевидную, не вызывающую ни малейшей доли сомнения, не требующую опровержения правовую константу.

Но так ли это на самом деле? Так ли хорошо гармонизированы основания задержания с его сущностью и подлинным предназначением? Представляется, что указанные вопросы неразрывно связаны с рядом еще недостаточно исследованных научных проблем.

Действующий уголовно-процессуальный закон Российской Федерации предусматривает четыре основания задержания подозреваемого, три из которых предполагают четкие юридические факты (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), а четвертое – гораздо большую свободу усмотрения органа дознания, дознавателя или следователя, ограниченную лишь дополнительными правовыми условиями, позволяющими прибегнуть к данной правоохранительной мере (ч. 2 ст. 91 УПК РФ). Весьма схожие нормативные конструкции были присущи и более ранним кодифицированным национальным источникам уголовно-процессуального права; их же можно встретить и в уголовно-процессуальных кодексах целого ряда других, в первую очередь постсоветских, государств.

Очевидно, что каждое из указанных оснований должно находиться в зависимости от достижения целей задержания подозреваемого – в противном случае применение данной правоограничительной меры становится бесцельным, превращаясь в ничем не обусловленное ограничение свободы и личной неприкосновенности соответствующего субъекта. Но вытекает ли подобная зависимость из содержания уголовно-процессуального закона?

Уместно вспомнить, что основная цель задержания лица по подозрению в совершении преступления состоит в кратковременном обеспечении его пребывания в условиях доступности для проведения первоначальных процессуальных действий, позволяющих предварительно подтвердить или опровергнуть версию об его причастности к совершению некоего преступления как необходимого условия применения меры пресечения, в первую очередь заключения под стражу либо домашнего ареста. Не менее важные, хотя и явно производные цели задержания подозреваемого сводятся к пресечению возможных попыток уничтожения или искажения потенциальных доказательств (незаконного воздействия на свидетелей, ликвидации либо фальсификации предметов или документов и т.п.), а также к предупреждению совершения новых преступлений. Эта позиция уже неоднократно высказывалась автором настоящей статьи [15, с. 73 и др.]; схожие позиции с определенной степенью вариативности выражались и многими другими учеными, посвятившими публикации проблемам уголовно-процессуального принуждения в целом и задержания подозреваемого в частности [7, с. 26; 8, с. 21; 9, с. 140; 16, с. 258 и др.].

В любом случае задержание подозреваемого преследует примерно те же самые цели, ради которых позднее избирается мера пресечения арестантского характера. И в этом нет ничего странного. Ведь по своей сути задержание – не что иное, как упрощенная, рассчитанная на непродолжительное применение форма изоляции человека от общества, обеспечивающая возможность его оперативного помещения в учреждение тюремного типа во внесудебном порядке и, следовательно, подлежащая использованию лишь в ситуациях, сопряженных с предварительным намерением следователя (дознавателя) в дальнейшем заключить подозреваемого (обвиняемого) под стражу или домашний арест.

Нетрудно предположить, что подобное сходство или даже тождество целей задержания подозреваемого и мер уголовно-процессуального пресечения должно предопределять единые, по крайней мере имеющие

весьма высокую степень аналогии, основания для использования этих правоограничительных механизмов – правовые гипотезы, вызывающие потребность временного ограничения права личности на свободу и неприкосновенность. Вместе с тем законодатель подходит к решению данного вопроса несколько по-другому. Ожидаемая зависимость оснований от целей наблюдается только в части процессуальной регламентации мер пресечения – в соответствии со ст. 97 УПК РФ таковыми, как известно, считаются факты, объективно свидетельствующие о возможности и (или) намерениях лица скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам судопроизводства и т.д. Тогда как предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания задержания подозреваемого вряд ли можно признать находящимися в зависимости от его целей – если между ними и существует какая-либо косвенная и весьма спорная взаимосвязь, то она явно не предполагает причинно-следственного характера, не обуславливает четкую производность одного от другого. Ведь ни у дознавателя, ни у следователя, ни у кого другого не может быть никакой уверенности, что если человек, например, будет застигнут при совершении преступления, то он обязательно захочет скрываться или уклоняться от явки в органы предварительного расследования, если потерпевшие либо очевидцы укажут на него как на совершившего преступление, то он непременно станет продолжать преступную деятельность, если при нем обнаружатся явные следы преступления, то он безусловно вознамерится препятствовать дальнейшему производству по уголовному делу т.д.

Таким образом, в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования наблюдается существенный изъян, выраженный в явной несогласованности, в отсутствии должной правовой гармонизации установленных ст. 91 УПК РФ оснований и как бы «вытекающих» из смысла закона целей задержания лица по подозрению в совершении преступления. И в связи с этим формально предусмотренные законом положения о за-

держании подозреваемого попадают в ту самую нормативную ловушку, о которой говорилось выше, – становятся бесцельными, устанавливают не понятно чем обусловленный принудительный механизм, выраженный в существенном ограничении свободы и неприкосновенности личности.

Причем указанные проблемы имеют значение не только для теории уголовного процесса – они приводят к множеству ошибок и злоупотреблений в реальной правоприменительной практике органов дознания и предварительного следствия. Так, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже приводился пример, связанный с выявлением сотрудниками московской милиции попытки незаконного сбыта на площади Курского вокзала нескольких изготовленных кустарным способом слитков серебра, отмечалось, что возбуждивший уголовное дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ дежурный следователь задержал подозреваемого по сугубо формальным основаниям – ввиду его захвата при совершении преступления и обнаружения у него указанных слитков драгоценного металла. Одновременно указывалось, что в реальности никакой потребности в нахождении лица в изоляторе временного содержания не существовало, в связи с чем позднее было решено освободить его под «честное слово», которое он достойно сдержал.

И это далеко не единичный случай – современная следственная практика просто изобилует подобными ситуациями. Прекрасно осознавая бессмысленность дальнейших арестов многих попадающих в сферу уголовного преследования лиц, в частности понимая бесперспективность направления в суды соответствующих ходатайств, сотрудники органов дознания и предварительного следствия нередко задерживают подозреваемых, преследуя явно незаконные цели, например не желая возлагать на себя дополнительную ответственность, подвергаться нареканиям не вполне компетентного руководства, а то и вовсе рассчитывая использовать последующее освобождение задержанного как повод для коррупционного обогащения. К тому же

установленные законом правила задержания формально позволяют прибегать к возможности применения этой меры по подавляющему большинству уголовных дел. В частности, положения гл. 12 УПК РФ не обязывают распознавать фактическую целесообразность задержания подозреваемого подобно тому, как это определено в ст. 99 УПК РФ для избрания меры пресечения; вытекающая из смысла ст. 92 УПК РФ прикладная технология оформления протокола задержания фактически лишает сторону защиты перспективы обжалования данного процессуального акта и т.д.

Замысел настоящей статьи не предполагает очередного (какого по счету?) рассмотрения системных недостатков, присущих кадровому обеспечению уголовной юстиции, в том числе выраженных в непрофессионализме многих должностных лиц органов предварительного расследования, в отсутствии у них должного правосознания, правопонимания, ответственности, склонности некоторых из них к коррупционному поведению и т.д., тем более что наблюдаемые в этом сегменте правоприменительной практики ошибки и злоупотребления все-таки обусловлены совершенно иной причиной – изначально неверным законодательным подходом к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Представляется, что, будучи определены как основания задержания подозреваемого, положения ст. 91 УПК РФ включают совершенно иные правовые гипотезы – предусматривают юридические факты, позволяющие выдвинуть версию о криминальном характере действий (бездействия) человека, попавшего в зону внимания правоохранительных органов. Другими словами, эти положения *содержат не столько основания для задержания, сколько основания для подозрения данного лица в подготовке преступления, покушении на преступление либо совершении оконченного преступления* и, таким образом, определяют потребность в осуществлении в отношении него персонифицированного уголовного преследования. Например, к какому предпо-

ложению подталкивают сведения о том, что некий человек был застигнут в момент совершения преступления? Какое предположение напрашивается при указании потерпевшим или очевидцами на данного человека как на совершившего преступление или обнаружении на нем, на его одежде, при нем либо в его жилище соответствующих следов? Ответ на данные вопросы представляется очевидным – предположение о причастности этого лица к соответствующему преступлению, требующее либо последующего подтверждения совокупностью доказательств, либо опровержения. При этом, справедливо писал И.М. Гуткин, указанные обстоятельства вовсе не определяют потребности в неотложном помещении такого человека в изолятор временного содержания, равно как и последующее обвинение не обуславливает необходимости его обязательного заключения под стражу [5, с. 32].

В принципе подобное «открытие» не обладает абсолютной новизной – ввиду всей очевидности близкие позиции уже высказывались в ряде публикаций. Правда они остались практически незамеченными, не вызвали никакой реакции в научном сообществе и вполне ожидаемо не получили никакой поддержки со стороны законодателя [3, с. 138; 6, с. 147; 10, с. 52].

Но учеными никогда не предпринимались попытки выявления подлинных причин, повлиявших на возникновение ошибочного законодательного подхода к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления. Между тем представляется, что надлежащее осознание подобных причин – это необходимая и первоочередная задача в преодолении возникших в данном сегменте правового регулирования проблем, без разрешения которых ни разумное совершенствование уголовно-процессуального закона, ни оптимизация соответствующей правоприменительной практики не возымеют никаких приемлемых перспектив. К тому же существующие основания задержания подозреваемого не изобретены ни советскими, ни постсоветскими правотворцами.

Будучи унаследованными еще от средневекового института «in flagranti» (действия полиции при задержании человека с поличным) и положений «Наполеоновского» кодекса уголовного следствия 1808 г. [12, с. 530], они имеют гораздо более длинную, уходящую корнями далеко в прошлое историю, в связи с чем предполагают высокую степень выработанности и применяются во множестве государств. И поэтому нет ничего странного в том, что содержание ст. 91 УПК РФ очень напоминает норму действующего Уголовно-процессуального кодекса Французской республики 1958 г., входящую в раздел, регламентирующий порядок дознания по очевидным преступлениям. Не удивительно и то, что практически тождественные основания для задержания были свойственны дореволюционному и советскому законодательству, а в настоящее время, как отмечалось выше, сохранились в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных кодексов постсоветских государств.

Так почему же настолько выработанные и хорошо апробированные в мировой практике положения о задержании лица по подозрению в совершении преступления вдруг оказались не вполне пригодными для российской системы уголовной юстиции? Что привело к наблюдаемому в настоящее время правовому изъяну, оказывающему достаточно деструктивное влияние на деятельность органов предварительного расследования?

Думается, что ответить на данные вопросы не так уж и сложно! Дело в том, что, несмотря на все попытки советского и постсоветского законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, превратить его в полноценную форму реализации юрисдикционных полномочий, оно всегда было и продолжает оставаться не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебно-следственных органов. Именно на основе такого понимания задержания подозреваемого

и формировались положения уголовно-процессуального права различных государств, устанавливающие основания для применения данной меры; оно же предопределяло и соответствующие нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и первых советских уголовно-процессуальных кодексов.

Ведь в отличие от наделенных юрисдикционной правосубъектностью участников уголовного судопроизводства (суда, следственного судьи, следователя и т.д.) работа полиции либо иных правоохранительных органов полицейского типа не связана с вынесением полноценных правоприменительных решений и не вызывает столь серьезных, влияющих на положение участвующих лиц юридических последствий. Полицейские служащие не обременены предписанием квалифицировать содеянное, не обязаны полно, всесторонне и объективно устанавливать все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства – от них требуется лишь оперативно отреагировать на сообщение о преступлении, обеспечить сохранность predisposed к утрате или изменению следов, задержать подозреваемого (!) либо провести упрощенное полицейское расследование в форме дознания. И, таким образом, выдвигаемое ими полицейское подозрение еще не является подозрением в привычном для современной уголовно-процессуальной доктрины понимании, то есть сопряженной с введением лица в новое юридическое состояние – в статус подозреваемого – формой уголовно-процессуального реагирования следователя (дознателя) на обстоятельства, свидетельствующие о возможной причастности этого лица к преступлению. Полицейское подозрение предполагает какое-то более бытовое, универсальное, не имеющее четкого процессуального смысла понимание, поэтому в реальной практической деятельности обычно сливается с основаниями для задержания соответствующего человека в некую единую общность. Так, с одной стороны, сотрудникам правоохранительных органов надлежит осознавать возможную причастность лица к

противоправному деянию, то есть подозревать его в совершении данного деяния, а с другой – обеспечивать его превентивное ограничение свободы для обеспечения производства ряда первоначальных процессуальных действий.

Однако, как уже отмечалось в «преамбуле» к настоящей статье, ввиду ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России постепенно сформировалась самобытная национальная модель досудебного производства, выраженная в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты. Именно этим и объясняются изъяны положений уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания для задержания подозреваемого.

По всей вероятности, разработчики УПК РСФСР 1960 г., а вслед за ними и авторы действующего УПК РФ просто не уделили должного внимания указанным обстоятельствам, сохранив для задержания подозреваемого прежний, хорошо апробированный, но при этом предназначенный для правоохранительных органов полицейского типа и явно не рассчитанный для использования в следственной практике правовой режим. Более того, складывается впечатление, что, формулируя основания задержания подозреваемого, законодатель вообще окончательно

запутался в указанных вопросах, поскольку в качестве одного из таковых предусмотрел «иные данные, дающие основания подозревать (!) лицо в совершении преступления» (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР 1960 г., ч. 2 ст. 91 УПК РФ).

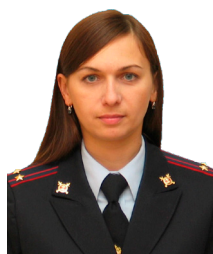
В завершение стоит отметить, что допустимый объем настоящей статьи заставляет автора ограничиться сказанным и не вносить каких-либо сиюминутных предложений, направленных на совершенствование российского законодательства в целях устранения выявленных нормативно-правовых изъянов и, как следствие, оптимизации правоприменительной практики. В этой связи целесообразно сформулировать лишь самый общий вывод: в условиях сохранения существующей системы механизмов выявления, раскрытия и расследования преступлений, с одной стороны, основанной на жестком разграничении процессуальных и непроцессуальных (полицейских) полномочий, а с другой – предполагающей наделение органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, институт задержания подозреваемого в целом и основания задержания в частности не должны входить в предмет уголовно-процессуального регулирования и регламентироваться УПК РФ. И, таким образом, в настоящее время представляется целесообразным разработать и ввести в действие отдельный законодательный акт, устанавливающий основания, условия правомерности и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Библиографический список

1. Авдеев, В.Н. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России / В.Н. Авдеев, Ф.А. Богацкий. – Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2006. – 160 с.
2. Березин, М.Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М.Н. Березин, И.М. Гуткин, А.А. Чувилов. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 93 с.
3. Волошкина, Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Волошкина. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2000. – 199 с.

4. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М.: ЮрИнфоР, 1999. – 541 с.
5. Гуткин, И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И.М. Гуткин. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
6. Зайцев, О.А. Подозреваемый в уголовном процессе / О.А. Зайцев, П.А. Смирнов. – М.: Экзамен, 2005. – 320 с.
7. Зайцева, Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск: Харвест, 2011. – 224 с.
8. Клюков, Е.М. Мера процессуального принуждения / Е.М. Клюков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1974. – 108 с.
9. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. – 175 с.
10. Козловский, Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Козловский. – Свердловск: Свердловский юридический институт имени Р.А. Руденко, 1989. – 166 с.
11. Копылова, О.П. Меры принуждения в уголовном процессе / О.П. Копылова. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2011. – 120 с.
12. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
13. Ретюнских, И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И.А. Ретюнских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – N 1. – С. 18-21.
14. Россинский, С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – N 4. – С. 58-65.
15. Россинский, С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – N 10. – С. 71-79.
16. Смолькова, И.В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 456 с.
17. Соловьев, А.Д. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / А.Д. Соловьев, И.А. Гельфанд ; отв. ред. И.Д. Бондаренко. – Киев: Министерство охраны общественного порядка УССР, 1964. – 36 с.

Олеся Владимировна КАРПОВА,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук
mir-lesya83@mail.ru

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРЕБУЕТСЯ ЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ?

SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION: IS IMPROVEMENT REQUIRED?

Автором рассматривается процесс формирования системы принципов в отечественном уголовном судопроизводстве. Проведен сравнительный анализ положений главы 2 проекта УПК РФ в первом чтении, главы 2 УПК РФ, а также нормы уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран. Рассмотрены положения, закрепляющие систему принципов уголовного процесса. Обоснован вывод о несовершенстве системы принципов уголовного процесса и необходимости ее дальнейшего совершенствования.

The author considers the process of forming a system of principles in domestic criminal proceedings. A comparative analysis of the provisions of Chapter 2 of the draft of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation at the first reading and Chapter 2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the regulations of criminal procedure legislation of foreign countries is conducted. The provisions formalizing the system of principles of the criminal process are considered. The conclusion about the imperfection of the system of principles of the criminal process and the necessity of its further improvement is substantiated.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, система принципов уголовного процесса, уголовно-процессуальный закон.

Keywords: principles of criminal proceedings, the system of principles of criminal procedure, criminal procedure law.

Принципы уголовного судопроизводства – это краеугольные камни, на которых укрепляется и покоится все здание уголовного правосудия, и с какой стороны ни смотреть на него, всюду ярко бросается в глаза настойчивая надобность в этих капитальных опорах не для одной красоты и пропорциональности, но и для прочности здания.

Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года [3, с. 15].

Для построения системы в первую очередь необходимо выделить ее характерные черты. Прежде всего это признак

единства и взаимосвязи. Принципы уголовного судопроизводства представляют собой единую согласованную систему. Во-вторых,

каждый принцип характеризует определенную сторону уголовного судопроизводства, соответственно, каждый принцип имеет собственное содержание. В-третьих, принцип не должен подменять другое положение, отнесенное к числу принципов, то есть каждый отвечает за свой аспект, если они пересекаются, то целесообразно выделить более общее положение, которое объединит эти два. В-четвертых, место принципа в системе значения не имеет, то есть принципы в системе равноправны. Не важно, в какой по номеру статье расположен принцип, будь то статья 7 или статья 19 УПК РФ. Очень точно в этом отношении отметил профессор В.Т. Томин: «Принципы в системе равноправны. Они не ранжируются. Среди принципов нет маршалов, нет ефрейторов». И, наконец, нарушение одного принципа влечет нарушение других принципов. Эта характеристика тесно связана с первым выделенным нами признаком, согласно которому принципы составляют систему взаимосвязанных между собой элементов.

В юридической литературе справедливо отмечают, что «система принципов – это не просто их совокупность, а новое качество, при котором взаимно усиливаются свойства их отдельных структурных элементов – принципов ... что касается геометрии такой системы, то принципы соединены таким образом, что каждый из них непосредственно связан со всеми остальными, причем взаимосвязь можно проследить в любых направлениях и между любыми принципами» [5, с. 63].

С момента принятия УПК РФ в главу 2 вносились следующие изменения: Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. N 69-ФЗ введена статья 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 166-ФЗ – статья 8.1 УПК РФ «Независимость судей». С 2013 г. в главу 2 УПК РФ не вносились изменения. На основании этого можно предположить, что систему принципов в настоящее время можно считать устоявшейся.

Рассмотрим главу 2 УПК РФ подробнее. В первую очередь обратим внимание на статью 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу». Законодатель определил порядок регулирования уголовно-процессуальных правоотношений нормами УПК РФ, а также указал на верховенство уголовно-процессуального закона над другими федеральными законами. Вместе с тем в одном из своих решений Конституционный Суд РФ отметил, что приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным: он может быть ограничен как установленной Конституцией РФ иерархией федеральных конституционных законов и обычных федеральных законов, так и правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений¹.

О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом².

Результатом реализации данной правовой позиции Конституционного Суда РФ стало введение в УПК РФ статьи 450.1 «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката». В этом шаге законодателя прослеживается абсолютно точное применение в ходе производства процессуальных действий норм иных – помимо УПК РФ – законов, которыми закрепляются гарантии прав и свобод участников соответствующих процессуальных действий. В частности, речь идет о проведении обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования.

Аналогичная позиция высказана Конституционным Судом РФ и относительно выем-

1 По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.11.2005 N 439-О // СПС «КонсультантПлюс».

2 Там же.

ки предметов и документов, содержащих аудиторскую тайну¹.

На необходимость учета особенностей предмета правового регулирования конкретных законодательных актов при разрешении возникающих при их применении коллизий с другими законами, а именно, на приоритет норм, гарантирующих конституционные права и свободы Конституционный Суд РФ указывал также и в других решениях².

Таким образом, Конституционный Суд РФ заключает, что положения статьи 7 УПК РФ – по их конституционно-правовому смыслу – не исключают необходимость обеспечения в ходе производства следственных действий по уголовному делу гарантий прав и свобод участников этих действий, закрепленных не в уголовно-процессуальном, а в ином законе.

В уголовно-процессуальных законах отдельных зарубежных стран законность также относится к принципам уголовного судопроизводства. Так, согласно статье 7 УПК Кыргызской Республики «Принцип верховенства права и законности» в уголовном судопроизводстве «обязаны строго соблюдать положения Конституции, настоящего Кодекса и других законов Кыргызской Республики». Аналогичные по содержанию нормы закреплены в статье 11 УПК Республики Узбекистан, в статье 9 УПК Республики Таджикистан. Отметим, что в положениях названных законов не определено, как действовать правоприменителю в случае коллизии между различными законами равной юридической силы.

В этом отношении более четкая регламентация дается законодателем Республики Казахстан. Так, согласно ст. 10 УПК Республики Казахстан «Законность» суды не вправе применять законы и иные нормативные правовые акты, ущемляющие закрепленные Конституцией Республики Казахстан права

и свободы человека и гражданина. В противном случае суд обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Совет Республики Казахстан с представлением о признании этого акта неконституционным.

Законодатель Республики Казахстан решает и ситуации, связанные с коллизией норм. Так, согласно части 4 статьи 10 УПК Республики Казахстан «в случаях коллизии норм настоящего Кодекса подлежат применению те из них, которые соответствуют принципам уголовного процесса, а при отсутствии в нормах соответствующей регламентации вопросы уголовного судопроизводства разрешаются непосредственно на основе принципов уголовного процесса».

Рассматривая целесообразность закрепления законности как принципа уголовного процесса, можно отметить точку зрения относительно того, что принцип не должен иметь общеправовое значение. В этом плане особого внимания заслуживает позиция профессора В.Т. Томина об общеправовом принципе законности в уголовном процессе. Он предложил именовать данное положение принципом законности уголовно-процессуальной деятельности [12, с. 156-157].

Полагаем, что подход, выбранный законодателем Республики Казахстан, является оптимальным и позволяет правоприменителю согласно процедуре, представленной в частях 2, 4 статьи 10 УПК, разрешить как коллизию норм внутри самого уголовно-процессуального закона, так и коллизии, возникающие с другими законами и нормативными правовыми актами.

При изучении положений уголовно-процессуального закона, закрепляющих принципы уголовного судопроизводства, представляет интерес следующий аспект. В отечественном законодательстве мы не най-

1 По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Аудиторская фирма «Ариста/ЛюКС» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.03.2006 N 54-О // СПС «КонсультантПлюс».

2 Напр.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2003 N 1-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 УИК РФ, от 27.03.1996 N 8-П по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», от 23.04.2004 N 9-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним // СПС «КонсультантПлюс».

дем понятие «принцип», более того, в УПК РФ законодатель впервые применил термин «принцип» и выделил отдельную главу 2 с наименованием «Принципы уголовного судопроизводства». В советский период в положениях закона были закреплены «общие положения», этого, по мнению законодателя, было достаточно, чтобы понять, что речь идет о главных аспектах, пронизывающих все материальное и все процессуальное право.

Иной подход прослеживается в УПК отдельных зарубежных стран. Так, в статье 8 УПК Туркменистана законодатель формулирует понятие принципа, согласно которому это приведенные в главе 2 УПК Туркменистана положения, имеющие основополагающий характер и определяющие правильность и обоснованность производства по каждому делу. Понятие «принцип» закреплено и в статье 9 УПК Республики Казахстан, согласно которой «принципами являются фундаментальные начала уголовного процесса, определяющие систему и содержание его стадий, институтов и норм, обеспечивающих общие условия реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса и решение стоящих перед ним задач».

Представляется, что формулирование понятия «принципа уголовного судопроизводства» и его нормативное закрепление в главе 2 УПК РФ имеет большую охранительную направленность. Такие шаги будут способствовать единообразному применению положений уголовно-процессуального законодательства и надлежащей реализации прав участников уголовного процесса. В этом направлении мы поддерживаем предложение, высказанное в докторской диссертации Т.Ю. Вилковой, которая предлагает дополнить главу 2 УПК РФ статьей «Принципы уголовного судопроизводства и их значение», закрепляющей понятие принципов и устанавливающей последствия их нарушения [4, с. 31-32].

Следующим аспектом рассмотрим действие принципов на все уголовное судопроизводство и на отдельные его стадии. В науке уголовного процесса Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан разделяют принципы на общепро-

цессуальные и присущие отдельной стадии уголовного процесса, например стадии предварительного расследования [15, с. 124]. Авторы справедливо отмечают, что в стадии предварительного расследования действуют как общепроцессуальные принципы (законность, публичность и другие), так и принципы, присущие только этой стадии либо характеризующие досудебное производство в целом [15, с. 124]. Профессор М.С. Строгович упоминал принципы предварительного следствия и принципы кассационного производства [9, с. 56, 367].

Другой позиции придерживается профессор А.В. Гриненко, по мнению которого «весьма значимым свойством принципов является их всеобщность, то, что они действуют на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства» [5, с. 62]. Выделение указанной характеристики частично согласуется с подходом законодателя, который выделил в отдельную главу 21 «Общие условия предварительного расследования», в главу 35 «Общие условия судебного разбирательства». По своей сути их можно назвать принципами предварительного расследования и принципами судебного разбирательства в суде первой инстанции соответственно.

В УПК Республики Узбекистан часть общих условий судебного разбирательства закреплены в качестве принципов уголовного процесса – статья 13 «Коллегиальность и единоличность рассмотрения уголовных дел»; статья 19 «Открытое разбирательство уголовных дел в судах», статья 26 «Непосредственность и устность исследования доказательств».

Более того, в отдельных зарубежных странах в качестве принципа закреплено конституционное право, освобождающее от обязанности давать свидетельские показания, то есть это, по сути, – положения статьи 51 Конституции РФ (статья 25 УПК Туркменистана «Освобождение от обязанности давать свидетельские показания», статья 28 УПК Республики Казахстан «Освобождение от обязанности давать свидетельские показания»).

В главе 2 УПК РФ можно выделить принципы, которые в полной мере реализуются

только в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Например, осуществление правосудия только судом, презумпция невиновности, состязательность сторон. Законодатель не разделяет принципы по стадиям, но при этом мы видим, что особое внимание он уделяет именно судебному производству. Согласно такому подходу полагаем, что принципы должны действовать на всех стадиях уголовного процесса либо распространяться на центральные стадии – на судебные.

Исследуя теоретические основы учения о принципах уголовного судопроизводства, профессор А.В. Гриненко указывает и на другую важную характеристику – «принципы уголовного процесса должны действовать в отношении всех его участников, как органов и должностных лиц, так и лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу» [5, с. 62]. Видится не вполне соответствующим этой характеристике содержание принципа, закрепленного в статье 8.1 УПК РФ «Независимость судей». Представляется, что можно говорить не только о независимости судей, но и о независимости всех должностных лиц и государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Выше нами уже было обозначено, что в числе принципов отдельных зарубежных стран закреплены конституционные положения. В этом ключе представляет научный и практический интерес возведение принципов уголовного судопроизводства в статус «конституционных» [2, с. 57-59].

Например, принцип осуществления правосудия только судом (статья 8 УПК РФ) согласуется с положениями статьи 118 Конституции РФ, согласно которой правосудие по уголовным, гражданским, административным делам может осуществлять только суд.

Принцип независимости судей, закрепленный в статье 8.1 УПК РФ, соответствует положениям статьи 120 Конституции РФ, согласно которой судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища соответственно базируются на статьях 22, 25 Конституции РФ.

Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений (статья 13 УПК РФ) представляет собой одно из конституционных прав человека и гражданина (статья 23 Конституции РФ). Базируясь на статье 49 Конституции РФ, статья 14 УПК РФ определяет презумпцию невиновности как принцип уголовного процесса.

Конституция РФ установила, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (часть 3 статьи 123). Применительно к уголовному процессу нормативное правовое отражение принцип состязательности нашел в статье 15 УПК РФ.

Нормативная база для осуществления защиты по уголовному делу содержится во многих нормах Конституции РФ, которые восприняты УПК РФ и реализуются в рамках принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту. Положения статьи 18 УПК РФ базируются на предписаниях части 2 статьи 26 Конституции РФ, закрепившей право каждого на пользование родным языком и свободный выбор языка общения.

Статья 19 УПК РФ, обеспечивающая право на обжалование действий и решений субъектов, ответственных за осуществление уголовного судопроизводства, соответствует положениям статьи 46 Конституции РФ.

Очень точно в рассматриваемом нами ключе высказался профессор В.Т. Томин: «Наша Конституция, – писал он, – самая процессуальная в мире» [10, с. 130]. Приведем и другую цитату: «Среди всех конституций мира конституция Японии 1946 года содержит наиболее число норм, касающихся уголовного процесса» [6, с. 253].

Правовая природа принципов уголовного процесса в полной мере отражена в следующем определении: принципы уголовного судопроизводства – это закрепленные в Конституции РФ и на ее основе в УПК основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущность, характер и демократизм [2, с. 57].

Следующим рассмотрим количественную характеристику системы принципов. Учеными-

процессуалистами дается разная оценка системы принципов, которая предложена законодателем. Одни поддерживают данную систему, другие критикуют и отмечают, что законодатель слишком много положений назвал принципами. По вопросу построения системы принципов уголовного судопроизводства наиболее ярко высказался В.Т. Томин: «Чем меньше принципов, тем они принципиальнее». Это высказывание было услышано его учеником М.П. Поляковым на лекциях по уголовному процессу, прочитанных В.Т. Томиным в Горьковской высшей школе МВД СССР, а позднее в Академии МВД России [8, с. 9], который позднее (будучи профессором) в развитие этой идеи отметил: «В уголовно-процессуальном законе принципы размножились (преимущественно делением) и измельчали, в результате большинство из них перестали быть принципиальными положениями» [7, с. 4].

Еще одно замечание состоит в том, что некоторые принципы схожи с положениями Конституции РФ. Есть авторы, которые объединяют эти положения, а именно статьи 9-13 УПК РФ в более общее положение – принцип обеспечения законных интересов личности в уголовном процессе [12, с. 199-204]. Профессор В.Т. Томин видел в каждом принципе мировоззренческую идею, наиболее общую для данной области и проведенную через ее нормы и практику» [1, с. 32; 13, с. 175]. По мнению С.С. Безрукова, эти положения могут составить принцип обеспечения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства [1, с. 40-41].

В первом чтении (проект УПК РФ) в статье 6 разработчиками – депутатами – членами Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной правовой реформе – обозначены задачи уголовного процесса, в статьях 7-24 определены принципы уголовного процесса, к которым отнесены: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7), осуществление правосудия только судом (ст. 8), судебная защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 9), уважение чести и достоинства (ст. 10), неприкосновен-

ность личности (ст. 11), охрана прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам (ст. 12), неприкосновенность жилища (ст. 13), неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 14), презумпция невиновности (ст. 15), осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом (ст. 16), независимость судей, народных и присяжных заседателей (ст. 17), осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 18), всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (ст. 19), оценка доказательств по внутреннему убеждению (ст. 20), обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 21), гласность судебного разбирательства (ст. 22), язык, на котором ведется производство по уголовным делам (ст. 23), свобода обжалования процессуальных действий и решений (ст. 24) [14, с. 337-540]. В указанных положениях проекта прослеживается преемственность с УПК РСФСР. Так, разработчиками были определены задачи уголовного процесса, в качестве принципов закреплены: гласность судебного разбирательства, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Представленная система, безусловно, отражает наиболее важные стороны уголовного судопроизводства, вместе с тем она нуждалась в корректировке. Среди принципов мы видим одно из общих условий судебного разбирательства. О целесообразности отнесения данного положения к принципам уголовного процесса было обозначено выше. В числе положительных моментов следует назвать включение в систему принципов положения о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Представляется, что закрепленная в указанном принципе обязанность органов предварительного расследования принять меры по установлению всех фактических обстоятельств по делу, а также обязанность суда обеспечить сторонам обвинения и защиты надлежащие условия для реализации их прав на полное исследование обстоятельств дела, в полной мере способ-

ствовала бы достижению уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что закрепленная в законе система принципов уголовного судопроизводства является оптимальной, но при этом нуждается в дальнейшем совершенствовании. В первую очередь, целесообразно разрешить вопрос о необходимости включения задач уголовного процесса в главу 2 УПК РФ, а также формулировании понятия «принцип уголовного судопроизводства» и его нормативном закреплении. Относительно принципов представляется возможным предложить

рассмотреть вопрос о следующих изменениях: именовать принцип законности принципом законности уголовно-процессуальной деятельности; расширить действие положений статьи 8.1 УПК РФ на всех должностных лиц и государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство; объединить положения статей 9-13 в более общее положение и именовать его принципом обеспечения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, включить в систему принципов положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

Библиографический список

1. Безруков, С.С. Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / С.С. Безруков. – М., 2016. – 57 с.
2. Божьев, В.П. Конституционные принципы уголовного процесса // Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. – 630 с.
3. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве : хрестоматия: в 3 ч. / сост. И.В. Смолькова. – М., 2012. – Ч. 2. – 688 с.
4. Вилкова, Т.Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / Т.Ю. Вилкова. – М., 2022. – 44 с.
5. Гриненко, А.В. Теоретические основы учения о принципах уголовного судопроизводства / А.В. Гриненко // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : материалы IV международной конференции 5-6 апреля 2016 г. (г. Москва). – М., 2016. – 492 с.
6. Инако, Ц. Современное право Японии / Цунэо Инако ; пер. с яп. В.В. Батуренко. – М., 1981. – 269 с.
7. Поляков, М.П. Предисловие / М.П. Поляков // Томин, В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство : монография / В.Т. Томин. – Нижний Новгород, 2007. – С. 4-7.
8. Поляков, М.П. Предисловие / М.П. Поляков // Томин, В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – М., 2009. – С. 8-12.
9. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1970. – Т. 2. – 516 с.
10. Томин, В.Т. «Права и свободы человека» – большой блеф XX века (уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом) / В.Т. Томин // Избранные труды. – Омск, 2004. – 148 с.

11. Томин, В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство : монография / В.Т. Томин. – Нижний Новгород, 2007. – 80 с.
12. Томин, В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – М., 2009. – 376 с.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. – М., 2004. – 815 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (проект) // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня принятия и введения в действие) : сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной, В.Н. Плигина. – М., 2006. – 847 с.
15. Якимович, Ю.К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2003. – 297 с.

УДК 343.9

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_25

Олег Павлович ГРИБУНОВ,
первый проректор — проректор по научной работе
Байкальского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
gribunov@mail.ru

Артем Сергеевич АГАФОНОВ,
научный сотрудник отдела научной информации,
издательской деятельности
и библиографического обеспечения
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
agafonov_1990@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ИЗМЕНЕНИЕМ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

FEATURES OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES RELATED TO THE CHANGE OF MARKING DESIGNATIONS OF VEHICLES

Концепт обеспечения и проведения полной, всесторонней и объективной последовательной проверки подразумевает важную многоступенчатую работу следственных подразделений и органов дознания. Одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов в ходе последовательной проверки является процессуальное решение вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела (либо отказа) на досудебной стадии уголовного судопроизводства. В статье на основе анализа правоприменительной практики систематизированы основные поводы для возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств. Также с целью принятия обоснованного правового решения и повышения эффективности расследования указанных уголовных дел определен алгоритм первоочередных действий следователя (дознателя), органа дознания при рассмотрении сообщения о преступлении исследуемой направленности.

The concept of ensuring and conducting a complete, comprehensive and objective pre-investigation check implies an important, multi-stage work of investigative units and bodies of inquiry. One of the priorities of law enforcement agencies in the course of pre-investigation verification is the procedural solution of the issue of the need to initiate a criminal case (or refusal) at the pre-trial stage of criminal proceedings. In the article, based on the analysis of law enforcement practice, the main reasons for initiating criminal cases on crimes related to changing the marking designations of vehicles are systematized. Also, in order to make a reasoned legal decision and increase the effectiveness of the investigation of these criminal cases, we will determine the algorithm of priority actions of the investigator (inquirer), the body of inquiry when reviewing a report on a crime of the investigated orientation.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, маркировочные обозначения транспортных средств, сообщение о преступлении.

Keywords: initiation of a criminal case, marking of vehicles, reporting of a crime.

В УПК РСФСР стадия возбуждения уголовного дела получила формальное закрепление в 1925 г. в качестве обязательного элемента производства по любому уголовному делу [16, с. 194]. Вместе с тем в современной литературе продолжается дискуссия по вопросу о ее реформировании. В частности, предлагаются принципиальные изменения с исключением из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовного дела [7, с. 16] и, соответственно, исключением ст. 148 УПК РФ, на основании которой предоставляется право на отказ в возбуждении уголовного дела. Так, главной темой, стречнем научных исследований и научного интереса Б.Я. Гаврилова следует признать стадию возбуждения уголовного дела, которой вот уже на протяжении многих лет уделяет внимание профессор как на страницах научной печати, так и выступая с докладами на научно-представительских мероприятиях международного и всероссийского уровней. Надо отметить, что уже с 2000-х гг. Б.Я. Гаврилов предметно занялся освещением этого вопроса на страницах научной печати [2, с. 48-51; 3, с. 32-35; 4, с. 28-33; 5, с. 7-9]. Действительно, в настоящее время как среди ученых, так и в кругу практических работников усиливает влияние точка зрения «о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела» [6, с. 337].

Исследователи, отстаивающие эту идею, считают, что существующие нормы негативно влияют на уголовно-процессуальное реагирование по факту совершенного преступного деяния, полноту учета и регистрации преступлений (искажение данных уголовно-правовой статистики), ограничивают конституционные права граждан на доступ к правосудию, что в целом отрицательно сказывается на работе ОВД по эффективной борьбе с преступностью и порождает недоверие населения и т.д.

В то же время популярным является и противоположное мнение. Так, по мнению

Ю.А. Ляхова, отказ от стадии возбуждения уголовного дела был бы явно ошибочным и имел бы серьезные негативные следствия [14, с. 117].

Сегодня можно констатировать, что возбуждение уголовного дела служит обязательным элементом уголовно-процессуальной деятельности, самостоятельной стадией, направленной на быстрое и полное раскрытие преступления, ее содержание регламентировано уголовно-процессуальным законодательством.

Следует согласиться с А.Ю. Головиным, что сразу после получения сообщения или заявления о каком-либо событии, которое содержит признаки совершенного преступления, следователь (дознатель) может применять относительно данного вида преступления специально разработанные рекомендации по расследованию, кроме того, и в ходе возбуждения уголовного дела. Вместе с тем при расследовании уголовного дела следователю (дознателю) необходимо рассмотреть версию о природе непреступной картины произошедшего события [8, с. 190] (в нашем случае, например, непреднамеренное уничтожение или повреждение маркировочных обозначений в ходе ремонта (кузовных работ) транспортных средств (далее – ТС)).

Анализ правоприменительной практики позволил систематизировать основные поводы для возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств (далее – МО ТС):

- сведения, поступившие от сотрудников МРЭО (РЭО) ГИБДД вследствие исполнения ими должностных обязанностей при регистрации (снятии с учета) ТС (рапорты, акты о выявленных признаках подделки номерных агрегатов ТС и др.);

- сведения, поступившие от сотрудников ДПС ГИБДД (в том числе осуществляющих розыск похищенных автомобилей);

- рапорты иных сотрудников ОВД (в том числе составленные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий) об обнаружении признаков (следов) изменения маркировочных данных;

- сведения от лиц, производящих государственный технический осмотр ТС;
- сведения из офисов автомобильных страховых компаний (ОСАГО, КАСКО и др.);
- сообщения от таможенных органов;
- заявления и письма от частных лиц, осуществляющих сделку по приобретению (продаже) ТС;
- заявления от работников автосервисов, автомастерских непосредственно осуществляющих ремонт ТС;
- сведения из учреждений, производящих независимые экспертизы;
- данные из материалов расследования другого уголовного дела;
- заявления от сотрудников автосалонов – официальных автодилеров (например, в ходе обмена автомобиля по программе Trade-in производится обязательная проверка всех документов и их соответствия номерным агрегатам). Отметим, что теперь автосалоны, включенные в специальный реестр организаций, будут наделены полномочиями осуществлять регистрацию новых автомобилей;
- сообщение о совершенном [12, с. 51] или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

К наиболее распространенным основаниям для возбуждения уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений выступают сведения: о предмете преступного посягательства, о событии преступного деяния (место, время, способ совершения преступления) [подр.: 1, с. 29-40].

Нельзя игнорировать тот факт, что при принятии решения о возбуждении уголовного дела требует учета положения не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и иные многочисленные источники, в частности ведомственные нормативные правовые акты [подр.: 11, с. 345]. Нет сомнений в том, что это имеет прямое отношение и к рассматриваемым нами преступлениям. Считаем, что организационно-тактическая особенность возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с изменением МО ТС, заключается в комплексном (всестороннем) анализе нормативных правовых актов, регулирующих отношения

(как прямо, так и косвенно) в сфере маркирования, государственной регистрации и правомерной эксплуатации ТС. Такой анализ должен осуществляться на постоянной основе в силу высокой динамичности нормативной основы.

Перед началом производства уголовного преследования субъекту расследования необходимо установить и указать, какие конкретно нормативные правовые акты были нарушены и какими нормативными документами регламентированы действия по проведению предварительной проверки. Помимо нормативных правовых актов следователи (дознаватели) должны знать и при необходимости руководствоваться и нормативной технической документацией, которая содержит сведения о стандартах. Такая документация, как отмечает Е.В. Чеснокова, широко применяется в экспертной деятельности, значительно воздействуя на методику исследования вещественных доказательств [15, с. 240].

Следы изменения МО чаще всего выявляются сотрудниками МРЭО (РЭО) ГИБДД при постановке (регистрации) и снятии с учета ТС, так как осуществлению данных государственных услуг непременно предшествует сверка фактических номерных агрегатов с номерами, указанными в паспорте ТС, выданном заводом-изготовителем (производителем), таможенными органами либо иными уполномоченными органами. Следует учитывать высокую ответственность, которой сопровождается осуществление соответствующих действий должностными лицами МРЭО ГИБДД. Допущенные ими нарушения могут влечь самые серьезные последствия, включая уголовную ответственность. Так, гр. Р., будучи должностным лицом – начальником РЭО ГИБДД, совершил халатность, которая способствовала существенному нарушению прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, а именно: не провел надлежащим образом визуальный осмотр ТС Toyota Highlander и не выявил факт предоставления для регистрации документов, содержащих недостоверную информацию (в паспорте ТС указано, что номер двигателя отсутствует, а фактически

номер имелся). Кроме этого из заключения эксперта N -Э/5038-16 следует, что идентификационный номер (VIN-код) автомобиля подвергался изменению. То есть Р. совершил неправомерную регистрацию ТС с измененными МО. В ходе расследования уголовного дела установлено, что данное ТС ранее было похищено неустановленными лицами и значилось в розыске. Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ¹.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела не следует исключать того, что соответствующие должностные лица могут находиться в сговоре с преступниками. Кроме того, следует учитывать, что один человек может осматривать в день более 50 автомобилей, при этом согласно регламенту на осмотр одного автомобиля может уходить не более 20 минут. Если идентификационная маркировка изменена правонарушителями, имеющими высокий уровень квалификации, выявление таких изменений может оказаться весьма сложной задачей, что подтверждается высокой латентностью исследуемых преступлений.

В отдельных случаях изменения МО ТС выявляются сотрудниками ДПС ГИБДД при их осмотре (в основном на стационарных постах при проверке по ориентировке или при объявлении плана «Перехват», а также в рамках рейдовых мероприятий и спецопераций) или же – в редких случаях – лицами, производящими государственный технический осмотр (к сожалению, указанные лица не всегда обладают даже минимальным набором специальных знаний по выявлению поддельной маркировки). Также следы и признаки изменения маркировки могут быть обнаружены и иными сотрудниками ОВД (ППС, участковыми уполномоченными, сотрудниками уголовного розыска и т. д.), таможенными органами, частными лицами (например, при покупке автомобиля в ходе его осмотра) и др.

Изучение уголовных дел по исследуемым преступлениям показало, что сотрудники

ГИБДД (в отдельных случаях следователи, дознаватели) далеко не во всех случаях правильно ориентируются в применяемых нормативных правовых актах, что негативно сказывается не только на раскрытии и расследовании, но и на предотвращении такого рода преступлений. Например, 2 марта 2019 г. старший государственный инспектор МРЭО ГИБДД МВД по Республике Хакасия при обнаружении признаков демонтажа маркируемой панели ТС составил акт изъятия, руководствуясь в том числе приказом МВД России от 24.11.2008 N 1001, который на тот момент уже довольно продолжительное время как утратил силу². Кроме того, не был указан приказ МВД России от 17.02.1994 N 58 (на тот период в действующей редакции), в соответствии с которым ранее составлялся акт (приложение N 2 к Инструкции) о выявленных признаках изменения МО.

Залогом успешного расследования преступлений являются своевременная, качественная и полноценная проверка первоначальных материалов на стадии возбуждения уголовного дела, привлечение при необходимости дополнительных сил и средств, а также «реализация арсенала уголовно-процессуальных средств» [17, с. 809]. В этой связи с целью принятия обоснованного правового решения и повышения эффективности расследования рассматриваемых нами уголовных дел определим алгоритм первоочередных действий следователя (дознавателя), органа дознания при рассмотрении сообщения о преступлении.

1. Изучить нормативные правовые акты и нормативно-технические материалы, регулирующие деятельность по маркированию, регистрации и эксплуатации ТС. Данные материалы также помогут овладеть необходимым терминологическим аппаратом.

2. Получить объяснения от владельца и лиц, управляющих (и по возможности – ранее управлявших) ТС. Необходимо учитывать, что некоторые законопослушные граждане даже не представляют, что на их автомоби-

1 Приговор Приволжского районного суда Астраханской области от 09.03.2017 по делу N 1-12/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

2 Уголовное дело N 1190195001000887/2019 // Архив отдела дознания Управления МВД России по г. Абакану.

ле были изменены МО прежним владельцем. Также целесообразно изучить образ жизни собственника ТС и его возможные связи. Выяснить, не является ли он работником автосервиса (автомастерской и т.д.). Если является, то осуществить опрос вероятных свидетелей (других работников) и изъять записи с камер видеонаблюдения. Данная информация поможет подтвердить (или опровергнуть) следственную версию об изменении МО в данном автосервисе, а также выработать тактику допроса с подозреваемым. Выяснить, попадало ли ТС в дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП), так как из-за этого МО могут иметь повреждения. Также необходимо проверить владельца и лиц, управляющих ТС, на судимость. Особый оперативный интерес будут представлять лица, ранее судимые за преступления, предусмотренные ст. 326, 327, 158, 159, 166 УК РФ.

3. Провести осмотр ТС (уделяя внимание не только маркировке, но и иным материальным следам), регистрационных документов и осмотр места происшествия (если, например, известно предположительное место изменения МО, в данном случае также необходимо провести осмотр оборудования и специальных приспособлений, с помощью которых производилось изменение номерных данных). К осмотру целесообразно привлекать сотрудника экспертно-криминалистического подразделения с целью получения более качественной доказательственной информации. При невозможности привлечения к осмотру специалиста или эксперта необходимо получить от них соответствующие консультации и изучить специальную литературу по особенностям распознавания характерных признаков изменения МО ТС.

4. Отправить регистрационные документы на технико-криминалистическое исследование, а ТС – на исследование МО. Если предварительное исследование показало, что ТС имеет характерные признаки (следы) изменения идентификационной маркировки, то возбуждается уголовное дело по ст. 326 УК РФ (если признаки подделки регистрационных документов – по ст. 327 УК РФ). После этого ТС направляется на экспертизу

(автотехническую или комплексную), где производится более детальное исследование, в противном случае (при неустановлении признаков) выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Отметим, что на практике встречались случаи, когда предварительное исследование показало неправомерное изменение маркировки, а на основании заключения судебной экспертизы установлено, что маркировочные данные получили повреждение в результате ДТП. В этой связи с целью снижения временных и материальных затрат считаем целесообразным сразу назначать производство судебной экспертизы. К сожалению, в практической деятельности это не всегда реализуемо ввиду большой загруженности экспертов и их низкой штатной численности. Кроме того, судебную экспертизу правомочен назначать только следователь (дознатель) или суд, а на практике зачастую проверкой сообщений о преступных деяниях, содержащих признаки преступлений исследуемой направленности, занимаются сотрудники уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции сотрудники ГИБДД.

5. Проверить ТС по всем имеющимся автоматизированным базам данных («Автокод», ЕАИСТО и др.) и в обязательном порядке по базам данных ГИБДД МВД России. В подразделениях Госавтоинспекции имеется автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС), которая функционально разделена на обособленные подсистемы: «Розыск», «Учет АМТС», «Учет ВУ», «Учет ДТП», «Административная практика» и др. Проверка по базам данных ГИБДД позволяет получить: основные сведения о ТС и периодах его регистрации за различными собственниками, данные о ДТП с начала 2015 года, сведения о федеральном розыске ТС правоохранительными органами, информацию о наличии ограничений на регистрационные действия.

6. Дать поручение сотрудникам оперативных подразделений о проведении необходимых оперативно-розыскных мероприятий (или провести самому в случае проверки сообщения о преступлении оперативным сотрудником). Это могут быть:

– опрос (собственника ТС, вероятных свидетелей, лица, обнаружившего изменение маркировочных данных, иных лиц, которые могут обладать криминалистически значимой информацией);

– наведение справок (посылаются запросы в подразделение, выдавшее ПТС, таможенные органы, структурное подразделение МРЭО ГИБДД по месту предыдущей регистрации или снятия с учета ТС и др.). Помимо того, делаются соответствующие запросы в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России в целях взаимодействия с правоохранительным агентством Европейского союза для возможного установления факта розыска ТС на территории иного государства. Данные действия уместны, если посредством экспертного исследования установлена первоначальная идентификационная маркировка. Теперь является актуальным представление запроса на получение выписки из государственного реестра ТС, содержащего расширенный и сокращенный перечень информации о ТС. Запросы в различные подразделения могут отправляться самим следователем или дознавателем;

– исследование предметов и документов (ПТС, свидетельства о регистрации ТС, таможенной декларации, таможенного приходного ордера, договора купли-продажи, бланка страхового полиса и т.д.);

– наблюдение (например, за лицами, представляющими оперативный интерес);

– обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и ТС (гаражей, автосервисов, автомастерских, станций технического обслуживания, помещений, в которых подделывались регистрационные документы на ТС и т.д.).

7. При установлении признаков изменения идентификационной маркировки вынести постановление о помещении ТС на ответственное хранение на стоянку или специально оборудованную площадку (штрафплощадку) до выяснения обстоятельств уголовного дела, так как возврат вещественного доказательства (ТС) может повлечь его утрату. В практической деятельности имеют место случаи, когда ТС передается лицу, у которого оно

было изъято, на хранение под расписку, с запретом эксплуатации и регистрационных действий. Однако не совсем ответственные владельцы это ТС перепродают или разукомплектовывают [13, с. 118].

Также в рамках возбужденного уголовного дела ТС может изыматься выемкой (обычно происходит добровольная выдача).

Своевременная и эффективная реализация этих и иных (в зависимости от ситуации) процессуальных действий позволит объективно, всесторонне и в полной мере провести исследование, анализ и оценку фактических данных, содержащихся в первичных материалах проверки сообщения о преступлении, связанном с изменением МО ТС, по результатам которых субъект проверки сможет вынести обоснованное процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или постановление об отказе в возбуждении.

Если же при проверке первичных материалов не установлено неправомерное изменение идентификационной маркировки, то в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела следует указать разрешение на регистрационные действия с выдачей (через регистрационно-экзаменационное отделение ГИБДД) дубликатов регистрационных документов. В свидетельство о регистрации ТС в разделе «Особые отметки», а также в книгу регистрации (автоматизированном банке данных) вносятся соответствующие записи. В подразделении ЭКЦ МВД России делается фотография места идентификационной маркировки размером 50x15 мм и затем вклеивается в карточку учета автотранспорта [9, с. 113].

Условием эффективной работы по проверке сообщений о рассматриваемых преступлениях служит своевременное формирование полноценной следственно-оперативной группы, обязательно включающей помимо следователя (дознавателя), оперативного сотрудника, участкового уполномоченного полиции сотрудника экспертно-криминалистического подразделения (специалист или эксперт).

Таким образом, процесс поисково-познавательной деятельности следователя (дозна-

вателя), включающий в себя аспекты «версионного мышления, версионного анализа и моделирования» [подр.: 10], при проверке сообщения о преступлении, связанном с изменением МО ТС, должен предусматривать использование всего комплекса необходимых на данной стадии следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных действующим законодательством и направленных на сбор и изъятие криминалистически значимой информации. Следует признать, что от качества материалов, полученных на этапе проверки сообщения, от результатов процессуальных и следственных действий данного первоначального этапа зависит, будет ли уголовное дело в установлен-

ные сроки направлено в суд для рассмотрения по существу либо приостановлено, что в известной степени оценивается крайне негативно при оценке эффективности деятельности правоохранительных органов. Именно поэтому на этапе возбуждения уголовного дела следователем (дознавателем), оперативным сотрудником, экспертом-криминалистом должны быть предприняты исчерпывающие меры по формированию доказательственной базы, так как зачастую несвоевременное документирование криминалистически значимой информации влечет ее безвозвратное уничтожение, в том числе при осуществлении противодействия расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых).

Библиографический список

1. Агафонов, А.С. Способ совершения преступления как системообразующий элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств / А.С. Агафонов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – N 2(36). – С. 29-40.
2. Гаврилов, Б.Я. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и правоприменительной практике? / Б.Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2006. – N 8. – С. 48-51.
3. Гаврилов, Б.Я. К вопросу о возбуждении уголовного дела / Б.Я. Гаврилов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – N 7. – С. 32-35.
4. Гаврилов, Б.Я. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2010. – N 3 (15). – С. 28-33.
5. Гаврилов, Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела / Б.Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. – 2010. – N 2. – С. 7-9.
6. Гаврилов, Б.Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела, как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия / Б.Я. Гаврилов // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – С. 335-345.
7. Гирько, С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства / С.И. Гирько // Российский следователь. – 2010. – N 15. – С. 14-16.
8. Головин, А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : дис. ... докт. юрид. наук. – Тула, 2002. – 460 с.

9. Гольчевский, В.Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства : монография / В.Ф. Гольчевский, Н.Ю. Жигалов. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. – 122 с.
10. Грибунов, О.П. Концептуальные идеи В.Я. Колдина в криминалистике и судебно-экспертной деятельности / О.П. Грибунов, А.С. Агафонов // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – N 1.
11. Грибунов, О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 543 с.
12. Жердев, П.А. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства в целях эксплуатации или сбыта : дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2014. – 198 с.
13. Лесных, А.В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – 216 с.
14. Ляхов, Ю.А. Предложения законодателю не должны быть оторваны от жизни, практики / Ю.А. Ляхов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2016. – N 2. – С. 115-118.
15. Чеснокова, Е.В. Стандартизация в традиционных видах судебных экспертиз как механизм решения диагностических задач / Е.В. Чеснокова // Вестник экономической безопасности. – 2019. – N 2. – С. 240-245.
16. Чиненов, Е.В. Особенности возбуждения уголовных дел по экономическим преступлениям в сфере железнодорожного транспорта / Е.В. Чиненов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – N 1. – С. 194-199.
17. Шурухнов, Н.Г. Следователь как субъект использования специальных знаний и собирания доказательств в противодействии преступности / Н.Г. Шурухнов, И.В. Смолькова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – N 5. – С. 808-815.

Любовь Андреевна ПУПЫШЕВА,
профессор кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
lyuba-shabalina@yandex.ru

**МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ,
ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ОСУЖДЕННЫМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА
(ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА)**

**MEASURES OF PROCEDURAL COERCION,
APPLIED TO CONVICTED PERSONS WHILE EXECUTING A SENTENCE
(GENERAL CHARACTERISTICS, APPLICATION PRACTICE, LEGAL NATURE)**

В статье подвергаются исследованию меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Отмечается пробельность нормативного регулирования оснований и порядка их применения, ввиду которой суды вынужденно прибегают к аналогии закона. Обращается внимание на межотраслевой характер, а также рассогласованность положений кодифицированных актов, положения которых регламентируют судебную деятельность по делам об исполнении приговора. Автор анализирует оставшиеся без внимания законодателя, но востребованные правоприменительной практикой вопросы применения мер принуждения к осужденным, в отношении которых ведется производство о замене наказания в случае злого уклонения от отбывания наказания, предлагает пути их разрешения. Аргументировано, что законоположения, определяющие процессуальный порядок задержания и заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, не распространяются на уголовно-исполнительное судопроизводство.

Measures of procedural coercion applied to convicts in the proceedings to consider and resolve issues related to execution of a sentence are examined in the article. The author notes the gaps in the normative regulation of the grounds and the procedure for their application, due to which the courts are forced to resort to the analogy of the law. Attention is drawn to the intersectoral nature, as well as the inconsistency of the provisions of codified acts regulating judicial activities in cases of execution of sentences. The author analyzes the issues of the application of coercive measures to convicts, which are overlooked by the legislator, but are in demand in law enforcement practice, in respect of which proceedings are conducted on the replacement of punishment in case of malicious evasion from execution of a sentence, and suggests ways to resolve them. The author gives reasons that the legal provisions defining the procedural order for the apprehension and detention of suspects and accused of committing a crime do not apply to penal proceedings.

Ключевые слова: исполнение приговора, меры процессуального принуждения, злостное уклонение от отбывания наказания, замена наказания, заключение под стражу осужденного, задержание осужденного.

Keywords: execution of a sentence, measures of procedural coercion, malicious evasion from serving a sentence, substitution of punishment, detention of a convicted person, apprehension of a convicted person.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, с точки зрения качества правового регулирования является наиболее проблемным среди всех уголовно-процессуальных производств. В частности, предусматривая возможность применять в данном производстве меры принуждения, законодатель крайне непоследовательно подошел к нормативной регламентации порядка их избрания и применения. При этом в немногочисленных законоположениях отсутствуют легально определенные основания, условия и порядок применения мер принуждения к осужденным, в отношении которых компетентными учреждениями или органами внесены представления об изменении уголовно-правового воздействия (о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания). Другими словами, действующее законодательство фактически не предусматривает правовых средств пресечения противоправных действий участников уголовно-исполнительного судопроизводства¹, обеспечения явки осужденного в судебное заседание. Очевидно, что такой критический дефицит правовых предписаний вынуждает правоприменителя использовать по аналогии нормы раздела IV УПК РФ, предназначенного для производства по уголовному делу (основного уголовно-процессуального производства).

В теории и науке уголовного процесса особенности применения мер принуждения при исполнении приговора в разной степени получили освещение в работах проф. В.В. Николюка [13; 16-19], Б.Б. Булатова, С.И. Вершининой, К.В. Муравьева, А.Б. Диваева, Л.В. Ложкиной [2-6; 9-12] и других авторов. Исследователи справедливо отмечают, что «меры пресечения, применяемые к осужденным в стадии исполнения приговора, преследуют иные цели – это прекращение противоправного поведения осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Здесь

специфичны не только цели и порядок принудительного воздействия, субъект принуждения, но и сфера применения мер пресечения – стадия исполнения приговора» [7, с. 31].

Меры принуждения, применяемые в уголовно-исполнительном судопроизводстве, имеют принципиальные отличия от мер, установленных упомянутым разделом УПК РФ. Их ключевая особенность состоит в межотраслевой нормативной регламентации – наряду с нормами уголовно-процессуального закона в механизм их правового регулирования включены нормы уголовно-исполнительного законодательства. Подчеркнем, что в основном производстве меры процессуального принуждения применяются в отношении достаточно широкого круга участников (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и др.), в уголовно-исполнительном судопроизводстве они распространяются только на лицо, в отношении которого оно ведется (осужденного).

Для производства по делам об исполнении приговора УИК РФ и УПК РФ предусматривают две меры процессуального принуждения – задержание и заключение под стражу осужденного. При этом указанные правовые инструменты обеспечения надлежащего поведения осужденного и пресечения его противоправных действий предусмотрены исключительно для случаев замены определенных видов наказаний² на лишение свободы в случае злостного уклонения от их отбывания. В остальных случаях, например в производстве по представлениям об отмене условного осуждения, отмене условно-досрочного освобождения, их применение к осужденным незаконно.

Сразу оговоримся, что основания для задержания подозреваемого и избрания меры пресечения, установленные соответственно ст. 91 и ст. 97 УПК РФ, не пригодны для уголовно-исполнительного судопроизводства, поэтому при применении мер принуждения по делам о замене наказания у судов оста-

1 Данным термином нами обозначается самостоятельное особое уголовно-процессуальное производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, предусмотренное гл. 47 УПК РФ. Также в качестве тождественного используется понятие «производство по делам об исполнении приговора».

2 К их числу относятся штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы.

ся только один вариант – использовать положения уголовно-исполнительного законодательства. С определенной долей условности можно предположить, что фрагментарное указание на соответствующие основания содержатся в п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ.

Несмотря на то, что для производства по делам о замене наказания в качестве мер принуждения законом предусмотрены только задержание и заключение под стражу осужденного, в соответствующей сфере правоприменения встречаются случаи использования других мер. Например, по делам о замене наказания на лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении имеет место избрание судами в отношении осужденных меры пресечения в виде подписки о невыезде, установленной ст. 102 УПК РФ. В подобных случаях идет речь о применении судами закона по аналогии. Однако из системного толкования положений гл. 13 УПК РФ с очевидностью следует, что она может быть избрана исключительно в отношении преследуемого лица (обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления), исходя из чего нормативно установлены основания и условия ее применения. Можно предположить, что, принимая такое решение, суд руководствуется необходимостью обеспечения правомерного поведения осужденного. В данном случае – его явки для получения предписания и дальнейшего следования в колонию-поселение для отбывания наказания.

Кроме того, в уголовно-исполнительном судопроизводстве востребованной правоприменительной практикой является иная мера процессуального принуждения – привод (ст. 113 УПК РФ). При этом вопрос о том, выступает ли цель применения иных мер процессуального принуждения, сформулированная законодателем в ч. 1 ст. 111 УПК РФ, основанием для их применения в производстве, предусмотренным гл. 47 УПК РФ, является открытым и по меньшей мере дискуссионным при том, что в уголовно-процессуальной теории предпринимались попытки выявить специфику применения указанной меры в производстве по делам об исполнении приговора [5].

Если допустить здесь возможность применения принудительного доставления лица в суд в случае его неявки без уважительных причин (привода), то необходимо учитывать, что, во-первых, он не может использоваться должностными лицами ФСИН России для осуществления контроля за осужденными; во-вторых, адресатом указанной меры фактически может быть только осужденный; в-третьих, привод может применяться исключительно для обеспечения явки осужденного в суд.

Характеризуя состояние правового регулирования мер принуждения, применяемых в уголовно-исполнительном судопроизводстве, следует обратить внимание не только на его межотраслевой (комплексный) характер и пробельность, но и на противоречивость норм УПК РФ и УИК РФ, в результате чего «задержание» и «заключение под стражу» смешиваются и отождествляются друг с другом. Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает основания для задержания осужденного (здесь и далее выделено мною. – Л.П.) без учета существенных признаков задержания в его конституционном и уголовно-процессуальном смысле (неотложность и относительная кратковременность), обуславливающих порядок его применения в производстве по уголовному делу. Кроме того, задержание подозреваемого применяется для установления причастности лица к совершению преступления и решения вопроса о необходимости применения меры пресечения, то есть задержание всегда предшествует заключению под стражу. Из этого с очевидностью следует, что различия между задержанием осужденного при исполнении приговора и задержанием подозреваемого (в контексте их сущности и назначения) далеко не ограничиваются степенью и временем ограничения конституционных прав личности.

О правовой природе задержания осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, наиболее четко высказался проф. В.В. Никулюк, указавший, что предусмотренное УИК РФ задержание осужденных является самостоятельным, наряду с

уголовно-процессуальным и административным (полицейским), видом задержания, имеющим уголовно-исполнительный характер; его цель – пресечь уклонение осужденного от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного ранее наказания более строгим, отмене отсрочки отбывания наказания осужденным, больным наркоманией [15, с. 161]. В пользу такого подхода свидетельствует и то, что нормы именно уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17, ч. 6 ст. 75.1, ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ) составляют правовую основу задержания осужденного при исполнении (включая продление судом срока задержания осужденных).

Однако в доктрине аргументирована иная точка зрения, согласно которой задержание осужденного является разновидностью уголовно-процессуального задержания и, соответственно, подлежит законодательному оформлению в УПК РФ [8; 10; 21].

Как уже было отмечено ранее, по делам об исполнении приговора задержание и заключение под стражу осужденного используются для обеспечения его явки в судебное заседание. Причем легально предусмотрен как общий срок задержания (до 48 часов), так и возможность продления судом указанного срока на достаточно длительный период – до 30 суток. При этом закон, наделяя суд таким полномочием, не определяет конкретных обстоятельств, которые надлежит учитывать при продлении срока задержания, что ставит под сомнение законность и обоснованность содержания осужденного в таких случаях под стражей.

В соответствующих нормах УИК РФ одновременно предусмотрены и продление 48-часового срока задержания осужденного до 30 суток, и заключение осужденного под стражу на тот же срок. В УПК РФ при этом

говорится о заключении под стражу осужденного.

Сопоставляя содержание законоположений УИК РФ и УПК РФ, предусматривающих изоляцию задержанного осужденного по решению суда до 30 суток, В.В. Николюк справедливо обращает внимание на наличие проблемы выбора надлежащей судебной процедуры задержания (ареста) и исчисления предельного срока нахождения осужденного под стражей до рассмотрения в суде представления о замене наказания, резюмируя, что предпочтение должно быть отдано варианту, согласно которому в законе надлежит предусмотреть задержание осужденного на срок до 48 часов и заключение под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания, – на срок до 30 суток [14, с. 117, 126]¹.

Некоторыми исследователями обосновывается противоположная точка зрения, состоящая в том, что применительно к п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ правильнее вести речь о продлении срока задержания осужденного, аргументируя ее тем, что заключение под стражу является мерой уголовно-процессуального пресечения, применяемой к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступлений, а в данном случае лицо, уклоняясь от отбывания уголовного наказания, никакого преступления не совершает [21, с. 298].

Отметим также, что в законе нет указания на субъекты, уполномоченные применять меры процессуального принуждения в отношении осужденных. Обозначенные пробелы правового регулирования и связанные с ними проблемы правоприменительной практики осложняются необходимостью определения границ и пределов регулирования соответствующих правоотношений конкурирующими кодифицированными актами (УПК РФ и УИК РФ). Если говорить о задержании подозреваемого, то властные участники уголовного процесса, уполномоченные на его

1 Аналогичную точку зрения по данному поводу обосновывают О.П. Александрова и Л.Ю. Буданова. Авторы полагают, что задержание по истечении 48 часов не продлевается, а в отношении осужденного судом решается вопрос о заключении под стражу, в связи с чем необходимо провести корректировку в этой части норм УИК РФ и УПК РФ в пользу последних: исключить из ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 50 УИК РФ фразу о продлении судом срока задержания до 30 суток [1, с. 125-126].

применение, определены п. 11 ст. 5 и ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Для задержания осужденных такие субъекты в законе не оговорены.

Отдельно укажем, что юридический термин «задержание» для уголовного судопроизводства имеет особое значение, поскольку ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность задержанного лица и его содержание под стражей может продолжаться относительно длительное время (до 48 или даже 120 часов); степень правоограничения настолько велика, что содержание под стражей засчитывается в срок наказания; традиционно посредством задержания лицу придается процессуальный статус подозреваемого, предполагающий совокупность прав, достаточную для защиты от уголовного преследования (подозрения).

Оценивая законодательный подход о продлении судом срока задержания осужденного судом на срок до 30 суток, реализованный в УИК РФ, нельзя не сказать о том, что, исходя из буквального понимания конституционных установлений (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ), задержание как мера государственного принуждения носит внесудебный характер, в связи с чем отсутствует необходимость наделять суд полномочиями на задержание подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. В то же время с учетом высокой вероятности возникновения в ходе уголовного судопроизводства неординарного развития событий (прежде всего невозможности достижения целей задержания в установленный по общему правилу срок) законодатель вынужденно «привлекает» суд к продлению сроков задержания. Речь идет о ситуациях, обозначенных в п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, ч. 7. ст. 106 УПК РФ. Еще один случай продления судом срока задержания подозреваемого, обвиняемого обозначен в п. 16 постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Несмотря на регулирование уголовно-исполнительным законодательством полномочий суда на продление срока задержания осужденных, целесообразность исследования данного вопроса с точки зрения уголовного процесса обусловлена, в первую очередь, попытками ученых обосновать уголовно-процессуальную природу задержания осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, подразумевающую его законодательное оформление в УПК РФ [8; 10; 21]¹.

Задержание осужденного упомянуто в ч. 4.1 ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ, устанавливающих, что вопросы о заключении под стражу осужденного на срок до 30 суток (п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) разрешаются судом по месту задержания осужденного.

Об объективной взаимосвязи задержания и заключения под стражу осужденного свидетельствует содержание отдельных положений УИК РФ, предусматривающих продление 48-часового срока задержания осужденного до 30 суток и заключение под стражу осужденного на тот же срок, а также уголовно-процессуальных норм (п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ), использующих категорию «заключение под стражу».

Очевидно, что четкое понимание полномочий суда на продление срока задержания осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания, имеет важное сугубо прикладное значение. Формально-логическое толкование чч. 6 и 7 ст. 58, чч. 4 и 5 ст. 60.2 УИК РФ позволяет заключить, что осужденный задерживается на срок до 48 часов с последующим судебным его продлением до 30 суток; по истечении срока задержания

1 Обратим внимание читателя на то, что исследование проблем нормативного регулирования и практики применения задержания и заключения под стражу осужденного при исполнении приговора представляет особую методологическую сложность, которая не позволяет некоторым исследователям корректно интерпретировать позиции других ученых. Так, Ю.П. Якубина относит В.В. Николюка к сторонникам включения норм о задержании осужденного в гл. 47 УПК РФ [22; 23]. При этом проф. В.В. Николюк, напротив, последовательно отстаивает позицию о его уголовно-исполнительной природе и целесообразности нормативной регламентации соответствующих оснований, условий, сроков в рамках УИК РФ [6; 17; 18].

осужденный заключается под стражу еще до 30 суток, в результате чего срок содержания под стражей осужденного достигает 60 суток.

Указанное наглядно демонстрирует рассогласованность норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства о задержании и заключении под стражу осужденного¹. Обеспечить их синергичность объективно невозможно без выявления правовой природы данных мер. Отметим, что действующий УПК РФ не воспринимает задержание осужденного, регламентированное уголовно-исполнительным законодательством, в качестве «родного» правового института. В этом отношении принципиально важно отметить, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ о задержании и заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, не упоминаются судебные постановления о продлении срока задержания осужденного, акцент смещен в сторону рассмотрения представлений о заключении под стражу осужденного по месту его задержания², что дает основания считать, что предпочтение отдано п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ исключает продление срока задержания осужденного свыше 48 часов, ориентирует суды на рассмотрение представления о заключении под стражу в этот срок, что объясняет его отказ от оперирования категорией «продление срока задержания».

При совершенствовании нормативной регламентации задержания осужденного при исполнении приговора с точки зрения полномочий суда на продление его сроков, на наш взгляд, в первую очередь необходимо разрешить вопросы, имеющие практическую значимость: 1) обязан ли суд при продлении срока задержания осужденного исходить из

оставшейся неотбытой части наказания для исключения незаконного нахождения осужденного под стражей; 2) включается ли время задержания осужденного (48 часов) в 30-суточный срок, на который может быть продлен срок задержания; 3) какие обстоятельства подлежат разрешению в постановлении о продлении срока задержания; 4) какое наименование должно иметь судебное решение о помещении задержанного осужденного под стражу сверх 48-часового срока (постановление о продлении срока задержания со ссылкой на соответствующие нормы УИК РФ либо постановление о заключении осужденного под стражу со ссылкой на пп. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ).

Подчеркнем, что даже с учетом того, что в целом судами правильно понимается специфика рассматриваемой меры принуждения, реализация законоположений о заключении под стражу осужденного затруднена, прежде всего из-за неопределенности ее места в системе мер уголовно-процессуального принуждения. Укажем, что зачастую она отождествляется с арестом обвиняемых (подозреваемых), установленным ст. 108 УПК РФ, ввиду использования законодателем одинакового обозначения («заключение под стражу»), а также схожего содержания анализируемых мер (состоят во временной изоляции лица от общества с помещением в следственный изолятор), регулирования одним законодательным актом (УПК РФ).

Однако распространять на заключение под стражу положения главы 13 УПК РФ ошибочно. При более детальном исследовании оснований, условий и порядка ее применения становится очевидным, что она является самостоятельной мерой процессуального принуждения³, ориентированной на производство, предусмотренное главой 47 УПК РФ.

1 На погрешности законодательной техники, приведшие к рассогласованности норм УИК РФ о продлении 48-часового срока задержания осужденного до 30 суток и п. 18 ст. 397 УПК РФ, предусматривающего заключение под стражу осужденного на тот же срок, более 10 лет назад указал В.В. Сероштан [20, с. 18].

2 Пункты 24.1-24.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» введены постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18.12.2018 N 43.

3 Стоит сказать, что уголовно-процессуальной науке имеются комплексные монографические исследования, посвященные особенностям заключения под стражу при исполнении приговора [21].

К сожалению, правовое регулирование заключения под стражу при исполнении приговора крайне сложно назвать эффективным: отсутствуют правила определения подсудности представлений, требования к их содержанию, не установлены сроки их рассмотрения, виды принимаемых решений и особенности их апелляционной проверки. Кроме того, должным образом не регламентирован порядок судебного заседания, круг его участников и их процессуальное положение.

Эти и многие другие теоретические и практикоориентированные вопросы не «прокомментированы» в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. N 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». В таких условиях выходом из сложившейся ситуации является применение закона по аналогии. Распространяются ли нормы ст. 108 УПК РФ на производство, предусмотренное главой 47 УПК РФ, как правило, судья решает самостоятельно по своему внутреннему убеждению. Правовая неопределенность в этом вопросе приводит к применению (использованию) судьями отдельных положений ст. 108 УПК РФ, на что они прямо указывают в решениях о заключении под стражу осужденного. Так, судьи часто ориентируются на 8-часовой срок рассмотрения соответствующих представлений с момента его поступления в суд¹; исходят из того, что мировой судья по делу, по которому он постановил приговор, не уполномочен законом рассматривать представления о заключении под стражу осужденного; устанавливают 3-суточный срок апелляционного обжалования таких постановлений.

Надлежащее нормативное регулирование заключения под стражу осужденного при исполнении приговора, что предполагает определение его места в системе мер

процессуального принуждения, имеет принципиальное значение с позиций правовых последствий применения в этой части закона по аналогии. Так, распространенная в практике подмена правил главы 47 УПК РФ предписаниями ст. 108 УПК РФ приводит к вынесению решений, не соответствующих ст. 7 УПК РФ, существенному ухудшению положения осужденного вследствие ограничения возможности апелляционного обжалования им судебного постановления в срок, установленный ст. 389.4, 400 УПК РФ.

Необходимо также отметить, что УПК РФ не содержит положений, позволяющих распространить порядок и сроки рассмотрения ходатайства о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого) на заключение под стражу осужденного при исполнении приговора, что препятствует использованию здесь предусмотренной в ст. 108 УПК РФ процедуры. По этой причине не действует правило, установленное ч. 4 ст. 108 УПК РФ, то есть в уголовно-процессуальном законе отсутствует запрет решения вопроса о заключении под стражу осужденного до рассмотрения представления о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания мировым судьей.

Обратим внимание еще на одно отличие исследуемых видов заключения под стражу. Положением ч. 1 ст. 108 УПК РФ установлено формальное условие избрания данной меры пресечения – подозрение или обвинение лица в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Пункты 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ (как и другие нормы, относящиеся к заключению под стражу осужденного при исполнении приговора) подобных ограничений не устанавливают. Другими словами, осужденный может быть заключен под стражу даже в случае, если он скрывается в целях уклонения от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества (штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы).

¹ По смыслу закона вопросы, изложенные в п.п. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ, требуют безотлагательного (в пределах 48 часов, в течение которых осужденный может быть задержан) решения, суды должны рассматривать поступившие представления незамедлительно.

Кроме того, в этих случаях избрание иных мер принуждения и продление срока задержания осужденного на срок до 72 часов (по аналогии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ) законом не предусмотрено.

Таким образом, заключение под стражу осужденного (пп. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) представляет собой самостоятельную меру принуждения, специально предусмотренную для производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, имеющую отличительные цели, основания, порядок избрания и применения. Ее правовое регулирование не осуществляется положениями главы 13 УПК РФ «Меры пресечения».

Данная мера пресечения избирается судом на основании представления, органа внутренних дел либо учреждения, исполняющего наказание, в целях пресечения уклонения осужденного от исполнения приговора и обеспечения его явки в судебное заседание для рассмотрения дел о замене наказания. Максимальный срок заключения под стражу осужденного не может превышать 30 суток и ограничен возможным (в случае замены) сроком лишения свободы. Постановления о заключении под стражу осужденного обжалуются в порядке, предусмотренном главой 45.1 УПК РФ.

Библиографический список

1. Александрова, О.П. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора / О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова. – М.: Юрлитинформ, 2014.
2. Борков, В.Н. Уклонение больного наркоманией от отбывания отсроченного лишения свободы / В.Н. Борков, Б.Б. Булатов // Наркоконтроль. – 2021. – N 1. – С. 9-16.
3. Булатов, Б.Б. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования / Б.Б. Булатов, К.В. Муравьев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – N 6. – С. 23-30.
4. Булатов, Б.Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа / Б.Б. Булатов // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов N 29 : по материалам международной научно-практической конференции «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции» (г. Москва, 5-6 декабря 2019 г.). – М., 2020. – С. 21-22.
5. Булатов, Б.Б. Привод как мера обеспечения явки в судебное заседание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания / Б.Б. Булатов, В.В. Николюк // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. – Омск, 2015. – С. 140-149.
6. Булатов, Б.Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) / Б.Б. Булатов, В.В. Николюк // Уголовное право. – 2013. – N 6. – С. 96-102.
7. Вершинина, С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / С.И. Вершинина. – Тольятти, 2017.
8. Воронин, О.В. Применение мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора / О.В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. – Томск, 2006. – С. 176-179.

9. Диваев, А.Б. Природа и порядок заключения под стражу по основаниям, указанным в пп. 18 и 181 ст. 397 УПК РФ / А.Б. Диваев // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Чириков. – Новокузнецк, 2019. – С. 112-115.

10. Ложкина, Л.В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Ложкина. – Ижевск, 2007.

11. Муравьев, К.В. 20 лет совершенствования института мер пресечения: итоги и направления дальнейшего реформирования / К.В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2. – N 1. – С. 7-16.

12. Муравьев, К.В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) / К.В. Муравьев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – N 3. – С. 145–155.

13. Николюк, В.В. Задержание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы / В.В. Николюк // Уголовный процесс. – 2020. – N 10. – С. 86-91.

14. Николюк, В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения : монография / В.В. Николюк. – Орл, 2015.

15. Николюк, В.В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : научно-практическое пособие / В.В. Николюк. – М., 2018.

16. Николюк, В.В. Заключение под стражу в стадии исполнения приговора: в продолжение темы / В.В. Николюк // Уголовное судопроизводство. – 2015. – N 2. – С. 33-41.

17. Николюк, В.В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) / В.В. Николюк // Российское правосудие. – 2015. – N 7. – С. 61-81.

18. Николюк, В.В. Практика заключения под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания / В.В. Николюк // Российское правосудие. – 2018. – N 10. – С. 5-16.

19. Николюк, В.В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? / В.В. Николюк // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. – 2015. – Т. 15, – N 4. – С. 43-52.

20. Сероштан, В.В. Разрешение судом вопросов о замене наказания в случаях злостного уклонения от его отбывания и права осужденных лиц / В.В. Сероштан // Российский судья. – 2007. – N 9. – С. 16-19.

21. Цоколова, О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография / О.И. Цоколова. – М., 2008.

22. Якубина, Ю.П. Проблемные аспекты задержания осужденных, скрывающихся в целях уклонения от отбывания наказания / Ю.П. Якубина // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Орл, 2016. – С. 315-319.

23. Якубина, Ю.П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора / Ю.П. Якубина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – N 3. – С. 57-61.

Алексей Петрович ЛЫГА,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
lygaaleksei@rambler.ru

ПРОИЗВОДСТВО О НАЛОЖЕНИИ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ

PROCEEDINGS ON THE IMPOSITION OF A MONETARY PENALTY

В статье рассматриваются особенности производства о применении меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания. Особое внимание уделяется анализу процедуры его наложения, срокам и порядку исполнения решения суда. Сделан вывод о необходимости упрощения порядка применения данной меры процессуального принуждения, а также развитии ее правовой регламентации в направлении усиления принудительного потенциала и введения механизма, стимулирующего последующее правомерное поведение участников уголовного судопроизводства.

The article deals with the specifics of the proceedings on the application of a measure of procedural coercion in the form of a monetary penalty. Particular attention is paid to the analysis of the order of its imposition, the timing and procedure for the execution of a court decision. The conclusion is made about the need to simplify the procedure for applying this measure of procedural coercion, as well as the development of its legal regulation in the direction of strengthening the coercive potential and introducing a mechanism that stimulates the subsequent lawful behavior of participants in criminal proceedings.

Ключевые слова: денежное взыскание, исполнение меры принуждения, меры процессуального принуждения имущественного характера, уголовно-процессуальная санкция.

Keywords: monetary penalty, enforcement of coercive measures, measures of procedural coercion of a property nature, criminal procedural sanction.

Денежное взыскание является мерой процессуального принуждения, применяемой к участникам уголовного судопроизводства, перечисленным в ч. 2 ст. 111 и ст. 103, 105 и 333 УПК РФ, не выполнившим процессуальные обязанности. Она состоит в применении процессуальной штрафной (карательной) относительно-определенной имущественной санкции за допущенное процессуальное правонарушение [1, с. 231; 11, с. 7-8; подр.: 14, с. 39-40].

Структурные элементы состава указанного правонарушения обладают следующими

характеристиками. Объектом выступают общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. Объективная сторона выражается в противоправном поведении (действии, бездействии), состоящем в невыполнении процессуальных обязанностей, вследствие которого вред причиняется уголовно-процессуальным отношениям. Субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 18 лет. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, направленным на невыполнение обязанностей участника уголовного судопроизводства.

По мнению отдельных исследователей, деятельность по применению денежного взыскания следует рассматривать как производство, не имеющее аналогов в уголовном процессе. Ученые отмечают, что она состоит в получении в уголовно-процессуальном порядке доказательств, достаточных для применения к участнику процесса меры процессуального принуждения [7, с. 10-11]. Все же итоговое решение (о наложении денежного взыскания) основывается не только на констатации факта невыполнения процессуальной обязанности участником процесса, но и на наличии доказательств, устанавливающих юридические и фактические основания для применения меры процессуального принуждения. Последнее демонстрирует сходство производства на наложении денежного взыскания с производством о других мерах процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК РФ.

Анализ положений ст. 103, 105, 111, 117, 118, 188, 258 и 333 УПК РФ позволяет выделить три этапа производства о денежном взыскании: 1) установления оснований для применения денежного взыскания; 2) рассмотрения судом представленных материалов и вынесения судебного решения; 3) исполнения решения суда о наложении денежного взыскания.

Задача, решаемая на этапе установления оснований для применения денежного взыскания, состоит в процессуальной фиксации факта и проверке обстоятельств невыполнения участником процесса предусмотренных законом процессуальных обязанностей. Ученые обращают внимание на прямую предусмотренность оснований для привлечения участников процесса к уголовной ответственности по ст. 307, 308, 310 УК РФ и на отсутствие таковых в ч. 2 ст. 111 и в соответствующих статьях УПК РФ, определяющих содержание правового статуса конкретных участников [6, с. 139-143]. Не считая возможным согласиться с данной точкой зрения,

отметим, что указанное явление объясняется ссылочным характером диспозиции ст. 117 УПК РФ и ее взаимосвязью с иными нормами УПК РФ, определяющими перечень обязанностей конкретных участников процесса, за невыполнение которых закон позволяет наложить на них денежное взыскание.

В основе отношений органа расследования и суда с участниками процесса должны лежать законодательно предусмотренные процедуры. Только невыполнение участником судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных его процессуальным статусом и разъясненных ему в установленном порядке, создает необходимые основания для начала производства о применении денежного взыскания.

Указанным выше подходом руководствуются суды, отменяя решения о наложении денежного взыскания. Несоблюдение порядка вызова участника судопроизводства для участия в следственных и судебных действиях ими оценивается как обстоятельство, не связанное с умышленным неисполнением процессуальных обязанностей¹.

Обстоятельства, подтверждающие ненадлежащее поведение участников уголовного процесса, должны устанавливаться путем производства следственных и процессуальных действий. Так, неявка участника, вызванного в порядке, регламентированном ст. 188 УПК РФ, может фиксироваться путем оставления удостоверительной записи в корешке повестки. Причина неявки свидетеля (п. 1 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), эксперта (п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ), специалиста (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), переводчика (п. 3 ч. 4 ст. 59 УПК РФ), понятого (ч. 4 ст. 60 УПК РФ), потерпевшего (п. 1 ч. 5 ст. 42 УПК РФ), гражданского ответчика (ч. 3 ст. 54 УПК РФ) может выясняться при производстве допроса участника и других лиц, осведомленных о данном обстоятельстве.

Уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования (ч. 2 ст. 179 УПК РФ), от производства в отношении него судебной

1 Постановление Приморского краевого суда от 12.08.2019 по делу N 22-1171/2019. URL: https://sudact.ru/regular?regular-txt=®ular-case_doc=22-1171®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court_=1689795934316; (дата обращения: 06.07.2023 г.); апелляционное постановление Иркутского областного суда от 01.01.2021 по делу N 22-978/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-irkutskii-oblastnoi-sud-irkutskaja-oblast/?page=6> (дата обращения: 05.07.2023).

экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие (п.п. 2, 4, 5 ст. 196 УПК РФ), или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 202 УПК РФ), целесообразно фиксировать в протоколах ознакомления его с соответствующими постановлениями. Учитывая буквальные положения названных выше норм УПК РФ, считаем правильным согласиться с позицией А.А. Резяпова о возможности применения денежного взыскания и в отношении свидетеля за невыполнение указанных выше обязанностей [17, с. 26-27].

Документальное оформление отказа эксперта предоставить дознавателю или следователю письменное сообщение о невозможности дать заключение (ч. 1 ст. 206) предлагаем производить путем допроса в качестве свидетеля руководителя экспертного учреждения (подразделения) либо направления эксперту запроса о предоставлении информации о сроках производства экспертизы и причинах отказа в предоставлении письменного сообщения о невозможности дать заключение. Процессуальное документирование несоблюдения экспертом требований п. 1 ч. 4 ст. 57 УПК РФ возможно произвести путем допросов в соответствующем статусе участников уголовного судопроизводства, с которыми он вел переговоры без ведома органа расследования.

Убеждены, что наличие уважительной причины невыполнения участником процесса обязанностей следует считать основанием отказа от применения денежного взыскания. Причина отклоняющегося поведения участника судопроизводства подлежит обязательному установлению. Только получив сведения, достоверно указывающие на умышленный характер поведения и отсутствие уважительных причин невыполнения процессуальных обязанностей, допустимо прийти к выводу о наличии оснований для составления протокола о нарушении и направлении его в суд, а на судебных стадиях – для вынесения определения или постановления о применении данной меры принуждения.

Содержание протокола о неисполнении участником уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей достаточно внятно описано в юридической литературе [16, с. 27-28] и документах Генеральной прокуратуры¹. Развивая позиции, определенные в названных источниках, считаем необходимым указать на целесообразность отражения в протоколе информации о доказательствах, свидетельствующих об умышленном характере допущенного нарушения, отсутствии обстоятельств, освобождающих от ответственности, а также указывать в нем сведения о направляемых в суд подтверждающих материалах.

К определению уважительности причин неявки считаем правильным подойти через восприятие исторического опыта правового регулирования данного аспекта по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. К такому предлагаем относить причины, не зависящие от воли участника уголовного судопроизводства, которые он не мог преодолеть или пренебречь ими в силу высокой вероятности наступления для него негативных последствий (обстоятельства непреодолимой силы, обстоятельства личной жизни и другие факторы).

В научной литературе предлагается в случае с денежным взысканием применять порядок, состоящий в рассмотрении судом ходатайства, возбужденного с согласия руководителя следственного органа или прокурора [8, с. 130-134]. Авторы приводят аргументы о необходимости обеспечения его соответствия схожим уголовно-процессуальным процедурам применения мер принуждения.

Предлагаемый вариант изменения закона существенно усложнит порядок применения меры принуждения, добавит органу расследования необходимость составления еще минимум одного процессуального документа, а именно постановления о возбуждении ходатайства перед руководителем следственного органа или перед прокурором о даче согласия на обращение в суд для рассмотрения вопроса о наложении денежного взыскания. Кроме того, это вовлечет следователя, дознавателя

1 Основания и порядок отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания : методические рекомендации : письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.03.2004 N 36-12-04 // СПС «КонсультантПлюс».

в процедуру согласования данного решения, что в силу особенностей организационных и межведомственных отношений не окажет позитивного влияния на соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства. По этой причине мы поддерживаем позицию С.И. Вершининой, считающей, что субъектный состав участников, обладающих властными полномочиями (следователь, дознаватель и суд) при применении денежного взыскания, корректировки не требует [3, с. 317].

Этап рассмотрения судом представленных материалов и вынесения судебного решения. Рассмотрение вопроса о наложении денежного взыскания на стадии досудебного производства по уголовному делу в соответствии с ч. 3 ст. 118 УПК РФ относится к компетенции районного суда по месту производства предварительного расследования. Его деятельность можно охарактеризовать как контрольную – связанную с проверкой наличия оснований для применения данной меры принуждения [8, с. 130-134] и правоприменительную – выражающуюся в вынесении решения, обязательного для исполнения.

Особенностями судебного заседания по вопросу применения денежного взыскания, отличающими его от порядка рассмотрения ходатайств о наложении ареста на имущество, являются приглашение для участия в нем лица, в отношении которого рассматривается вопрос о мере принуждения, а также наличие альтернативного порядка, состоящего в рассмотрении существа дела в отсутствие нарушителя, не явившегося без уважительной причины. Напротив, при наличии уважительной причины неявки суд должен отложить заседание. Информирование о наличии таковой следует считать обязанностью лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении меры принуждения.

Некоторые авторы считают, что судебное заседание по вопросу наложения денежного взыскания должно проводиться по правилам ст. 125 УПК РФ. Исследователи рассматривают отношения, складывающиеся в связи с

применением денежного взыскания, как реализацию средства защиты или восстановления нарушенного права (подразумевая под субъектом, чье право нарушено, орган, в производстве которого находится уголовное дело) [2, с. 113-142]. С данным подходом сложно согласиться, поскольку порядок наложения денежного взыскания предусмотрен специальной нормой (ст. 118 УПК РФ).

Положения ст. 118 УПК РФ достаточно полно регламентируют вопросы деятельности суда по наложению денежного взыскания. В ней определены субъекты, иницирующие применение мер принуждения, разрешается вопрос о подсудности, устанавливается срок рассмотрения судом протокола о нарушении, определяются виды итоговых процессуальных решений, закрепляется возможность применения отсрочки или рассрочки исполнения решения суда на определенный срок, регламентирован порядок уведомления участников о принятом решении.

Рассматривая в судебном заседании протокол о невыполнении участником судопроизводства процессуальных обязанностей, составленный органом расследования, суд должен выполнить следующие условия: 1) исследовать доказательства, подтверждающие факт невыполнения участником процесса возложенных на него обязанностей, 2) предоставить слово всем участникам процесса, явившимся в суд, 3) выслушать и исследовать их доводы, а также представленные доказательства, 4) после чего принять решение, соответствующее закону, копии которого вручить заинтересованным лицам.

Изучение судебной практики показало, что в решениях суда не всегда указываются обстоятельства, определяющие размер применяемой санкции. Физическая невозможность произвести оплату денежного взыскания в размере суммы, установленной решением суда, например в случае нахождения участника в следственном изоляторе, не рассматривается как основание для отказа в его наложении¹.

1 Апелляционные постановления Калужского областного суда от 08.11.2019 по делу N УК-22-1447/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7UQlRycetKc/>, Оренбургского областного суда от 10.10.2018 по делу N 22-2692/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZqRc6AWl96Zp/> (дата обращения: 31.05.2023).

Высказываясь о критериях дифференциации размера денежного взыскания, авторы предлагают относить к ним характер и последствия нарушения, форму и степень вины, возможность предотвратить правонарушение, свойства уголовного дела, общественную опасность преступления, социально-экономическую обстановку в стране и в отдельно взятом регионе [15, с. 12; 18, с. 57-60]. В силу излишней абстрактности предлагаемые критерии не позволяют сформировать четкое понимание функционирования механизма правоприменения в случае нормативного закрепления указанных оснований определения размера применяемой денежной санкции. Полагаем, этим руководствуются суды, учитывающие при определении размера денежного взыскания такие аспекты, как особенности личности и имущественное положение лица, привлекаемого к ответственности¹.

Вариант развития механизма рассматриваемой меры принуждения в направлении увеличения размера денежного взыскания, например до 10 000 рублей, мы считаем вполне оправданным. Размер санкции, предусмотренной ст. 117 УПК РФ не изменялся с 2008 года. Согласно данным Росстата в 2008 г. средняя заработная плата по России составляла 17 650 рублей (сумма денежного взыскания составляла около 14% от нее). Те же показатели в 2022 г. – 60 150 рублей (или 4%)². Приведенные данные свидетельствуют, что принудительный потенциал денежного взыскания существенно снизился.

Этап исполнения решения суда о наложении денежного взыскания. Решение суда о

наложении денежного взыскания, так же как и о наложении ареста на имущество [9, с. 30-37], вступает в силу по истечении срока его апелляционного обжалования, но обращается к исполнению незамедлительно. Суд вправе установить отсрочку или рассрочку исполнения постановления на срок до 3 месяцев. Основания разграничения применения обеих преференций закон не содержит. В связи с этим в судебных решениях не приводится аргументация их предоставления.

Исполнение решения о мере принуждения обеспечивает ее реальное действие. Несмотря на это, механизм исполнения решения суда о наложении денежного взыскания содержит множество вопросов, однозначный ответ на которые закон не дает. Авторы приходят к обоснованному выводу о большей урегулированности порядка исполнения наказаний, применяемых к участникам судебного разбирательства не в уголовно-процессуальном порядке. Об этом свидетельствует и судебная практика³.

Изучение судебных решений о применении данной меры принуждения показало, что суд не устанавливает срок их исполнения⁴. Данный аспект влечет за собой множественные неувязки правового и практического характера. К ним следует относить неопределенность срока исполнения решения суда лицом, подвергнутым денежному взысканию, оснований, а также субъектов инициирования и применения мер принудительного исполнения и, следовательно, порядка их действий.

Анализ уголовно-процессуального закона и иного отраслевого законодательства⁵ не позволил выявить нормы, прямо предусма-

1 Кассационное определение Московского областного суда от 27.11.2012 по делу N 22-8441/12. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/470805741> (дата обращения: 05.06.2023).

2 Отчет Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1190-zarplata-v-rossii-po-godam>. (дата обращения: 11.06.2023).

3 О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 N 21; постановление Верховного Суда РФ от 16.03.2017 по делу N 24-АД17-1 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Постановление Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 29.06.2018 по делу N 8-12/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=12-2%2F2018®ular-lawchunkinfo=®ular-date=®ular_workflow_stage=®ular=®ular-court=regular-judge=&_id=1689785576387; апелляционное постановление Псковского областного суда от 26.07.2018 по делу N 22-446. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vz03gW3кууY1/> (дата обращения: 10.07.2023).

5 Инструкция по судебному производству в районном суде : утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 N 36 // СПС «КонсультантПлюс».

тривающие механизм решения перечисленных вопросов.

Наиболее правильным считаем формирование основ нормативной регламентации данной деятельности в УПК РФ по примеру иного отраслевого законодательства, в котором срок исполнения решения об уплате штрафа законодательно четко определен [13, с. 22-36]. Так, положениями ст. 32.2 КоАП РФ, п. 2 ст. 70 НК РФ, ст. 123 КАС РФ и ст. 31 УИК РФ установлен срок уплаты штрафов от 7 до 60 дней.

Исследователи приходят к выводу о необходимости определения в УПК РФ срока в 30 суток для добровольной уплаты денежного взыскания. Предлагается возложить функцию контроля за исполнением решения суда на орган расследования [10, с. 95-100]. Выражаем солидарность указанному предложению. Все же данных позиций очевидно недостаточно для повышения эффективности и востребованности денежного взыскания у практических работников.

Примером развитости правового регулирования исполнения решения о привлечении к ответственности за совершение правонарушения выступают положения ст. 32.2 КоАП РФ. В ней субъектом контроля определены суд, орган или должностное лицо, вынесшее постановление о привлечении к ответственности, установлены определенные сроки исполнения решения после вступления его в силу, установлены основания передачи решения для принудительного исполнения.

Вопрос о соотношении публичных и частных интересов при применении мер принуждения имущественного характера находится в неразрывной связи с субъектом принятия решения об их применении. Преследуя цели соответствия положений УПК РФ требованиям Конституции РФ, законодатель определил таковым суд. В научном сообществе сформировалась тенденция проведения исследований, обосновывающих необходимость отказа от судебного порядка применения денежного взыскания [4, с. 132; 5, с. 85-87; 6, 139-143; 12, с. 155]. Главным аргументом исследова-

телей, с которым невозможно не согласиться, выступает необходимостью упрощения процедуры применения данной меры принуждения.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в рамках действующего правового регулирования исполнение решения суда о наложении денежного взыскания представляет собой субсидиарное производство, берущее начало в сфере уголовно-процессуальных отношений, осуществляющееся в специально предусмотренном порядке и завершающееся вне уголовно-процессуального регулирования. В общеправовом смысле отношения по принудительному исполнению судебных актов обладают административным характером. Вместе с тем природа ответственности, связанной с денежным взысканием, является уголовно-процессуальной. Положения УПК РФ должны содержать установки, более детально регулирующие исполнение денежного взыскания именно в уголовном судопроизводстве.

Обязанность по контролю за исполнением решения суда считаем необходимым возложить на орган, инициировавший применение меры принуждения. Это оправдано тем, что в зависимости от стадии производства по делу орган расследования или суд являются получателем назначенной к уплате суммы денежного взыскания. Кроме того, очевидной выглядит заинтересованность такого органа в выборе и применении мер принуждения, отвечающих условиям, складывающимся в связи с производством по конкретному уголовному делу.

Анализ официальной государственной статистики показал, что в 2019-2022 гг. денежное взыскание наложено на 16 222 лица на общую сумму 22 963 465 рублей. Средний размер санкции варьировался от 960 до 1900 рублей. Субъекты, привлекавшиеся к ответственности, добровольно исполнили 25-44% решений о применении данной меры принуждения. В принудительном порядке взыскано только 15% от суммы, указанной в решениях, переданных в органы принудительного исполнения¹. По нашему мнению,

1 Отчеты формы N 4 Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019-2022 гг. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 02.07.2023).

главной причиной сложившейся практики является отсутствие правовых последствий для лиц, умышленно не исполнивших решение суда.

Считаем, что механизм воздействия на поведение участников процесса через его имущественные интересы посредством денежного взыскания следует модернизировать в направлении увеличения суммы налагаемого взыскания, а также посредством установления ответственности за повторное нарушение или умышленное неисполнение решения в установленный законом срок. Такой подход позволит воздействовать на последующее позитивное поведение участника уголовного судопроизводства.

Подводя итог, отметим, что порядок производства о денежном взыскании нуждается в модернизации. Модель его преобразования должна ориентироваться на повышение частоты применения данной меры принуждения за счет развития ее принудительного потенциала, упрощения порядка применения и совершенствования деятельности по ее исполнению.

Достижению указанной цели могут способствовать: *упрощение* процедуры наложе-

ния денежного взыскания путем наделения органов предварительного расследования полномочиями по наложению денежного взыскания в ходе предварительного расследования; *определение* субъектов контроля исполнения решения о денежном взыскании, а также иницилирующих процедуру привлечения к ответственности за его умышленное неисполнение в установленный срок или повторное умышленное неисполнение процессуальных обязанностей; *увеличение* до 10 000 рублей размера денежного взыскания, налагаемого за впервые допущенное невыполнение участником судопроизводства процессуальных обязанностей; *стимулирование* последующего правомерного поведения участника, на которого наложено денежное взыскание, путем введения более строгой имущественной ответственности (например, до 20 000 рублей) в судебном порядке за умышленное неисполнение решения о денежном взыскании или повторное умышленное невыполнение процессуальных обязанностей.

Библиографический список

1. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 320 с.
2. Васильева, З.В. Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие, цели, виды и общая характеристика / З.В. Васильева, Э.К. Кутуев // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – N 11. – С. 113-142.
3. Вершинина, С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография / С. И. Вершинина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 367 с.
4. Ветрова, Г.Н. Санкции в судебном праве : монография / Г.Н. Ветрова. – М.: Наука, 1991. – 157 с.
5. Гаас, Н.Н. Денежное взыскание: проблемы правоприменения в стадии предварительного расследования / Н.Н. Гаас // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. – 2020. – N 20-1. – С. 85-87.
6. Гараева, Т.Б. Наложение денежного взыскания: проблемы правоприменения в уголовном судопроизводстве / Т.Б. Гараева // Право и государство: теория и практика. – 2018. – N 5(161). – С. 139-143.

7. Гараева, Т.Б. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Б. Гараева. – Омск, 2021. – 203 с.
8. Ендольцева, А.А. Особенности судебно-контрольной процедуры по наложению денежного взыскания за нарушение, допущенное в ходе досудебного производства по уголовному делу / А.А. Ендольцева // Современное уголовно-процессуальное право. Уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ, Орел, 6-7 октября 2022. – Орел: Орловский институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2022. – С. 130-134.
9. Кальницкий, В.В. Порядок наложения ареста на имущество при производстве предварительного расследования (методические рекомендации) / В.В. Кальницкий, О.В. Баландюк // Законодательство и практика. – 2012. – N 2. – С. 30-37.
10. Карпова, О.В. Исполнение денежного взыскания в уголовном судопроизводстве / О.В. Карпова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – N 2(45) – С. 95-100.
11. Кузовенкова, Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.А. Кузовенкова. – Самара, 2009. – 19 с.
12. Кузовенкова, Ю.А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.А. Кузовенкова. – Самара, 2009. – 209 с.
13. Кучеров, И.И. Денежные взыскания: проблемы правовой идентификации / И.И. Кучеров // Журнал российского права. – 2013. – N 5. – С. 22-36.
14. Лыга, А.П. О правовой природе и сущности денежного взыскания / А.П. Лыга // Законодательство и практика. – N 2. – 2021. – С. 39-40.
15. Петрикин В.Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ю. Петрикин. – Краснодар, 2007. – 22 с.
16. Пилюшин, И.П. Методические рекомендации по применению к участникам уголовного судопроизводства денежного взыскания в случаях неисполнения процессуальных обязанностей / И.П. Пилюшин // Законодательство и практика. – 2011. – N 2. – С. 27-28.
17. Резяпов А. А. Применение уголовно-процессуального принуждения в отношении свидетеля при производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2016. – 31с.
18. Тutyнин И.Б. Виды нарушений, влекущие применение денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения / Тutyнин И.Б. // Российская юстиция. 2017. – N 6 – С. 57-60.

**Юлия Васильевна
ЗИНЕНКО,**

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического инсти-
тута МВД России (г. Красноярск),
кандидат медицинских наук
afrodita0601@mail.ru

**Ольга Витольдовна
СЕРГЕЕВА,**

доцент кафедры судебно-эксперт-
ной деятельности Восточно-Си-
бирского института МВД России
(г. Иркутск)
sov.ir@yandex.ru

**Дмитрий Анатольевич
ХАРЧЕНКО,**

доцент кафедры организации
судебной и правоохранительной
деятельности Восточно-Сибирского
филиала Российского государственного
университета правосудия (г. Иркутск),
кандидат юридических наук, доцент
300su@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЯЖЕСТИ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION TO DETERMINE SEVERITY OF THE HARM DONE TO HEALTH

Статья посвящена анализу пункта 27 приказа Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. N 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Авторами проведен ретроспективный анализ отчетов отдела судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы, постановлений и оформленных по результатам проведенного исследования заключений эксперта за 2018-2022 гг., обоснованы предложения о внесении изменений в ст. 195 УПК РФ и в пункт 27 анализируемого приказа.

The article is devoted to the analysis of paragraph 27 of the Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 24, 2008 N 194n «About approval of Medical criteria of determination of severity of the harm done to health of the person». The authors conducted a retrospective analysis of the reports of the Department of forensic medical examination of victims, accused and other persons of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination, as well as resolutions and expert conclusions for 2018 -2022 drawn up by the results of the study; proposals to amend Article 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and paragraph 27 of the analyzed Order are substantiated.

Ключевые слова: живое лицо, вред здоровью, судебно-медицинская экспертиза, тяжесть вреда, медицинские критерии.

Keywords: living person, harm to health, forensic medical examination, severity of harm, medical criteria.

На протяжении многих лет в России врачи – судебно-медицинские эксперты осуществляли производство судебных экспертиз тяжести вреда здоровью, не имея какого-либо нормативного документа, который бы регулировал их производство в соответствии с вступившим в силу с 1 января 1997 г. уголовным законом, в связи с чем 13 августа 2008 г. в Минюсте России был зарегистрирован приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. N 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», который завершил принятие целого пакета нормативных правовых актов, регулирующих судебно-медицинское определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

В данный пакет документов входят:

Федеральный закон от 2 февраля 2006 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»;

постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. N 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»;

приказ Минздравсоцразвития России от 24 августа 2008 г. N 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее – Приказ N 194н).

Анализ научной литературы показал, что с момента утверждения единых нормативных правовых актов, регламентирующих определение тяжести причиненного вреда здоровью, на протяжении длительного периода времени проходят дискуссии ученых по внесению изменений в медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [1; 5; 6; 16].

Обобщая проанализированные нами труды современных ученых в области судебной экспертизы, мы пришли к выводу, что, несмотря на накопленный за многие годы опыт по применению единых нормативных правовых актов, позволяющих в рамках судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) установить сте-

пень тяжести вреда, причиненного здоровью, проблемы нормативно-правового регулирования, назначения и организации производства, а также методического сопровождения данного вида медицинских экспертиз остаются [2-4; 7; 9-15].

Следует отметить, что в соответствии с п. 27 Приказа 194н степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не определяется, если:

- в процессе медицинского обследования живого лица, изучения материалов дела и медицинских документов сущность вреда здоровью определить не представляется возможным;

- на момент медицинского обследования живого лица не ясен исход вреда здоровью, не опасного для жизни человека;

- живое лицо, в отношении которого назначена судебно-медицинская экспертиза, не явилось и не может быть доставлено на судебно-медицинскую экспертизу либо отказывается от медицинского обследования;

- медицинские документы отсутствуют либо в них не содержится достаточных сведений, в том числе результатов инструментальных и лабораторных методов исследований, без которых не представляется возможным судить о характере и степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

С целью выявления проблем назначения и организации производства СМЭ по установлению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, авторским коллективом проведен ретроспективный анализ отчетов отдела судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (далее – ККБСМЭ), а также 258 постановлений, поступивших в отдел и оформленных по результатам проведенного исследования заключений эксперта за 2018-2022 гг. Анализировали материалы СМЭ, проведенных в ККБСМЭ по медицинским документам на имя потерпевшего (без очного участия потерпевшего на СМЭ).

Многолетний анализ проведенных СМЭ по установлению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в отделе

судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц ККБСМЭ свидетельствует о том, что более половины из них (51-63%) от общего количества СМЭ

производятся врачами – судебно-медицинскими экспертами без обследования потерпевшего в ККБСМЭ (только по медицинским документам на его имя) (табл.).

Таблица

Соотношение общего количества экспертиз и обследований живых лиц, экспертиз по установлению тяжести вреда здоровью и экспертиз, проведенных только по медицинским документам на имя потерпевшего (без обследования потерпевшего в ККБСМЭ) в отделе судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы за 2018-2022 гг.

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Всего экспертиз и обследований	12263	12433	12339	10629	9749
Экспертизы по установлению тяжести вреда здоровью	12118	12308	12216	10445	9598
Экспертизы по установлению тяжести вреда здоровью, проведенные только по медицинским документам на имя потерпевшего	6730 (55,5%)	7500 (61%)	7678 (63%)	5600 (53%)	4900 (51%)

Анализ экспертной практики показал, что в большинстве случаев в постановлениях зафиксировано, что потерпевший отказывается от судебно-медицинского обследования в ККБСМЭ.

Возникает вопрос: при назначении СМЭ по установлению характера и степени вреда, причиненного здоровью, требуется ли согласие потерпевшего на СМЭ? Не нарушены ли в данном случае какие-либо нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие назначение и производство данного вида медицинских экспертиз?

В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о ГСЭД) в случае, если судебная экспертиза производится в добровольном порядке, в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе.

В соответствии с п. 9.5 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закона об охране граждан) медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя допуска-

ется при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы.

На первый взгляд может показаться, что статьи двух Федеральных законов противоречат друг другу. Однако детальный анализ статей позволяет нам утверждать, что это не так. Полагаем, что из содержания ст. 28 Закона о ГСЭД следует, что на СМЭ требуется предоставление согласия лица явиться на обследование в БСМЭ. Если он отказывается от обследования в БСМЭ, экспертиза может проводиться по другим объектам (медицинские документы, материалы дела).

Так, в ст. 10 Закона о ГСЭД отмечено: «В государственном судебно-экспертном учреждении (далее – ГСЭУ) объектами исследований являются ... документы, ... а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза. Также в ГСЭУ исследования проводятся в отношении живых лиц».

Подчеркнем, в ч. 4. ст. 195 УПК РФ указано: «Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 статьи 196 настоящего Кодекса, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном

виде». Из данной нормы закона следует, что в отношении потерпевших согласие на СМЭ не требуется в целом ряде случаев, в том числе в соответствии с п. 2 ст. 196 УПК РФ, если необходимо установить «характер и степень вреда, причиненного здоровью».

Вместе с тем в п. 27 Приказа 194н содержится прямое указание на то, что степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не определяется, если «живое лицо, в отношении которого назначена судебно-медицинская экспертиза, не явилось и не может быть доставлено на судебно-медицинскую экспертизу, либо живое лицо отказывается от медицинского обследования».

К примеру, в экспертной практике довольно часто для установления вреда, причиненного здоровью закрытой черепно-мозговой травмой, представленной сотрясением головного мозга, и иными черепно-мозговыми травмами, помимо медицинских документов, отражающих информацию о характере структурных и функциональных нарушений, вызванных травмой, требуется явка потерпевшего в БСМЭ, так как привлекается врач-невролог, являющийся штатным сотрудником ККБСМЭ. Специалист изучает не только медицинские документы на имя потерпевшего, но и обследует его.

Нередки случаи, когда невозможно без обследования потерпевшего в БСМЭ установить не только степень тяжести вреда, причиненного здоровью, но и ответить на иные поставленные перед экспертом вопросы.

Проиллюстрируем это на конкретном примере отдела судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц ККБСМЭ.

16 мая 2021 г. в отдел полиции <...> г. Красноярска поступило спецсообщение в отношении гражданина Ш. Участковый уполномоченный полиции, руководствуясь ч. 2. ст. 196 УПК РФ, назначил СМЭ по установлению характера и степени вреда, причиненного здоровью, в отдел судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц ККБСМЭ (экспертиза назначается по

материалам проверки сообщения о преступлении). При этом в постановлении указано, что от судебно-медицинского обследования в ККБСМЭ потерпевший отказался (без указания причин). 8 октября 2021 г. в ККБСМЭ была проведена СМЭ по медицинским документам на имя гр-на Ш., 1990 г.р., о чем свидетельствует заключение эксперта¹.

Обстоятельства дела. В постановлении указано: «16.05.2021 в ОП N 1 МУ МВД РФ «Красноярское» поступило спецсообщение в отношении гр-на Ш., 06.05.1990 г.р., по факту получения им телесных повреждений 16.05.2021 в ночное время по адресу: <...>». Из объектов, на экспертизу представлены следующие документы: копия листа первичного осмотра пациента N 27358/С2021 из КМКБСМП от 16.05.2021, медицинская карта амбулаторного больного N 123263/A18 из КГП N 6, компакт диск на имя гр-на Ш., копия объяснения гр-на Ш.

Из представленной на СМЭ копии объяснения гр-на Ш.: «... 16.05.2021 перед ударом я стоял лицом к входу бара <...>, стоял прямо... В это время под ногами находилась брусчатка. Стоял во весь рост. После того как я почувствовал удар по голове в область правой щеки, в этот момент я увидел, как мелькнула чья-то рука и ударила моего знакомого, и я сразу же повернулся в ту сторону, то есть спиной к бару <...> и сразу же получил удар в правую часть головы (щеки), отчего по инерции упал вниз спиной и головой ударился о бордюр, который находился возле крыльца бара, и тем самым разбил голову в результате падения с высоты собственного роста, ударившись правой стороной, затылочной частью».

На СМЭ сформулированы следующие вопросы:

«1. Имеются ли у Ш. телесные повреждения, каков их характер?

2. Какова локализация телесных повреждений, механизм их образования, каким предметом (орудием) они могли быть причинены?

3. Какова давность и степень тяжести телесных повреждений?

1 Заключение эксперта (экспертиза свидетельствуемого) от 08.10.2021 N 7982 отдела судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы.

4. Могли ли возникнуть указанные телесные повреждения при падении с высоты собственного роста?».

Проанализировав представленные на СМЭ медицинские документы и копию объяснения гражданина Ш., врач – судебно-медицинский эксперт приходит к заключению, что информации, содержащейся в них, вполне достаточно для установления характера полученной потерпевшим травмы и установления степени тяжести вреда, причиненного здоровью, так как потерпевший прошел амбулаторное лечение и известна длительность расстройства здоровья (ясен исход травмы).

В заключении эксперта врач – судебно-медицинский эксперт ответил на вопросы N 1-3 так: «Анализом представленных на экспертизу медицинских документов установлено, что у гр. Ш. при обращении за медицинской помощью 16.05.2021 имелась единая закрытая черепно-мозговая травма, представленная сотрясением головного мозга и раной в левой теменной области, потребовавшей первичной хирургической обработки с наложением хирургических швов. Данная единая закрытая черепно-мозговая травма, представленная сотрясением головного мозга и раной в левой теменной области, потребовавшей первичной хирургической обработки с наложением хирургических швов, повлекла за собой временную нетрудоспособность продолжительностью до 21 дня, что, согласно пункту 8.1 раздела II приказа МЗ и СР РФ 194н от 24.04.2008, отнесено к критерию, характеризующему квалифицирующий признак кратковременного расстройства здоровья. По указанному признаку, согласно правилам «Определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (постановление правительства РФ от 17.08.2007 N 522) квалифицируется как ЛЕГКИЙ вред здоровью. Конкретно высказаться о механизме причинения данной раны не представляется возможным, так как в представленных медицинских документах не указаны ее морфологические свойства (края, концы, стенки, дно), а дана лишь ее диагностическая характеристика – «ушибленная».

Вопрос N 4 («Могли ли возникнуть указанные телесные повреждения при падении с высоты собственного роста?») не может быть разрешен в рамках данной СМЭ, так как для ответа на него врачу – судебно-медицинскому эксперту необходимо обследовать потерпевшего в ККБСМЭ.

Во-первых, не ясна точная локализация раны, имеющейся на голове гр-на Ш., так как в представленной на СМЭ копии листа первичного осмотра на имя потерпевшего не указана локализация раны, отмечено лишь то, что имелаась «ушибленная рана на голове, потребовавшая первичной хирургической обработки с наложением хирургических швов» (без указания конкретной области головы). Тогда как в медицинской карте амбулаторного больного отмечено, что у потерпевшего имелаась рана в левой теменной области.

Во-вторых, из объяснения гр-на Ш. следует, что травму он получил в результате падения из положения стоя, ударившись правой стороной, затылочной частью, а из медицинских документов, представленных на СМЭ, следует, что рана у потерпевшего расположена в левой теменной области. Таким образом, для уточнения локализации раны и сформировавшегося в результате ее заживления рубца необходимо обследование потерпевшего на СМЭ.

В-третьих, очевидно, что для ответа на поставленный перед экспертом вопрос абсолютно недостаточно копии объяснения гр. Ш. (требуются копии протоколов допросов, проверок показаний на месте, осмотров мест происшествий, следственного эксперимента с фото- или видеофиксацией).

В данном случае эксперт, руководствуясь ч. 3 ст. 57 УПК РФ и ст. 17 Закона о ГСЭД, оформил ходатайство о предоставлении на СМЭ гр-на Ш., а также о предоставлении недостающих материалов, содержащих следственную информацию.

Участковый уполномоченный полиции после направленного врачом ходатайства не предоставил на СМЭ ни самого гр-на Ш., ни материалы, содержащие следственную информацию. В результате врач – судебно-медицин-

ский эксперт завершил экспертизу по представленным в его распоряжение материалам. В итоге на вопрос № 4 врач судебно-медицинский эксперт ответил так: «Для ответа на вопрос о возможности получения повреждений при падении из положения «стоя» на плоскости (с высоты собственного роста) имеющих сведения на момент проведения экспертизы недостаточно, так как не известны обстоятельства падения из положения «стоя» (особенности поверхности, на которую произошло падение, положение тела во время падения и т.п.), признаков, свидетельствующих о причинении повреждений при падении, не обнаружено».

Полагаем, должностные лица в повседневной работе не используют комментарии к Приказу № 194н [8], где представлено разъяснение по каждому пункту приказа. В частности, п. 27 интерпретирован так: степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не может быть определена при отсутствии самого пострадавшего в случае, если в представленных медицинских документах недостаточно информации о характере структурных и функциональных нарушений, вызванных травмой. Ответственность за достоверность информации, изложенной в медицинских документах, несет лицо, назначившее экспертизу. Невозможность представить живое лицо для экспертного обследования и причины такой невозможности должны быть письменно подтверждены лицом, назначившим экспертизу. То же касается и невозможности представить эксперту, необходимые медицинские документы и результаты медицинских (инструментальных и лабораторных) исследований».

Подытожив сказанное, отметим: следователи (дознаватели), назначая СМЭ по установлению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, должны в постановлении не только указывать краткую информацию о том, что потерпевший от обследования в ККБСМЭ отказался, но и предоставлять письменное подтверждение, в котором отражать причины неосуществимости его представления, а также причины невозможности представить эксперту необходимые медицинские

документы и результаты медицинских (инструментальных и лабораторных) исследований.

Практика отдела судебно-медицинской экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц ККБСМЭ показывает, что должностные лица в постановлении (определении) либо вообще не указывают информацию о том, что от обследования в ККБСМЭ потерпевший отказался, либо кратко уведомляют эксперта о том, что потерпевший от судебно-медицинского обследования в БСМЭ отказался (без указания конкретных причин).

Проведенный нами анализ показал, что для проведения СМЭ по установлению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, зачастую представленных на СМЭ медицинских документов недостаточно для установления вреда, причиненного здоровью. При этом должностные лица, назначая СМЭ по установлению характера и степени вреда, причиненного здоровью, не указывают причины, по которым невозможно представить необходимые медицинские документы (например, что потерпевший дальнейшее амбулаторное лечение нигде не проходил, в какие-либо другие медицинские учреждения не обращался и т.д.).

В таких случаях врачи судебно-медицинские эксперты всегда ходатайствуют о предоставлении недостающих документов (в соответствии с ч. 3 ст. 57 УПК РФ и ст. 17 Закона о ГСЭД).

В случае непредоставления должностным лицом дополнительных медицинских документов, позволяющих определить длительность расстройства здоровья, вывод врача – судебно-медицинского эксперта также основывается на п. 27 Приказа № 194н, из которого следует, что «на момент медицинского обследования живого лица не ясен исход вреда здоровью, не опасного для жизни человека».

В данном аспекте показателен такой пример. 15 марта 2023 г. в ККБСМЭ была проведена первичная СМЭ по медицинским документам на имя гр-ки К., 1947 г.р., о чем свидетельствует заключение эксперта¹.

1 Заключение эксперта (экспертиза свидетельствуемого) от 15.03.2023 № 757 отдела экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы.

Обстоятельства дела. В определении указано: «07.01.2023 в 12.42, г. Красноярск, пр. Комсомольский, 15/5, водитель гр-н Д ... управляя автомобилем PORSCHE CAYENNE ... двигался по парковке задним ходом... допустил наезд на пешехода гр-ку К., которая стояла сзади автомобиля посередине. В результате ДТП получила травму пешеход гр-ка К».

В постановлении сформулированы следующие вопросы:

«1. Какова степень тяжести телесных повреждений гр-ки К. на момент их причинения, механизм и давность их образования?

2. Характерны ли данные телесные повреждения для автотравмы?».

На СМЭ представлены следующие медицинские документы:

1) копия карты вызова скорой медицинской помощи N585 из КССМП от 7 января 2023 г.;

2) медицинская карта пациента, получающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях N КЛГ150747 из ТОО 3 КМКБ N 7;

3) копия медицинской карты амбулаторного больного N 0404375494 из поликлиники КМКБ N 2;

4) CD с записью рентгенограммы.

Врачами-клиницистами, оказывающими помощь потерпевшей в амбулаторных условиях, был сделан рентген и дано заключение: травматических изменений со стороны костных структур не выявлено, в результате чего был выставлен диагноз «ушиб грудной клетки слева и ушиб первого пальца правой кисти».

Изучив представленные на СМЭ медицинские документы, врач – судебно-медицинский эксперт привлек врача-рентгенолога, являющегося штатным сотрудником ККБСМЭ. Изучив CD, врач-рентгенологом сделал заключение: на представленных рентгенограммах от 7 января 2023 г. отмечается перелом седьмого ребра слева, без смещения костных отломков, по передне-подмышечной линии.

Таким образом, у потерпевшей имелаась закрытая тупая травма грудной клетки, представленная переломом седьмого ребра слева, без смещения костных отломков по передне-подмышечной линии и посттравматический отек мягких тканей, что должно квали-

фицироваться как вред здоровью средней степени тяжести. Диагноз «ушиб первого пальца правой кисти» не может быть учтен, так как не подтвержден объективными морфологическими данными (кровоподтек, ссадина, гематома, поверхностная рана) и инструментальными методами обследований.

Проблема в том, что гр-ка К. только однократно обратилась к хирургу по месту жительства в поликлинику КМКБ N 2, а в дальнейшем не наблюдалась, поэтому в рамках СМЭ вред здоровью, причиненный данной травмой, установить не представляется возможным.

Врачом – судебно-медицинским экспертом вывод сформулирован так: «Определить тяжесть вреда, причиненного здоровью имевшейся у гр-ки К. закрытой тупой травмой грудной клетки, переломом седьмого ребра слева, без смещения костных отломков по передне-подмышечной линии и посттравматическим отеком мягких тканей, в соответствии с пунктом 27 раздела III Приказа МЗиСР РФ N194н от 24 апреля 2008 г. не представляется возможным ввиду неясности исхода вреда, не создающего по своему характеру непосредственную угрозу для жизни, а также не вызвавшего развитие угрожающих для жизни состояний (то есть отсутствуют квалифицирующие признаки вреда здоровью опасного для жизни человека, соответствующие Медицинским критериям в отношении тяжкого вреда здоровью). Неясность исхода вреда, причиненного здоровью, не позволяет применить иные Медицинские критерии определения вреда здоровью, в том числе по признаку продолжительности расстройства здоровья, определяемого временной нетрудоспособностью до наступления выздоровления.

Предполагаем, что именно старческий возраст потерпевшей гр-ки К. (76 лет) ограничил ее возможности наблюдаться в поликлинике по месту жительства до полного выздоровления.

Подчеркнем, травма у потерпевшей подтверждена объективными медицинскими данными, а также инструментальными и лабораторными методами обследований, однако именно неясность исхода вреда, не создаю-

шего по своему характеру непосредственную угрозу для жизни, не позволила установить вред здоровью в рамках СМЭ.

Ранее врачи – судебно-медицинские эксперты ККБСМЭ в подобных случаях руководствовались информационным письмом МЗРФ и ФССРФ от 21 февраля 2000 г. N 2510/9362-34 «Ориентировочные сроки временной нетрудоспособности при наиболее распространенных заболеваниях и травмах (в соответствии с МКБ N10)». В настоящее время это письмо не применяется.

Несмотря на то, что проблема с точки зрения статистики не имеет большого распространения, но для конкретного, как правило, почти беспомощного человека, она имеет огромное социально-правовое значение. По сути, инвалиды, люди старческого возраста, несовершеннолетние фактически лишаются права на материальную компенсацию за причиненный вред здоровью, что может стать поводом для развития правового нигилизма определенной категории граждан.

Подводя итог проведенного нами исследования, отметим следующее.

Следователям (дознателям) при расследовании преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, необходимо в повседневной работе использовать комментарии к Приказу N 194н [8], что позволит избежать ошибок при назначении данного вида медицинских экспертиз и интерпретации полученных результатов.

Детальное толкование пункта 27 Приказа 194н представлено в указанных комментариях, однако для устранения некоторых проти-

воречий есть необходимость в растолковании данного пункта в самом приказе.

Следователи (дознатели), назначая СМЭ по установлению степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, должны предоставлять письменное подтверждение неосуществимости представления живого лица для экспертного обследования в БСМЭ и указывать причины такой неосуществимости, а также причины невозможности предоставить эксперту необходимые медицинские документы и результаты медицинских (инструментальных и лабораторных) исследований. Это позволит врачу – судебно-медицинскому эксперту дифференцированно подходить к решению вопроса об оформлении ходатайства о предоставлении в его распоряжение недостающих материалов и сократить сроки производства данного вида СМЭ.

Полагаем целесообразным внести изменения в ст. 195 УПК РФ, добавив в нее ч. 5, которую изложить в следующей редакции: «В случае назначения судебной экспертизы, предусмотренной пунктом 2 статьи 196 настоящего Кодекса, без обследования потерпевшего в БСМЭ (только по медицинским документам на имя потерпевшего) следователь должен предоставлять письменное подтверждение неосуществимости представить живое лицо для экспертного обследования в БСМЭ и указать причины такой неосуществимости, а также причины, по которым не представляется возможным предоставить эксперту, необходимые медицинские документы и результаты медицинских (инструментальных и лабораторных) исследований».

Библиографический список

1. Буромский, И.В. Предложения по внесению изменений в «медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / И.В. Буромский, Е.М. Кильдюшов, Е.А. Башкирева // Медицинская экспертиза и право. – 2010. – N 4. – С. 12-16.
2. Васильев, И.В. Тенденции правового регулирования экспертизы степени тяжести вреда здоровью / И.В. Васильев, А.Г. Горелкин, С.М. Морозов // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Томск: Издательство Томского университета, 2016. – С. 140-142.

3. Гаджирамазанова, П.К. Актуальные вопросы назначения судебно-медицинской экспертизы / П.К. Гаджирамазанова // Юридический вестник ДГУ. – 2015. – Т. 15. – N3. – С. 139-141.
4. Катаев, А.С. Аргументация вывода о степени тяжести вреда здоровью при неопределившемся исходе повреждения (заболевания) в судебно-медицинской экспертизе лиц мужского пола / А.С. Катаев, В.А. Ракитин, Д.С. Кадочников // Вестник судебной медицины. – 2020. – Т. 9. – N 2. – С. 44-46.
5. Клевно, В.А. Применение медицинских критериев вреда здоровью в экспертной и правоприменительной практике Московской области / В.А. Клевно, И.С. Симонова // Медицинская экспертиза и право. – 2014. – N 2. – С. 23-32.
6. Клевно, В.А. Экспертная и правоприменительная практика медицинских критериев вреда здоровью в Российской Федерации в 2007-2012 гг. / В.А. Клевно, И.С. Симонова // Вестник Росздравнадзора. – 2014. – N 2. – С. 59-69.
7. Кокорев Р.А. Использование медицинских знаний в расследовании преступлений против личности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. / Р.А. Кокорев. – М., 2018.
8. Комментарий к нормативным правовым документам, регулирующим порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / В.А. Клевно, В.Л. Попов, В.В. Колкутин [и др.]. – М.: Юридический центр Пресс, 2008.
9. Маслов, А.В. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз / А.В. Маслов, Е.И. Прониченко, А.А. Теньков // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – Хабаровск. – 2012. – N 12. – С. 112-117.
10. Мишин, А.В. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы / А.В. Мишин, П.Н. Мазуренко // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – N 1. – С. 83-84.
11. Монахова, Л.В. К вопросу о понятии «вред здоровью человека» / Л.В. Монахова // Марийский юридический вестник. – 2020. – N 3-4 (33). – С. 26-27.
12. Сарычева, Н.В. Некоторые процессуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в науке: научный журнал. – 2018. – N 5 (81). – С. 85-86.
13. Соколов, А.Б. Организация назначения и производства судебно-медицинской экспертизы живого лица по определению тяжести причиненного вреда здоровью / А.Б. Соколов, Е.А. Едомский // Законодательство и практика. – 2018. – N 2. – С. 6-10.
14. Стешич, Е.С. Проблема соотношения правовой и судебно-медицинской оценки тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Е.С. Стешич // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – N 1(80). – С. 56-65.
15. Туманов, Э.В. Спорные вопросы применения медицинского критерия «стойкая утрата применения медицинского критерия «стойкая утрата общей трудоспособности» при определении тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Э.В. Туманов, Е.М. Кильдюшев // Судебно-медицинская экспертиза. – 2022. – N6. – С. 16-22.
16. Тучик Е.С. Об упущениях в приказе Минздравсоцразвития от 24.04.2008 г. N 194-н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» / Е.С. Тучик // Проблемы экспертизы в медицине. – 2008. – Т. 8. – N 3-4. – С. 26-28.

**Антон Геннадьевич
АНТОНОВ,**

профессор кафедры уголовного
права Санкт-Петербургского
университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
antonovanton1@mail.ru

**Владимир Григорьевич
ПАВЛОВ,**

старший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
по исследованию гражданско-право-
вой и уголовно-правовой защиты прав
предпринимательства Ленинградского
государственного университета
им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор
pavlovvladimir45@mail.ru

**Роман Анатольевич
РОМАШОВ,**

заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Ленинградского государственного
университета им. А.С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профес-
сор, заслуженный деятель науки РФ
romashov_tgp@mail.ru

НОРМЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОТ НАКАЗАНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВКЛЮЧЕНЫ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС!

THE NORMS ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT SHOULD BE INCLUDED IN THE CRIMINAL CODE!

В статье описываются случаи закрепления норм об освобождении от уголовной ответственности и от наказания вне уголовного законодательства Российской Федерации. В связи с этим рассматривается Федеральный закон от 24 июня 2023 г. N 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» и делается вывод о его противоречии фундаментальным основам уголовного права. Авторы считают, что только Уголовный кодекс Российской Федерации может регулировать уголовно-правовые отношения. Следовательно, все основания освобождения от уголовной ответственности должны быть включены в него. С этих же позиций анализируется судебная практика о применении норм об освобождении от наказания, отсутствующих в УК РФ. На основании проведенного анализа, предлагается включить в отечественное уголовное законодательство рассмотренные нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания, что позволит устранить возникшие противоречия.

The article describes cases of consolidation of norms on exemption from criminal liability and punishment outside the criminal legislation of the Russian Federation. In this regard, the Federal Law N 270-FZ of June 24, 2023 «On the peculiarities of criminal liability of persons involved in a special military operation» is considered and a conclusion is drawn about its contradiction to the fundamental principles of criminal law. The authors believe that only the Criminal Code of the Russian Federation can regulate criminal law relations. Therefore, all grounds for exemption from criminal liability should be included in it. Judicial practice on the application of the norms on exemption from punishment, which are absent in the Criminal Code of the Russian Federation, is analyzed from the same positions. Based on the analysis, it is proposed to include in the domestic criminal legislation the considered norms on exemption from criminal liability and punishment, which will eliminate the contradictions that have arisen.

Ключевые слова: освобождение, уголовная ответственность, наказание, принцип законности.
Keywords: release, criminal liability, punishment, the principle of legality.

На сегодняшний день российское уголовное законодательство содержит множество норм, позволяющих освободить преступника от уголовной ответственности. В Общей части УК РФ данному уголовно-правовому институту посвящена 11 глава, которая включает в себя пять норм об освобождении от уголовной ответственности: «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» (ст. 75 УК РФ), «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» (ст. 76 УК РФ), «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» (ст. 76.1 УК РФ), «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» (ст. 76.2 УК РФ), «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» (ст. 78 УК РФ). Однако этим не исчерпывается наличие института освобождения от уголовной ответственности в Общей части УК РФ. Уголовный закон также предусматривает и другие общие основания освобождения от уголовной ответственности (например, амнистия и освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия).

При этом свыше пятидесяти специальных оснований освобождения от уголовной ответственности нашли отражение в нормах-примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Это примечания к ст. 110.2, 122, 126, 127.1, 145.1, 178, 184, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 276, 278, 282.1, 282.2, 282.3, 284.4, 291, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3, 337 и 338 УК РФ и др.

Следует отметить, что в УК РФ содержится единственная норма-примечание к ст. 134 об освобождении от наказания, а не от уголовной ответственности.

Закрепляются ли нормы об освобождении от уголовной ответственности не только в УК РФ? Ответим утвердительно. И возможно ли общие основания освобождения от уголовной ответственности применять при освобождении от наказания? Ответим так: судебная практика такое позволяет. Однако зададимся вопросом: насколько такое положение дел соответствует современному отечественному уголовному законодательству? Попытаемся по порядку рассмотреть обозначенные проблемные направления.

Федеральный закон от 24 июня 2023 г. N 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Федеральный закон) устанавливает правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 1). Насколько такое установление соответствует российскому уголовному законодательству?

Согласно ст. 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Тем самым можно констатировать, что упомянутый Федеральный закон противоречит

данной норме. Ведь имеет место регулирование уголовно-правовых отношений не УК РФ, а другим федеральным законом.

Закрепление оснований освобождения от уголовной ответственности в отдельном федеральном законе не соответствует и принципу законности. Согласно ст. 3 УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается. Тем самым единственным источником уголовного права России является уголовный закон [2, с. 42-44]. Отсюда вытекает, что «исключительно федеральный уголовный закон регламентирует ответственность виновного в преступлении лица» [3, с. 67-70]. По сути, принцип законности отражает следующие положения: «нет преступления, нет наказания без указания на то в законе» [3, с. 67-70], а также «нет иных уголовно-правовых последствий преступления без указания на них в Уголовном кодексе» [4, с. 42-44]. Из последнего положения видно, что освобождение от уголовной ответственности тоже определяется уголовным законом [1, с. 88]. Действительно, установление и освобождение от уголовной ответственности должно находить закрепление в одном законе. Принципиально неверно в одном законе устанавливать ответственность, а в другом отражать условия освобождения от нее (так, например, в ст. 210 УК РФ отражена ответственность за создание, руководство и участие в преступном сообществе, а ст. 18 Закона об ОРД закрепляет освобождение от уголовной ответственности членов преступной группы, что недопустимо).

Правы авторы, которые считают, что установление преступности и наказуемости деяний только уголовным законом как требование принципа законности означает следующее: вопросы уголовно-правового регулирования могут быть решены исключительно на федеративном уровне; преступность и наказуемость деяния могут быть определены исключительно в федеральном законе; требование предусмотренности преступности и наказуемости деяния только УК оз-

начает полный запрет применения закона по аналогии; непосредственно в уголовном законе должны быть определены не только преступность и наказуемость деяния, но и иные уголовно-правовые последствия его совершения; установление особых требований к толкованию уголовно-правовых норм [5, с. 96-102].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о необходимости включения в УК РФ новых оснований освобождения от уголовной ответственности, фактически нашедших отражение в Федеральном законе. Справедливости ради отметим, что научной общественностью уже «раскачивались» предпосылки законодательного учета подобных оснований освобождения от уголовной ответственности. Так, П.В. Тепляшин и С.А. Ступина приводят аргументы освобождения лиц от наказания в связи с привлечением их к участию в специальной военной операции, которые «могут быть применены относительно участия таких лиц в действующих Вооруженных силах Российской Федерации, а также в составе ЧВК, но при условии внесения соответствующих комплексных изменений в содержание Федерального закона от 28 марта 1998 года N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года N 1237 «Вопросы прохождения военной службы» [6, с. 158].

Также необходимо отметить, что вопреки рассмотренным фундаментальным нормам и судебная практика устанавливает и поощряет применение, закрепленных в УК РФ норм об освобождении от уголовной ответственности при освобождении от наказания. То есть устанавливаются и применяются нормы, отсутствующие в УК РФ.

Большинство общих оснований освобождения от уголовной ответственности содержат такое условие применения, как совершение виновным преступления небольшой или средней тяжести. Так, ч. 6 ст. 15 УК РФ предусматривает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую. В

ней закреплено, что с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию при условии, что наказание назначается в диапазоне предыдущей (менее тяжкой) категории преступления.

И все же, исходя из содержания упомянутых норм, освободить виновного, совершившего тяжкое преступление, понизив категорию такого преступления на одну ступень, от уголовной ответственности невозможно. Освобождение от уголовной ответственности может иметь место только до вынесения обвинительного приговора суда. Понижение категории преступления возможно, если наказание назначено. Его назначение отражается исключительно в обвинительном приговоре суда. Если лицу назначено наказание, то освобождение может быть только от него.

Но при невозможности освободить виновного от уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в главе 11 УК РФ, в случае изменения категории тяжкого преступления на категорию средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ судам рекомендуется освобождать лицо от наказания на основании норм об освобождении от уголовной ответственности.

Так, Пленум Верховного Суда РФ отмечает в п. 10 постановления от 15 мая 2018 г. N 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», что решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных ст. 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему

наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ, по существу, пошел в обход законодателя и создал новые виды освобождения от наказания, не регламентированные действующим уголовным законодательством, что недопустимо [7, с. 44]. В литературе отмечается, что многие ученые негативно относятся к возможности освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или от наказания при изменении судом категории преступления на менее тяжкую в порядке ч. 6 ст. 15 УК РФ [7, с. 44].

Однако судебная практика идет по этому пути. Есть случаи освобождения от наказания при понижении категории преступления по основаниям, предусмотренным в главе 11 УК РФ. Причем имеют место случаи и освобождения от наказания по основанию, не указанному в п. 10 приведенного постановления Пленума Верховного Суда РФ, – с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Вот один из примеров. 25 февраля 2020 г. Н.А.Б. был признан виновным Кронштадтским районным судом города Санкт-Петербурга в совершении преступления, предусмотренного ч. 1.2 ст. 263 УК РФ. Виновный нарушил правила безопасности движения и эксплуатации внутреннего водного транспорта, управлял маломерным судном, находясь в состоянии алкогольного опьянения, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью. Суд последовательно назначил Н.А.Б. наказание, постановил его условным, снизил категорию преступления на одну ступень с тяжкого на категорию преступления средней тяжести и освободил виновного от наказания, назначив судебный штраф в соответствии со ст. 76.2 УК РФ в размере 30 000 рублей¹.

Сегодня возможность освобождения от уголовной ответственности при снижении категории преступления в уголовном зако-

1 Приговор Кронштадтского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.02.2020 N 1-166/2019 1-23/2020 по делу N 1-166/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KyxHmfa35rmJ/>.

нодательстве не предусмотрена. Освобождение от наказания на основании норм об освобождении от уголовной ответственности противоречит закону. Однако, если преступление перестало быть тяжким, необходимо предусмотреть в законе возможность освобождения лица от наказания, ведь от уголовной ответственности виновного при понижении категории преступления освободить невозможно.

На основании изложенного отметим тревожную тенденцию закрепления норм об освобождении от уголовной ответственности и от наказания вне УК РФ, что противоречит фундаментальным началам уголовного права. Для устранения этого противоречия необходимо включить рассмотренные нормы в УК РФ.

Библиографический список

1. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть : учебник / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар: Кубанский гос. аграрн. ун-т, 1999. – 444 с.
2. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 97 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 1999. – 611 с.
4. Мальцев, В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности : монография / В.В. Мальцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 692 с.
5. Пудовочкин, Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с.
6. Тепляшин, П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – N 4. – С. 152-159.
7. Фисенко, Д.Ю. Судебный штраф: проблемы правовой регламентации и практики применения / Д.Ю. Фисенко // Законодательство и практика. – 2017. – N 2 (39). – С. 41-45.

Арби Русланович АКИЕВ,
начальник кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук
Melhi530@mail.ru

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

CRITERIA FOR CLASSIFYING CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS IN THE CRIMINAL LAW AND CRIMINALISTIC DOCTRINE

В статье обосновывается теоретическая и практическая значимость классификации преступлений. Автор анализирует взгляды ученых в области уголовного права и криминалистики на критерии классификации. В результате проведенного анализа выделяются наиболее значимые критерии для классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних. На основании выделенных критериев предлагаются авторские уголовно-правовая и криминалистическая классификации рассматриваемой группы преступлений.

The article substantiates the theoretical and practical significance of the classification of crimes. The author analyzes the views of scientists in the field of criminal law and criminology on classification criteria. As a result of the analysis, the most significant criteria for the classification of crimes against the family and minors are identified. Based on the selected criteria, the author's criminal-legal and criminalistic classifications of the group of crimes under consideration are proposed.

Ключевые слова: преступление, классификация, критерии классификации, криминалистическая классификация преступлений, преступления против семьи и несовершеннолетних.

Keywords: crime, classification, classification criteria, criminalistic classification of crimes, crimes against family and minors.

Классификация была и остается важным инструментом познания изучаемых явлений и процессов в науках уголовно-правового цикла. При этом ключевым объектом познания и с уголовно-правовых, и с криминалистических позиций выступают преступления, классификация которых на сегодняшний день осуществляется по комплексу различных уголовно-правовых и криминали-

стических критериев (оснований, признаков), в том числе применительно к преступлениям отдельных групп и видов.

Как справедливо отметил А.Ю. Головин, «классификационные исследования преступления каждой из наук уголовно-правового цикла производятся исходя из объекта и предмета своего познания, в собственных целях и для обеспечения выполнения функций,

возложенных на каждую из них» [7, с. 31]. Не удивительно, что, несмотря на длительный период классификационных исследований в науках уголовного права и криминалистики, вопросы категоризации и систематизации преступлений на основе определенных критериев остаются предметом активных научных изысканий.

В целом сущность классификации преступлений как познавательного процесса заключается в их дифференциации на определенные группы, разделении целого на части, исходя из выбранного критерия при соблюдении определенных логических правил. Ее целями являются не только упорядочение и систематизация групп преступлений, но и получение дополнительных знаний о выделяемых видах, подвидах преступных деяний путем их последующего изучения и описания. Это обстоятельство подчеркивает особую теоретическую и практическую значимость таких классификаций во всех уголовно-правовых науках. Совершенно прав был С.В. Познышев, отметивший еще в начале прошлого столетия, что «классификация – это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен сделать исследователь всякой обширной и разнообразной группы явлений. Как прием изучения классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: со стороны внешней – это прием, который вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней – это прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения [16, с. 5].

Не меньшее значение классификации как методу познания придается современными учеными-криминалистами. Как подчеркнули А.В. Варданян и Р.В. Кулешов, криминалистическая классификация преступлений играет ключевую роль в формировании частных криминалистических методик [5, с. 5]. На это же обстоятельство обращал внимание Н.П. Яблоков [21, с. 42].

В прикладном аспекте криминалистическая классификация преступлений (групп, видов, подвидов) активно используется в следственной практике при решении различных задач. Так, О.П. Грибуновым обоснован

но отмечена роль такой классификации в работе следователя по уточнению элементного состава криминалистических характеристик конкретного преступления и их корреляционные связи» [9, с. 39]. Н.А. Подольный указал криминалистическую классификацию преступлений в числе средств оптимизации и повышения эффективности расследования» [15, с. 14]. Можно выделять и другие прикладные задачи, решению которых способствует использование результатов классификационных исследований преступной деятельности, в том числе преступлений отдельных групп и видов.

Рассматривая современные теоретические и прикладные аспекты классификационных исследований преступлений, необходимо отметить, что в настоящее время в уголовно-правовых науках продолжают дискуссии относительно критериев, которые могут быть положены в основу таких классификаций. При этом под критериями таких классификаций понимаются различные существенные признаки и основания, позволяющие осуществлять дифференциацию преступлений на различных уровнях, способствовать познанию и описанию выделяемых групп (видов, подвидов) исходя из задач каждой из наук уголовно-правового цикла и целей, которые стоят перед такой классификацией.

Представляется, что отправной точкой для включения преступления в любую классификацию, как уголовно-правовую, так и криминалистическую, является норма Особенной части уголовного права, содержащая признаки конкретного состава преступления. Такой подход в целом был поддержан многими видными учеными-криминалистами (Р.С. Белкиным, А.Н. Васильевым, В.А. Образцовым, А.В. Варданяном, С.А. Голунским, Н.П. Яблоковым, А.Ю. Головиным, О.П. Грибуновым и другими авторами). Р.С. Белкин, в частности, отмечал, что «без уголовно-правовой классификации – совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы, проследить связи между методиками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их

группировки...» [4, с. 325]. В то же время криминалистическая классификация преступлений не ограничивается только уголовно-правовыми критериями. Этот же вывод применим к классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Несмотря на все многообразие классификационных критериев, существующих в уголовно-правовой науке (форма вины, способ совершения преступления, вид и размер наказания, характер и степень общественной опасности, объект посягательства и др.), группировка законодателем преступлений в Особенной части УК РФ в главы основывается именно на видовом (родовом) объекте уголовно-правовой охраны (сфере охраняемых общественных отношений). Для главы 20 УК РФ – это сфера семейных отношений. Кроме того, основная часть научных классификаций преступлений против семьи и несовершеннолетних, представленных в теории уголовного права, также базируются на видах объектов, заложенных законодателем в главе 20 УК РФ.

Впрочем, в юридической литературе ведется дискуссия относительно видового (родового) объекта преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ. Так, ряд авторов придерживаются мнения о наличии двух объектов, объединяющих нормы главы 20 УК РФ. Например, А.Н. Игнатов определяет в главе 20 УК РФ два самостоятельных объекта: нормальное психическое и физическое развитие несовершеннолетних и важные интересы семьи» [18, с. 167]. Н.И. Трофимов родовым объектом посягательств, объединенных в главе 20 УК РФ, определил общественные отношения в сфере семьи и нормальное физическое и духовное развитие несовершеннолетнего» [17, с. 10, 29]. А.Е. Якубов родовым объектом указанных преступлений назвал общественные отношения, обеспечивающие нормальное воспитание и развитие несовершеннолетних, охрану семьи» [19, с. 155].

Иной точки зрения придерживается В.С. Савельева, которая не рассматривает интересы семьи как составляющие объекта уголовно-правовой охраны главы 20 УК РФ [20, с. 115]. Эта позиция представляется дискусси-

онной прежде всего потому, что законодатель в названии главы 20 УК РФ обозначил два самостоятельных объекта уголовно-правовой охраны – «семью» и «несовершеннолетних».

На основе анализа существующих в литературе авторских классификаций преступлений главы 20 УК РФ, исходя из непосредственных объектов охраны норм, содержащихся в указанной главе, а также определенного содержания категории «интересы семьи» [подр.: 1, с. 8] как объекта уголовно-правовой охраны предлагается следующая уголовно-правовая классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних:

1) преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей (ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 154, 156 и ч. 1 ст. 157 УК РФ);

2) преступления, посягающие на интересы семьи (ст. 153 и 155 УК РФ);

3) преступление, посягающее на имущественные права родителей как отдельных носителей субъективного права (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

В юридической литературе предлагаются и другие классификации преступлений рассматриваемой группы. В частности, представлен подход, согласно которому к преступлениям, посягающим на интересы семьи и несовершеннолетних, относят деяния, запрещенные нормами, содержащимися в других разделах и главах УК РФ [напр.: 3, с. 127-158; 13, с. 245-246]. В частности, это составы преступлений, где идет прямое указание на совершение преступления в отношении малолетнего или несовершеннолетнего (например, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ – «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью... малолетнего», ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» и др.), а также на охрану прав и законных интересов других лиц, как участников семейных отношений (например, ст. 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет»; ч. 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество, повлекшее

лишение права гражданина на жилое помещение», которое затрагивает интересы не только собственника жилого помещения, но и проживающих с ним совместно членов семьи).

С уголовно-правовой точки зрения данные преступные посягательства, содержащиеся в других главах и разделах УК РФ, выходят за рамки видового (родового) объекта главы 20 УК РФ и не могут быть отнесены к преступным посягательствам на интересы семьи или несовершеннолетних. Интересы семьи или несовершеннолетних для данных норм уголовного закона являются дополнительным или факультативным объектом охраны, зачастуюотячающим наказание для преступника.

Необходимо добавить, что и с криминалистической точки зрения приведенные выше виды преступлений имеют как сходства, так и существенные отличия. Очевидно, что механизм преступлений против здоровья, общественной нравственности, собственности и пр., а также иные криминалистические признаки этих видов преступной деятельности могут существенно отличаться. Это обстоятельство влияет на разработку логически выдержанной классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних, которая обеспечивала бы в должной степени решение криминалистических научных и прикладных задач. Как следствие, такой объект криминалистической классификации, как преступления против семьи и несовершеннолетних, и критерии ее проведения должны быть более четко детализированы.

Это обстоятельство подтверждает вывод о том, что при очевидной потребности в использовании уголовно-правовых критериев для разработки криминалистических классификаций преступлений (объект преступления, субъект преступления, состав преступления и др.), решение на их основе всего комплекса научно-познавательных и прикладных криминалистических классификационных задач только объективно невозможно. Как известно, в криминалистике преступление как объект классификационного исследования не ограничивается своим уголовно-правовым

значением, традиционно изучается с позиций деятельностного подхода. Поэтому для обеспечения гносеологических потребностей криминалистической теории и практики, эффективного решения задач раскрытия и расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, их прогнозирования и профилактики требуется более широкий, чем в уголовном праве, подход к выделению критериев (оснований) криминалистической классификации таких деяний.

Представления о возможностях и значении классификации преступлений по криминалистическим критериям сформировались в последней четверти прошлого столетия. Например, И.Ф. Герасимов в числе оснований криминалистической классификации преступлений выделял способ их совершения, степень сокрытия и маскировки, преступный опыт лиц, совершавших преступления, места их совершения [11, с. 151-168]. По мнению И.А. Возгрина, такими основаниями могли выступать способ совершения преступления, личность преступника и личность пострадавшего [6, с. 208-209]. Н.П. Яблоков к критериям криминалистической классификации преступлений относил данные о типах преступной деятельности, отдельные элементы криминалистической характеристики и «некоторые черты следственной ситуации» [10, с. 492]. В.А. Образцов в качестве таких критериев указывал элементы криминалистических характеристик преступлений, признаки преступной деятельности и обстановки совершения преступлений, а также признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений [14, с. 36-52].

В более современной криминалистической литературе доминирует подход комплексного (блокового) выделения оснований криминалистической классификации преступлений на базовом уровне (например, А.В. Варданян, А.Ю. Головин) или применительно к криминалистической классификации в рамках отдельных групп и видов преступлений (А.А. Беляков, О.П. Грибунов, А.В. Шмонин, Т.А. Аристархова, с.В. Пахомов и другие авторы). При этом наряду с уголовно-правовыми критериями выделяются

блоки криминалистических оснований рассматриваемой классификации, отражающих преимущественно криминалистически значимые признаки различных элементов преступной деятельности и ее механизма. В частности, такие критерии определяются исходя из особенностей способа совершения преступлений, их сокрытия, личности преступника и потерпевшего (жертвы), преступных формирований, пространственно-временных особенностей, обстановки преступления, а также в ряде случаев предмета преступного посягательства, орудий и средств совершения преступлений, мотивов, особенностей следообразования. Круг таких критериев при криминалистической классификации преступлений различных групп и видов может отличаться.

С этих позиций проанализируем представленные в криминалистической литературе современные взгляды на криминалистическую классификацию преступлений против семьи и несовершеннолетних. Такая классификация, в частности, была предложена С.А. Куемжиевой, и представляет несомненный научный интерес. Автором были выделены два уровня такой классификации:

- на первом уровне осуществлена дифференциация по характеристике объекта: преступления против семьи; преступления против несовершеннолетних;

- на втором уровне с «учетом признаков всех оснований» выделены преступления: против семьи, совершаемые в семье; против семьи, совершаемые вне семьи, в сфере осуществления функций воспитания и надзора в отношении несовершеннолетних детей; против несовершеннолетних, совершаемые в семье; против несовершеннолетних, совершаемые вне семьи; в сфере осуществления функций воспитания, содержания и надзора в отношении несовершеннолетних детей [12, с. 116].

В числе оснований предложенной С.А. Куемжиевой криминалистической классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних преимущественно доминируют уголовно-правовые критерии. Впрочем, автор не ограничивает процесс

криминалистической классификации только уголовно-правовыми признаками, предлагая использовать их в сочетании с «признаками расследования указанных преступлений», в числе которых выделяются «получение доказательств и доказывание, сходные признаки в расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних» [12, с. 112].

Однако этот вывод видится дискуссионным. Как известно, традиционным объектом криминалистического познания выступают преступная деятельность и деятельность по ее раскрытию, расследованию и предупреждению (криминалистическая деятельность). В этой связи использование особенностей криминалистической деятельности как оснований классификации преступлений отдельной группы или вида вряд ли логично и оправданно. Представляется, что предложенные С.А. Куемжиевой «признаки расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних» – это скорее основания для систематизации не самих преступлений, а методико-криминалистических рекомендаций по их расследованию.

Как следствие, можно сделать вывод, что криминалистическая классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних требует дальнейшего развития и совершенствования. Более того, представляется возможным проводить такую классификацию на основе различных базовых криминалистических критериев. Таковым, в частности, может выступать личность жертвы (жертв) преступлений рассматриваемой группы. Данный критерий позволит вычленив из всех норм Особенной части УК РФ преступные посягательства на интересы семьи и несовершеннолетних, не ограничиваясь нормами главы 20 УК РФ и рамками уголовно-правового толкования объекта преступного посягательства. Ведь, совершая преступление, лицо посягает именно на права конкретного лица (жертвы) – несовершеннолетнего и (или) членов семьи, вступает с ними в определенное взаимодействие, что, в свою очередь, закономерно влияет на выбор преступником способа совершения преступления, его места, времени и обстановки, сокрытие следов и

другие особенности механизма таких преступных деяний.

Кроме того, приведенный подход позволит разрешить некоторые правовые коллизии, связанные с определением статуса семьи как субъекта правоотношений, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Учитывая, что гражданское (ст. 2 ГК РФ) и семейное законодательство Российской Федерации не выделяет семью как самостоятельный субъект правоотношений, относя все права и обязанности в рамках семейных отношений к членам семьи, рассматривая уголовно-правовую охрану интересов семьи, правильнее говорить об охране объединенных интересов ее членов, реализуемых ими в рамках семейных отношений, что обусловлено специфичностью семьи как особой формы человеческой общности [подр.: 2, с. 214].

Примерами преступных посягательств именно на интересы семьи являются как названные ранее преступления (ст. 153 и 155 УК РФ), так и ряд других (например, ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни, связанное с незаконным собиранием или распространением сведений о частной жизни лица, составляющих его семейную тайну», под которой следует понимать сведения, затрагивающие объединенные интересы лиц (членов семьи), связанных брачными и (или) родственными отношениями, где их преступное разглашение нарушает интересы всех членов семьи, установивших в отношении данных сведений режим «тайности» и др.).

Исходя из изложенного, в рамках криминалистической классификации к группе преступлений, посягающих на интересы несовершеннолетних, следует отнести все преступления, где потерпевшим выступает несовершеннолетний (малолетний), независимо от расположения состава преступлений в той или иной главе УК РФ и объекта преступных

посягательств, с дальнейшей детализацией по различным криминалистически значимым основаниям. К группе преступлений, посягающих на интересы семьи, следует относить все преступления, которые посягают на объединенные интересы ее членов, как участников семейных отношений, а также интересы отдельного члена семьи, когда преступное посягательство на них, затрагивает интересы и остальных членов семьи.

Дальнейшее совершенствование криминалистической классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних представляется актуальной научной задачей, направленной, помимо прочего:

- на развитие системы частных криминалистических методик расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- на консолидацию комплекса методико-криминалистических рекомендаций [8, с. 8] по расследованию этой группы преступлений;
- на обеспечение более активного практического применения результатов криминалистических классификационных исследований в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- на решение задач криминалистического прогнозирования преступлений против семьи и несовершеннолетних, выработку мер по своевременной и эффективной криминалистической профилактике таких деяний.

Подводя итог изложенному, отметим, что уголовно-правовая и криминалистическая классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних хоть и направлены на решение частных задач своих областей юридической науки, но при этом взаимодополняют друг друга и объединены одной общей целью – совершенствование теоретического и практического инструментария борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. Акиев, А.Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Акиев. – Омск, 2017.
2. Акиев, А.Р. Уголовная ответственность за посягательства на интересы семьи : дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Акиев. – Омск, 2017.
3. Андреев, В.Л. Интересы семьи и несовершеннолетних как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук / В.Л. Андреев. – СПб., 2011.
4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р.С. Белкин. – М.: Юристь, 1997. – Т. 3.
5. Варданян, А.В. Криминалистическая классификация преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Российский следователь. – 2015. – N 21.
6. Возгрин, И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений / И.А. Возгрин. – Минск: Выш. шк., 1983.
7. Головин, А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений / А.Ю. Головин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – N 2-2.
8. Головин, А.Ю. К вопросу консолидации криминалистических методик расследования преступлений / А.Ю. Головин, Е.В. Головина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – N 3.
9. Грибунов, О.П. Криминалистическая классификация преступлений против собственности, совершаемых на транспорте / О.П. Грибунов // Юрист-Правовед. – 2016. – N 2 (76).
10. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Юристь, 1999.
11. Криминалистические классификации в методике расследования преступлений // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью (Вопросы криминалистики). – М., 1983. – N 76.
12. Куемжиева, С.А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... докт. юрид. наук / С.А. Куемжиева. – Краснодар, 2020.
13. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Том 2. Особенная часть / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
14. Образцов, В.А. Криминалистическая классификация преступлений / В.А. Образцов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
15. Подольный, Н.А. Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. – 2013. – N 3.
16. Познышев, С.В. Основные вопросы учения о наказании / С.В. Познышев. – М.: Унив. тип., 1904.
17. Трофимов, Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних / Н.И. Трофимов. – Иркутск: [б.и.], 1973.
18. Уголовное право России. Том 2. Особенная часть : учебник / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: Норма, 1998.
19. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М.: Зерцало-М, 2002.
20. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристь, 1996.
21. Яблоков, Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды / Н.П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – N 5.

Михаил Александрович МАТОРИН,
заведующий кафедрой уголовно-процессуальной
и оперативно-розыскной деятельности Калужского
института (филиала) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
mihamvd@yandex.ru

Юлия Николаевна МАТОРИНА,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин Калужского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
yulyamatorina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА ИЛИ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF PUBLIC CALLS TO CARRY OUT TERRORIST ACTION, PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM OR PROPAGANDA OF TERRORISM

В статье раскрываются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ. Сделан вывод о необходимости согласования терминологии, используемой в уголовном законодательстве и Федеральном законе «О противодействии терроризму», касающейся определения террористической деятельности, дополнения постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» положением о соотношении статей 205.2 и 282 УК РФ и необходимости квалификации по их совокупности при наличии соответствующих признаков составов, аргументировано предложение об изменении санкций ст. 205.2 УК РФ с учетом повышенной общественной опасности этого преступления.

The article considers formal elements of the crime provided for by Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors draw a conclusion on the necessity of matching terminology regarding the definition of terrorist activity used in the criminal legislation and the Federal Law «On Countering Terrorism» of 27.07.2006, as well as adding the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011. «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» by the provision on the correlation of Article 205.2 and Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and the need to qualify them cumulatively in the presence of appropriate elements of crimes; the proposal on changing sanctions of Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation taking into account heighten social danger of this crime is argued.

Ключевые слова: квалификация преступлений, террористическая деятельность, публичные призывы, пропаганда терроризма, оправдание терроризма, уголовная ответственность, смежные составы.

Keywords: qualification of crimes, terrorist activity, public appeals, propaganda of terrorism, justification of terrorism, criminal liability, related formal elements of the crime.

Норма об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2) появилась в УК РФ после ратификации нашим государством Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.). Однако новелла уголовного законодательства оказалась значительно шире, чем положения данной Конвенции, в ч. 1 ст. 5 которой говорится о публичном подстрекательстве к совершению конкретного террористического преступления, в то время как в ст. 205.2 криминализованы публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в целом.

Анализируя практику применения указанной нормы, можно заметить, что число осужденных по ст. 205.2 УК РФ постоянно растет. Например, с 2010 г. по 2022 г. это количество увеличилось более чем в 100 раз (2010 г. – 2 человека, в 2022 г. – 233 осужденных)¹. В том числе существенно увеличивается число осужденных за квалифицированный вид данного преступления, что связано с естественными причинами активного проникновения в нашу жизнь информационно-телекоммуникационных технологий. Например, в 2021 г. количество осужденных по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ – 29, а по ч. 2 – 170, в 2022 г. по ч. 1 – 41, а по ч. 2 – 233. Наблюдается также увеличение примерно на 40% количества осужденных по анализируемой статье за 2022 г. по сравнению с предыдущим годом, что напрямую связано с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины и вновь присоединенных субъектов и, как следствие, повышением террористической активности.

Если смотреть на наказуемость данного преступления, то следует заметить, что, несмотря на альтернативный характер санкции, в ней предусмотрены только два возможных вида наказаний: штраф и лишение свободы на определенный срок (в ч. 1 – до 5 лет, в ч. 2 – от 5 до 7 лет), что вызывает вопросы, так как самый мягкий вид наказания, во-пер-

вых, предусмотрен за тяжкое террористическое преступление (ч. 2 ст. 205.2. УК РФ), во-вторых, получается сомнительная альтернатива, нарушающая равноправие граждан: если у человека есть возможность уплатить довольно большой штраф (ч. 1 – от 100 000 руб., ч. 2 – от 300 000 руб.), то он останется на свободе, если нет – то ему назначат одно из самых суровых наказаний, причем в соответствии с п. «а¹» ч. 1 ст. 73 УК РФ оно не может быть условным, т.к. это преступление террористического характера. Проиллюстрируем наши выводы статистическими данными. По информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022 году по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ к реальному лишению свободы приговорены 35 человек (из 41 осужденного), к штрафу – 6, по ч. 2 – к реальному лишению свободы – 75 человек (из 233 осужденных), к штрафу – 153, у пяти в наказание был зачтен срок содержания под стражей или домашний арест. На основании приведенных выше доводов представляется целесообразным в санкции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ в качестве альтернативы лишению свободы предусмотреть не только штраф, но и, например, принудительные работы на срок до 5 лет. А в санкции ч. 2 ст. 205.2 УК РФ штраф как основное наказание исключить и сделать санкцию относительно определенной, что больше будет согласовываться с общественной опасностью данного преступления и его отнесением к категории тяжких.

Вопрос о непосредственном объекте публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания и пропаганды терроризма в специальной литературе решается неоднозначно. Исследуемый объект является специфическим компонентом общественной безопасности (как видового объекта данного преступления в силу нахождения в главе 24 раздела IX УК РФ), вобравшим в себя условия самого существования общества, затрагивающим глубинные интересы в сфере обеспечения безопасных условий жизни личности, общества и государства. Его можно опреде-

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ Сайт: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 28.02.2023).

лить как основы общественной безопасности, особенность которых состоит в том, что они включают совокупность общественных отношений по обеспечению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, общественного спокойствия, имущественных интересов физических и юридических лиц, нормальной деятельности государственных и общественных институтов [подр.: 5].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, характеризуется следующими альтернативными действиями: 1) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; 2) публичное оправдание терроризма; 3) пропаганда терроризма.

Определение террористической деятельности дается в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и включает в себя не только реализацию терактов, но и различные варианты содействия террористической деятельности, организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, пропаганду, оправдание терроризма и т.д.

В примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ сказано, что «под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ». Сравнение данных нормативных положений позволяет сделать вывод, что уголовно-правовое определение террористической деятельности шире понятия, сформулированного в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ. Это – давняя проблема несогласованности терминологии в УК РФ и комплексном законе, посвященном противодействию терроризму, а также отсутствия понятия и перечня преступлений террористического характера на уровне законодательства, в то время как для обозначения определенного вида преступлений его использование вполне целесообразно и в науке, и на практике.

Рассмотрим поочередно каждое из действий, составляющих обязательный признак объективной стороны этого преступления. Толкование понятия публичных призывов предложено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1: «Под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности». Важным является тот факт, что публичность призывов связана с обращением именно в двум и более лицам, в противном случае речь должна идти о преступлении, предусмотренном ч. 1.2 ст. 205.1 УК РФ. Высшая судебная инстанция в упомянутом выше постановлении предлагает оценивать наличие данного признака «с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)».

В качестве примера анализируемого варианта действий, составляющих объективную сторону этого преступления, можно привести следующее дело. Судебная коллегия по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда признала виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, иностранного гражданина за то, что он на своей странице в социальной сети «разместил материалы для публичного ознакомления, содержащие побуждения к джихаду с использованием террористов-смертников, а также признание практики терроризма правильной и нуждающейся в поддержке. Как установлено в судебном заседании, данная информация преследовала цель побудить читателей к осуществлению деятельности, связанной с распространением и утверждением ислама насильственным путем»¹.

1 В Приморье осудили иностранца за призыв к терроризму // Комсомольская правда: сайт. URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/26726.5/3752663/> (дата обращения: 27.02.2023).

Определение публичного оправдания терроризма дается в примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ. Под ним понимается «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». При этом под идеологией и практикой терроризма понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹.

Здесь уместно привести слова А.А. Кунашева, который справедливо указывает, что общественная опасность призывов состоит в том, что «они продуцируют террористическую активность, готовят почву для совершения новых преступлений», в то время как «публичное оправдание терроризма направлено на то, чтобы вызвать сочувствие, симпатию к террористам, придать им ореол героев, борцов за правду, свободу, «чистоту веры» и пр., обосновать целесообразность и правильность их преступного поведения, которое заслуживает поддержки и подражания» [2].

Эти действия могут быть выражены в форме прямого высказывания в местах массового скопления людей, а также завуалированного оправдания террористов в фильмах, художественных произведениях и т.п.

Интересной формой публичного оправдания терроризма являются действия имама московской мечети М.А. Велитова, который в сентябре 2013 г. устно выразил оправдание члена группировки «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (запрещенной в Российской Федерации) Абдуллы Гаппаева (в возбуждении уголовного дела в отношении которого по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 и ст. 278, ч. 1 ст. 282.2 и ч. 1 ст. 205. 1 УК РФ, отказано в связи со смертью). По оценке суда, оправдание совершено при произнесении им проповеди, в том числе заупокойной молитвы о погибшем Гаппае-

ве, касающейся его личности и деятельности как члена запрещенной в России террористической организации. М.А. Велитов был признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ². После чего он обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, ст. 8 Федерального закона «О государственной судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации» и рядом норм УПК РФ, однако Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению (определение от 29.05.2018 N1390-О).

По конструкции объективной стороны состав данного преступления является формальным. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (часть 1 статьи 205.2 УК РФ) считаются оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет. Публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания». Но в теории уголовного права рассматривают и иную версию. Например, В.Л. Кудрявцев считает, что преступление имеет усеченный состав [1]. Однако вряд ли здесь можно усмотреть основной признак усеченного состава – перенос законодателем момента окончания на стадию приготовления к преступлению или покушения на преступление в силу повышенной общественной опасности. Отсюда формальный характер состава представляется наиболее правильным вариантом характеристики данного преступления.

Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. N 445-ФЗ «О внесении изменений в

1 О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 N35-ФЗ (ред. от 26.05.2021).

2 Суд подтвердил приговор осужденному за оправдание терроризма имаму // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/598075cb9a79472e39ac9074>(дата обращения: 27.02.2023).

Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» в статью 205.2 УК РФ было введено понятие «пропаганда терроризма», а в примечании 1.1 отражена его сущность: «Под пропагандой терроризма следует понимать деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Необходимость подобного дополнения диспозиции анализируемой нормы появилась давно, но актуализировалась в связи с событиями в Сирии. По мнению первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» Адальби Шхагошева, «после серьезных потерь международные террористические организации направят все силы и средства на вербовку новых людей, и пропаганда станет их главным оружием»¹.

Данный вариант действий в объективной стороне рассматриваемого преступления имеет определенную специфику в сравнении с первыми двумя. Во-первых, при пропаганде не требуется установления признака публичности, ответственность будет наступать и за действия, направленные на формирование идеологии терроризма даже у одного лица. Во-вторых, в отличие от публичных призывов пропаганда – это совокупность действий, деятельности, преследующей обозначенные цели. Однократное действие, высказывание, комментарий в соцсетях не дадут следствию и суду основания вменять лицу в вину признак пропаганды этого опасного социально-правового явления.

В качестве примера можно привести решение Судебной коллегии по делам военнослужащих, которая квалифицировала действия С. по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправ-

дание терроризма, пропаганду терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Интерес представляет данное судом описание действий осужденного, разместившего на своей странице «ВКонтакте» соответствующие материалы, подпадающие под признак пропаганды терроризма: «Эксперты... установили, что в материале второго комментария утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы.

Как следует из показаний свидетеля Ш., он неоднократно обсуждал с С. размещенные им в сети Интернет публикации... Таким образом, изложенные в приговоре действия С., форма и содержание размещенных им в сети Интернет в свободном доступе публикаций... в совокупности свидетельствуют о том, что он не только совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, но и осуществил деятельность по распространению материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, то есть совершил пропаганду терроризма»².

Очень ценным с точки зрения толкования термина «пропаганда» является следующее разъяснение по конкретному уголовному делу, нашедшее отражение в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за 2020 год: «Согласно примечанию 1.1 к ст. 205.2 УК РФ действия лица, пропагандирующего терроризм, направлены на лиц, у которых идеология терроризма и убежденность в ее привлекательности не сформированы, а

1 Семь лет за пропаганду терроризма // В Госдуме подготовили поправку в антитеррористическое законодательство: сайт. URL: <https://iz.ru/660798/marina-iurshin-a/sem-let-za-propagandu-terrorizma> (дата обращения: 22.02.2023).

2 Апелляционное определение N 225-АПУ19-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

представление о допустимости осуществления террористической деятельности отсутствует. Именно в возможности изменения мировоззрения лиц, на которых направлена пропаганда терроризма, заключается общественная опасность данного преступления.

В свою очередь, лица, у которых названная идеология сформирована, убеждены в ее привлекательности и допускают осуществление террористической деятельности, не могут являться участниками данных правоотношений, поскольку эта система взглядов и идей сформирована не субъектом данного конкретного преступления и до него»¹.

В ч. 2 ст. 205.2 УК РФ в качестве отягчающего ответственность обстоятельства предусмотрено совершение этого преступления с помощью средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Данный квалифицирующий признак последнее время активно используется для конструирования квалифицированных составов, так как это существенно расширяет аудиторию охвата лиц, к которым адресованы обращения в так называемых «призывных» преступлениях, а также указанные средства облегчают совершение ряда преступлений и позволяют виновным избегать уголовной ответственности в ряде случаев.

Если преступление совершено с использованием сетевых изданий, не зарегистрированных в качестве СМИ в установленном порядке, то содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ как деяние, совершенное с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Особое внимание Верховный Суд РФ в своем постановлении уделяет моменту окончания данного квалифицированного вида преступления: «Преступления, предусмотренные частью 2 статьи 205.2 УК РФ, связанные с использованием средств массовой информации, следует считать оконченными с

момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию).

При совершении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования, отправления сообщений другим лицам»².

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, является физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Проблемы при квалификации по признаку субъекта появляются, когда автором «призывной» или содержащей пропаганду или оправдание терроризма информации является один человек, а распространяет ее другой. Одни ученые таких лиц предлагают признавать соисполнителями анализируемого преступления, другие рассматривают в качестве исполнителя только лицо, которое распространило информацию, а ее автора предлагают признавать пособником [4]. Высшая судебная инстанция, как указывалось выше, также связывает окончание анализируемого преступления именно с распространением соответствующей информации. На основании изложенных аргументов более верной видится вторая точка зрения, которая косвенно подтверждается международными документами. В частности, ст. 5 Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» определяется публичное подстрекательство как «распространение или иное представление», в то время как создание информации не входит в данное понятие.

1 Апелляционное определение N 201-АПУ19-36 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. Судебная коллегия по делам военнослужащих. N 3. 2019 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016), п.п. 21, 21.1.

Субъективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма характеризуется виной в форме прямого умысла. Мотивы и цели преступника значения для квалификации не имеют.

Серьезной проблемой квалификации любого преступления является отграничение от смежных составов. Не является исключением и ст. 205.2 УК РФ. Вызывает вопросы ее соотношение со ст. 280 УК РФ. В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в силу предписаний части 3 статьи 17 УК РФ подлежат квалификации не по статье 280 УК РФ, а в зависимости от обстоятельств дела по части 1 или части 2 статьи 205.2 УК РФ»¹. То есть налицо конкуренция общей и специальной нормы.

Однако на практике встречаются более сложные случаи, когда лицо одновременно призывает и к экстремистской, и к террористической деятельности либо оправдывает терроризм или пропагандирует идеологию терроризма. В такой ситуации действия виновного должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ и соответствующей частью ст. 205.2 УК РФ.

В подтверждение обозначенного нами тезиса приведем пример из практики: «Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ рассмотрела уголовное дело по апелляционной жалобе адвоката осужденного А.Б.Д. на приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 июля 2018 г., по которому он был приговорен по ч. 1 ст. 205.2, ч. 2 ст. 280 УК РФ к трем годам шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Судом было установлено, что 13 апреля 2016 г.

А.Б.Д., действуя на почве религиозной вражды, разделяя идеологию радикального ислама, с целью ознакомления неограниченного круга лиц на общедоступной странице одной из социальных сетей разместил два текстовых материала, один из которых содержал публичное оправдание терроризма, а второй – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, к вооруженной борьбе против группы лиц, выделенной по религиозному признаку. При этом он осознавал экстремистскую направленность размещенного материала и действовал в целях ознакомления с ним неограниченного круга лиц и формирования у них желания вступить в такую борьбу»².

Иначе «взаимодействуют» ст. 205.2 и 282 УК РФ. Они уже не соотносятся как общая и специальная нормы, поэтому не могут конкурировать между собой. Если лицо не только публично призывает к осуществлению террористической деятельности, но еще и публично совершает действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, его действия, при наличии указанных в ч. 1 или 2 ст. 282 УК РФ признаков следует квалифицировать по совокупности ст. 205.2 и ст. 282 УК РФ. Подобные разъяснения можно встретить на практике»³.

Могут возникнуть проблемы разграничения деяний, квалифицируемых по ст. 280.1 и 205.2 УК. По предложению Генеральной прокуратуры РФ Пленум Верховного Суда РФ дополнил п. 6.2 постановления N 11 новым разъяснением о применении ст. 280.1 УК РФ и разрешении вопроса о ее конкуренции со ст. 205.2 УК РФ. Так, именно ст. 205.2, а не ст. 280.1 УК РФ подлежит применению в

1 О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021).

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.09.2018 N 205-АПУ18-23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2023).

3 Апелляционное определение N 208-АПУ18-3 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2018) : утв. Президиумом ВС РФ 14.11.2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2023).

случаях, когда призывы касаются насильственного захвата власти, насильственного удержания власти, насильственного изменения конституционного строя государства, а равно вооруженного мятежа, имеющих своей целью нарушение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации.

«В разъяснении в п. 6.2 приняты во внимание положения ч. 3 ст. 4 Конституции РФ, согласно которым в основы конституционного строя Российской Федерации входит обеспечение целостности и неприкосновенности территории государства. Разъяснение также учитывает положения п. 2 примечаний к ст. 205.2 УК РФ, относящие действия, направленные на насильственный захват власти, насильственное удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя России (ст. 278 УК РФ), а также вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ) к объему понятия террористической деятельности, к осуществлению которой публично призывают лица, совершающие преступления, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ», – отмечают С.В. Борисов и Е.В. Пейсикова [3].

В заключение можно сделать следующие выводы.

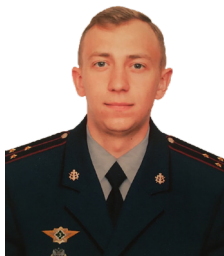
1. Необходимо устранить давнюю проблему несогласованности терминологии в нормах УК РФ и комплексном законе о противодействии терроризму, касающейся определения террористической деятельности, так как разный объем наполнения одного и того же понятия порождает коллизии норм права и ведет к сложностям правоприменения. В развитие этого вопроса следует указать и на отсутствия понятия и перечня преступлений террористического характера на уровне законодательства, в то время как для обозначения определенного вида преступлений его использование вполне целесообразно и в науке, и в практической деятельности.

2. Санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 205.2 УК РФ нуждаются в совершенствовании с учетом повышенной общественной опасности данного преступления и соблюдения принципа справедливости.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 следует дополнить пунктом, в котором (по аналогии с п.п. 5 и 6.2) указывалось бы на соотношение ст. 205.2 и ст. 282 УК РФ и на необходимость квалификации их по совокупности при наличии соответствующих признаков составов преступлений.

Библиографический список

1. Кудрявцев, В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»: некоторые вопросы теории и практики / В.Л. Кудрявцев // Таможенные чтения – 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том II / под общ. ред. профессора А.Н. Мячина. – СПб., 2012. – С. 104-112.
2. Кунашев, А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации / А.А. Кунашев // Уголовное право. – 2018. – N 6. – С. 81-89.
3. Пейсикова, Е.В. Освобождение от наказания, уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности и преступления несовершеннолетних: новые позиции Пленума ВС РФ / Е.В. Пейсикова, С.В. Борисов // Уголовный процесс. – 2021. – N 12. – С. 68-74.
4. Тарбагаев, А.Н. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. – N 2. – С. 28-39.
5. Фоменко, Е.В. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты : учебное пособие / Е.В. Фоменко, Ю.Н. Маторина. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 186 с.

Александр Владимирович ЗАБРОДИН,
старший оперуполномоченный оперативной группы
Федерального казенного учреждения «КП-30
УФСИН России по Республике Хакасия» (г. Абакан)
sashaeuro8@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К ИСПОЛНЕНИЮ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЖДЁННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

THEORETICAL FOUNDATIONS OF A DIFFERENTIATED APPROACH TO THE EXECUTION OF A CUSTODIAL SENTENCE IN RELATION TO PERSONS CONVICTED OF TERRORIST AND EXTREMIST RELATED INCIDENTS

В статье рассматривается дифференцированный подход к исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, играющий особую роль в достижении основной цели наказания – исправления. Выступая в качестве одного из инструментов борьбы с терроризмом и экстремизмом в местах лишения свободы, дифференцированный подход способствует сохранению стабильной оперативной обстановки в исправительных учреждениях, недопущению совершения новых преступлений, а также качественному процессу реализации наказания в виде лишения свободы в отношении рассматриваемой нами категории осужденных и, соответственно, их исправлению.

The article considers the differentiated approach to the execution of a custodial sentence in relation to persons convicted of terrorist and extremist related incidents, which is essential in achieving the main goal of punishment that is orrection. Acting as one of the tools to combat terrorism and extremism in prison facilities, the differentiated approach contributes to maintaining a stable operational environment in correctional institutions, preventing new crimes, as well as the qualitative process of execution of a custodial sentence regarding to the mentioned category of convicts and respectively to their correction.

Ключевые слова: экстремизм, дифференцированный подход, содержание осужденных, лишение свободы, общественная опасность, личность преступника, средства исправления.

Keywords: *extremism, differentiated approach, prisoner welfare, deprivation of liberty, public danger, identity of the criminal, means of correction.*

В современном мире тема противодействия терроризму и экстремизму занимает особое место ввиду складывающейся обстановки в нашей стране и иных государствах, а также по причине острой необходимости борьбы с данными противоправными явлениями. Процедура реализации уголовно-

го наказания в виде лишения свободы, в том числе в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, должна иметь эффективный механизм правового регулирования и требует тщательного рассмотрения и анализа [7, с. 3].

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в целях эффективного функционирования Федеральной службы исполнения наказаний предусмотрен ряд мероприятий, направленных на обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы, а именно: повышение эффективности деятельности учреждений, в том числе в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности; разработка комплекса мер, направленных на своевременное выявление в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений¹. Данные положения иллюстрируют правильное направление развития службы: с учетом складывающейся обстановки в стране и мире выявление носителей террористических и экстремистских убеждений, противодействие их противоправной деятельности необходимы. По причине того, что в настоящее время уголовно-исполнительная система находится в состоянии «турбулентности», существует потребность в реализации действенных мер по повышению эффективности деятельности данной службы, в том числе в процессе реализации наказания в отношении террористов и экстремистов. Использование дифференцированного подхода при реализации наказания в отношении экстремистов является одним из направлений противодействия негативному влиянию лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Обращаясь к теоретическим основам исследования дифференцированного подхода при реализации уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, нельзя обойти вниманием методологические аспекты типологического или, иначе, таксономического исследования [7, с. 32]. Применение данного метода позволит обеспечить более глубокое познание дифференцированного подхода к исполнению наказания в отно-

шении указанной категории осужденных. Тема дифференцированного подхода в науке уголовно-исполнительного права в достаточной мере исследована, однако в силу постоянного совершенствования правоотношений можно и нужно синтезировать новые знания в части, касающейся дифференцированного подхода.

Отметим, что термин «дифференциация» имеет прямую связь с терминами «классификация» и «типологизация». Как справедливо отмечает П.В. Тепляшин, метод классификации позволяет обнаружить место каждого элемента пенитенциарной системы в определенной группе при четко очерченной границе между классами [9, с. 212]. Типологизация выступает в качестве одной из составляющих классификации и представляет соотношение между разными типами предметов и явлений внутри системы. Рассматривая критерий типологизации, мы можем выявить детерминанты совершения преступлений террористической и экстремистской направленности, так как изучение личности преступника-террориста или экстремиста позволяет сделать вывод обо всех категориях лиц, осужденных за совершение преступлений данной направленности. Таким образом, классификацию и типологизацию можно отнести к важным методологическим процедурам, позволяющим решить задачи исследования.

Дифференциация исполнения наказания оказывает огромное влияние на содержание и способы реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики [5, с. 35]. Кроме того, дифференциация исполнения наказания предполагает, что в зависимости от характера совершенных преступлений к различным категориям осужденных, в том числе за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, необходимо применение различного объема правоограничений, карательного воздействия. Работа с различными категориями осужденных должна строиться не только с учетом пола, возраста, особенностей личности, но и характера и степени тяжести совершенного преступления, а также

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р.

отношения к процедуре исправления. Не является исключением и рассматриваемая нами категория осужденных.

В практической деятельности исправительных учреждений существуют примеры, подтверждающие важность применения дифференцированного подхода. Летом 2020 года в ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия осужденный С., руководствуясь положениями радикального ислама, находясь в жилой зоне, публично утверждал о необходимости распространения своей идеологии. Впоследствии С. был осужден за совершение указанного преступления к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Подобного рода деяния негативно воздействуют на состояние оперативной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Благодаря пониманию целесообразности создания соответствующих условий содержания для указанного осужденного, в том числе при применении дифференцированного подхода, а также слаженным действиям сотрудников данного учреждения, удалось сохранить оперативную обстановку в стабильном состоянии.

25 июля 2016 года следственными органами Республики Хакасия возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 212 УК РФ по факту массовых беспорядков, произошедших в ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, и участия в них. Огромную роль в организации подготовки к массовым беспорядкам сыграли лица, осужденные за совершение преступлений террористического характера. Вербуя на протяжении нескольких месяцев других осужденных, они подготовили «единомышленников» для совершения попытки оказания негативного влияния на оперативную обстановку в исправительном учреждении [подр.: 2, с. 335]. Применение администрацией указанного учреждения дифференцированного подхода в отношении рассматриваемой нами категории осужденных могло бы позволить недопущению совершения противоправных действий.

В январе 2022 года осужденная Б., отбывающая наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-28 УФСИН России по Республике Хакасия за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», подала ходатайство об условно-досрочном освобождении из исправительного учреждения. В ходе проведения административной комиссии данная осужденная сообщила о том, что в случае досрочного освобождения из мест лишения свободы она намерена продолжить ранее осуществляемую деятельность. Разумеется, цель уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденной Б., а именно исправление, не была достигнута, в связи с чем ходатайство данной осужденной осталось без поддержки администрации учреждения. Следовательно, существует высокая значимость дифференцированного подхода в правоприменительной деятельности.

Проводя анализ ч. 4 ст. 73 УИК РФ, необходимо обратить внимание на положение о том, что лица, осужденные за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также осужденные за иные преступления, в отношении которых имеется информация об их приверженности терроризму, исповедании, пропаганде или распространении ими такой идеологии и оказании ими негативного воздействия на других осужденных, а также иные категории осужденных, указанные в вышеназванной статье, «направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы». Полагаем, что законодатель верно определил важность отделения осужденных террористов и экстремистов от остальной массы осужденных. Причем в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют исправительные учреждения для конкретной категории осужденных. С одной стороны, в данном случае подчеркивается особое отношение законодателя к лицам, осужденным за совершение преступлений против основ конститу-

ционного строя и безопасности государства, общественной безопасности, а также иным особо учитываемым категориям осужденных, с чем сложно не согласиться. Но, с другой стороны, в случае отбывания наказания вдали от основного места жительства у осужденных зачастую теряются социально полезные связи, что может прямо пропорционально повлиять на исправление осужденных, а также их дальнейшую реабилитацию, в том числе постпенитенциарную.

П.В. Тепляшин, исследовавший политику «враждебной пенологии», в соответствии с которой институционализируется категория «враг», под указанной категорией предлагает понимать не просто преступника, а лицо, которое противопоставляет себя существующей системе социальных ценностей, совершает преступление не в отношении конкретной личности, а в отношении сложившихся правил и общественной морали, а также лицо, заподозренное в намерении совершить преступление против общественной безопасности. Соответственно, общество (в своем большинстве) осознает целесообразность преимущественного жесткого и предупредительного обращения с таким «врагом» социальных установлений [8, с. 12]. К подобной категории можно отнести лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, которых суд признал виновными именно в посягательствах на общественную или государственную безопасность, а также конституционный строй. Именно рассматриваемая нами категория осужденных может относиться к категории «враг». Следовательно, процедура исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за терроризм и экстремизм нуждается в более тщательном исследовании.

Согласимся с мнением С.М. Савушкина о том, что опасный преступник должен содержаться в безопасном месте на основании оценки, что он может совершить подобное преступление в будущем [4, с. 99]. Тем не менее, автор утверждает, что опасным преступником признается человек, который осужден за совершение тяжкого или особо тяжкого

преступления сексуального или насильственного характера и который представляет риск совершения повторных преступлений против личности. На наш взгляд, опасным преступником должен признаваться именно тот человек, чьи противоправные действия несут реальную угрозу такому важнейшему институту, как государство. Однако следует учитывать, что, например, лица, совершившие преступления сексуального или насильственного характера, как правило, находясь в исправительных учреждениях, особой опасностью не обладают, так как, учитывая наличие в местах лишения свободы криминальной субкультуры, данные лица, как правило, имеют низкий социальный статус в среде осужденных. Гораздо большей опасностью обладают лица, совершившие преступления террористической и экстремистской направленности.

Справедливо отмечал В.Д. Филимонов, что преступника выделяет из числа других людей совершенное им преступление. Оно является показателем существования определенных отрицательных свойств его личности. Здоровые свойства сознания преступника служат основой для успешной деятельности по его перевоспитанию [10, с. 19].

Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер отмечали, что негативные последствия преступления являются основным, но не единственным компонентом общественной опасности. В качестве второго компонента выделяется возможность повторяемости преступлений в будущем и, соответственно, наступления новых последствий [3, с. 117].

Продолжением противоправной деятельности террористов и экстремистов может выступать вербовка иных осужденных в террористическую и экстремистскую деятельность. Учитывая высокий уровень общественной опасности рассматриваемой нами категории осужденных, можно говорить о возможности их отрицательного влияния на других осужденных, в том числе положительно характеризующихся; на иных лиц (персонал учреждений, в том числе вольнонаемный); на обстановку в учреждении в целом. Данные аргументы свидетельствуют о важности применения дифференцированного подхода к

исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении данной категории осужденных. Применение дифференцированного подхода в процедуре реализации наказания способствует эффективному достижению основной его цели – исправлению. Данный подход отражает сохранение интересов всех структур в механизме государственного аппарата (в том числе соответствует как интересам личности, общества, так и государства в целом) [11, с. 125].

В уголовно-исполнительном законодательстве реализуется формально-юридический метод, позволяющий описать и систематизировать государственно-правовые явления. Дифференцированный подход частично проиллюстрирован, например, в ч. 4 ст. 73, ст. 74 УИК РФ в части, касающейся отбывания наказания в виде лишения свободы отдельных категорий осужденных (наиболее опасных) в соответствующих видах исправительных учреждений в местах, «определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы», а также предназначении видов различных учреждений, соответственно.

По мнению А.В. Бриллиантова, можно выделить три группы оснований для дифференциации: в первую группу входят основания, характеризующие осужденного: возраст, пол, наличие судимости, физическое состояние и т.д.; во вторую – основания, субъективно характеризующие поведение осужденного: отношение к труду, воспитательному воздействию, поведение в период отбывания наказания и т.д.; в третью – основания, характеризующие преступление, совершенное правонарушителем [1, с. 34-35]. С указанным мнением сложно не согласиться, однако названные автором группы критериев дифференциации целесообразно обозначить как криминологические, уголовно-исполнительные, уголовные критерии дифференциации. Данная триада оснований может быть

положена в основу дифференцированного подхода в отношении осужденных, «зараженных» террористическими и экстремистскими убеждениями.

В унисон этому В.И. Селиверстов писал, что уголовное законодательство устанавливает дифференцированный подход к назначению вида исправительного учреждения, где отбывают лишение свободы, в зависимости от пола, возраста осужденных, тяжести совершенного преступления, рецидива, формы вины [6, с. 35]. Уголовно-исполнительное законодательство дополняет данную дифференциацию с учетом поведения осужденных в местах лишения свободы, состояния здоровья и других признаков. Соответственно, различаются и условия отбывания лишения свободы.

Таким образом, теоретические вопросы дифференциации при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, занимают важное место в перечне вопросов реализации наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных, которые имеют возможность продолжать противоправную деятельность в местах лишения свободы, распространяя свою идеологию среди иных осужденных. Это приводит к необходимости проведения непрерывной работы по борьбе с терроризмом и экстремизмом в местах лишения свободы, применяя в первую очередь дифференцированный подход. Огромное количество примеров совершения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период отбывания наказания в виде лишения свободы представителями рассматриваемой нами категории осужденных позволяет сформировать вывод о необходимости раздельного содержания данной категории лиц с остальной массой осужденных.

Библиографический список

1. Бриллиантов, А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / В.А. Бриллиантов. – М., 1998. – 48 с.
2. Овинова, Ю.А. О некоторых обстоятельствах совершения и расследования массовых беспорядков в местах лишения свободы лицами, осужденными за совершение преступлений террористической направленности (на основе анализа практики деятельности исправительных учреждений УФСИН России по Республике Хакасия) / Ю.А. Овинова, А.В. Забродин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – N 8 (171). – С. 332-336.
3. Прокументов, Л.М. Общественная опасность групповой преступности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – N 311. – С. 116-119.
4. Савушкин, С.М. Основания дифференциации осужденных к лишению свободы: перспективы развития / С.М. Савушкин // Алтайский юридический вестник. – 2017. – N 2(18). – С. 98-102.
5. Савушкин, С.М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы дифференциации осужденных к лишению свободы : монография / С.М. Савушкин. – Новокузнецк, 2020. – 148 с.
6. Селиверстов, В.И. Отбывание лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом использования их интеллектуального и креативного потенциала: новый научный проект / В.И. Селиверстов // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – N 1. С. 34-38.
7. Тепляшин, П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование) : дис. ... докт. юрид. наук. / П.В. Тепляшин. – Красноярск, 2018. – 496 с.
8. Тепляшин, П.В. Политика «враждебной пенологии» («enemy penology»): концептуальные основы, содержание и интерпретация через призму отечественного уголовно-исполнительного законодательства / П.В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – N 1 (62). – С. 10-16.
9. Тепляшин, П.В. Славянский и советский пенитенциарный тип (в контексте типологизации европейских пенитенциарных систем) / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – N 2. – С. 210-216.
10. Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, критерии) / В.Д. Филимонов. – Томск: изд-во ТГУ, 1970. – 275 с.
11. Teplyashin, P. V. Optimization principles of penal execution system of Russia in the context of European penitentiary practice / P. V. Teplyashin // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – V. 13. – N. 1. – С. 123-131.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.85

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_85

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
den_tok@mail.ru

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 228 УК РФ¹

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 228 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются признаки незаконных приобретения, хранения, перевозки, изготовления и переработки наркотиков без цели их сбыта, особенности квалификации данных преступлений. Обосновывается вывод о том, что по ст. 228 УК РФ следует квалифицировать действия, совершенные как с целью личного потребления наркотиков, так и в целях их использования в хозяйстве (быту), при условии, что такие действия создавали риск немедицинского потребления наркотиков другими лицами. Предлагается как сбыт наркотиков путем их перепродажи квалифицировать действия лица, которое за вознаграждение по просьбе и на деньги приобретателя наркотиков лично осуществляет онлайн-покупку наркотиков, затем, получив координаты места тайника с закладкой наркотика, забирает его из тайника и передает приобретателю.

The article discusses the signs of illegal acquisition, storage, transportation, manufacture and processing of drugs without the purpose of their sale, the characteristics of the qualification of these crimes. The conclusion is substantiated that according to Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, actions committed both for the purpose of personal consumption of narcotic drugs and for the purpose of their use in the household (household) should be qualified, provided that such actions created a risk of non-medical consumption of narcotic drugs by other persons. It is proposed in case of the sale of drugs by resale to qualify the actions of a person who, for a fee, at the request and with the money of the acquirer of drugs, personally makes an online purchase of drugs, then, having received the coordinates of the hiding place with the drug mark, takes it from the hiding place and transfers it to the acquirer.

Ключевые слова: изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, наркотические средства, наркотики, психотропные вещества, оконченное преступление, неоконченное преступление.

Keywords: manufacturing, processing, acquisition, storage, transportation, narcotic drugs, drugs, psychotropic substances, completed crime, unfinished crime.

¹ Статья состоит из двух частей. Первая часть статьи была опубликована в прошлом номере журнала.

Незаконная перевозка наркотиков – умышленные действия лица, которое перемещает без цели сбыта наркотика из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства в нарушение установленного порядка (п. 8 ППВС 2006 г. N 14).

Следуя приведенному определению, обязательным признаком объективной стороны незаконной перевозки наркотиков является средство совершения данного преступления. К нему высшая судебная инстанция отнесла любые виды транспорта и любые объекты, применяемые в виде перевозочного средства.

Сложностей с определением понятия транспорта и его видов не возникает. Тем не менее несколько пояснений следует сделать. Транспорт – сложный технологический комплекс, включающий не только транспортные средства (автомобили и т.п.), но пути сообщения (дороги и т.п.) и иные объекты транспортной инфраструктуры (светофоры и другое технологическое оборудование и т.п.). К видам транспорта также относятся трубопроводный и космический транспорт.

Полагаем, что к средствам перевозки наркотиков следует относить не любые виды транспорта и не любые его объекты. К ним могут быть отнесены только транспортные средства – устройства, конструктивно предназначенные для перевозки людей и (или) грузов по сухопутным, водным или воздушным путям сообщения на расстояние, движение которых регламентировано специальными правилами. При этом не имеет значения, что является источником энергии, приводящей такое транспортное средство в движение – двигатель, сила ветра, мускульная сила человека или животного. Поэтому средствами перевозки наркотиков наряду с автомобилями могут выступать, например, трамваи, троллейбусы, мотоциклы, мопеды, велосипеды, лодки, самолеты, поезда, подвижной состав метрополитена, поезда, электросамоскаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и т.п.

Сложнее дело обстоит с определением объектов, применяемых в виде перевозочного средства. Понятие и виды таких объектов не раскрываются ни в нормативных правовых актах, ни в литературе. Вероятно, это объекты, не являющиеся транспортными средствами, т.е. конструктивно не предназначенные для перевозки людей и (или) грузов, но которые могут быть использованы (приспособлены) в качестве перевозочного средства. К таким объектам, полагаем можно отнести мотоблоки, плоты и т.п. Последние могут быть использованы в качестве плавающих средств для перевозки, например, частей наркосодержащих растений, собранных на одном берегу реки, на другой берег реки и т.п.

Наркотики при незаконной перевозке могут размещаться как открыто, так и скрытно, в том числе в специально оборудованных тайниках в транспортном средстве, багаже, одежде, а также в полостях тела человека или животного и т.п. (п. 8 ППВС 2006 г. N 14). В последнем случае человек или животное должны перемещаться на каком-либо транспортном средстве или объекте, используемом в качестве перевозочного. Поэтому действия виновного, который, разместив наркотики в полостях, например, собаки, везет ее в автомобиле, следует квалифицировать как незаконную перевозку наркотиков. В случаях, когда виновный просто ведет собаку на поводке, содеянное не может квалифицироваться как незаконная перевозка наркотиков. Такие действия надлежит считать незаконным хранением наркотиков.

Незаконную перевозку наркотиков необходимо отграничивать от их хранения во время поездки (от «подвижного» хранения). На это прямо обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ (п. 8 ППВС 2006 г. N 14). Однако в правоприменительной практике такое отграничение проводится не всегда. Органы следствия и суды первой инстанции иногда квалифицируют одни и те же действия виновного с одним и тем же наркотиком по двум указанным признакам («перевозка» и «хранение») одновременно, т.е. с «запасом». Суды кассационной и апелляционной инстанции отмечают, что такая квалифи-

кация является ошибочной и приводит к существенному нарушению уголовного закона – к назначению несправедливого наказания¹. В юридической литературе единого подхода к разграничению таких действий нет [напр.: 7, с.43; 10, с. 40].

Следуя разъяснениям высшей судебной инстанции, вопрос о разграничении указанных действий должен решаться в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств перевозки наркотиков и в целом обстоятельств уголовного дела (п. 8 ППВС 2006 г. N 14).

Во-первых, следует учитывать направленность умысла виновного лица (п. 8 ППВС 2006 г. N 14).

При перевозке наркотиков умысел виновного направлен на перемещение таких средств без цели сбыта из одного места в другое. При этом конечной целью таких действий может быть как личное потребление наркотика, так и хранение перемещаемого наркотика, но именно в другом, «удобном» для потребления и (или) надежном для хранения месте, т.е. месте, отличном от места незаконного приобретения таких средств или места их первоначального хранения.

При хранении наркотиков во время поездки («подвижном» хранении) без цели сбыта умысел виновного направлен на незаконное владение этими средствами в пути следования. Конечно, целью таких действий, как правило, является удовлетворение личной потребности в потреблении наркотиков в пути следования, когда возникнет потребность в потреблении (в «удобное» время в любом месте).

Например, как «подвижное» хранение следует квалифицировать действия водителя, который в течение дня возит с собой наркотик для его потребления в удобное для него время в любом месте, где он окажется в такое время. Состав незаконной перевозки в данном случае отсутствует. Аналогичным образом следует квалифицировать действия

пассажира поезда, который берет с собой в поездку наркотики, но не для их перевозки из одного города в другой, а для их потребления в пути следования.

Во-вторых, необходимо учитывать количество (размер) наркотиков, находящихся при виновном (п. 8 ППВС 2006 г. N 14). При перевозке наркотиков его количество превышает, как правило, в несколько раз дозу, которая необходима для потребления в пути следования. При «подвижном» хранении, напротив, размер наркотика не превышает дозу, необходимую для потребления в пути следования или такое превышение не является значительным.

Т. был осужден за незаконные приобретение, хранение, перевозку и изготовление без цели сбыта наркотиков в крупном размере. В кассационном представлении прокурор просил исключить из осуждения Т. незаконную перевозку наркотиков, ссылаясь на то, что действия Т. по перевозке смеси табака с гашишным маслом охватываются признаком хранения. Краевой суд указал, что оснований для исключения из осуждения Т. признака перевозки нет, так как размер перевозимого Т. наркотического средства не являлся разовой дозой, которая в случае необходимости была бы необходимой для наркозависимого лица в применении ее в пути следования².

В-третьих, имеет значение, может ли наркотик в короткое время и без особых усилий приготовлен виновным для его потребления.

Предметом незаконной перевозки могут быть как готовые, так и не готовые к потреблению наркотики (например, части свежесорванной (невысушенной) дикорастущей конопли). Напротив, предметом «подвижного» хранения могут быть только готовые к потреблению наркотики.

Связано это с тем, что при хранении наркотиков во время поездки, как отмечалось выше, умысел виновного направлен на потребление таких средств в пути следования в удобное время (в любом месте, при необхо-

1 Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за первое полугодие 2015 г. : утв. президиумом Пермского краевого суда 21.08.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Президиума Приморского краевого суда от 25.09.2015. Дело N 44У-208/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

димости), соответственно, наркотик должен быть готов к потреблению.

В связи с этим, например, действия гражданина, который, нарвав части дикорастущей конопли, пытался перевезти их к себе домой для высушивания, измельчения и последующего личного потребления, были квалифицированы как незаконная перевозка наркотиков¹.

При разграничении незаконной перевозки наркотиков и их «подвижного» хранения следует также учитывать место нахождения наркотиков, а также иные фактические обстоятельства перевозки наркотиков (п. 8 ППВС 2006 г. N 14). Так, размещение наркотиков в труднодоступном месте, в специально оборудованном тайнике, например в бензобаке автомобиля, свидетельствует о незаконной перевозке наркотиков [9, с. 58]. При «подвижном» хранении наркотик находится при виновном или в непосредственной от него близости, в месте, легкодоступном для извлечения в целях последующего потребления.

Незаконную перевозку наркотиков через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза без цели их сбыта следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 228 и 229.1 УК РФ².

Перемещение наркотиков с использованием транспорта, а также с нарочным (курьером) при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем, когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя, следует квалифицировать как незаконную пересылку наркотиков (п. 17 ППВС 2006 г. N 14). При осведомленности нарочного о реально перемещаемом объекте его действия следует квалифицировать как ис-

полнителя перевозки, а отправителя – как ее организатора.

Незаконную перевозку наркотиков следует считать оконченным преступлением с момента начала перемещения наркотиков с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в виде перевозочного средства, независимо от того, удалось ли виновному фактически доставить наркотики в пункт назначения.

Незаконное изготовление наркотиков – действия, в результате которых из растений, содержащих НС или ПВ, либо их частей, содержащих НС или ПВ, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению НС, ПВ или их аналогов (п. 9 ППВС 2006 г. N 14).

Сущность криминального изготовления наркотиков состоит в химическом превращении веществ, не являющихся наркотическими (не входящих в Перечень наркотиков³) или частей наркорастения, в средство (вещество) относящееся, в соответствии с указанным Перечнем к числу наркотических или психоактивных.

Одним из отличительных признаков состава незаконного изготовления наркотиков является способ совершения данного преступления. Его особенность состоит в изменении химической структуры вещества (п. 9 ППВС 2006 г. N 14), т.е. в проведении химического превращения. Поэтому основу изготовления наркотиков составляют одна или несколько последовательных химических реакций. Так, способом изготовления синтетических (ЛСД и т.п.) и полусинтетических (героин и т.п.) наркотиков является синтез, т.е. проведение многостадийных (сложных) химических реакций; растительных наркотиков (гашишное масло и т.п.) – экстракция (химическая реакция растворения с экстракцией).

Механические способы получения наркотиков (измельчение, растирание, прессова-

1 Приговор Жигул[овского] городского суда Самарской от 01.02.2012. URL: <http://resheniya.sudov9.ru/7/48946>.

2 О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 N 12 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 // СПС «КонсультантПлюс».

ние, надрезание) изготовлением не являются, так как не позволяют провести химическое превращение (не изменяют химическую структуру вещества). Поэтому, например, получение марихуаны путем обрывания плодоносящих и цветущих верхушек и листьев конопли, их последующего высушивания, измельчения и просеивания полученного материала не является незаконным изготовлением наркотиков. Такие действия, следуя подходу Президиума Верховного Суда РФ, следует квалифицировать как незаконное приобретение наркотиков¹.

При химическом способе получения наркотиков, в отличие от механических способов, используются вспомогательные материалы – реактивы и растворители:

1) прекурсоры (например, ацетон, этиловый эфир и т.п.);

2) иные химические вещества (например, известь, бензин, керосин, средства для прочистки труб, пищевая сода, наслоения фосфора с коробок из-под спичек и т.п.);

3) продукты, содержащие животные или растительные жиры (например, молоко, подсолнечное масло и т.п.)².

Очевидно, что для определения способа получения наркотиков (является он химическим или механическим) требуются специальные знания. Поэтому необходимо располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов (п. 2 ППВС 2006 г. N 14).

Момент окончания рассматриваемого преступления связан с фактическим получением средства (вещества), которое отвечает трем условиям (п. 11 ППВС 2006 г. N 14):

1) является НС, ПВ или их аналогом;

2) имеет значительный размер;

3) готово к использованию и потреблению.

Последнее условие не получило однозначного понимания в правоприменительной практике. Суды по-разному квалифицируют действия, когда виновному хотя и удалось получить (изготовить) наркотик, но он не смог довести его до состояния готовности к использованию и потреблению по не зависящим от него обстоятельствам, например в связи с задержанием в процессе «варки» наркотика. Одни суды квалифицируют такие действия как покушение на преступление³, другие – как оконченное преступление: незаконное изготовление наркотиков⁴.

Следуя позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, такие действия не могут квалифицироваться как покушение на преступление, если фактически изготовленное виновным средство относится к наркотикам⁵.

Полагаем, что готовность наркотического средства, психотропного вещества или их аналога к использованию и потреблению не должна рассматриваться в качестве одного из условий признания незаконного изготовления таких средств или веществ окончанным преступлением.

Незаконное изготовление наркотиков следует ограничивать от их незаконного производства, ответственность за которое установлена ст. 228.1 УК РФ.

Отличительным признаком производства наркотиков является серийность их получения (п. 12 ППВС 2006 г. N 14), которая, в свою очередь, предполагает изготовление наркотиков периодически повторяющимися партиями⁶. То есть производство наркотиков в отличие от их изготовления не ограничивается однократным получением наркотиков,

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. N 3. Однако в юридической литературе такая квалификация нашла поддержку не у всех специалистов. Так, Л.Е. Чистова полагает, что такие действия следует квалифицировать как незаконное изготовление наркотиков [15, с. 17].

2 Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2009. Дело N 30-ДП09-4 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Кассационное определение Амурского областного суда от 17.04.2012. Дело N 22-681/12 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Постановление Президиума Приморского краевого суда от 05.03.2018. Дело N 44У-57/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.10.2009. Дело N 30-ДП09-4 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2022. N 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

а является продолжаемым технологическим процессом¹.

При производстве наркотиков используется специальное химическое или иное оборудование (п. 12 ППВС 2006 г. N 14), позволяющее полностью или хотя бы частично механизировать химический процесс и увеличить количество получаемого наркотика².

Незаконная переработка наркотиков может состоять в совершении любого из следующих действий:

1) рафинирование наркотика, т.е. очистка его химического состава от посторонних примесей;

2) повышение концентрации наркотика, находящегося в смеси с другими веществами (препарате);

3) смешивание наркотика с другими фармакологическими активными веществами с целью повышения его активности или усиления действия на организм (п. 10 ППВС 2006 г. N 14).

Переработка наркотиков, как и их изготовление, является химическим превращением. Поэтому не могут рассматриваться как переработка наркотиков действия, в результате которых не меняется химическая структура вещества, например растворение наркотиков водой без дополнительной обработки в виде выпаривания, рафинирования, возгонки и т.п. (п. 9 ППВС 2006 г. N 14).

Отличие незаконной переработки наркотиков от их незаконного изготовления можно провести по исходным материалам, которые виновный использовал для незаконных действий (средства, вещества, части растений на которые виновный оказывает воздействие в преступных целях) и по результату таких действий [подр.: 6; 14; 15].

Отличие в исходном материале:

а) исходным для изготовления наркотиков служат наркосодержащие растения или их

части либо вещества, юридически не относящиеся к наркотикам;

б) исходным материалом для переработки наркотиков служат синтетические или полусинтетические НС или ПВ.

2) Отличие в получаемом результате:

а) результатом изготовления является получение вещества, юридически являющегося наркотиком, т.е. включенного в постановление Правительства РФ N 681 в качестве самостоятельной позиции;

б) результатом переработки – получение более очищенного, концентрированного, активного наркотика (повышение качества наркотика).

Поэтому получение гашишного масла из марихуаны или гашиша следует квалифицировать как незаконное изготовление, а не как переработку наркотиков³.

Переработка наркотиков считается оконченным преступлением с момента повышения их концентрации в смеси, рафинирования или смешивания с фармакологическими активными веществами (п. 11 ППВС 2006 г. N 14).

Субъект и субъективная сторона преступления.

Субъектом рассматриваемых преступлений может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 16 лет.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла и отсутствием цели сбыта наркотиков.

Совершая преступление с прямым умыслом, виновный осознает общественную опасность своих действий, а именно, что они создают угрозу для здоровья населения, и желал совершить эти действия.

Одни авторы полагают, что в содержание вины не входит осознание виновным противоправности совершаемых им действий [4, с. 23], другие, напротив, считают, что вино-

1 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.03.2019. Дело N 33-АПУ19-6 // СПС «Консультант Плюс».

2 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. N 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 // СПС «Консультант Плюс».

3 Обоснованность такой квалификации подтверждается решениями высшей судебной инстанции по конкретным уголовным делам. См.: определение Верховного Суда РФ от 12.10.2009 N 30-ДП09-4 // СПС «Консультант Плюс». Однако в юридической литературе ее правильность ставится под сомнение [напр.: 9 с. 67, 68].

вный должен осознавать незаконность своих действий [2, с. 89].

По нашему мнению, виновный должен (хотя бы в общих чертах) осознавать, что совершает действия в отношении предметов, оборот которых запрещен или ограничен, и их способность оказывать негативное психоактивное (одурманивающее) воздействие на организм человека. Осознания виновным того, что конкретное средство (вещество) включено в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации либо относится к их аналогам, не требуется [3, с. 51; 13, с. 102].

Об осознании виновным общественной опасности своих действий могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

приобретение наркотиков не из легальных источников, через тайник;

маскирующая упаковка наркотика;

использование электронных платежных систем для расчетов, sim-карт, зарегистрированных на других лиц, программ-анонимайзеров для сокрытия IP-адреса;

обустройство специальных тайников для хранения наркотиков или мест для их изготовления;

изучение интернет-сайтов, содержащих информацию о незаконных способах получения наркотиков;

оказание противодействия сотрудникам полиции при задержании;

попытка избавиться от наркотиков (сбросить или уничтожить) при задержании или производстве личного досмотра, обыска и т.п. [5, с. 5, 10, 13; 8, с. 45].

Отсутствие цели сбыта, по смыслу разъяснений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, означает, что виновный совершает указанные действия в целях личного немедицинского потребления наркотика¹. В юридической литературе одни авторы разделяют такой подход², другие дают более широкое толкование

этому признаку – без намерения передать наркотики в распоряжение другого лица [1, с. 21]. Есть мнение о том, что незаконный оборот наркотиков в целях личного потребления должен исключать уголовную ответственность [11]. С последним подходом нельзя согласиться, так как он не отвечает такой стратегической цели антинаркотической политики, как формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте, и создает криминологические риски усиления наркотической пораженности населения [12].

Полагаем, что цель рассматриваемого преступления не следует ограничивать личным потреблением наркотиков. Считаем, что по ст. 228 УК РФ могут быть также квалифицированы незаконное приобретение, хранение и перевозка дикорастущей конопли или ее частей, содержащих НС или ПВ для личного использования в хозяйственно-бытовых целях (для осушения погреба, изготовления веревок (канатов, шпагатов), ткани, настоек для лечения домашних животных, мульчи (костры) для защиты поверхности почвы в сельском хозяйстве и т.п.). Условие – указанные действия создают угрозу немедицинского потребления таких наркотиков другими лицами и соответственно угрозу объекту уголовно-правовой охраны – здоровью населения.

Таким образом, цель рассматриваемого преступления может быть любой, но не связанной с распространением (продажей, дарением и т.п. передачей) наркотиков другим лицам.

Если виновный совершил хотя бы одно из рассмотренных незаконных действий в целях сбыта (распространения) наркотиков, однако по не зависящим от него обстоятельствам ему не удалось их передать приобретателю (например, в связи с его задержанием сотрудниками полиции), то содеянное квалифицируется по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, т.е. как покушение на не-

1 Определение Верховного Суда РФ от 12.05.2011. Дело N 67-Д11-10 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX // СПС «КонсультантПлюс».

законный сбыт наркотиков (п. 13.2 ППВС 2006 г. N 14).

Об умысле на сбыт наркотиков могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, количество (объем), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.п. (п. 13 ППВС 2006 г. N 14).

Между тем по смыслу закона само по себе количество обнаруженного у виновного наркотика, даже если он был расфасован, при отсутствии достаточной совокупности доказательств не может свидетельствовать об умысле на сбыт указанных средств¹.

Б. незаконно приобрел марихуану (12,3 грамма) и кокаин (19,91), расфасованный в 25 пакетиков и перевез их поездом из одного города в другой. Однако фактически распрядится наркотиками он не смог, так как сразу же после прибытия поезда был задержан на перроне вокзала. На допросе Б. пояснил, что приобрел значительное количество наркотиков не для распространения, а про запас для личного потребления в целях снятия болевого синдрома травмированного позвоночника. Следствием было подтверждено, что Б. имеет травму позвоночника, в связи с чем имеет инвалидность третьей группы, и в течение года до задержания употреблял марихуану. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ квалифицировала действия Б. по ч. 2 ст. 228 УК РФ².

Если лицо в силу обмана приобретает вместо наркотиков какие-либо вещества, не являющиеся таковыми, его действия при наличии предусмотренных законом оснований могут квалифицированы как покушение на незаконное приобретение наркотиков (п. 16 ППВС 2006 г. N 14).

Таким образом, при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, необходимо учитывать следующие особенности:

а) незаконное владение наркотиком во время поездки в целях его потребления в пути следования (в удобное время в любом месте), на что могут указывать размер наркотика, не превышающий дозу, необходимую для этих целей, его готовность для потребления и нахождение в непосредственной близости от виновного, следует квалифицировать как незаконное хранение наркотиков без вменения признака «незаконная перевозка» наркотиков;

б) получение марихуаны путем сбора частей дикорастущей конопли и последующего их высушивания и перетирания в целях личного потребления следует квалифицировать как незаконное приобретение и хранение наркотика без вменения признака «незаконное изготовление» наркотиков;

в) получение гашишного масла из марихуаны или гашиша путем химического превращения (проведения химических реакций) следует квалифицировать как незаконное изготовление наркотика, а не как его переработку;

г) незаконное изготовление наркотиков сериями (партиями) с использованием оборудования, позволяющего полностью или хотя бы частично механизировать химический процесс и увеличить количество получаемого наркотика, следует квалифицировать как незаконное производство наркотиков;

д) по ст. 228 УК РФ следует квалифицировать действия, совершенные как с целью личного потребления наркотиков, так и в целях их использования в хозяйстве (быту) при условии, что такие действия создавали риск немедицинского потребления наркотиков другими лицами.

1 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2023. Дело N 5-УД23-21-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Определение Верховного Суда РФ от 06.10.2010. Дело N 5-Д10-70 // СПС «КонсультантПлюс».

Библиографический список

1. Баранчиков, М.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / М.В. Баранчиков. – Орел, 2007.
2. Бобраков, С.И. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств : монография / С.И. Бобраков. – Брянск, 2007.
3. Ведишев, Н.П. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (вопросы квалификации, расследования, ОРМ, экспертизы) : монография / Н.П. Ведишев, Д.Ю. Гладышев. – М., 2016.
4. Винокуров, В.Н. Установление осознания противоправности при контрабанде и сбыте сильнодействующих веществ (ст. 226.1, 234 УК РФ) / В.Н. Винокуров // Наркоконтроль. – 2014. – N 4.
5. Гарманов, В.М. Вопросы установления признаков субъективной стороны при квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества : методические рекомендации / В.М. Гарманов. – Тюмень, 2012.
6. Иванов, И. Разграничение понятий изготовление и переработка наркотических средств наркотических средств / И. Иванов // Законность. – 2001. – N 8.
7. Клименко, Т.М. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств / Т.М. Клименко, В.Б. Малинин. – СПб., 2014.
8. Космодемьянская, Е.Е. К вопросу о возможностях доказывания субъективной стороны преступления при расследовании незаконного оборота аналогов наркотических средств или психотропных веществ / Е.Е. Космодемьянская // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. – 2014. – N 3.
9. Любавина, М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ : учебное пособие / М.А. Любавина. – СПб., 2106.
10. Рарог, А.И. Уголовно-правовое обеспечение борьбы с незаконным оборотом наркотиков / А.И. Рарог, М.Г. Князькова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – N 5 (13).
11. Соктоев, З.Б. Причинность и объективная сторона преступления : монография / З.Б. Соктоев. – М., 2015.
12. Тепляшин, П.В. Декриминализация незаконного хранения наркотиков: гипотетическая перспектива в контексте криминологической постановки проблемы / П.В. Тепляшин // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы международного научно-практического семинара / отв. ред. Д.В. Ким, Н.Н. Цуканов. – Красноярск, 2021.
13. Ткаченко, В.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков : монография / В.В. Ткаченко, С.В. Ткаченко. – Барнаул, 2011.
14. Харевич, Д.Л. О совершенствовании норм, регламентирующих уголовную ответственность за незаконную переработку наркотиков / Д.Л. Харевич // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции: в 2 т. – Иркутск, 2018. – Т. 1.
15. Чистова, Л.Е. Переработка наркотических средств. Ее отличие от их изготовления / Л.Е. Чистова // Инновационная наука. – 2015. – N 11-3.

Оксана Аркадьевна ОВЧИНКО,
старший преподаватель кафедры огневой
подготовки Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск)
oaa08@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ НАРКОТИКОВ КАК СРЕДСТВЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОСИТУАЦИИ

N THE ISSUE OF DRUG LEGALIZATION AS A MEANS OF COUNTERING THE DRUG SITUATION

В статье на основе анализа открытых источников рассматриваются аргументы сторонников и противников легализации «легких» наркотиков как средства противодействия наркоситуации и последствия такого шага в некоторых странах. Делается вывод о взаимоисключающем характере приводимых аргументов, определении необходимости такого шага социально-политической и морально-нравственной ситуацией в стране и неприемлемости легализации для современного российского общества.

Based on the analysis of open sources, the article examines the arguments of supporters and opponents of the legalization of «light» drugs as a means of countering the drug situation and the consequences of such a step in some countries. The conclusion is made about the mutually exclusive nature of the arguments given, the determination of the need for such a step by the socio-political and moral situation in the country and the unacceptability of legalization for modern Russian society.

Ключевые слова: наркомания, каннабис, «легкие» наркотики, легализация.

Keywords: drug addiction, cannabis, «light» drugs, legalization.

Потребление наркотиков и связанная с ним наркопреступность продолжают оставаться одними из острейших проблем современности, наносят непоправимый ущерб здоровью населения и экономике любого государства, угрожают не только государственным интересам, но и национальной безопасности страны и в целом – ее прогрессивному поступательному развитию. Согласно данным доклада о наркоситуации в России, хотя бы однократный опыт употребления

наркотиков в течение жизни имеют 5,6% ее населения – 8,2 млн человек (2020 г. – 5,2%, 7,6 млн человек), при этом с предложением попробовать наркотики сталкивался каждый пятый из числа опрошенных во время социологических исследований респондентов, а приобщение к наркотикам практически в половине случаев (42%) происходит в несовершеннолетнем возрасте¹.

Необходимость противодействия этому явлению в мире не вызывает сомнения, од-

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году. URL: <https://adm.astrobl.ru/storage/documents/226926.pdf>.

нако в последние годы в ряде стран все чаще и громче звучат предложения о целесообразности уменьшения объема пределов уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

В начале XXI века мировой практике известны несколько моделей противодействия наркомании и наркопреступности [7]. Первая – модель «жесткой политики» или «жесткой борьбы», в которой борьба ведется самыми радикальными, в том числе и крайними мерами, вплоть до применения смертной казни. Прямо противоположна ей модель «компромиссной стратегии», предполагающая установление договорных (полуофициальных) отношений с лидерами преступного мира и объединение усилий правоохранительных органов и организованных преступных групп против неорганизованных преступных групп и отдельных лиц, занимающихся наркоторговлей. Модель «либеральной политики» обусловлена неэффективностью уголовной политики борьбы с незаконным оборотом наркотиков и состоит в реализации идеи о легализации наркотических средств. В качестве четвертой модели можно указать взятую за основу в Российской Федерации многофакторную модель, стратегическими целями которой являются сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков, формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте [6, с. 268].

Вещества, изменяющие состояние человека, были известны людям, наверное, с самого начала человеческой цивилизации. При раскопках шумерских поселений (более 5 тысяч лет до нашей эры) найдены письменные

упоминания о напитке, который именовался «радость». Ученые справедливо полагают, что речь идет об опиуме [3]. Лечебник китайского императора Шэнь-нуна (3 тысячи лет до нашей эры) рекомендовал применение гашиша в качестве «лекарства от рассеянности, кашля и поноса» [3].

В самом начале XIX века был получен продукт переработки опиума – морфий, а в середине века была изобретена инъекционная игла, упростившая употребление нового наркотика. Морфий широко использовался в медицине в качестве обезболивающего, что в периоды войн и революций неминуемо вело к увеличению числа наркоманов из числа раненых, получавших подобное лечение. В начале XX века также широко распространился кокаин. В дореволюционной России он считался «богемным» наркотиком¹.

Первые законодательные акты Советской России хотя и указывали ответственность за спекуляцию кокаином (например, предписание СНК от 31 июля 1918 г. N 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином»), но были направлены именно на борьбу со спекуляцией, оставляя «за кадром» употребление как таковое. И лишь 6 ноября 1924 г. вышло постановление СНК «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами», которым запрещалось свободное (в пределах РСФСР) обращение всех сильнодействующих средств, разрушающих народное здоровье (кокаин и его соли, опий и его производные: морфий, героин и др.).

В начале XX века путем синтеза был получен первый синтетический наркотик – мескалин. А в начале XXI появились курительные смеси, соли и т.д.

1 Вообще с наркотическими препаратами связаны достаточно большое количество литературных источников того времени. Например, М.А. Булгаков в рассказе «Морфий» описывает ощущения от употребления наркотика, Александр Вертинский писал: «Вот тут-то и появился кокаин ... Продавался он сперва открыто в аптеках, в запечатанных коричневых баночках, по одному грамму. Самый лучший, немецкой фирмы «Марк», стоил полтинник грамм. Потом его запретили продавать без рецепта, и доставать его становилось все труднее и труднее. Его уже продавали с рук – нечистый, пополам с зубным порошком, и стоил он в десять раз дороже» (Вертинский А. Дорогой длиною... М.: Правда, 1991. С. 74) Кокаин, марафет, морфий присутствовали во многих произведениях: Горсточка звезд, / ори! / Шарахайся испуганно, вечеринки! Идем! / Раздвиг на самок / ноздри, / выведенные зубами кокаина! (В. Маяковский «Война и мир»), Сколько раз он рыт и бит, / Сколько им / Сыпан зимами с копыт / Кокаин! (Б. Пастернак «До всего этого была зима»), Что Вы плачете здесь, одинокая глупая деточка / Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы? / Вашу тонкую шейку едва прикрывает горжеточка. / Облысевшая, мокрая вся и смешная, как Вы... (А. Вертинский «Кокаинистка»), Я в сердце впрыскиваю пряный / тягучий кокаин стихов (И. Савин), Не вдыхай магнолий кокаина (С. Алымов) и многие, многие другие, но это тема совсем другого исследования.

Первые меры по борьбе с употреблением наркотиков история связывает с Китаем – так называемые опиумные войны (1840 г., 1856 г.). В европейских и североамериканских странах антинаркотические меры начали применяться практически спустя столетие, а в 1961 году ООН приняла Единую конвенцию «о наркотических средствах», запретившую наркотики (в том числе так называемые «легкие») на международном уровне. Но в 1964 г. в США стало формироваться движение, призывавшее легализовать каннабис, и уже в марте 1972 г. Национальная комиссия по марихуане и злоупотреблению наркотиками под председательством Рэймонда П. Шейфера пришла к выводу об относительной безвредности каннабиса, и о преувеличении опасности его употребления [2]. После бума тесно связанного с наркотиками движения хиппи в ряде стран – США, Великобритания, Канада, Нидерланды и Австралия – «легкие» наркотики были легализованы. В качестве аргументов, кроме «относительной безопасности каннабиса» приводились доводы и о прибыли госбюджета, и – звучащие и сегодня – о том, что «запретный плод сладок», и о том, что криминал, занимающийся сбытом наркотиков, «останется без работы». Однако когда наркокартели поняли, что поставки «легких» наркотиков больше не приносят прибыли, они просто переключили свои логистические цепочки на другие, более «тяжелые» наркотики [10].

В поддержку легализации наркотиков и отказ от политики административных запретов в отношении наркотиков с 1970-х гг. последовательно выступал американский экономист Милтон Фридмен, лауреат премии имени А. Нобеля по экономике за 1976 г., обосновывая это с точки зрения законов экономики: рыночная экономика должна регулироваться рыночными законами, а не государственными запретами и нормативными актами. Запрет, по его аргументации, не ликвидирует спрос, а как следствие, и рынок. Запрет меняет статус потребления, которое из легального превращается в нелегальное. Между тем легальный рынок более подвержен контролю со стороны государства, к

тому же прибыль от легального рынка в виде налогов поддерживает государственную казну, позволяя тем самым более качественно организовать лечение наркозависимых.

На наш взгляд, наиболее полно аргументы в пользу легализации наркотиков изложил Дэвид Бергланд в книге «Либертарианство в одном уроке» [1], изданной первый раз в 1980 г. За прошедшие годы книга переиздавалась несколько раз, она пользуется достаточно большим спросом.

Свой вывод о том, что люди «имеют право сами решать, что им есть, пить, курить или принимать каким-либо другим образом, и они обязаны сами нести ответственность за последствия своих решений» он аргументирует следующим образом:

- законы против наркотиков не удерживают людей от приобретения тех веществ, которые они хотят, как законы против азартных игр не останавливают азартные игры;

- законы против наркотиков вынуждают тех, кто хочет их потреблять, общаться с преступниками и совершать преступные действия для того, чтобы их получить;

- стоимость нелегального товара намного выше той, какая была бы в условиях свободного рынка, и огромные прибыли обогащают преступников, стимулируя их к продолжению преступной деятельности в целях получения еще больших доходов;

- существование нелегальных рынков коррумпирует уголовную правовую систему;

- качество наркотиков на нелегальном рынке ниже, чем могло бы быть на легальном, соответственно, последствия от их употребления – более тяжелые и для конкретного потребителя, и для общества в целом;

- законы против наркотиков стимулируют постоянный поиск их новых видов, не внесенных в списки запрещенных веществ;

- легализация наркотиков может сделать их менее привлекательными для молодежи, лишив «ауры бунта и гламура», которую наркотикам придает запрет.

Безусловно, легализация наркотиков не была единодушно принята обществом. Как следствие, в 1986 г. президент США Рональд Рейган начал «войну с наркотиками». «Тыся-

чи учащихся исключались из школ за употребление марихуаны. За хранение марихуаны отбирались водительские права, конфисковались дома, земля, автомобили и другая собственность. На большинстве крупных предприятий лицам с положительным тестом на марихуану отказывали в приеме на работу, а других увольняли. Многие учреждения социального обеспечения ввели обязательное тестирование на наркотики и отказывали в обслуживании и получении пособий лицам с положительной пробой на марихуану» [9].

Такая политика последовательно проводилась в США, Канаде и в большинстве стран Западной Европы до середины 2010-х гг. Однако доводы М. Фридмена и Д. Бергманда сегодня воспринимаются логичными во многих странах мира. В 2015-2018 гг. сразу несколько стран приняли законы, легализующие употребление «легких» наркотиков.

«Легкие» наркотики легализованы в США (в некоторых штатах разрешены с 1996 г.), Португалии (с 2001 г.), Великобритании (с 2002 г.), Бельгии (с 2003 г.), с 2008 г. – в Нидерландах, Германии, с 2008 г. – в Швейцарии, с 2009 г. – в Аргентине и Мексике, с 2010 г. – в Чехии, с 2012 г. – в Колумбии, с 2013 г. – в Уругвае, с 2015 г. – в Испании, с 2016 г. – в Австралии, с 2018 г. – в Канаде¹.

Сегодня полный запрет на распространение и употребление всех наркотиков в медицинских целях существует только в 4 странах – России, Китае, Индонезии и Иране². При этом «существует по меньшей мере 33 страны и территории, которые законодательно предусматривают смертную казнь за преступления, связанные с наркотиками»³, и по крайней мере в девяти из них смертная казнь является обязательным наказанием за хранение и/или продажу психоактивных веществ. Каждая третья смертная казнь в мире является наказанием за преступления, связанные с наркотиками.

Первой страной, которая ввела смертную казнь за наркопреступления, стал в 1948 г. Китай. В 1950-е гг. – Малайзия и Иран, в 1970-е гг. – Сингапур. Так, в Иране – стране, где судебная статистика более-менее открыта, – по данным HRI, с 2015 г. по 2017 г. совершены 2009 казней, из них 1176 – за преступления, связанные с наркотиками [12]. Примерно 30 человек были казнены за преступления, связанные с наркотиками, в 2018, 2019 и 2020 годах, но в 2021 г. это число подскочило до 126, а за полгода 2022 г. достигло 91 [13].

В Индонезии более 200 человек приговорены к смертной казни за преступления, связанные с наркотиками. «Применение смертной казни происходит даже несмотря на то, что с 2009 года страна смягчила свои законы о наркотиках, позволив судьям применять реабилитацию вместо тюрьмы для наркозависимых, а органы здравоохранения разработали руководящие принципы реабилитации и лечения наркозависимых» [13].

Согласно сингапурскому законодательству граждане, употребляющие наркотики за пределами страны, подлежат такому же наказанию, как и лица, уличенные в употреблении наркотиков внутри страны. За первое преступление может быть назначено наказание до 10 лет лишения свободы, наказание в виде смертной казни влечет продажа всего 15 граммов героина или 500 граммов марихуаны [13]. Высшая мера наказания за распространение наркотиков предусмотрена и в других государствах.

В 1993 г. создана организация European Cities Against Drugs (Европейские города против наркотиков), куда сегодня входят более 250 городов (в том числе более 50 российских по состоянию на сентябрь 2021 г.)⁴. Ее задача – проводить исследования и стараться убедить правительства своих стран и ООН в том, что легализация психоактивных веществ приводит к серьезным проблемам [5].

1 URL: <https://narcoff.com/narkomaniya/zakon/legalizaciya-narkotikov>.

2 URL: <https://narcoff.com/narkomaniya/zakon/legalizaciya-narkotikov>.

3 Сандер Ген. Смертная казнь за преступления, связанные с наркотиками: глобальный обзор за 2017 год / Международная организация снижения вреда, 2018. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.2ec49ff9-63eae7b-f2601c40-74722d776562/https/www.hri.global/files/2018/11/13/HRI-Death-Penalty-Report-2018-v2.pdf.

4 URL: <https://ecad.net/>.

В России тоже есть сторонники легализации «легких и средних» наркотиков, аргументирующие положительные последствия такого шага и обосновывающие его необходимость для решения проблем наркомании и наркопреступности в стране.

Основной механизм противодействия наркоситуации путем легализации наркотиков состоит в использовании правил конкуренции на криминальном наркорынке, при этом конкурентом организованной преступности в сфере наркобизнеса выступает государство. Используя свои полномочия, государство легализует оборот «легких» наркотиков и запускает их в нерецептурную реализацию через аптечные и иные медицинские сети, которые в силу доступности в массовом масштабе будут привлекать наркопотребителей. Вследствие этого наносится эффективный удар по криминальному спросу и предложению, поскольку наркопреступность существенно теряет клиентов-наркопотребителей.

Но российский законодатель последовательно отрицает возможность легализации любых наркотиков, считая такое аморальным, несмотря на кажущуюся логичность экономических доводов. К тому же эта логичность именно кажущаяся, свидетельством чему выступают следующие факты.

В качестве одного из аргументов чаще всего приводят Голландию, которая якобы успешно легализовала марихуану, встроив ее в обычную жизнедеятельность королевства. Однако это не было легализацией в полном смысле этого слова (легализация как придание законной силы), в стране была разрешена деятельность кофеен, продающих марихуану для личного потребления. С 1984 г. по 1992 г. потребление марихуаны в стране увеличилось на 200% (при этом в три раза – подростками), что повлекло сокращение парламентом числа кофеен с продажей марихуаны вдвое и уменьшение дозы, продаваемой одному лицу, с 30 до 5 граммов. Рост преступности за эти

годы составил 60%, причем это по большей части имущественные преступления. Почти 40% заключенных в тюрьмах Голландии осуждены за преступления, так или иначе связанные с потреблением наркотиков, а полицейских в Амстердаме вдвое больше, чем в среднем американском городе, при сопоставлении их численности с населением города¹.

В Цюрихе был открыт общественный парк, где наркоманы могли потреблять героин, работники здравоохранения бесплатно раздавали шприцы, презервативы, обеспечивали амбулаторную помощь, проводили консультации и предлагали лечение. Ежедневно в парке раздавали до 15 тысяч шприцев. В 1991 г. были зафиксированы 78 смертельных случаев от передозировки наркотиков, в два раза больше по сравнению с предыдущим годом. Властями Швейцарии парк был закрыт². Впрочем, это не помешало им в 2008 г. принять решение о легализации «легких» наркотиков.

В Италии после отмены уголовной ответственности за потребление наркотиков и приобретение их в личное пользование почти две трети всех случаев заболевания СПИД связывают с употреблением наркотических средств³.

По словам начальника полиции г. Дуранго (Колорадо) Камрана Афзала, уровень преступлений против собственности через 9 месяцев после легализации марихуаны на 12% выше, чем в среднем по стране⁴. Согласно данным отчета, составленного в рамках программы по борьбе с торговлей наркотиками NIDA, за три года легализации марихуаны (2014-2016 гг.) количество ДТП под воздействием марихуаны возросло на 127%, смертность на дорогах, связанная с марихуаной, – на 66%.

Штат поднялся на первое место в стране по употреблению марихуаны среди молодежи: количество употребляющих марихуану школьников 6 класса возросло на 144%,

1 Джозеф Калифано-мл. (президент Американского национального центра проблем наркомании при Колумбийском университете в Нью-Йорке) Шесть аргументов против легализации наркотиков. URL: <http://za.nrav.org/shest-argumentov-protiv-legalizatsii-narkotikov/>.

2 Там же.

3 Там же.

4 URL: <https://www.foxnews.com/us/legalized-marijuana-turns-colorado-resort-town-into-homeless-magnet>.

7 класса – на 96%, юниоров старшей школы – на 19%; лиц возрастной группы 26+ – на 71%. Всего употребляющих школьников в возрасте 10-17 лет достигло 34,83% от общего количества¹.

17 октября 2018 г. каннабис стал легальным во всех провинциях и территориях Канады для лиц старше 18 лет. За год, согласно опросу правительства, количество лиц, употребляющих марихуану, увеличилось на 22%. Данные статистической службы Канады свидетельствуют о том, что розничные продажи в 2020 г. составили чуть более 2,6 миллиарда долларов, что на 120% больше по сравнению с 2019 г.²

Управление по борьбе с наркотиками США считает, что «попытка легализации уже была проверена и провалилась с треском», ссылаясь на эксперимент с легализацией марихуаны на Аляске в 1970-х гг. Свободный оборот наркотиков привел к тому, что подростки штата употребляли марихуану более чем в два раза чаще, чем молодые люди в других штатах. Это побудило жителей Аляски проголосовать за повторную криминализацию марихуаны в 1990 г.³

Возможно найти еще больше примеров, однако и уже приведенных сведений достаточно для вывода о том, что легализация не приводит ни к уменьшению количества лиц, употребляющих наркотики, ни к снижению преступности. Вывод, на наш взгляд, очевиден: как товар наркотик невозможно регулировать рыночными методами, потому что покупатель заведомо проигрывает, продавцу наркотиков выгодно, чтобы покупатель убивал себя, а продавец будет на этом зарабатывать. А на смену «выбывшим из строя» придут другие, потому что дети, растущие в атмосфере свободного доступа к наркотическим средствам, пусть даже с 18-летнего возраста, растут с пониманием того, что употребление наркотика является символом взрослости, а подростки стремятся повзрослеть, как следствие – и нелегальный рынок тоже никуда не исчезнет, он просто переориентируется на

несовершеннолетнего потребителя, которому нельзя купить наркотик в магазине.

Кроме того, вследствие резкого роста числа потребителей наркотиков «неизбежно обострится соревнование легального и черного рынка наркотиков», сопровождающееся активным склонением, причем в агрессивных его формах, к потреблению наркотиков. При этом черный рынок будет стараться предложить более мощные вещества [14, с. 97].

Безусловно, реализация идеи о легализации наркотиков существенно повлияет на наркоситуацию, при которой снижение наркопреступности будет происходить при одновременном увеличении количества наркопотребителей и тяжести последствий в связи с употреблением наркотиков. При свободном доступе к наркотическим средствам снижается осознание их вреда. Невозможно убедить в смертельности яда, если он свободно продается в магазинах, еще более невозможно, если его разрешено употреблять в местах отдыха, в тех же кофейнях – он еще более ассоциируется с отдыхом и приятным времяпрепровождением, тем более если он становится доступным только взрослым.

Детям категорически нельзя употреблять алкоголь, но они все равно его употребляют. К 14 годам почти все подростки так или иначе уже пробовали его. Легализация наркотиков означает возможность «знакомства» с ними всех дети до 14 лет. Сколько из их станут зависимыми? Легализация наркотиков, на наш взгляд, равносильна тому, что государство себя осознанно ставит на грань вымирания.

Легализация провоцирует развитие зависимости. Медицинские исследования утверждают, что разрешение «легких» наркотиков приведет к их более частому употреблению, что спровоцирует быструю толерантность (когда организм перестает получать «кайф» от привычных доз), побуждая употребляющих переходить на более «тяжелые» вещества [4, с. 142].

Вместе с тем нельзя забывать и о том, что

1 URL: https://pikabu.ru/story/posledstviya_legalizatsii_mapixyanyi_v_kolopado_6492819; <https://www.rmhidta.org/html/FINAL-2017-Legalization-of-Marijuana-in-Colorado-The-Impact.pdf>.

2 URL: <https://vancouverok.com/news/3-goda-spustya-plyusy-i-minusy-legalizacii-kannabisa-v-kanade>

3 URL: <https://vrachi74.ru/articles/4192/>.

на самом деле не существует безвредных наркотиков, поэтому деление их на «легкие» и «тяжелые» – как говорится, от лукавого. Марихуана приводит к психологической зависимости и развитию психических расстройств (депрессии, психозов), при частом употреблении (то есть следствие зависимости) – к угасанию интеллекта. Употребление наркотиков в период полового созревания ставит под угрозу полноценное развитие организма.

Нетрудно заметить, что аргументы сторонников и противников легализации наркотиков являются взаимоисключающими [8, с. 62] и следование тем или иным доводам определяется социально-политической и морально-нравственной ситуацией в обществе. Запрет на оборот наркотиков обусловлен тем же причинами, по которым запрещены все преступления. Если следовать логике сторонников легализации, то если разрешить убийства – их станет меньше. Весьма сомнительно.

Итак:

– довод о наполнении бюджета за счет налога на рынок наркотиков (экономическое обоснование), как совершенно справедливо отмечает С.В. Смелова, противоречит не только этике и экономической логике. Безусловно, в краткосрочной перспективе финансовая прибыль будет иметь место, однако в долгосрочной перспективе «любая экономия, достигнутая в области контроля над наркотиками (сокращение расходов на борьбу с незаконным оборотом наркотиков), приведет к гораздо большему увеличению расходов на здравоохранение, профилактику и администрирование контроля наркорынка» [11, с. 115];

– преступные наркоторговцы никуда не исчезнут. Легализация наркотиков приведет к необходимости уплаты налогов. Кто-то, конечно, займет и эту нишу, кто-то – другую сферу (и не факт, что это будет деятельность, безобидная для общества, но наркосиндикаты, не желая лишаться сверхдоходов, скорее всего, перейдут в «теневой» бизнес, во многом переориентируются на тех, кому легальные наркотики будут недоступны, то есть на несовершеннолетних;

– преступность среди зависимых тоже не исчезнет. Наркоманы в абсолютном боль-

шинстве не имеют внутреннего стержня, все деструктивные свойства их характера только обостряются от доступности наркотиков. Если человек был агрессивен, то он не будет «тварью дрожащей, а право иметь будет». Зависимый преступает закон не только тогда, когда ему необходимо получить наркотик. Статистика правоохранительных органов любой страны свидетельствует: достаточно небольшая часть наркоманов совершают преступления, чтобы добыть денег на дозу. Почти пятая часть их грабят, насиляют и убивают, а три четверти совершают иные преступления в наркотическом угаре. Чем больше наркотиков, тем больше преступлений – и никак иначе;

– наличие «чистых» наркотиков к снижению смертности от наркомании вряд ли приведет. Медицинская статистика утверждает, что передозировка тем более вероятна, чем чище наркотик. Сама по себе доступность наркотика спровоцирует большую смертность, а кустарные наркотики, как и дешевый самогон, никуда не денутся из сферы употребления, потому что наркоманы, которые не могут достать дорогой наркотик, неизбежно будут искать альтернативу в кустарном производстве;

– используя приемы легализации наркотиков как способы изменения наркоситуации, государство существенно будет нарушать основные принципы противодействия преступности, в частности принцип безопасности для населения и принцип эффективности, при котором затраты на нейтрализацию возникающих последствий в виде наркомании и высокой смертности будут намного выше достижения поставленных результатов в виде снижения наркопреступности.

Кроме того, смертность тех, чей организм уже «пропитан» наркотиком, уже не зависит от «чистоты» отравы, как не зависят от нее самоубийства наркоманов, отсутствие элементарной помощи в критических ситуациях, неконтролируемый прием наркотиков, зачастую полная антисанитария их жилищ – все то, с чем сопряжены жизнь и смерть многих употребляющих наркотики.

В глобальном смысле слова наркотики уничтожают человеческую природу, превращая человека в существо, не имеющее «ни

флага, ни родины», не отвечающего за свои поступки и не способного развиваться самому и тем более развивать свою страну. Легализация продажи наркотиков аморальна, она есть не что иное, как преступление, а преступление не может оправдываться благими намерениями.

Наркомания может быть побеждена. Конечно, ценой колоссальных усилий всего здравомыслящего человечества. И, конечно, никогда и нигде нельзя делать наркотические вещества легальными.

Библиографический список

1. Бергланд, Д. Либертарианство в одном уроке / Дэвид Бергланд. – URL: http://nnre.ru/politika/libertarianstvo_zh_odin_urok/p11.php.
2. Дафтон, Э. Корни на низовом уровне: взлет и падение марихуаны в Америке / Эмили Дафтон. – URL: <https://www.amazon.com.mx/Grass-Roots-Rise-Marijuana-America/dp/0465096166>.
3. Дейвенпорт-Хайнс, Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500-2000 / Ричард Дейвенпорт-Хайнс ; пер. А. Савинова. – М.: АСТ, 2004. – URL: <https://litmir.club/br/?b=156180&p>.
4. Корнеева, Г.К. Легализация наркотиков как социально-психологическая проблема / Г.К. Корнеева, С.И. Толоконникова // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2016. – N 6. – С. 138-146.
5. Крамарев, А.Г. Главная задача ЕСАД – противодействовать легализации наркотиков / А.Г. Крамарев // Наркология. – 2006. – Т. 5. - N 8(56). – С. 9-11.
6. Мальков, С.М. Многофакторная (альтернативная) модель противодействия наркопреступности в Российской Федерации / С.М. Мальков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – Ч. 2. – С. 268-269.
7. Мальков, С.М. Модели противодействия наркопреступности и наркомании / С.М. Мальков // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – С. 152-158.
8. Мальцагов, И.Д. Легализация легких наркотиков: путь в никуда? / И.Д. Мальцагов // Закон и право. – 2018. – N 11. – С. 59-62.
9. Нужный, В. Отрава у дома: «легкий» наркотик приводит к необратимым последствиям. Так ли необходима марихуана, как уверяют сторонники легализации / Владимир Нужный // Известия. – 2019. – 31 января.
10. Почему от преступности невозможно избавиться? – URL: <https://vc.ru/money/711602-pochemu-nam-vygodna-prestupnost-no-my-vse-ravno-s-ney-boremsya?comments>.
11. Смелова, С.В. К вопросу о легализации наркотиков / С.В. Смелова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2023. – N 2(95). – С. 114-116.
12. Смертельная доза правосудия // Коммерсант. – 2018. – 18 мая.
13. Смертная казнь : постоянный сборник статей о странах, приговаривающих людей к смертной казни за преступления, связанные с наркотиками. – URL: <https://stopthedrugwar.org/taxonomy/term/180>
14. Шукин, А.М. К вопросу о легализации наркотиков в России / А.М. Шукин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2010. – N 1. – С. 95-98.

Андрей Владимирович МОРОЗОВ,
заместитель начальника Управления по борьбе
с преступлениями в сфере незаконного оборота
наркотиков синтетического происхождения
и прекурсоров ГУНК МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук
amorozov@mvd.ru

Наталья Владимировна ЛИСИХИНА,
доцент кафедры криминалистики Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск);
ассистент кафедры поликлинической педиатрии
и пропедевтики детских болезней Красноярского
государственного медицинского университета имени
проф. В.Ф.Войно-Ясенецкого Минздрава России
кандидат медицинских наук
mashuckova.nat@yandex.ru

К ВОПРОСУ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПОДПОЛЬНЫХ НАРКОЛАБОРАТОРИЯХ

ISSUES OF PERSONAL SAFETY OF POLICE OFFICERS DURING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AND INVESTIGATIVE ACTIONS IN CLANDESTINE DRUG LABORATORIES

В рамках статьи авторами показана актуальность нового, важного направления для изучения сотрудниками полиции при совершенствовании программ обучения в образовательных организациях системы МВД России – вопросов личной безопасности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в подпольных нарколабораториях.

Within the framework of this article, the authors show the relevance of a new, important direction for police officers to study when improving training programs in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in solving personal security issues during operational-search activities and investigative actions in clandestine drug laboratories.

Ключевые слова: личная безопасность, нарколаборатории, наркотические средства и психотропные вещества, первая помощь, повышение квалификации.

Keywords: *personal safety, drug laboratories, narcotic drugs and psychotropic substances, first aid, advanced training.*

Еще в 1988 году Организацией объединенных наций была высказана глубокая озабоченность масштабами и тенденциями роста незаконного производства, спроса и незаконного оборота наркотических средств

и психотропных веществ, которые представляют собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества¹.

¹ Конвенция Организации объединенных наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : заключена в г. Вене 20.12.1988 // СПС «КонсультантПлюс».

Но и спустя более тридцати лет ситуация, к сожалению, не только не претерпела улучшений, но отмечается существенный рост и расширение ее географии.

Не случайно на современном этапе одной из угроз национальной безопасности России в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту признано увеличение предложения на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ и находящихся в законном обороте, а также рост спроса на такие наркотические средства и психотропные вещества¹.

Действительно, в последние годы отмечается рост количества выявленных фактов наркопроизводства синтетических наркотических средств внутри страны, в том числе в условиях специально созданных подпольных (криминальных) лабораторий. Так, в начале 2023 г. в Псковской и Московской областях были ликвидированы нарколаборатории, в которых изготавливался мефедрон, а также был создан «подготовительный центр» по обучению технологии его синтеза. Были задержаны четыре фигуранта, из незаконного оборота изъято свыше 400 килограммов наркотиков, а также 12 тонн химических реактивов и прекурсоров. Как сообщили в пресс-службе МВД России, лаборатории позволяли производить до 150 тонн запрещенной продукции в месяц. Розничная стоимость изъятого составила более 500 млн рублей².

В 2022 г. правоохранительными органами России зарегистрированы 829 преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ), что на 42,7% выше показателя прошлого года (581) (диаграмма)³.

Растет и количество вовлекаемых в данный преступный бизнес людей, нередко и из числа иностранных граждан.

Этому способствуют не только высокие доходы такого криминального бизнеса и рост спроса на синтетические наркотические средства (особенно на мефедрон), но и определенная доступность прекурсоров, других химических веществ и специального лабораторного оборудования, используемых в синтезе наркотиков, возможность получить подробную информацию о наркопроизводстве в сети Интернет лицам, не имеющим профессиональных знаний в органической химии и наркологии. Конечно, такие преступления ввиду соблюдения правил конспирации и проводимых специальных затрат на безопасность участниками наркопроизводства имеют еще и очень высокую степень латентности.

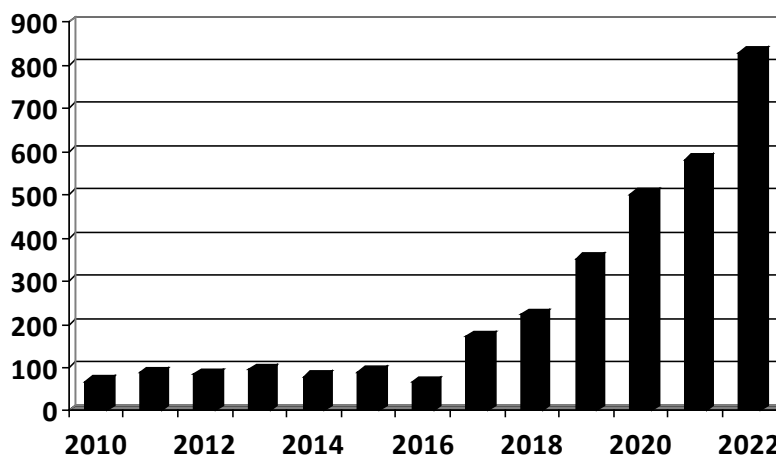

Диаграмма. Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств в Российской Федерации в период 2010-2022 гг.

1 Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 N 733 (ред. от 29.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2 В Псковской области ликвидировали нарколабораторию. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/280530151>.

3 Главный Информационно-аналитический центр МВД России. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacion_no_analiticheskij_cen (дата обращения: 18.02.2023).

Так, оперативные сотрудники по контролю за оборотом наркотиков МВД России нередко сталкиваются со случаями так называемых «спящих» или работающих только в определенное время лабораторий. Смена наркопроизводителей, состоящая, как правило, из трех человек, прибывает в такое место и включает оборудование только для изготовления заказанной партии наркотика, после производства которой отключает его и убывает по месту жительства. Лаборатории могут камуфлироваться под легальное производство. Все чаще отмечаются случаи выявления мобильных нарколабораторий (грузовой автомобиль, яхта, баржа).

В большинстве случаев в нарколабораториях производят синтетические наркотические средства, которые не только способны замещать традиционные растительные или полусинтетические (например, кокаин замещает мефедрон, героин – метадон, гашиш – синтетические каннабиноиды), но и еще быстрее вызывают зависимость, имеют больший по времени и силе эффект, более токсикологически опасны для жизни и здоровья их потребителей.

Таким образом, опасность преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков, очевидна и отражена во многих руководящих документах. Не случайно за совершение такого преступления в особо крупном размере наркотического средства, а такие случаи нередки, уголовное законодательство предусматривает лишение свободы

вплоть до пожизненного срока (ч. 5 ст. 228.1 УК РФ).

Между тем помимо высокой общественной опасности такого преступления места незаконного производства синтетических наркотиков имеют еще факторы физической опасности как для самих преступников, так и для сотрудников полиции, случайных граждан, их имущества и окружающей среды, которые непосредственно связаны с особыми свойствами используемых в нарколабораториях химических веществ.

Их опасность можно условно квалифицировать следующим образом: пожароопасность¹, взрывоопасность², взрывопожароопасность³, токсичность⁴.

Некоторые ученые, учитывая особую токсичность производимых в нарколабораториях веществ и реактивов, используемых при этом, относят их к категории оружия массового поражения – средствам гибридной войны [1, с. 69].

Сотрудники правоохранительных органов, несущие службу в составе групп быстрого реагирования и оперативно-следственных групп, по долгу службы первыми обязаны реагировать на факты преступных посягательств и выезжать для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий на места совершения преступлений, которые могут быть расположены в местах, опасных по фону токсических и отравляющих химических веществ. В связи с этим участники следственного осмотра и об-

1 Пожароопасность возникает вследствие протекающих в лаборатории процессов и заключается в воспламенении объектов окружающей обстановки по причине перегрева реакционных сосудов и выделения легко воспламеняющихся газообразных веществ и их воспламенения из-за ошибки в технологических расчетах, воспламенения электропроводов или электрооборудования вследствие их аварийной работы из-за неверной самодельной сборки.

2 Взрывоопасность связана с технологическими цепями ведущего химического синтеза. Взрыв может произойти вследствие их аварийной работы из-за ошибки в технологических расчетах.

3 Взрывопожароопасность возникает вследствие использования взрывопожароопасных химических веществ воспламеняющиеся – газы, которые при нормальном давлении и в смеси с воздухом воспламеняются, и температура кипения которых при нормальном давлении составляет 20°C или ниже; окисляющие – вещества, поддерживающие горение, вызывающие воспламенение и (или) способствующие воспламенению других веществ в результате окислительно-восстановительной экзотермической реакции; горючие – жидкости, газы, способные самовозгораться, а также возгораться от источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления; взрывчатые – вещества, которые при определенных видах внешнего воздействия способны на очень быстрое самораспространяющееся химическое превращение с выделением тепла и образованием газов. Возникает также вследствие минирования помещений нарколаборатории, путей подхода к ней и отхода от нее с помощью различных взрывных устройств и зажигательных устройств (в том числе самодельных).

4 Свойство вещества (реактива) или части вещества оказывать вредное воздействие на организм человека, в том числе приводить к гибели.

следования мест производства (изготовления) психоактивных веществ при обнаружении, фиксации и изъятии следов лабораторного производства наркотических средств и психоактивных веществ могут подвергаться реальной опасности получить отравления как самими токсичными продуктами химического синтеза, так и реагентами (прекурсорами), из которых они производятся (изготавливаются) [3, с. 345], находясь в особой группе риска для своей жизни и здоровья, особенно в случаях обнаружения и изъятия особо крупных партий прекурсоров и других химических веществ¹. Кроме того, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в местах незаконного наркопроизводства помимо задержанных лиц могут пострадать понятые, следователь, эксперт, собственник помещения. О безопасности жизни и здоровья таких лиц сотрудникам полиции необходимо также постоянно помнить и принимать соответствующие меры.

Итак, лаборатория по производству наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов априори является объектом повышенной опасности [2; 3; 9 и др.]. Прежде чем войти в наколабораторию, сотрудники полиции дополнительно инструктируются о необходимости обеспечения притока воздуха в помещение путем открытия окон и дверей, обесточивания лабораторий для избегания взрывопожароопасности, а также обязательного использования средств индивидуальной защиты (противогазов, костюмов химической защиты и перчаток). В отсутствие специальных костюмов в исключительных случаях допускается краткосрочное и одноразовое использование медицинских одноразовых нестерильных изолирующих костюмов (комбинезон, комплект одежды защитный (биологический) медицинский).

При изучении данной актуальной темы, на наш взгляд, сотрудники полиции должны

иметь полное представление не только о самой опасности находящихся в наколабораториях веществ, но и уметь оперативно и грамотно оказать самопомощь и первую помощь пострадавшим, ведь даже кратковременное нахождение человека в подпольной наколаборатории без средств индивидуальной защиты вызывает отравление токсичными, ядовитыми и иными вредными химическими соединениями, используемыми в качестве реактивов, прекурсоров, растворителей и вспомогательных веществ, выделяющимися продуктами промежуточных и побочных реакций. Ядовитые газы и пары, не имеющие «сигнальных» признаков, проникают в организм человека при вдыхании значительно чаще, нежели из-за попадания агрессивных компонентов в желудочно-кишечный тракт, параллельно поражая кожный покров и видимые слизистые оболочки. Например, при производстве самого распространенного в последние годы синтетического наркотического средства катиноновой группы мефедрона могут использоваться более двадцати двух химических веществ, включая прекурсоры.

Первая помощь – это особый вид помощи, которая оказывается до оказания медицинской помощи при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью пострадавших, лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законом или со специальными правилами и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел, оказавшимися на месте происшествия. Она осуществляется непосредственно на месте с использованием подручных средств, часто в порядке само- и взаимопомощи и не предполагает наличия медицинского образования [8, с. 73].

Успешность лечения пострадавшего обеспечивается своевременно оказанной первой

¹ Не случайно сотрудникам наркоконтроля МВД России приказом МВД России от 16.03.2021 N 126 «О размерах надбавки к должностному окладу сотрудников ОВД РФ за выполнение задач, непосредственно связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время и утверждения перечня должностей сотрудников ОВД РФ, при замещении которых установлена надбавка к должностному окладу за выполнение задач, непосредственно связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время» установлена надбавка к должностному окладу за выполнение задач, непосредственно связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время.

помощью, главным образом на первой стадии острого отравления, ведь оказанная помощь часто предотвращает возможность летального исхода.

Однако сегодня сохраняется недостаточный уровень профессиональных знаний сотрудников полиции в области борьбы с незаконным производством наркотиков и соблюдения мер личной безопасности при работе с используемыми наркопроизводителями химикатами, опасными для жизни и здоровья [подр.: 7, с. 25]. Не случайно этим вопросам уделено внимание в учебно-методических работах ВИПК МВД России и ГУНК МВД России [4; 5].

В 2022 году на базе ВИПК МВД России (г. Домодедово) организована дополнительная профессиональная программа повышения квалификации сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России, осуществляющих функции по выявлению и документированию преступной деятельности лиц, причастных к организации и изготовлению наркотиков в условиях подпольных нарколабораторий. Программой впервые предусматривается занятие по теме «Обеспечение мер безопасности при осуществлении служебных обязанностей сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России». Однако ввиду различных причин, в том числе отсутствия в штате ВИПК МВД России преподавателей с медицинским образованием, практические занятия, связанные с оказанием первой помощи пострадавшим в местах незаконного производства наркотиков до приезда скорой медицинской помощи, программой не предусматриваются.

Не уделяется должного внимания этим вопросам и в других образовательных организациях системы МВД России. К сожалению, в учебных программах недостаточно берется во внимание теоретический и практический материал по оказанию первой помощи при отравлении в нарколабораториях. Проведенный анализ учебных программ показал, что данную тематику можно рассмотреть с обучающимися, изучая мероприятия по оказанию

первой помощи при различных видах отравлений, включая отравления психоактивными веществами, но на анализ этой темы представляется не так много академических часов. В полном объеме изучить алгоритмы действия при острых отравлениях различными психоактивными веществами, меры оказания первой помощи сотрудниками полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действиях в подпольных нарколабораториях в соответствии с существующей нормативной базой невозможно.

Нами проведено анкетирование действующих сотрудников полиции (105 респондентов). Все сотрудники имели высшее образование (юридическое, педагогическое, техническое), средний возраст составил 38,5 года.

Анализ анкет показал, что респонденты многократно оказывали первую помощь при различных неотложных состояниях и внезапных заболеваниях (обморок, ожог, отморожение, отравления и другие состояния), но не всегда знали алгоритм проведения манипуляций, не вызывали бригаду скорой медицинской помощи, беря ответственность на себя, иногда использовали народные средства, различные лекарственные препараты. На вопрос: считают ли себя подготовленными к оказанию первой помощи при отравлении различными веществами в нарколабораториях – большинство ответили отрицательно (83%).

На вопрос: какие знаете мероприятия по оценке обстановки и обеспечению безопасных условий для оказания первой помощи в результате действия различных веществ в нарколаборатории – в основном респонденты отвечали о прекращении действия повреждающего фактора на пострадавшего (68%), и только 27% начали ответ с определения и устранения угрожающих факторов для собственной жизни и здоровья.

При анкетировании выявлено, что 93% сотрудников полиции не знают порядок действий при оказании самопомощи и первой помощи при различных отравлениях в подпольных нарколабораториях, в анкетах указывая, что будут лишь ждать приезда бригады скорой медицинской помощи (75%) и немед-

ленно вынесут пострадавшего на свежий воздух из помещения нарколаборатории или со склада с химическими веществами (84%).

Последовательность действий при оказании искусственной вентиляции легких и непрямом массаже сердца (в случае клинической смерти при отравлении в нарколаборатории) известна 43% респондентам. Основным препятствием для оказания реанимационных мероприятий на практике являются недостаточность отработки практических навыков сердечно-легочной реанимации и связанная с некомпетентностью боязнь причинить пострадавшему еще больший вред, вплоть до смертельного исхода.

При оказании первой помощи при попадании кислот и щелочей на кожный покров и видимые слизистые оболочки 94% респондентов ответили о промывании проточной водой в течение пятнадцати минут, что указывает на правильность действий при оказании первой помощи.

Кроме того, в большинстве случаев выявлены проблемные вопросы, связанные с юридическими последствиями в случае неблагоприятного исхода. Сотрудники боятся неумышленного причинения вреда здоровью или жизни, следовательно, опасаются первыми подходить к пострадавшему, не зная четких действий при оказании первой помощи на практике, предпочитая ждать квалифицированную медицинскую помощь.

Таким образом, в рамках данного материала нами акцентировано новое, важное

направление для изучения сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России при усовершенствовании общей программы обучения и возможных программ повышения квалификации в образовательных организациях системы МВД России.

Полагаем, что актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска резервов повышения эффективности педагогического процесса в решении вопросов личной безопасности сотрудников полиции и оказании первой помощи при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в подпольных нарколабораториях, что может быть внедрено в образовательный процесс, в том числе в учебно-методический комплекс по дисциплине «Первая помощь». Причем такая профессиональная подготовка сотрудников полиции может быть организована с применением симуляционных технологий, а также в ходе занятий семинарского типа с практической подготовкой знаний алгоритма действия в специальных полигонах, имитирующих место (помещение) незаконного наркопроизводства. Формирование новых знаний, умений и практических навыков при оказании первой помощи будет способствовать не только эффективному выполнению служебных задач по борьбе с наркопроизводством, но и спасению жизни и здоровья пострадавших [подр.: 6, с. 269].

Библиографический список

1. Владимиров, В.Ю. Судебная экспертиза как инструмент выявления гибридных средств массового поражения людей / В.Ю. Владимиров, А.В. Ковалев, И.Н. Горбулинская // Профессорский форум-2019, Наука. Образование. Регионы : сборник материалов научно-практической конференции. – М.: ООО «Национальная полиграфическая группа», 2019. – С. 64-69.
2. Казакова, А.Н. Особенности проведения осмотра места происшествия при выявлении подпольной нарколаборатории / А.Н. Казакова // Криминалистика: наука, практика, опыт : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 июня 2022 года. – М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 297-302.

3. Кузовлев, В.Ю. Тактико-криминалистические аспекты безопасного проведения обследования (осмотра) места обнаружения незаконной нарколаборатории / В.Ю. Кузовлев // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 марта 2021 года. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2021. – С. 342-349.
4. Кузовлев, В.Ю. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при ликвидации нарколаборатории: тактико-криминалистические аспекты : учебно-методическое пособие / В.Ю. Кузовлев. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2021. – 158 с.
5. Кузовлев, В.Ю. Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством : учебно-методическое пособие / В.Ю. Кузовлев. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2022. – 331 с.
6. Лисихина, Н.В. Усовершенствование навыков обучения сердечно-легочной реанимации при изучении дисциплины «Первая помощь» в профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов / Н.В. Лисихина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 4-5 апреля 2019 г. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – Ч. 2. – С. 266-269.
7. Морозов, А.В. Противодействие незаконному производству синтетических наркотиков в условиях специально оборудованных подпольных лабораторий / А.В. Морозов // Професионал. – 2019. – N 2. – С. 24-28.
8. Первая помощь в образовательных организациях: нормативно-правовые аспекты / А.И. Махновский, И.М. Барсукова, Л.И. Дежурный [и др.]. // Журнал Неотложная хирургия им. И.И. Джанелидзе. – 2022. – N 4(9). – С. 73-77.
9. Репин, А.В. Некоторые аспекты тактики и технологии осмотра, фиксации и изъятия объектов в нарколабораториях / А.В. Репин, Е.В. Попельницкий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – N 4(37). – С. 67-74.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.9

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_109

Надежда Афанасьевна ДУДИНА,

доцент кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних
дел Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
nadezhda.dudina.87@mail.ru

Наталья Александровна ЕРМАКИНА,

доцент кафедры иностранных и русского языков
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат филологических наук, доцент
natasherm@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРКОПРАВОНАРУШЕНИЯ В США

LIABILITY FOR DRUG OFFENCES IN THE USA

В статье рассматриваются мировые модели противодействия наркоугрозам на примере законодательства об ответственности за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков в Соединенных Штатах Америки (США) в контексте сравнения с законодательством Российской Федерации.

The article considers global models of countering drug threats on the example of legislation on liability for drug offenses in the United States of America (USA) compared to the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, наркоправонарушения, зарубежный опыт, опыт в США, наркоситуация в США.

Keywords: USA, drug offenses, foreign experience, USA experience, drug situation in the USA.

Актуальность изучения опыта в борьбе с наркопреступностью в США обусловлена возможностью использования наиболее ценных достижений науки и практики за рубежом в контексте преобразования и обновления законодательной базы и правоохранительной деятельности в Российской Федерации, а также почвы для дальнейших научных изысканий.

В науке на сегодняшний день есть некоторые общие подходы к классификации государств по степени жесткости антинаркотического законодательства или же, как отмечают отдельные авторы, модели противодействия наркомании и наркопреступности [2], которые условно можно объединить в четыре группы. Отметим, что подобное деление государств обусловлено мерами от-

ветственности в сфере незаконного оборота наркотиков, закрепленными в национальном законодательстве.

I группа – страны с либеральным законодательством или модель – «либеральная политика» (Испания, Швейцария, Королевство Нидерланды (Голландия).

II группа – страны с умеренной уголовно-правовой политикой или «модель контроля» (Германия, Франция, Италия и ряд других государств, в том числе Россия).

III группа – страны с жесткой уголовно-правовой политикой (США, Япония, Великобритания, Испания, Австралия).

IV группа – страны с особо жесткой уголовной политикой или модель «жесткой политики» или «жесткой борьбы» (Малайзия, Иран, Пакистан, Сирия, Сингапур, Китай, Египет и ряд других стран, в основном расположенных в Азии и Африке) [4; 5].

Соединенные Штаты Америки (США) относятся к странам, придерживающимся жесткой политики в сфере контроля за оборотом наркотиков со строгим законодательством. Вместе с тем в антинаркотической политике США наблюдаются некоторые противоречия, в том числе связанные с легальной возможностью немедицинского потребления легких наркотиков в отдельных штатах при полном запрете федеральным законодателем [1].

Как отмечает А.Д. Щербаков, «до середины XIX века проблема незаконного оборота наркотиков не была актуальной для США. Главенствующую позицию занимал вопрос неумеренного потребления алкоголя. Отправной точкой начала широкого распространения и потребления наркотиков в США можно считать вторую половину XIX века» [7].

В 2020 году число летальных исходов от передозировки наркотиков в Соединенных

Штатах Америки выросло по сравнению с предыдущим годом на 29,4%, до 93 331 случая, из которых 69 710 случаев были связаны с передозировкой опиоидов, а основной причиной увеличения смертности был прием незаконно изготовленных синтетических опиоидов, среди которых главенствующую роль занимает фентанил¹.

По данным Национального центра статистики в сфере здравоохранения (NCHS), входящего в состав Центра по контролю и профилактике заболеваний, в 2021 году в США были зарегистрированы более 107 000 случаев смерти от передозировки наркотиков, что примерно на 15% больше, чем в 2020 году (около 93 000 случаев). Основной причиной смерти от передозировки являются опиоиды: в 2021 году были зарегистрированы 77 766 опиоидных передозировок. Синтетические опиоиды, такие как фентанил, являются второй по значимости причиной смерти от передозировки: в 2021 году в США были зарегистрированы 68 303 случая [8]. За период с 2016 по 2021 год рост смертности от передозировки фентанила составил 279%².

В 2022 году число правонарушений, связанных с наркотиками, превысило количество преступлений, связанных с незаконной иммиграцией, и стало самым распространенным видом федеральных преступлений, на которые приходится 31,5% от общего числа дел³.

Хотя марихуана по-прежнему запрещена федеральным законодательством, 22 штата (по состоянию на апрель 2023г.) легализовали ее употребление не только в медицинских, но и в рекреационных целях⁴. По прогнозам аналитиков, уже к 2028 году продажи легального каннабиса могут достигнуть 50,7 миллиардов долларов США⁵.

1 Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год (E/INCB/2021/1).

2 Fentanyl Overdose Death Rates More Than Tripled From 2016 to 2021. Centers for Disease Control and Prevention. URL : <https://blogs.cdc.gov/nchs/2023/05/03/7338/>.

3 U.S. Sentencing Commission's 2022 Annual Report / United States Sentencing Commission. URL: <https://www.ussc.gov/about/annual-report-2022>.

4 Delaware just became the latest state to legalize recreational marijuana / Insider. URL : <https://www.businessinsider.com/legal-marijuana-states-2018-1>.

5 Iris Dorian, Despite Some Stumbles, Total Sales In U.S. Cannabis Market Could Soar To \$50.7 Billion By 2028, Says Top Researcher / Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/irisdorian/2023/02/15/despite-some-stumbles-total-sales-in-us-cannabis-market-could-soar-to-507-billion-by-2028-says-top-researcher/>

Несмотря на растущие расхождения между федеральным законодательством и законодательством штатов в части регулирования оборота каннабиса, он (каннабис) является на сегодняшний день самым потребляемым запрещенным наркотиком в Соединенных Штатах: в 2021 году этот наркотик употребляли около 52,5 миллионов человек (18,7%)¹. Вторым по популярности наркотиком является кокаин, за ним следуют ЛСД и экстази.

В отличие от взглядов Соединенных Штатов Америки на легализацию отдельных видов наркотиков, Российская Федерация имеет достаточно стабильную позицию в вопросах недопущения нарколиберальных инициатив. Президент России обращал внимание на необходимость разоблачения лжи о так называемом «безопасном и цивилизованном потреблении легких наркотиков»².

Прежде чем раскрывать особенности законодательства США, устанавливающего ответственность за противоправные деяния в сфере незаконного оборота наркотиков, следует обозначить основополагающие нормативные правовые акты в сфере антинаркотической политики США.

Законом, устанавливающим федеральную политику США в отношении наркотиков, в соответствии с которым регулируются производство, импорт, хранение, использование и распространение определенных веществ, является «Закон о контролируемых веществах» 1971 года. Он был принят в качестве раздела II «Закона о всеобъемлющем предупреждении злоупотребления наркотиками и борьбе с ними». В соответствии с «Законом о контролируемых веществах» (Controlled Substances Act) Управление по борьбе с наркотиками Минюста США при участии Управления по контролю за продуктами и лекарствами Минздрава США определяет, наименования каких

вещества добавляются или удаляются из различных граф таблицы, классифицирующих список контролируемых веществ. Решение о классификации того или иного вещества принимается по критериям, определяющим вероятность злоупотребления этим веществом, необходимость его медицинского использования, а также наличие в отношении этого вещества международных соглашений³.

Новые вещества могут быть экстренно включены в список на временной основе. Сам термин «контролируемое вещество» означает лекарственное средство или другое вещество или его прекурсор, включенные в список I, II, III, IV или V частей таблицы (список прилагается). Термин не включает в себя спиртные или солодовые напитки и табак, так как эти вещества определены и используются в разделе «Е» Налогового кодекса США. Порядок включения лекарственного средства или другого вещества в определенную графу таблицы или удаление его из определенной графы регламентируется нормативами, изложенными в § 811 «Закона о контролируемых веществах» (глава 21 Свод законов США)⁴.

Согласно пунктам «а»–«ф» 17 § 802 «Закона о контролируемых веществах» под наркотическими средствами понимаются любые из следующих веществ, полученные напрямую или путем экстрагирования из веществ растительного происхождения, или полученные в ходе химического синтеза, или полученные в ходе применения обоих способов: опий, опиаты, их производные, сложные и простые эфиры, их соли; маковая соломка и концентрат маковой соломки⁵.

Законодательством США предусматривается уголовная и гражданско-правовая ответственность за совершение ряда противоправных действий с наркотиками. Такие явления, как административная ответствен-

1 What is the scope of cannabis (marijuana) use in the United States? / National Institute on Drug Abuse. URL : [https://nida.nih.gov/publications/research-reports/marijuana/what-scope-marijuana-use-in-united-states#:~:text=How%20many%20people%20use%20cannabis,months%20\(2021%20DT%201.7\)](https://nida.nih.gov/publications/research-reports/marijuana/what-scope-marijuana-use-in-united-states#:~:text=How%20many%20people%20use%20cannabis,months%20(2021%20DT%201.7)).

2 Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2882/>.

3 По материалам письма представителя МВД России в США от 07.04.2021 (исх. N 069/21).

4 Письмо представителя МВД России в США от 08.07.2020 (исх. N 074/20).

5 Drug Seizures. Drug Trafficking & Cultivation / United Nations Office on Drugs and Crime. URL: <https://dataunodc.un.org/dp-drug-seizures>.

ность и административное правонарушение, в американской юридической практике не применяются по сравнению с российским законодательством.

Кроме того, понятия «правонарушение» и «преступление» в уголовно-правовой науке США не тождественны аналогичным понятиям, выработанным в науке уголовного права России. Так, «OFFENCE» — это юридический термин, используемый для обозначения действий или бездействия, которые нарушают уголовное законодательство и наказуемы в соответствии с ним. Термины «OFFENCE», «CRIMINAL OFFENCE» и «CRIME» часто используются как взаимозаменяемые синонимы. Термин «OFFENCE» может часто использоваться для описания незначительного преступления. Однако «OFFENCE» — это не то же самое, что гражданское правонарушение, термин, используемый в контексте деликтного права.

Каждый штат имеет право устанавливать, какие действия и бездействие считаются правонарушениями (или преступлениями) для целей наказания. Конгресс также может выбрать, какие действия и бездействие следует

наказывать как федеральные правонарушения (или преступления)¹.

Федеральным законодательством США предусмотрены наказания за незаконный оборот наркотиков в зависимости от их вида и количества. Как верно было замечено А.Д. Щербаковым, «система уголовно-правовых норм на федеральном уровне в области противодействия незаконному обороту наркотиков в США достаточно запутана» [7].

Нормы федерального законодательства, устанавливающие уголовную ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом контролируемых веществ, содержатся главным образом в частях 1 и 2 главы 13 книги 21 Свода Законов США (Chapter 13 Title 21 USC), разделах «а»-«ф», содержащих §§ 801-904, также в «Законе о Контролируемых Веществах» (Controlled Substances Act).

Сходство и различия нормативного решения ключевых вопросов, связанных с противодействием наркоправонарушениям в Российской Федерации и США, можно проследить по представленной таблице.

1 Legal Information Institute. / Cornell Law School. URL <https://www.law.cornell.edu/wex/offense>.

Действие (квалификация по законодательству Российской Федерации)	Ответственность по законодательству США	Примечание
1	2	3
1. Потребление без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ)	В США в большинстве штатов непубличное употребление наркотических веществ и само по себе пребывание в состоянии наркотического опьянения не является уголовно наказуемым деянием (такое понятие, как административное правонарушение, в американской юридической практике не применяется). Как правило, противоправным деянием считаются изготовление, хранение и сбыт запрещенных препаратов, хотя, например, в штате Орегон декриминализировали хранение даже таких «тяжелых» наркотиков, как героин.	В изученных источниках термин «административное правонарушение», понимаемое в характерном для российской правовой системы смысле, не используется. Отсутствует норма, аналогичная ст. 6.9 КоАП РФ. «Законодательные и подзаконные акты, регулирующие ответственность за пребывание в состоянии опьянения в общественном месте (public intoxication), а также действия исполнительных органов власти в отношении субъекта правонарушения определяются законодательством на уровне штатов и широко

1	2	3
	Что касается лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения, то следует отметить, что федеральное законодательство США действия исполнительных органов власти в этом вопросе не регулирует. Том 18 «Преступления и уголовно-процессуальное право» Свода Законов США не содержит понятия «пребывание в состоянии опьянения»¹	различаются в зависимости от преобладающего в штате общественного подхода (культурного и исторического) к употреблению опьяняющих субстанций. Необходимым условием для наступления правовой ответственности во всех юрисдикциях считается явная или потенциальная угроза со стороны лица, находящегося под воздействием опьяняющих субстанций, в отношении других граждан»². Помимо федерального законодательства огромное значение имеет законодательство штатов, которое чрезвычайно разнится между собой. Для США характерен либеральный подход к легализации отдельных видов наркотиков
2. Хранение в определенных размерах (ст. 6.8 КоАП РФ, ст. 228 УК РФ)	Простое хранение (без цели сбыта)³ Сознательное или преднамеренное хранение контролируемого вещества является незаконным для любого лица, если только такое вещество не было получено непосредственно или в соответствии с действующим назначением практикующего врача в ходе его профессиональной деятельности. Кроме того, предусмотрены меры гражданско-правовой ответственности за хранение небольшого количества определенных контролируемых веществ⁴ <i>(любое физическое лицо, сознательно хранящее контролируемое вещество, перечисленное в разделе 841(b)(1)(A), в количестве, как указано в постановлении Генерального прокурора, необходимом для личного потребления, подлежит мерам гражданско-правовой ответственности (штрафу) в пользу Соединенных Штатов в размере, не превышающем 10 000 \$ за каждое такое нарушение).</i>	Ввиду отсутствия понятия административного правонарушения отсутствует норма, полностью аналогичная ст. 6.8 КоАП РФ. В отличие от российского законодательства в США виновный после вынесения обвинительного приговора обязан компенсировать расходы на проведение расследования и судебные издержки, за исключением случаев неплатежеспособности подсудимого. В США предусмотрены меры гражданско-правовой ответственности за хранение небольшого количества определенных контролируемых веществ. Установлен признак повторности. Запрет на производство или распространение контролируемого вещества или включенного в список химического вещества или же хранение контролируемого вещества или включенного в список химического вещества с целью сбыта на борту воздушного судна.

1 Письмо представителя МВД России в США от 07.04.2021 (исх. N 069/21).

2 Там же.

3 21 U.S. Code § 844 – Penalties for simple possession / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/844>.

4 21 U.S. Code § 844 – Civil penalty for possession of small amounts of certain controlled substances / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/844a>.

1	2	3
.	Хранение, изготовление или распространение контролируемого вещества на борту воздушного судна. Запрещенные деяния А ¹	
3. Контрабанда (ст. 229.1 УК РФ)	Ввоз контролируемых веществ ² . Экспорт (вывоз) контролируемых веществ ³ . Транзитная перевозка контролируемых веществ ⁴ . Хранение, производство или распространение контролируемых веществ ⁵ . Изготовление или распространение с целью незаконного ввоза. Производство или распространение перечисленных химических веществ с целью изготовления или незаконного ввоза контролируемых веществ	В изученных переводах законодательства США и иных источниках понятие «контрабанда», используемое российским законодателем в ст. 229.1 УК РФ, отсутствует. Свод Законов США использует термины «импорт», «экспорт», «ввоз», «вывоз». В изученных нормах законодательства США нет упоминаний о незаконном ввозе, вывозе инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления контролируемых веществ. Однако установлена ответственность за производство или распространение перечисленных химических веществ с целью изготовления или незаконного ввоза контролируемых веществ.
4. Сбыт (ст. 228.1 УК РФ)	Запрещенные деяния А ⁶ (а) Противоправные деяния Противоправными являются действия любого лица, кто сознательно и преднамеренно: (1) производит, распространяет или сбывает, или хранит контролируемое вещество с целью производства, распространения или сбыта; или (2) создает, распространяет или сбывает, или хранит с целью распространения или сбыта поддельное (контрафактное) вещество.	

1 21 U.S. Code § 960 – Prohibited acts A / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/960>.

2 21 U.S. Code § 952 – Importation of controlled substances / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/952>.

3 21 U.S. Code § 953 – Exportation of controlled substances / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/953>.

4 21 U.S. Code § 954 – Transshipment and in-transit shipment of controlled substances / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/954>.

5 21 U.S. Code § 959 – Possession, manufacture, or distribution of controlled substance / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/959>.

6 21 U.S. Code § 841 – Prohibited acts A / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/841>.

1	2	3
	Наказания за вышеуказанные правонарушения различаются в зависимости от вида и количества контролируемого вещества. Незаконные доставка, распространение или приготовление контролируемых веществ посредством сети Интернет, а также оказание содействия и подстрекательство к совершению какого-либо из указанных преступлений	В отличие от российской версии «сбыта», к которой приравнены производство и пересылка наркотиков, «владение» в § 841 позволяет рассматривать в качестве окончанных преступлений широкий круг деяний, составляющих приготовление к распространению и т.п.
5. Легализация (отмывание денежных средств, полученных в результате совершения преступления) (общая норма) (ст. 174 УК РФ).	Инвестирование доходов от наркотиков¹. Отмывание денег. Участие в денежных транзакциях с имуществом, полученным в результате определенной незаконной деятельности². Отмывание денежных инструментов³. Участие в денежных транзакциях с имуществом, полученным в результате определенной незаконной деятельности⁴	В США современное законодательство о борьбе с «отмыванием денег» существует на федеральном уровне и на уровне штатов. В целом можно отметить ряд особенностей законодательства США об отмывании денег: 1) деяние охватывает не только укрывательство, но и соучастие в основном преступлении, а также деяние исполнителя преступления; 2) наказание предусмотрено более строгое, чем за другие формы укрывательства преступления; 3) особо жесткие требования предъявляются к лицам, профессиональная деятельность которых связана с повышенным риском участия в легализации, так как они подлежат ответственности и при отсутствии намерения содействовать преступной деятельности или скрыть подобную деятельность; 4) большое значение имеет судебское или полицейское усмотрение; 5) имеется возможность замены уголовного наказания «гражданским». Данные особенности характерны со своей спецификой и для законодательства об отмывании денег штатов США.

1 21 U.S. Code § 854 – Investment of illicit drug profits/ Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/854>.

2 18 U.S. Code § 1957 – Engaging in monetary transactions in property derived from specified unlawful activity / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1957>.

3 18 U.S. Code § 1956 – Laundering of monetary instruments / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1956>.

4 18 U.S. Code § 1957 – Engaging in monetary transactions in property derived from specified unlawful activity / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1957>.

1	2	3
		Предусмотрена ответственность как для физических лиц, так и для юридических лиц
6. Обстоятельства, смягчающие ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ, ст. 61 УК РФ). 7. Обстоятельства, отягчающие ответственность (ст. 4.3 КоАП РФ, ст. 63 УК РФ).	Согласно федеральному закону распространение наркотиков среди лиц моложе 21 года наказывается двойной мерой наказания, то есть обязательным тюремным заключением сроком на 1 год; третья судимость наказывается обязательным пожизненным заключением. Подобные меры наказания применяются к распространению наркотиков в колледже или школе или в пределах 1000 футов от них. Федеральный закон устанавливает значительно более строгие сроки тюремного заключения за изготовление и распространение наркотиков, если в результате употребления вещества наступает смерть или причинен серьезный вред здоровью. Том 21 Свода Законов США, § 841¹ Наказания за федеральные обвинительные приговоры за незаконный оборот наркотиков варьируются в зависимости от количества контролируемого вещества, фигурирующего в деле. Приведенный ниже список представляет собой образец диапазона и строгости федеральных наказаний, налагаемых за первые обвинительные приговоры. Наказания за последующие осуждения в два раза строже. Если в результате употребления контролируемого вещества наступила смерть или был причинен серьезный вред здоровью, то лицу, осужденному по федеральным обвинениям за незаконное распространение этого вещества, грозит обязательное пожизненное заключение и штрафы в размере до 8 000 000 долларов.	Отсутствует формально определенный перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность (наказание). Использованы специфические обстоятельства, отягчающие ответственность. 1. Совершение преступления повторно лицом, которое уже было ранее осуждено за любую фелонию, связанную с контролируруемыми веществами. 2. Совершение преступления лицом после совершения двух преступлений. 3. Наступление смерти или серьезный вред здоровью вследствие употребления контролируемых веществ, перечисленных в статье.

1 21 U.S. Code § 841 – Prohibited acts A / Legal Information Institute (LII) // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/21/841..>

1	2	3
	Лица, осужденные по федеральным обвинениям в торговле наркотиками в пределах 1000 футов от университета (том 21 Свода Законов, § 845а), подлежат наказанию в виде тюремного заключения и штрафов, которые в два раза превышают обычные наказания за преступление, с обязательным тюремным заключением на срок не менее 1 года. Третья и последующие судимости за тяжкие преступления, предусмотренные §§849, 859, 860 или 861 тома 21 Свода законов США, предусматривает наказание от 25 лет лишения свободы и соответствующие штрафы	

Вынесение обвинительного приговора по делам о наркотиках влечет за собой утрату прав на получение федеральных пособий, включая школьные кредиты, гранты, стипендии, контракты и лицензии на срок от одного (при первой судимости) до пяти лет (при последующих судимостях).

Имущество лица, признанного виновным в совершении федерального наркоправонарушения, предусматривающего наказание в виде лишения свободы на срок более одного года, подлежит конфискации в пользу Соединенных Штатов. Речь идет о любом движимом или недвижимом имуществе, связанном с наркоправонарушением, включая дома, автомобили и другое личное имущество.

Задача Управления по борьбе с наркотиками (DEA) заключается в обеспечении соблюдения законов и иных нормативных документов Соединенных Штатов о контролируемых веществах и привлечении к уголовной и гражданской ответственности в соответствии с законодательством Соединенных Штатов или любой другой компетентной юрисдикции организаций и главных членов организаций, занимающихся выращиванием, производством или распространением контролируемых веществ, появляющихся или

предназначенных для незаконного оборота на территории Соединенных Штатов; а также рекомендации и поддержке реализации программ, направленных на сокращение наличия запрещенных контролируемых веществ на внутреннем и международном рынках¹.

Интересным, в контексте сравнительного правоведения видится тот факт, что в США существует так называемое «сбалансированное правосудие». Речь идет о «лечебных» («наркологических») судах, существующих с 1989 года, которые призваны в первую очередь решить вопрос лечения и реабилитации наркопотребителей и только затем – избрать соответствующие меры пресечения и наказания за совершенное преступление. Как отмечает П.В. Тепляшин, «суть «сбалансированного» правосудия состоит в одновременной реализации наказания и реабилитации осужденных с наркотической зависимостью» [3]. Учитывая разнополярность моделей в сфере противодействия наркомании и наркопреступности России и США, следует констатировать тот факт, что в Российской Федерации подобного рода суды не существуют и существовать не будут, поскольку идея таких судов не согласуется со Стратегией государственной антинаркотической политики Рос-

1 United States Drug Enforcement Administration. URL: <https://www.dea.gov/who-we-are/about>.

сийской Федерации на период до 2030 года.

Завершая, хотелось бы отметить следующее.

Законодательство США предусматривает уголовную и гражданско-правовую ответственность за незаконные действия в сфере оборота наркотиков.

В США отсутствуют такие понятия, свойственные российскому праву, как «административная ответственность» и «административное правонарушение».

В США не предусмотрена юридическая ответственность за нахождение в состоянии наркотического опьянения. Норма, аналогичная ст. 6.9 КоАП РФ, отсутствует.

За хранение небольшого количества определенных контролируемых веществ предусмотрена гражданско-правовая ответственность, что совершенно не характерно для российского законодательства в сфере установления ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Специфичными являются обстоятельства, отягчающие ответственность за совершение наркоправонарушений, а смягчающие обстоятельства, подобные тем, которые содержатся в УК РФ, вообще отсутствуют.

Библиографический список

1. Кондратьев, М.В. Оперативно-розыскное противодействие незаконному обороту наркотиков в США / М.В. Кондратьев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 4 (41). – С. 94-95.
2. Мальков, С.М. Модели противодействия наркопреступности и наркомании / С.М. Мальков // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – Ч. 1. – С. 152-158.
3. Тепляшин, П.В. «Сбалансированное» правосудие в контексте криминологических перспектив профилактики наркопреступности / П.В. Тепляшин // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара, Красноярск, 9 апреля 2021 года. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 50-53.
4. Федоренко, Т.А. Зарубежный опыт деятельности органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и его использование в РФ / Т.А. Федоренко // Российская юстиция. – 2012. – N 5. – С. 27-31.
5. Цуканов, Н.Н. Законодательство об ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков: опыт знакомства с зарубежными нормативными правовыми актами / Н.Н. Цуканов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – N 4(49). – С. 116-123.
6. Щербаков, А.Д. Система федерального антинаркотического уголовного законодательства в США (краткая заметка) / А.Д. Щербаков // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – N 5. – С. 93-99.
7. Щербаков, А.Д. Становление антинаркотического законодательства в США / А.Д. Щербаков // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – N 10. – С. 219-225.
8. Drug Related Crime Statistics / National Center for Drug Abuse Statistics. – URL: <https://drugabusestatistics.org/drug-related-crime-statistics/>.

Бакыт Дайрабаевич КАКЕШОВ,

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Кыргызского национального
университета им. Ж. Баласагына (г. Бишкек),
кандидат юридических наук, доцент
kakeshov_bd@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПОСЯГАЮЩИХ
НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**SOME ISSUES OF CRIMINALIZATION OF EXTREMIST CRIMES ENCROACHING
ON THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND SECURITY
OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

Статья посвящена вопросам криминализации общественно опасных деяний экстремистской направленности как одной из наиболее сложных проблем современного Кыргызстана, связанной с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских групп и организаций, которые угрожают национальной безопасности. Представлены этапы криминализации общественно опасных деяний экстремистской направленности в разрезе развития уголовного законодательства Кыргызской Республики.

The article is devoted to the criminalization of socially dangerous acts of extremist nature, as one of the most difficult problems of modern Kyrgyzstan, associated with the variety of its forms, the diverse composition of extremist groups and organizations that threaten national security. The stages of criminalization of socially dangerous acts of extremist nature in the context of the development of criminal legislation of the Kyrgyz Republic are presented.

Ключевые слова: криминализация, уголовная ответственность, конституционный строй, безопасность государства, экстремизм, преступления, национальная безопасность, экстремистская направленность.

Keywords: criminalization, criminal liability, constitutional system, state security, extremism, crimes, national security, extremist nature.

Во всех проявлениях экстремизм в Кыргызской Республике (далее – КР) ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную, территориальную целостность КР, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального и межконфессионального согласия. В связи с этим, по нашему мнению, экстремизм становится одной из наиболее

сложных проблем современного общества. Это связано с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, которые в целом угрожают национальной безопасности.

За последние годы все чаще в риторике средств массовой информации (далее – СМИ) стало расширяться обсуждение вопросов о внешних и внутренних экстремистских угрозах. К внешним угрозам, по нашему

мнению, относится поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в КР, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций. Внутренние угрозы – это экстремистская деятельность радикальных общественных, религиозных неформальных объединений, а также ряда некоммерческих организаций и отдельных лиц.

Установление уголовной ответственности за то или иное негативное проявление в обществе выступает результатом процесса криминализации. Криминализация является одним из основных методов уголовно-правовой политики, цель которой состоит в создании упорядоченной системы норм, устанавливающих ответственность за совершение общественно опасных деяний. Из множества предложенных в уголовно-правовой науке критериев криминализации почти все в качестве одного из них либо в качестве основного называют общественную опасность деяния [3, с. 103].

В теории уголовного права в части криминализации нет единого мнения относительно ее понятия. Однако авторы в целом схожи в своих представлениях о содержании данного метода уголовно-правовой политики – это включение деяний в круг преступлений, установление уголовной ответственности за них [2, с. 95].

Довольно полно отражающим суть криминализации представляется следующее определение: «Криминализация – общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и издании уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также

оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности» [4, с. 59].

Нормотворчество – один из основных инструментов власти. На эту деятельность оказывают влияние, во-первых, обязанность власти обслуживать общество на основе социального контракта; во-вторых, потребности этого общества; в-третьих, правила реализации правовой политики в той или иной сфере с учетом специфики последней.

В связи с тем, что в данной статье речь идет о криминализации экстремистских преступлений, необходимо отметить, что слово «экстремизм» этимологически происходит от латинского слова «extremus» – «крайний, чрезмерный» и обозначает приверженность крайним взглядам, методам действий¹.

Согласно статье 1 Закона КР от 17 августа 2005 года N 150 «О противодействии экстремистской деятельности»² под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются:

1) деятельность общественных объединений или религиозных организаций либо иных предприятий, организаций и учреждений, а также средств массовой информации независимо от форм собственности, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий направленных:

на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Кыргызской Республики;

на подрыв безопасности Кыргызской Республики;

на захват или присвоение властных полномочий;

на создание незаконных вооруженных формирований;

на осуществление террористической деятельности;

на возбуждение расовой, национальной (межэтнической) или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

на унижение национального достоинства;

1 Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

2 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>.

на осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической политической, расовой, национальной (этнической) или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

2-1) пропаганда атрибутики или символики экстремистской организации;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

К экстремизму относятся осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также пропаганда и публичное демонстриро-

вание нацистской атрибутики или символики, финансирование экстремистской деятельности либо иное содействие ее осуществлению.

Экстремизм представляет собой склонность к политическому насилию, а также осуществление политики, направленной на насильственное изменение существующего государственного строя или на захват власти, установление фашизма или иной диктаторской формы правления. К проявлениям экстремизма могут быть отнесены призывы к систематическим нарушениям прав человека, дискриминации людей по шовинистическому, национальному, расовому или религиозному признаку.

В связи с чем, связывая такие вопросы, как криминализация и экстремизм, необходимо обращать внимание на то, каким образом был криминализирован экстремизм в уголовное законодательство КР, какие этапы он прошел и какая уголовная ответственность за данное социально опасное явление на сегодняшний день предусмотрена? Ведь криминализация – это способ легитимации принуждения, легализации насилия, определяющий объем и пределы последнего, что предъявляет особые требования к включению деяний в число преступлений. И ведущим общим требованием здесь является социальная обусловленность криминализации.

Следует особо отметить, что именно путем криминализации государство определяет, за что человек может быть наказан в уголовно-правовом порядке, и одновременно обозначает, до каких границ поведение ненаказуемо, создавая тем самым гарантию от неоправданного принудительного воздействия. Ведь это процесс, который «представляет собой выявление определенных видов общественно опасного поведения людей в обществе и обоснование необходимости противодействия им с помощью уголовного закона» [6, с. 25].

Криминализация имеет двойственную направленность. Так, с одной стороны, с ее помощью обеспечивается охрана интересов личности, общества и государства, с другой стороны, эта охрана осуществляется путем ограничения поведения граждан. Посредством данной дихотомии социально-право-

вых свойств криминализации подчеркивается важность исследования научных оснований уголовно-правового запрета с целью определения условий, при которых наибольшая безопасность общества обеспечивалась бы с наименьшими социальными затратами и ограничениями. Допущенные при решении этого вопроса просчеты способны приводить к разным отрицательным социальным последствиям, поскольку уголовный закон в случае неумелого его использования может фактически продуцировать негативные социальные явления и процессы, что в науке называют его провокативной ролью [1, с. 73].

Проводя сравнительный анализ уголовно-правовых запретов, начиная с Уголовного кодекса Кыргызской Республики 1997 года и по настоящее время, нельзя не заметить, что преступления экстремистской направленности

сти стали закрепляться в нем постепенно в силу того, что экстремизм стал проявляться не только как уголовно-правовое явление, которое в последнее время стало представлять собой проблему для узкого круга субъектов, но и как социально-правовое, которое одним своим существованием затрагивает многие интересы общества в нашей республике. В связи с чем можно представить следующие этапы криминализации общественно опасных деяний экстремистской направленности в разрезе развития уголовного законодательства Кыргызской Республики.

В этих целях научный интерес представляет уголовная политика, проводимая Кыргызстаном. Демонстрация данной политики в табличковом виде свидетельствует о так называемой периодизации криминализованных общественно опасных деяний

Таблица 1

Преступления экстремистской направленности по УК КР 1997 года
(период действия с 1 октября 1997 года по 31 декабря 2018 года¹)

Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	
Ст. 299	Возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
Ст. 299 ¹	Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды
Ст. 299 ²	Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских, или террористических организаций
Ст. 299 ³	Финансирование экстремистской деятельности
Итого:	4 состава преступлений

Таблица 2

Преступления экстремистской направленности по УК КР 2017 года
(период действия с 1 января 2019 года по 27 октября 2021 года²)

Глава 43. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	
Ст. 313	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни)
Ст. 314	Создание экстремистской организации
Ст. 315	Изготовление, распространение экстремистских материалов
Ст. 315 ¹	Финансирование экстремистской деятельности
Итого:	4 состава преступлений

1 Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 01.10.1997. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568>

2 Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru>

Таблица 3

Преступления экстремистской направленности по УК КР 2021 года
(период действия с 28 октября 2021 года¹ по настоящее время)

Глава 41. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства	
Ст. 330	Возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни)
Ст. 331	Создание и финансирование экстремистской организации
Ст. 332	Изготовление, распространение экстремистских материалов
Итого:	3 состава преступления

экстремистской направленности и показывает соответствующее развитие уголовного законодательства Кыргызской Республики начиная с действия Уголовного кодекса 1997 года (табл. 1-3).

При этом следует отметить, что, несмотря на поэтапную криминализацию преступлений экстремистской направленности, право на идеологический, расовый и политический плюрализм гарантируется Основным законом страны – Конституцией КР.

Отправной точкой в рамках национальной правовой системы Кыргызстана являются статьи 23, 8, 9, 24 Конституции КР. Так, статья 23 Конституции КР определяет человека, его права и свободы высшей ценностью и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц (ч. 2 ст. 23).

Появление в отечественной правовой системе ряда конституционных ограничений и запретов связано с международными обязательствами КР, в которых провозглашено право каждого человека на свободное выражение своего мнения. Данные ограничения и запреты предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все

акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование, всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом.

Таким образом, взятые КР на себя обязательства по выполнению принятых международных правовых актов были реализованы в национальном законодательстве, которое включило в себя нормы, гарантирующие и обеспечивающие осуществление равноправия, но при этом и запрещающие любые формы дискриминации и экстремизма.

Возвращаясь к представленным таблицам, необходимо отметить, что криминализация норм, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности, реализовывалась исключительно исходя из требований правоприменительной и судебной практики. Так, социально-экономическая ситуация, политическая конъюнктура и правоохранительная обстановка в Кыргызстане менялась исходя из общемировой и региональной обстановки, в связи с чем законодателю при проведении национальной уголовной политики приходилось искать наиболее подходящие и раскрывающие суть экстремизма признаки.

К примеру, интересным нововведением является обязательный признак «создание экстремистской организации» уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 331 Уголовного кодекса КР 2021 года. Уголовная ответственность за создание экстремистской

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>

организации наступает с момента ее фактического образования, то есть с момента объединения нескольких лиц в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и осуществления ими умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистской организации реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили или нет участники такого сообщества запланированное преступление экстремистской направленности. В этой связи следует постулировать, что существует сложность рассмотрения дел, связанных с изготовлением, рас-

пространением экстремистских материалов либо возбуждением расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни), в части необходимости проведения комплексной экспертизы с участием лингвистов, психологов, религиоведов и социологов. В случае если по результатам рассмотрения соответствующего дела материал будет расценен или признан экстремистским, он направляется в Министерство юстиции КР для включения в базу данных экстремистских материалов.

Необходимо отметить, что формирование базы данных экстремистских материалов происходит путем вынесения решения суда о признании той или иной организации экс-

Таблица 4

Организации, признанные экстремистскими на территории Кыргызской Республики

Наименование	Основание
«Хизбут-Тахрир-аль-Ислами»	Постановлением Верховного Суда Кыргызской Республики от 20 августа 2003 года признана экстремистской организацией, деятельность на территории Кыргызской Республики запрещена
«Акромия»	14 марта 2014 года Первомайский суд г. Бишкек признал религиозное движение «Акромия» экстремистской организацией и запретил на территории Кыргызской Республики
«Агитационно-пропагандистские материалы и пропагандистская деятельность Тихомирова А.А. – Саида Бурятского»	14 марта 2014 года Октябрьским судом г. Бишкек признаны экстремистскими агитационно-пропагандистские материалы и пропагандистская деятельность Тихомирова А.А. – Саида Бурятского.
«ИГИЛ»	13 февраля 2015 года Октябрьским судом г. Бишкек ИГИЛ признана террористической и экстремистской организацией, ее деятельность на территории страны запрещена.
«Катибат аль-Имам аль-Бухари» (Батальон Имама Бухари)	13 мая 2015 года решением Ошского городского суда организация «Катибат аль-Имам аль-Бухари» (Батальон Имама Бухари) признана террористической и экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории КР.

тремистской. Например, по данным на 31 декабря 2020 года экстремистскими на территории КР были признаны следующие организации, список которых не является исчерпывающим (табл. 4).

Применительно к проблеме кримина-

лизации преступлений экстремистской направленности интересным представляется тот факт, что проявления ненависти или вражды к лицу в силу его половой, национальной, расовой, языковой, социальной, политической принадлежности в обществе

существовали всегда, однако закрепление соответствующего запрета в отечественном уголовном законодательстве произошло в 1997 году. Однако и по настоящее время со стороны неправительственных организаций можно встретить мнение о целесообразности включения указанных выше действий в уголовное законодательство.

Уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную сторону – характер и количественную – степень. Характер общественной опасности определяется совокупностью признаков объекта посягательства, последствий, формы вины, способа совершения преступления. Степень общественной опасности представляет собой ее количественную характеристику. Она зависит от размера, причиненного или потенциального ущерба, степени выраженности вины лица, его мотивов, целей и других обстоятельств [5, с. 153].

Руководствуясь сформулированным понятием, определим характер общественной опасности преступлений экстремистской направленности.

Результаты проведенных нами исследований, личных наблюдений и правоприменительной практики, фиксируемой органами национальной безопасности КР, позволили констатировать, что общественная опасность рассматриваемых преступлений, во-первых, проявляется в посягательствах на основы конституционного строя и безопасности государства, во-вторых, заключается в проникновении в общество идеологии нацизма, расизма, ксенофобии, в социальном заражении общества преступными обычаями и традициями, что приводит к резкому снижению уровня культуры граждан.

Преступления экстремистской направленности обладают повышенной общественной опасностью в связи с тем, что носят не только региональный, но и международный характер. Экстремистская идеология исполь-

зуется иностранными государствами в целях вторжения во внутренние дела КР, создает внутривнутриполитическую напряженность в стране и способствует совершению гражданами различных насильственных действий в отношении представителей государственной власти, что опасно не только для политической силы, находящейся у власти, но и для демократической государственности Кыргызстана в целом, поскольку это ведет к нарушению деятельности государственных институтов, которые обязаны обеспечивать права человека.

На сегодняшний день среди национальных правовых инструментов, связанных с борьбой с экстремизмом, особое место занимает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹, Закон Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности», Концепция национальной безопасности КР² (далее – Концепция), Программа Правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-2022 годы³ и Уголовный кодекс КР 2021 года. В связи с постоянной глобализацией данного негативного правового явления, кроме Концепции, необходимо принятие таких важных в борьбе с экстремизмом правовых документов, как Политика и Стратегия национальной безопасности, в которых в числе основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму были бы предусмотрены и воздвигнуты в ряд политики государства следующие положения:

- обеспечение эффективного применения норм законодательства КР в сфере противодействия экстремизму;
- реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности;
- координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и рели-

1 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17363>.

2 Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 20.12.2021. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815>.

3 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/100104>.

гиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением У.Т. Иманбекова, Ч.М. Сыдыкбаева и Т.А. Шаршенбаева, которые считают: «Все три документа – концепция, политика и стратегия национальной безопасности – должны быть взаимосвязаны и работать на национальные цели, опираться на имеющиеся ресурсы (материальные и интеллектуальные). Национальные цели должны служить реализации национальных интересов. Каждой цели должны соответствовать сформулированные политика и стратегия обеспечения национальной безопасности. Некоторые цели могут служить для удовлетворения нескольких национальных интересов, а определенные ресурсы могут поддерживать несколько стратегий. Политика и стратегия обеспечения

национальной безопасности должны быть легитимными, вызывать доверие у народа, а также доверие и понимание у наших партнеров и союзников, у мировой общественности. Разработка научных методов исследования национальной безопасности особенно актуальна для Кыргызстана в условиях ее реформирования, выбора путей развития, усиливающих угроз самому существованию нации»¹.

Таким образом, процесс криминализации деяний экстремистской направленности должен иметь концептуальную основу, строится на реализации таких основополагающих документов, как Концепция, Политика и Стратегия национальной безопасности РК, имеет планомерный и научно обоснованный характер, учитывает внешние и внутренние угрозы национальной безопасности.

1 Методология исследования национальной безопасности как фактор политического менеджмента в Кыргызской Республике. URL: <file:///Users/imac/Downloads/metodologiya-issledovaniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kak-faktor-politicheskogo-menedzhmenta-v-kyrgyzskoy-respublike.pdf>.

Библиографический список

1. Бабаев, М.М. Провокативная роль уголовного закона / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Общественные науки и современность. – 2014. – № 3. – С. 73-90.
2. Дагель, П.С. Проблемы советской уголовной политики / П.С. Дагель. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1982.
3. Злобин, Г.А. Некоторые террористические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г.А. Злобин // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 102-119.
4. Коробеев, А.И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации / А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.
5. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961.
6. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.2/.7

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_127

Александр Сергеевич ЛЕБЕДЕВ,

доцент кафедры гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан),
кандидат юридических наук

naukarus@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE SOCIAL AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS, HAVING COMMITTED CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY

В статье автор, акцентируя внимание на масштабах преступлений в сфере экономической деятельности и наносимый государству вред, преследует цель аргументации социально-практического характера применения исследуемого уголовно-правового инструмента. Описываются и иллюстрируются конкретными примерами из судебной практики критерии применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В заключение автор приходит к выводу о том, что институт освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, являясь составной частью уголовной политики, выступает средством уголовно-правового воздействия.

In the article, the author, focusing on the number of crimes in the sphere of economic activity and the harm caused to the state, analyzes the social and practical nature of the application of the investigated criminal law instrument. The criteria for the application of special types of exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity are described and illustrated with specific examples from judicial practice. The author comes to the conclusion that the institution of exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity, being an integral part of criminal policy, acts as means of criminal legal influence.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, освобождение от уголовной ответственности, экономические преступления.

Keywords: criminal law, criminal policy, exemption from criminal liability, economic crimes.

Беспрецедентный рост преступности в экономической сфере и сопутствующих ей негативных явлений стали тенденци-

ей общественных процессов. Все эти формы и методы криминального воздействия на общественные отношения образуются с «калей-

доскопической быстротой» [1, с. 29], преодолеть данные негативные способы воздействия традиционными механизмами удастся все сложнее. Социологами отмечается, что наибольший вред гражданам причиняет экономическая, а не общеуголовная преступность [5, с. 43-52]. Это связано с тем, что криминальные угрозы, вызванные экономической преступностью, гражданами воспринимаются более весомо, чем угрозы от общеуголовной преступности, порождаемой в том числе последствиями экономических преступлений. Есть и другая точка зрения, положенная в основу законотворческой инициативы об объявлении амнистии в отношении граждан, совершивших экономические преступления. Так, более 80% предпринимателей считают, что отечественное правовое регулирование не гарантирует защиту бизнеса от необоснованного уголовного преследования. Предприниматели также отмечают, что уголовные дела расследуются, а затем рассматриваются судом необъективно и в обвинительном ключе, без полноценного исследования и оценки доказательств¹.

Вероятно, имеющиеся в экономике проблемы также являются одной из основных причин совершения экономических преступлений. Развивается неучтенная (теневая) экономика, уходящая от государственного учета и контроля. В.В. Лунеев писал: «Теневая экономика – прямой результат социально-правовой бесконтрольности. Последняя может зависеть от неудовлетворительного содержания правовых положений или от неудовлетворительного исполнения их должностными лицами экономических структур и контрольных органов. Поэтому проблема минимизации теневой экономики заключена главным образом в оптимизации социально-правового контроля, который, с одной стороны, стимулировал бы прозрачность и правомерность разрешенной законом экономической деятельности, а с другой – не парализовал бы инициативу субъектов этой деятельности» [6, с. 445].

Охрана общественных отношений в сфере экономической деятельности выступает одним из приоритетных направлений в области уголовной политики государства, которая в последние годы имеет тенденцию к либерализации, в особенности в отношении экономических составов преступлений [3, с. 553-558]. Среди прочих проблем уголовно-правового регулирования доктрина уголовного права выделяет излишнюю криминализацию деяний. При этом следует исключить декриминализацию и депенализацию деяний посредством влияния различного рода лоббистских групп. Во многом это приводит к усугублению практики вмешательства в экономику уголовно-правовых механизмов, а такие поощрительные правовые средства, как применение меры пресечения в виде заключения под стражу и освобождения от уголовной ответственности (далее – ООУО), все реже находят применение. В доктрине уголовного права имеются предложения о необходимости закрепления специального основания ООУО по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности².

Экономические составы преступлений оказывают влияние на экономическое развитие страны, вследствие чего государство, контролируя уровень экономических преступлений, обеспечивает экономическую безопасность страны. Министр МВД России В.А. Колокольцев, подводя итоги работы министерства за 2021 год, указал: «Во взаимодействии с заинтересованными правоохранительными и контролирующими органами принимались меры по нейтрализации угроз экономической безопасности. Возрос общий массив выявленных и задокументированных преступлений данной направленности, в том числе тяжких и особо тяжких. При этом 80% от всех выявленных преступлений приходится на долю сотрудников полиции. Размер причиненного материального ущерба превысил 560 миллиардов рублей. Приняты меры к его возмещению на сумму 430 миллиардов. В

1 Пояснительная записка к постановлению ГД РФ «Об объявлении амнистии в отношении граждан Российской Федерации, совершивших преступления в сфере экономики» N 210098-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/210098-8> (дата обращения: 03.12.2022).

2 Уголовная политика: «дорожная карта» (2017-2025 годы) // Совет Федерации Федерального Собрания РФ: [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/79243/> (дата обращения: 31.12.2022).

указанной сфере органами внутренних дел зафиксированы более 30 тысяч преступлений. На постоянной основе осуществлялись мероприятия по пресечению хищений и нецелевого использования бюджетных средств. Количество выявленных деяний возросло почти в полтора раза¹. Все указанное подчеркивает актуальность борьбы с экономической преступностью в рамках уголовной политики. В то же время уголовный закон обладает функцией «профилактического воздействия». А.Э. Жалинский писал: «Профилактическое (превентивное) воздействие уголовного закона состоит в том, что уголовно-правовые нормы, установив определенные правила поведения, собственными средствами, прямо или косвенно, обеспечивают их исполнение гражданами. Оказывая профилактическое воздействие, уголовный закон представляет выбор правомерного поведения, создает возможность наступления невыгодных последствий при его нарушении и, наконец, позитивно регулирует социальные условия, в которых осуществляется поведение личности» [2, с. 613-614]. Нам представляется, что институт ООУО – это законодательное выражение функции профилактического воздействия, поскольку направлен на мотивацию у лица выбора в пользу правомерного поведения.

Еще одним катализирующим фактором в пользу актуальности института ООУО по экономическим составам преступлений выступают последствия пандемии COVID-19. А.В. Чинџонов справедливо отмечает: «прогнозируя негативные последствия влияния пандемии на экономическую преступность, считаем целесообразным инициировать вопрос о необходимости формирования перечня конкретных мер государственной поддержки общества, бизнеса, граждан в сфере функционирования юридических лиц и их безопасности» [9, с. 55]. Институт ООУО пусть не является мерой государственной поддержки общества, бизнеса, граждан, но, имея статус особого уголовно-правового средства воздействия, способен в конкрет-

ных обстоятельствах позитивно повлиять на судьбу граждан и юридических лиц в гораздо большем объеме, чем любые меры поддержки экономического характера.

Диапазон уголовно-правовых норм, устанавливающих запрет на совершение экономических преступлений, охватывает ст. 169-200.7 УК РФ. Всего 60 составов преступлений, по 13 (практически в каждом четвертом) из которых законодатель установил возможность ООУО, закрепив такие условия в примечаниях к статьям. В доктрине подчеркивается, что «в уголовный закон с перманентной регулярностью вводятся все более новые квалифицированные составы или специальные нормы, которые, по представлениям авторов и сторонников соответствующих законодательных инициатив, должны путем модернизации механизмов дифференциации ответственности привести к более результативному профилактическому влиянию на преступность» [4, с. 13]. Такая же тенденция отмечается и с преступлениями посягающими на экономическую деятельность.

Год принятия нормы	Количество криминализованных деяний	Количество принятых поправок
2015	2	5
2016	2	4
2017	6	2
2018	4	3
2019	0	2
2020	1	2
2021	2	6
2022	0	2

Так, с 2015 г. по настоящее время были введены в главу 22 УК РФ 17 новых составов преступлений и 26 раз вносились поправки в текст норм.

Сведения судебной статистики за 2021 г. в России фиксируют, что были осуждены 8 199 лиц (2020 г. – 6 584, + 24,5%) за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. При этом вынесено

1 Выступление Министра внутренних дел РФ генерала полиции РФ Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (дата обращения: 03.09.2022).

судебных актов по существу обвинения в 2021 г. 11 578 (2020 г. – 10 272, +12,7%), по 4 из которых (2020 г. – 4) прекращены дела в отношении лиц на основании примечания к статьям УК РФ¹. Анализ статистических сведений свидетельствует, что стали чаще совершаться преступления против экономической деятельности: на 24,5% увеличилось количество осужденных по данной категории дел. Однако число вынесенных судебных актов по существу обвинения уменьшилось на 12,7%. Вместе с тем судебная практика в части применения специальных видов ООУО не менялась, а если учесть, что в целом количество судебных актов выросло, то наблюдается тенденция уменьшения применения ООУО по преступлениям в сфере экономической деятельности.

Государство на законодательном уровне защищает субъектов экономической деятельности. В частности, если экономическое преступление совершено предпринимателем или членом коммерческой организации, при определенных условиях заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении данных субъектов экономической деятельности применяться не может².

Данный законодательный материал подкреплен и позицией Верховного Суда РФ. Это еще раз указывает на важность судебного толкования и необходимость обеспечения определенности и единства судебной практики.

Также Верховный Суд РФ уточнил, что относится к возмещению ущерба – таковым является уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в соответствии с законодательством Российской Федерации³.

Указанные положения успешно реализуются в практической деятельности. Так, весной 2014 г., гр. Д и гр. Ж., находясь в г. Волгограде, из корыстных побуждений, будучи в достаточной степени осведомленными об

установленном порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу, с целью получения финансовой выгоды преступным путем посредством незаконного перемещения коммерческих партий товаров без надлежащего таможенного декларирования под видом товаров для личного пользования, ввозимых физическими лицами, то есть с незаконным использованием льготы по освобождению от уплаты таможенных платежей, вступили в предварительный сговор между собой. Сумма не поступивших средств составила 3,5 миллионов рублей. Суд в постановлении указал: «В материалы дела прокурором представлены платежные поручения, свидетельствующие о том, что сумма таможенного платежа возмещена полностью, а также уплачена еще и в двукратном размере в общей сумме – 10,5 миллионов рублей. Уголовное дело по обвинению гр. Д и гр. Ж. в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 194 УК РФ, – прекратить в связи с полным возмещением ущерба и денежным возмещением в размере двукратной суммы причиненного ущерба»⁴.

По уголовному делу в отношении гр. М. по ч. 1 ст. 199.2 УК РФ судом был сделан противоположный вывод, а именно о нецелесообразности ООУО гр. М. Суд указал: «гр. М. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести. Вместе с тем он не принял никаких мер к заглаживанию причиненного вреда, который выразился в том, что своими действиями он причинил ущерб бюджетной системе Российской Федерации, в которую не поступили денежные средства, начисленные по налогам и сборам, укрыв их при этом путем сокрытия денежных средств, за счет которых должно производиться взыскание недоимки по налогам. В материалах

1 Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru>. (дата обращения: 20.12.2022).

2 О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 02.08.2019 N 315-ФЗ.

3 О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48, п. 12.

4 Дело от 26.11.2018 N 1-432/2018 // Архив Дзержинского районного суда города Волгограда.

дела представлены платежные поручения, свидетельствующие о том, что имели место перечисления. Однако платежные перечисления предоставлены на сумму 709 тыс. рублей, и из указанных поручений нельзя сделать вывод о том, что эти перечисления имели место в счет погашения недоимки за указанный период, поскольку сведений из налоговых органов материалы дела не содержат. Каких-либо сведений на этот счет из налоговых органов материалы уголовного дела не содержат. При изложенных обстоятельствах суд констатирует, что не все основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ для прекращения уголовного дела в отношении гр. М. и назначения ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа соблюдены, поскольку им не возмещен ущерб, в связи с чем заявленное следователем ходатайство удовлетворению не подлежит»¹.

В материалах судебной практики разъясняется, что «возможно исполнение обязанности налогоплательщика по уплате налога также иным лицом. А суд, в свою очередь, не лишен возможности проверить указанный факт»². Таким образом, можно усмотреть, что государство на входе создает благоприятные условия для мотивации лица нивелировать преступные последствия своих действий, а на выходе избежать уголовно-правового воздействия. На момент рассмотрения вопроса об ООУО ущерб должен быть возмещен, обещание выполнения таких действий в будущем исключает основание ООУО.

Для более эффективного применения института ООУО в отношении субъектов преступлений в сфере экономической деятельности О. В. Макарова предлагает «установить в УК РФ запрет на повторное освобождение лица от уголовной ответственности по ст. 76.1 на протяжении определенного срока. При определении продолжительности срока, по истечении которого ООУО лицо по своему правовому положению может быть

приравнено к ранее вообще не совершавшему преступление, целесообразно ориентироваться на установленные в УК РФ сроки давности» [7, с. 115].

Ранее УК РФ в ч. 2 ст. 76.1 содержал обязательные условия для ООУО по ряду статей кодекса, в частности «речь шла о возмещении ущерба и перечислении бюджетную систему пятикратной суммы причиненного ущерба». Таким образом суды не могли освободить от уголовной ответственности при невыполнении указанных условий. После ноября 2016 г. указанные условия перестали действовать, законодатель скорректировал норму, заменив пятикратный размер на двукратный. Поводом к таким изменениям послужил аргумент о том, что пятикратная сумма причиненного ущерба по своему карательному потенциалу сопоставима с самим наказанием, а в ряде превышает его размер [7, с. 115]. Перечисление могло доходить до 30 млн рублей, что в несколько раз превышало сумму вероятного штрафа в случае привлечения его к уголовной ответственности.

Таким образом, проанализированные приговоры суда свидетельствуют о том, что целевая установка, направленная на лояльность к бизнес-сообществу, получившая воплощение и в уголовно-правовой политике в виде гуманизации уголовного законодательства, порой приводила к ошибкам в правоприменении. К примеру судом гр. В., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 200.3 УК РФ, был освобожден от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 200.3 УК РФ. Однако участникам долевого строительства многоквартирного дома переданные в ЖСК «Чайный дом» денежные средства не возвращены, объект недвижимости в эксплуатацию не введен, гражданские иски к ЖСК «Чайный дом» были судом удовлетворены, но денежные средства по искам возмещены не были. Данное решение было отменено вышестоящим судом³.

1 Дело от 05.07.2018 N 1-69/2018 // Архив Губкинского городского суда Белгородской области.

2 О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48.

3 Дело от 30.08.2020 N 22-2043/2020 // Архив Верховного Суда Республики Крым.

ООУО по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности является объективной нецелесообразностью применения уголовно-правового воздействия в виде привлечения лица к уголовной ответственности в связи с утратой либо снижением общественной опасности лица, совершившего преступление, а также возможности достижения задач уголовного закона без назначения наказания [10, с. 110] и, как следствие, ввиду отсутствия целесообразности применения мер государственного принуждения и определенных ограничений к виновному [8, с. 183]. Президентом РФ В.В. Путиным на коллегии МВД России по итогам 2022 года было отмечено: «Ни в коем случае нельзя работать по принципу «хватать и не пушать». Нужно в корне здесь изменить подходы к работе в экономике и в бизнесе, нужно, скорее, помогать людям избегать неверных шагов и правонарушений. А если какие-то нарушения были совершены добросовестными участниками экономической деятельности, нужно по-

мочь людям выйти из этой ситуации»¹. Полагаем, что институт ООУО является основным уголовно-правовым инструментом, которым в итоге будет руководствоваться правоприменительная практика для обеспечения экономической безопасности.

При этом следует уточнить, что не все экономические преступники заслуживают подобного уголовно-правового поощрения, и здесь задача правоприменителя, вооружившись уголовно-правовыми средствами, качественно определить, «соответствует ли конкретный субъект, совершивший деяние,» условиям, позволяющим исключить применение к нему института ООУО. В то же время институт ООУО по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, являясь частью целого – уголовной политики, выступает средством уголовно-правового воздействия на преступность в сфере экономики, воплощая в жизнь менее карательные способы влияния на сознание лиц, совершивших преступления.

1 Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/70744> (дата обращения: 22.03.2023).

Библиографический список

1. Бавсун, М.В. Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений / М.В. Бавсун // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VII международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург). – СПб.: Астерион, 2019. – С. 29-35.
2. Жалинский, А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Криминология / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная [и др.] ; отв. ред. О.Л. Дубовик. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 698 с.
3. Ивашенко, К.А. Некоторые проблемы уголовной политики в сфере защиты конкуренции / К.А. Ивашенко // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VII международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург). – СПб.: Астерион, 2019. – С. 553-558.
4. Ивенин, В.О. Строгость наказания и неотвратимость ответственности как пути развития уголовной политики России / В.О. Ивенин, А.В. Петрянин // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2022. – N 2. – С. 12-18.
5. Клейменов, М.П. Коррупция и правосудие: мифы и реальность / М.П. Клейменов // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VII международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург). – СПб.: Астерион, 2019. – С. 43-52.
6. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. II. Особенная часть : учебник для вузов / В.В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2013. – 872 с.

-
7. Макарова, О.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О.В. Макарова // Журнал российского права. – 2015. – N 1. – С. 111-118.
 8. Михайлова, А.О. Об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / А.О. Михайлова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2020. – N 11-4 (50). – С. 180-183.
 9. Чинџнов, А.В. Влияние пандемии на преступления в сфере экономической деятельности, связанные с ликвидацией юридического лица / А. В. Чинџнов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2022. – N 3. – С. 54-59.
 10. Чуприна, Э.И. Правовая природа освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / Э.И. Чуприна // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – N 3. – С. 106-111.

Закир Равильевич РАХМАТУЛИН,

доцент кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института Сибирского
федерального университета (г. Красноярск);
доцент кафедры правовых и социально-экономических
дисциплин Ачинского филиала Красноярского
государственного аграрного университета,
кандидат юридических наук, доцент

zakir101@mail.ru

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ
СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL DISCRETION WHEN IMPLEMENTING
THE LEGAL REQUIREMENTS OF THE PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEES**

В статье рассматриваются вопросы институционального и функционального усмотрения при реализации сотрудниками уголовно-исполнительной системы должностных обязанностей по исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Вскрыты проблемные аспекты правового регулирования законных требований, которые затрагивают публичные и частные интересы осужденных. В ходе анализа правоприменительной практики по исполнению отдельных наказаний выявлено, что вопросы реализации ответственности за неисполнение законных требований должностных лиц, исполняющих приговор, заслуживают серьезного внимания, поскольку могут содержать в себе значительный дискреционный потенциал. С учетом этого автором аргументируются изменения Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

The article considers the issues of institutional and functional discretion in the implementation by employees of the penitentiary system of official duties for the execution of criminal punishments and other measures of a criminal law nature. Problematic aspects of legal regulation of the legal requirements that affect the public and private interests of convicts are revealed. In the course of analysis of law enforcement practice on execution of certain punishments it has been revealed that the issues of implementation of liability for non-fulfillment of lawful demands of officials executing the sentence deserve serious attention, as they may contain significant discretionary potential. Taking this into account, the author argues for changes in the Penal Code of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation «On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation».

Ключевые слова: усмотрение должностных лиц, уголовно-исполнительные правоотношения, осужденный, наказания, законные требования.

Keywords: *discretion of officials, criminal-executive legal relations, convicted, punishments, legal requirements.*

В юрической литературе усмотрение рассматривается в различных отраслях права [5-7], отмечается, что оно предусмотрено в нормах текущего законодательства или не урегулировано им, но имеет место в правовой действительности [3, с. 115-116]. В зависимости от этого оно может быть институциональным (статусным) и функциональным. Согласно толковому словарю, институциональный – это официально утвержденный, установленный, закрепленный в своем общественном статусе¹, а функциональный – связанный с функционированием чего-либо, не обусловленный его структурой².

Отметим, что институциональное усмотрение может содержаться в отдельных статьях уголовно-исполнительного закона и ими ограничивается, а функциональное усмотрение не лимитировано. Особенность подобного рода правоотношений заключается в том, что в деятельности уголовно-исполнительной системы, как органа государственной власти, превалирует публичное усмотрение, однако частное усмотрение также здесь имеет место, ввиду того, что отдельные ее аспекты довольно сложно урегулировать в нормах действующего законодательства, поскольку такие правила касаются личных границ поведения осужденных в быту; усмотрение в выборе вариантов поведения виновного, особенно содержащегося в местах изоляции от общества, также будет снижаться, поскольку в этом случае право существенно вторгается в частную жизнь лица. Следовательно, это обуславливает необходимость изучения влияния данных аспектов на деятельность по исполнению уголовных наказаний. Выделим основные характеристики усмотрения при предъявлении требований должностными лицами, исполняющими приговор, затрагивающими частные и публичные интересы осужденных, что позволит глубже раскрыть данную проблематику.

Так, публичное усмотрение может быть направлено по отношению как к конкретному человеку, так и к неопределенному кругу

лиц. Это имеет место в случаях, когда сотрудник уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) требует совершения определенных действий не от одного осужденного, а от группы. К примеру, согласно п. 9.12.5 приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. N 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» по требованию работников СИЗО осужденные обязаны вставать и выстраиваться в указанном месте. Или виновные могут передвигаться по территории исправительного учреждения группами, а следовательно, должностное лицо вправе предъявлять им установленные законом требования.

Кроме этого в литературе, давая характеристику частным союзам, авторы в качестве одного из существенных признаков указывают на то, что они носят временный характер, а публичные реализуются в рамках постоянных союзов, которые образуются и существуют независимо от частной воли их членов [7, с. 61].

Но следует отметить, что в уголовно-исполнительной системе образуются союзы между осужденными по их воле. Их члены могут даже заниматься противоправной деятельностью, нарушать режимные правила, а следовательно, у должностных лиц должно быть право предъявлять обязательные для исполнения требования определенной группе людей, однако их юридическое оформление может быть затруднено.

Взаимодействие с членами организации представляет собой одно из средств процесса управления. «В обобщенном виде под управленческим взаимодействием понимаются процессы коммуникации особого рода, направленные на реализацию функции управления. Функция управления в организации осуществляется не отдельным субъектом, а, как правило, группой лиц, связанных между

1 Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. Т. 1. С. 123.

2 Там же. Т. 3. С. 297.

собой специфическими отношениями и являющихся представителями разных иерархических уровней» [1, с.63].

При реализации публичного усмотрения властные субъекты вправе требовать от граждан и организаций все, что необходимо для общей пользы государства. Однако эти аспекты не всегда являются понятными. В отдельных случаях довольно сложно провести четкую грань. Этот критерий также достаточно важен, и должен быть положен в основу правовых конструкций, закрепляющих виды законных требований различных служб.

Так, в законодательстве предусмотрено, что осужденные обязаны выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. Отметим, что интерес к данному вопросу проявляли и иные ученые. Например, Н.С. Малолеткина касалась этих аспектов при анализе такого явления, как неповиновение законным требованиям сотрудников правоохранительных органов. Автором обоснованно подмечено, что «в последнее время в России все чаще возникают ситуации, когда в защите нуждаются сами сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, наталкиваясь на выраженную агрессию со стороны нарушителей правопорядка. Участились случаи нападения на сотрудников полиции, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы при исполнении ими служебных обязанностей, приводящие к получению травм и ранений различной степени тяжести» [4, с. 260]. Однако считаем, что в уголовно-исполнительном законодательстве эти вопросы раскрыты неполно. Так, отсутствует четкий круг требований, которые сотрудники вправе предъявлять к осужденным и иным лицам. К примеру, в Федеральном законе «О полиции» они закреплены в ч. 1 ст. 13. Однако принципиальным здесь является то, какие требования должностных лиц являются законными. Более того, на практике вызывает сложность неурегулированность некоторых аспектов данной деятельности и понимание правовых положений сотрудниками правоохранительных органов. «Возникает вопрос о правомерности требования предъявить документы или

проследовать к месту последующего содержания и т.д., даже при условии, что у сотрудника есть законные основания для проверки документов (п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») или для доставления (п. 13, 14, 15 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», ст. 27.2 КоАП РФ)» [2, с. 18]. Отметим, что в деятельности сотрудников УИС встречаются аналогичные проблемы, которые во многом состоят в том, что не все ее аспекты, как мы уже отмечали, можно законодательно урегулировать. Например, к лицу, содержащемуся в исправительной колонии или тюрьме, применено взыскание в виде водворения в ШИЗО, а оно отказывается пройти туда. Вправе ли должностное лицо предъявить требование «пройти к месту отбывания дисциплинарного проступка», является ли оно законным и подкреплено ли силой государственного принуждения?

Отметим, что в уголовно-исполнительном праве в одних случаях несоблюдение этих требований влечет за собой то, что они признаются нарушениями режима отбывания наказания, в других – считаются административным правонарушением или преступлением. Такое разграничение должно быть понятным. В деятельности по исполнению уголовных наказаний встречались случаи, когда мнения должностных лиц и судей по применению соответствующего вида санкций к виновному за отказ от выполнения тех или иных требований существенно отличались либо не соответствовали законодательству.

Например, Б., отбывающий ограничение свободы, будучи заранее надлежащим образом (письменно и под подпись) ознакомленным с порядком использования выданных ему электронных средств надзора и контроля, находясь в квартире, удалился от мобильного контрольного устройства далее разрешенного расстояния (5 метров), что привело к фиксации системой электронного мониторинга подконтрольных лиц двух фактов нарушения осужденным расписания присутствия. Суд признал его виновным по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государ-

ственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации)¹. В данном случае очевидно, что лицо привлекли к административной ответственности ввиду того, что в УИК РФ данное поведение никак не урегулировано и оно не отнесено к нарушениям режимных правил. Является ли в таком случае отсутствие правового регулирования дефектом? Представляется, что с формальной точки зрения нарушения порядка отбывания наказания в действиях осужденного нет. В этом случае речь идет о технических аспектах реализации исполнения и отбывания ограничения свободы. По нашему мнению, такие действия не должны считаться нарушениями режимных правил, а являются неисполнением требования должностных лиц уголовно-исполнительной системы. Следовательно, привлечение к административной ответственности в этом случае вполне уместно.

В другом случае правила, закрепленные в ст. 19.3 КоАП РФ, неверно применены органами, исполняющими приговор, однако скорректированы судом. Так, в отношении Б., отбывающего наказание за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 116 УК РФ в виде обязательных работ, за неявку по вызову уголовно-исполнительной инспекции составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, которым он воспрепятствовал исполнению сотрудником УИС своих обязанностей². В данном случае состав административного правонарушения отсутствует, поскольку осужденный не соблюдал порядок исполнения обязательных работ. В этом случае имеет место пробел в правовом регулировании порядка исполнения и отбывания обязательных работ; данные вопросы следует решать посредством изменений УИК РФ.

Позиция судьи является правильной, поскольку он указал, что неявка осужденного лица в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, т.к. отсутствует объект и объективная сторона данного правонарушения. Требование сотрудника уголовно-исполнительной инспекции о необходимости явки осужденного лица имеет своей целью контроль за осужденным, а не охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Неявка лица в уголовно-исполнительную инспекцию может влечь за собой иную ответственность.

Осужденный по приговору Кизнерского районного суда Удмуртской Республики по ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 139 УК РФ к наказанию в виде ограничения свободы сроком на 1 год 6 месяцев Г., к которому были применены мобильное контрольное устройство (МКУ) и электронный браслет (ЭБ), допустил нарушение законного требования сотрудника уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ), выразившееся в том, что Г. систематически в течение нескольких дней отдалялся от МКУ более, чем на 5 метров, тем самым делал невозможным контроль за соблюдением им ограничений, установленных приговором суда, а именно: не выезжать за пределы муниципального образования и не менять места жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. В судебном заседании Г. признал факт неправомерного поведения при отбытии им уголовного наказания в виде ограничения свободы, уточнив, что 11 июля 2020 г. выехал в гости в село Н., где сигнал сотовой связи слабый, при этом он забыл мобильное устройство. Факт совершения Г. правонарушения, по мнению суда, сомнений не вызывает и подтверждается собранными доказательствами. Также 12 июля 2020 г. было выявлено нарушение расписания присутствия электронного

1 Постановление Сегежского городского суда Республики Карелия от 17.03.2014 N 5-27/2014. Здесь и далее материалы судебной практики находятся на сайте «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.02.2023).

2 Постановление Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 26.12.2013 N 5-480/13 5-480/2013.

браслета, что препятствовало мониторингу поведения подконтрольного лица за указанные периоды. Г. признан виновным по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 600 рублей¹.

Аналогичная фабула административного дела в отношении Ш., которому вменялось, что он, будучи осужденным к ограничению свободы, удалился от мобильного контрольного устройства на расстояние более 3 метров. Однако суд при рассмотрении данного дела справедливо указал, что сотрудниками УИИ не принято во внимание то обстоятельство, что Ш. фактически был нарушен порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы, ответственность за несоблюдение которых установлена Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации².

Данные примеры свидетельствуют, что на практике имели и имеют место неоднозначные ситуации в вопросах интерпретации положений УИК РФ и диспозиции нормы ст. 19.3 КоАП РФ. В настоящее время это может приводить к тому, что за любые действия (бездействия) осужденных можно привлекать к нескольким видам ответственности. Это указывает на отсутствие четких критериев дифференциации санкций за нарушение режимных правил осужденными.

То есть институциональное усмотрение дает определенные ориентиры правоприменителю, а функциональное – нет. В тех примерах, которые были приведены выше, имело место функциональное усмотрение, поскольку применение иного вида ответственности к лицам в случае отсутствия правового регулирования этих вопросов непосредственно в УИК РФ противоречит принципу законности.

Для устранения сложностей при применении некоторых положений закона сотрудники УИС используют нормативные положения иных отраслей права, поскольку режимы отдельных наказаний охватывают не все рассмотренные случаи.

Представляется, что вопросы, связанные с применением технических средств контроля, могли быть решены с помощью инструментов,

которые имеются в уголовно-исполнительном законодательстве, посредством обеспечения роли этих правил административными санкциями. Безусловно, их сложно отнести к нарушениям режима, они могут касаться частной жизни лица, и для этих категорий осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, следует распространить действие ст. 17.1 УИК РФ. Следовательно, если лицо совершает определенные действия (бездействия), не являющиеся нарушением порядка отбывания наказания, в этом случае к ним применяется официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. Такое предложение видится весьма логичным, поскольку в приказе ФСИН России от 3 декабря 2021 г. N 1106 «О некоторых вопросах объявления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» предусмотрено, что данное предупреждение объявляется при отсутствии оснований для привлечения к дисциплинарной, материальной, административной или уголовной ответственности в целях предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений.

Это вполне логично в случаях, когда осужденный, к примеру, не заряжает браслет, размагничивает систему, не соблюдает правила его ношения, хранения и эксплуатации, не впускает инспектора для осмотра его жилища и иных случаях, когда действия осужденного могут влечь за собой возможность совершения противоправных действий и являются вредными (опасными), однако законодатель не предусмотрел ответственности за подобного рода действия (бездействия). По своей правовой природе такие действия (бездействия) не являются составными частями

1 Постановление Кизнерского районного суда Республики Удмуртия от 28.07.2020 N 5-73/2020 N 5-73/2020.

2 Постановление Боготольского районного Суда РФ Красноярского края от 02.09.2020 N 5-94/2020.

режимов тех или иных наказаний, а следовательно, в УИК РФ ответственность за них не предусмотрена.

При возникновении данных ситуаций, если эти действия (бездействия) влекут за собой воспрепятствование законной деятельности должностных лиц УИС, такому лицу выносится официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений. И приказ ФСИН России «О некоторых вопросах объявления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» необходимо дополнить указанием о том, совершение каких действий позволит инспектору вынести предостережение. В противном случае существенно увеличивается объем дискреционных полномочий сотрудников УИС, как это имеет место быть при настоящей редакции ст. 17.1 УИК РФ. В данном случае имеется противоречие нормам действующего законодательства, регламентирующим вопросы производства антикоррупционной экспертизы. Так, согласно постановлению Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» коррупциогенным фактором, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения, является широта дискреционных полномочий.

С учетом этих аргументов изменения в рассматриваемую норму должны быть сформулированы следующим образом. Например, предостережение объявляется осужденному в случае несоблюдения требований, содержащихся в памятке по эксплуатации СЭМП/П (для осужденных к ограничению свободы), лицам, приговоренным к альтернативным санкциям, не впусившим в жилище сотрудников УИС, полиции, Росгвардии; осужденным, отбывающим исправительные работы, об изменении места работы или жительства.

Повторное совершение аналогичных действий будет образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Такой подход позволит систематизировать порядок привлечения к различным видам ответственности и разграничить ситуации, при которых лицо будет привлечено к административной ответственности или считаться нарушителем режима уголовного наказания.

Кроме этого потребуются изменения Закона РФ от 21 июля 1993 г. N 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», поскольку в п. 3 ч. 1 ст. 14 данного нормативного документа предусмотрено, что учреждения, исполняющие наказание, вправе требовать от осужденных и иных лиц исполнения ими обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации, и соблюдения правил внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания. Ввиду того, что вышеперечисленные ситуации дают представление о том, что воспрепятствование исполнению служебных обязанностей сотрудниками УИС не всегда противоречит праву, следует эту статью сформулировать следующим образом: «... требовать от осужденных и иных лиц исполнения ими обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации, и соблюдения правил внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания, прекращения противоправных действий, а равно действий, препятствующих законной деятельности сотрудников УИС, иных государственных органов, а также лиц, указанных в статье 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Таким образом, институциональное и функциональное усмотрение в деятельности по исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера проявляется в том, насколько дискреционные полномочия органов, исполняющих приговор, затрагивают публичную или личную сферу деятельности осужденных. Отдельное внимание в этом контексте заслуживает вопрос о законных требованиях сотрудников

УИС. Представляется, что анализ право-
применительной практики в этом сегменте
позволяет дополнить отдельные положения

уголовно-исполнительного законодательства
Российской Федерации с целью необходимо-
сти оптимизации их применения.

Библиографический список

1. Балина, Т.Н. Психологические проблемы управленческого взаимодействия / Т.Н. Балина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2013. – N 2. – С. 63-65.
2. Жильцов, А.В. О правовой определенности категории «устное требование сотрудника полиции» / А.В. Жильцов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – Ч. 1. – С. 17-19.
3. Кокошкин, Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 306 с.
4. Малолеткина, Н.С. Неповиновение законному распоряжению сотрудников по ст. 19.3 КоАП РФ / Н.С. Малолеткина // Пенитенциарная наука. – 2020. – N 2. – С. 259-264.
5. Тепляшин, П.В. Оценка эффективности реализации лишения свободы: уголовно-исполнительный анализ и сравнительно-правовой аспект / П.В. Тепляшин // Преступление, наказание, исправление : материалы III международного пенитенциарного форума (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Рязань, 21-23 ноября 2017 г.: в 8 т. Том 3. Материалы международной научно-практической конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – С. 235-241.
6. Тепляшин, П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений / П.В. Тепляшин // Российская юстиция. – 2010. – N 4. – С. 60-62.
7. Шарнина, Л.А. Усмотрение в конституционном праве : дис. ... докт. юрид. наук / Л.А. Шарнина. – М., 2019. – 353 с.

Виктор Сергеевич ПЛЕТНИКОВ,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент
pvs80@mail.ru

ЯЗЫК И ПРАВО: СМЫСЛЫ И ДЕЙСТВИЯ

LANGUAGE AND LAW: MEANINGS AND ACTIONS

В статье акцентировано внимание на том факте, что на протяжении длительного периода ни законодатель, ни правоприменитель не обращают должного внимания на язык юридических актов. Особое внимание уделено возможным вариантам разрешения сложившейся ситуации. Аргументирована необходимость: в процессе подготовки будущих юристов-практиков обратить внимание на юридическую технику – дисциплину, которая должна обеспечить формирование навыков уважительного отношения к юридической терминологии; уделять больше внимания юридическим аспектам качества нормативно-правового акта, т.е. на системной основе применять знания о средствах и приемах юридической техники; использовать при формировании текста правового предписания возможности, предоставляемые принципами формирования модели в юриспруденции.

The article focuses on the fact that for a long period of time neither the legislator nor the law enforcer pays proper attention to the language of legal acts. Particular attention is paid to possible versions for resolving the current situation. So it's argued that it is necessary: to pay attention to legal technique - a discipline that should ensure the formation of skills of a respectful attitude to legal terminology in the process of preparing future legal practitioners; to pay more attention to the legal aspects of the quality of a legal act, i.e. to apply knowledge about the means and methods of legal technique on a systematic basis; to use the opportunities provided by the principles of model formation in jurisprudence when forming the text of a legal prescription.

Ключевые слова: язык права, ошибки в праве, юридическая техника, качество правового акта, юридические термины, модель в юриспруденции, принципы формирования модели.

Keywords: language of law, errors in law, legal technique, quality of a legal act, legal terms, model in jurisprudence, principles of model formation.

Постановка проблемы: теория и практика

Язык, выступая в качестве знаковой системы, является способом (средством) передачи знаний от человека к человеку. Следовательно, он в своем развитии прошел столь же долгий путь, что и человек. К. Маркс писал: «Язык так же древен, как и сознание; язык возникает из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [6, с. 29]. Се-

годня без колебаний можно утверждать, что язык, его элементы (слово, словосочетание, предложение) напрямую связаны с мышлением и культурой человека и общества. Язык выступает в качестве некоторого кода, смысл и содержание которого известно только его носителям. Не наделенные соответствующим знанием субъекты лишены возможности включиться в общение. На основе языка формируются понятия и суждения. Как итог вы-

страиваются коммуникации между членами общества.

Право – как система общеобязательных формально определенных норм, выражающих меру свободы человека и устанавливающих каноны равенства и справедливости в обществе, принятых или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений [8, с. 138], – является, так же как и, например, экономика, разновидностью языка на котором общается человечество, благодаря которому обеспечивается мирное сосуществование людей в социуме. Право является языком со своими смыслами и правилами. И в тех сферах, в которых государство посчитало это необходимым, единственно допустимым средством передачи информации, обеспечивающим мотивацию субъекта.

В современных условиях без явных изменений русского (государственного) языка «язык права» претерпевает существенные изменения. И связано это не столько со сферами общества, которые с учетом развития науки и техники оказались втянуты в сферу правового регулирования, сколько с изменением отношения к языку со стороны юристов, «правовая материя условна и изменчива, она не возникает сама по себе, а целенаправленно создается человеком» [4, с. 3]. Причем необходимо сразу указать, что эти изменения в отношении характеризуются отрицательной динамикой. Сегодня негативные тенденции прослеживаются не только в сфере право-реализационной и правоприменительной практики, они остро стали проявляться и в законодательной деятельности. Наверное, единственная сфера юридической деятельности, в которой пытаются сохранить бережное отношение к языку, – это толкование права.

Если обратиться к юридической практике и на конкретных примерах рассмотреть данную проблему, то становится очевидным, что сегодня фактически нет правил (алгоритмов), нормативных установлений, указывающих на пути решения проблем. В отдельных случаях, как

то – акты реализации права, законодатель заранее подразумевает, что лицо, которое с ним обращается, не имеет должного объема знаний русского языка, а следовательно, требований по его правильному (хотя бы с позиции правил русского языка) написанию не предъявляет, отдавая все на откуп правоприменителю.

Лишь в одном случае действующее законодательство предлагает модель поведения – ст. 200 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ. Известно, что если в тексте правового акта присутствует проблема (описка, опечатка, ошибка) – «материалами дела не подтверждается, что пробы испытанн**О**Й провод**А** взяты от товара, проданного ответчиком по чеку 27.01.2022 N 0018»¹ – то их (ошибки) надо исправить. В этом случае следует обратиться с заявлением в суд для исправления ошибки. Правда, при этом следует потребовать именно исправления ошибки, в ином случае этого сделано не будет.

В ст. 179 АПК РФ также обращено внимание на проблему неясности решения (неясность, как известно, возникает из-за проблем с языком) и сказано, что суд вправе разъяснить такое решение без изменения его содержания. При этом следует иметь в виду, что в значительном числе случаев такого рода разъяснения необходимы параллельно с исправлением ошибок. Но как быть, если такого рода коррективы несут изменение содержания? Например: «между тем, указанный документ**Т** (чек – В.П.) не подтвержда**Ю**т факт продажи предпринимателем товара ненадлежащего качества»². Не понятно, о чем говорит суд, и какие документ/документы он имеет в виду. Предыдущий абзац постановления содержит обращение к чеку N 0018, но даже начинающий юрист знает, что чек – это документ, подтверждающий факт заключения договора/перехода права, не более. Для подтверждения факта продажи некачественного товара в соответствии с действующим гражданским законодательством нужны результаты экспертизы. Суд (далее по тексту постановления) не принимает их к сведению, ссылаясь на тот

1 Постановление 10АП-23152/2022 г. 02.12.2022 по делу N A41-57343/22. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d01cc5a-f7fc-438b-9e77-ff2fec842161/fa6375e3-6f4a-4278-b142-db026e619ed9/A41-57343-2022_20221202_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.02.2023).

2 Там же.

факт, что «истцом не представлены надлежащие доказательства в подтверждение продажи ответчиком товара с существенными нарушениями требований к его качеству»¹. Но в российском законодательстве нет акта-документа, который бы подтверждал продажу ответчиком товара с существенными нарушениями требований к его качеству.

В данном случае вряд ли можно говорить просто о грамматической ошибке либо необходимости разъяснить неясное решение суда. А с учетом того обстоятельства, что это решение апелляционной инстанции, можно утверждать, что суд не видит в такого рода содержании акта никакой проблемы, т.е. смысл решения и действия будущих исполнителей в сознании судьи имеют конкретное содержание.

Но это не единичный случай, когда судья забывает о требованиях действующего отечественного законодательства, согласно которым «решение должно быть изложено языком, понятным для лиц, участвующих в деле, и других лиц».

Если условно спустимся на ступеньку ниже и обратим внимание не на орфографическую ошибку, а на фактическую или логическую, то на данном уровне нормативно установленных правил нет. Если, конечно, не обращаться за помощью в вышестоящие инстанции, апелляцию и кассацию. Но и здесь «компетентный» уполномоченный субъект не спешит вносить ясность в текст принятого решения. Так, в постановлении N 17АП-10526/2020-АК от 30 октября 2020 г. по делу N А60-72822/2019 апелляционная инстанция оставила требования ответчика без удовлетворения, хотя фактические обстоятельства дела в решении изложены неверно; в апелляционном определении судьи судебной коллегии по административным делам Московского областного суда от 21 марта 2022 г. по делу N 33а-8533/2022 одновре-

менно предписывается «разрешить вопрос по существу» и «возвратить административное исковое заявление». Такого рода ошибки остались в тексте итогового акта, и он вступил в силу.

В данном случае оппоненты, конечно, могут возразить: не доказано, не аргументированно, односторонний взгляд на проблему.

В случае же с языком законодательных актов все выглядит однозначно и, так же как в ранее приведенных примерах, демонстрирует отсутствие нормативно установленных правил разрешения возникших языковых проблем. Например, ситуация с двумя законами – Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», в которых фактически один и тот же вид деятельности имеет два различных названия: оперативно-розыскная деятельность и оперативно-полицийская деятельность.

На практике, с учетом качества правового регулирования, актуальности, множества вопросов, возникающих в процессе реализации норм, как верно указывает Е. Сурначева, «разницу двух букв логично назовут ерундой»² и никто не будет использовать (до поры до времени) это расхождение в процессе отстаивания правовой позиции. Законодатель же, ученые должны решать проблемы и такого рода, иначе в конечном итоге практикующие юристы должны будут вершить правосудие по совести, за неимением норм, однозначно регулирующих общественные отношения.

Сегодня, вместо того чтобы разрешить явно выраженную, существующую с 2011 г. проблему языка права, законодатель ее усугубляет³. Можем наблюдать, что в результате принятых в декабре 2022 г. изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁴ появляется еще одна проблема такого же рода. Теперь в уголовно-процессуальном законо-

1 Постановление 10АП-23152/2022 г. 02.12.2022 по делу N А41-57343/22..

2 Сурначева Е. Полиция против Розенталя. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/02/10_a_3519978.shtml.

3 Хотя ранее, по мнению А.В. Безрукова, М.А. Митюкова, законодатель подвергал каждое юридическое понятие более серьезной проработке [2].

4 Федеральный закон от 29.12.2022 N 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, N 1 (часть I), ст. 57.

дательстве фигурируют понятия «видеоконференц-связь» (ст. 35, 389.12, 389.13, 399 УПК РФ и др.) и «видео-конференц-связь» (ст. 108, 189.1, 241.1, 253, 258 УПК РФ и др.). Наверно, еще осталось обратиться к Википедии и написать видеоконференцсвязь¹ или чего хуже видео-конференцсвязь.

В такой ситуации пренебрежительного отношения к правилам оформления законодательных актов в конечном итоге и правоприменитель может посчитать возможным действовать аналогичным образом по отношению к принятым законам – «избирательное правоприменение». Но, наверно, намного важнее в такой ситуации, что ныне действующие законы когда-то станут правовыми памятниками, и наши потомки будут их изучать, пытаться понять. Как известно, слово напрямую связано с конкретным предметом (явлением, процессом или состоянием) реального мира, оно определяет будущую коммуникацию. А если учесть, что в разных культурах термины имеют серьезные разночтения, то, как гласит гипотеза Сепира-Уорфа, – говорящие на разных языках по-разному воспринимают мир [3].

Предложения по совершенствованию смыслов и организации действий

При этом, как было сказано ранее, готовых решений проблемы нет. По крайней мере, юридическая практика их не предлагает. Хотя, если обратим внимание на тот факт, что юриспруденция – это не только юридическая практика, но еще и юридическая наука, а также юридическое образование [1, с. 93-98], ответ лежит на поверхности.

Во-первых, необходимо больше внимания уделить в процессе обучения будущих юристов не методике контроля и надзора, а собственно практике совершения первичных юридических действий (операций). Учебной дисциплиной, которая обеспечивает формирование необходимых компетенций будущего юриста, позволяет ему в дальнейшем

качественно и рационально осуществлять юридическую деятельность, является юридическая техника [10, с. 29-32]. Именно юридическая техника должна стать после освоения базовых, методологических начал (теории и истории государства и права) основной учебной дисциплиной и выступать в качестве обязательной в процессе подготовки юриста. В процессе ее изучения студент-юрист имеет возможность понять, что в основе юриспруденции, основным его орудием в профессиональной юридической деятельности является СЛОВО (основа языка права); юрист должен знать, когда ему следует промолчать, а когда молчание будет равнозначно проигранному юридическому делу. Причем преподавание юридической техники должно вестись с учетом двух подходов: документационного и деятельного, т.е. она должна стать не общетеоретической дисциплиной, а прикладной.

На практике ситуация складывается по-разному. Так, в трех флагманах юридического образования в России – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Саратовская государственная юридическая академия – данная дисциплина реализуется, но даже здесь ее реализация во многом зависит от образовательной программы. На официальных сайтах других вузов и юридических факультетов страны, проанализировав их образовательные программы, видим, что ситуация не столь радостная. Например, в Юридическом институте Кемеровского государственного университета², Юридическом институте Томского государственного университета³ юридическая техника как самостоятельная учебная дисциплина не реализуется. Хотя отдельные ее элементы представлены в учебном плане.

Во-вторых, данная ситуация наглядно демонстрирует то, что профессор Н.Н. Тарасов назвал «катастрофой понятий».

1 Понятие «видеоконференцсвязь». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.02.2023).

2 Кемеровский государственный университет. URL: <https://kemsu.ru/sveden/education/> (дата обращения: 14.02.2023).

3 Томский государственный университет. URL: <https://www.tsu.ru/sveden/education/eduop/> (дата обращения: 14.02.2023).

В советской и постсоветской России (первые годы ее существования) наука и право, построенное на научно обоснованных, аргументированных и выверенных положениях, выступали в качестве сакрального источника, те научные знания и законодательные установления, которые ученые во взаимодействии с политиками предлагали широкой общественности, во многом воспринимались на веру. Общество не задавалось даже вопросом: почему именно так? Воля государства, отражающая интересы общества в целом, не может быть дефектной, его (государства) требования должны быть воплощены в повседневную жизнь.

В ситуации, которая складывается сегодня, когда законодатель очень редко обращается к научной общественности, а одним и тем же явлениям и процессам дает разное наименование, ряд субъектов, имеющих свои, порой меркантильные, интересы и цели, использует данное положение для их реализации. При этом в общественном сознании в результате наблюдения за происходящим возникают вопросы, связанные с корректностью, качеством, необходимостью такого правового регулирования общественных отношений, возможностью отказа от сложившихся моделей правового регулирования.

Если же двигаться по направлению, заявленному в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», законодателю необходимо осознать, что текст закона (юридические термины и понятия, модели и конструкции), который лежит в основе организации правовой жизни, должен быть качественным. Иначе любые благие начинания не будут реализованы. Законодателю необходимо помнить как о социальной, так и юридической стороне качества правового предписания. А сегодня приходится с сожалением констатировать, что законодатель в стремлении обеспечить прогрессивное воздействие на общественные отношения, адекватное

отражение в нем происходящих в обществе процессов и их развитие забывает о юридическом аспекте качества нормативно-правового акта – о соответствии правилам юридической техники.

И, в-третьих, чтобы обеспечить высокое качество правовых нормативных установлений особое внимание следует уделить тем принципам, которые лежат в основе формирования модели в юриспруденции. Ответственный подход к созданию правовых установлений, согласно принципам модели в юриспруденции, обеспечит высокое качество правовых текстов.

Как известно, при подготовке текста правового предписания необходимо руководствоваться следующей логикой, обратить внимание на такие блоки принципов:

1) первый блок представлен целенаправленностью – принципы, связанные с направлением (природой) цели деятельности субъекта;

2) второй блок включает две группы принципов – принципы, применяемые к содержанию и форме модели;

3) третий блок – группа принципов, благодаря следованию которым обеспечивается соответствие результата формирования модели применяемым нормам (нормативность);

4) четвертый блок – принципы проверки качества формирования модели в праве (контроль и связь с практикой) [подр.: 7].

В современных же условиях приходится с сожалением констатировать, что без должного внимания остается третий блок принципов. Как сказал Л.С. Мамут, «нормативы, по которым существует и функционирует прямое правовое общение, коим руководствуются участвующие в нем субъекты, имеются всегда» [5, с. 47]. Затянувшаяся смена в современном российском обществе и государстве норм/нормативов/ценностей (и не только правовых) не позволяет качественно и в полной мере работать над текстами правовых предписаний. Ярким подтверждением сказанного являются изменения, внесенные 28 февраля 2023 г. в Федеральный закон

«О государственном языке Российской Федерации»¹. Теперь «при использовании русского языка как государственного языка ... должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка», которые зафиксированы в нормативных словарях, справочниках и грамматиках, списки, которых утверждаются Правительством России. Вот те нормативы, введение которых должно обеспечить некоторую системность в использовании юридической терминологии в правовых текстах.

Главное, чтобы было принято принципиальное волевое властное решение о коррективке уже принятых правовых норм.

При таком развитии ситуации и у контрольно-надзорных органов и инстанций появляется ориентир, основа, опираясь на которую они могут с уверенностью требовать от нормотворческой инстанции действий по корректировке текста правового предписания и приведению его в соответствии с нормативами. Таким образом, должно произойти и усиление внимания по отношению к принципам проверки качества формирования модели.

Подводя итог, видим, что современная юриспруденция постепенно возвращается к своим истокам, системно-структурная ее организация (юридическая наука, образование и практика) начинает давать свои плоды. Для юридической практики создаются не без помощи ученых нормативы и не только в рамках правотворческого процесса (регламенты), но и нормативы юридико-технического характера. Но этого на современном этапе развития юриспруденции недостаточно. Мало установить нормативы, как это сделано, например, в Федеральном законе от 28 февраля 2023 г. N 52-ФЗ. Нормативы нужно правильно использовать, следует установить (пропи-

сать) соответствующие технологии работы с ними. А во вносимых изменениях речь идет о «нормативных словарях ...», но нет даже раскрытия понятия «нормативный словарь», не говоря уже об ответах на вопросы: как и каким образом им пользоваться; каков его характер, границы (сферы юридической деятельности, виды актов и т.д.) его применения?

При этом не следует забывать и о богатстве русского языка, в котором помимо орфографии есть и другие разделы: грамматика, лексикология, стилистика и т.д. А эти нормы, в свою очередь, сильно зависят от тех идеологем, которые существуют в конкретном обществе. Но, как известно, в России отсутствует официальная идеология, а политических партий и их представителей в органах власти значительное число. Следовательно, каждый представитель политической элиты в теории может, а в ряде случаев и закладывает при создании нормативного правового установления отличные смыслы в правовые тексты. Как известно, уметь выбрать из множества существующих правовых идей именно ту, которая окажется путеводной нитью, – это мастерство, а если она еще и укажет правильную дорогу – это высшее мастерство, искусство [9, с. 9].

Только если в современном российском государстве будут должным образом сформированы и оформлены нормативы его деятельности, можно надеяться, что оно сохранится и будет приносить пользу российскому обществу. В ином случае, при отсутствии нормативов, механизмов реализации нормативов, придется регулярно сталкиваться не только с проблемой подготовки текста закона, но и с низким качеством правовых установлений, проблемами формирования правомерного поведения.

1 О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.02.2023 N 52-ФЗ.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы теории государства и права : учебник. – М.: Юстиция, 2019. – 440 с.
2. Безруков, А.В. Становление российского парламентаризма: от Верховного Совета к Федеральному Собранию. «Часть 2. Федеральный конституционный закон как новелла российского парламентаризма» (по материалам конституционного совещания) / А.В. Безруков, М.А. Митюков // Личность, право, государство. – 2019. – N 2. – С. 3-48.
3. Брутян, Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа : лекция, прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г. / Г.А. Брутян. – Ереван: Луйс, 1968. – 66 с.
4. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М.: Норма, 2007. – 160 с.
5. Мамут, Л.С. Правовое общение: очерк теории / Л.С. Мамут. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 80 с.
6. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 3.
7. Плетников, В.С. Принципы познания (формирования) модели в юриспруденции / В.С. Плетников // Личность, право, государство. – 2017. – N 3. – С. 11-41.
8. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 552 с.
9. Хазова, О.А. Искусство юридического письма / О.А. Хазова. – М.: Юрайт, 2012. – 181 с.
10. Юридическая техника : учебник / под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2023. – 648 с.

Николай Александрович РЯБИНИН,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирской пожарно-спасательной академии
ГПС МЧС России (г. Железногорск),
кандидат юридических наук, доцент

rna0303@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

FEATURES OF THE RUSSIAN STATEHOOD

Статья посвящена характеристике российской государственности. Сформулировано ее определение, рассмотрены отдельные особенности, проявляющиеся на всех этапах ее развития. Раскрыты каждая из выявленных особенностей и проведен анализ их проявления на современном этапе развития России.

The article is devoted to the characteristics of Russian statehood. The definition of the mentioned concept is formulated, its individual features that manifest themselves at all stages of its development are considered as well. Each of the identified features is revealed, and an analysis of their manifestation at the present stage of Russia's development is carried out by the author.

Ключевые слова: государство, государственность, российская государственность, особенности России, развитие России, современная Россия.

Keywords: state, statehood, Russian statehood, features of Russia, Russia's development, modern Russia.

Современное состояние и дальнейшее развитие России во многом обусловлено историческими особенностями, присущими российской государственности на всех этапах ее существования. Изучение данных особенностей позволит эффективно проводить государственно-правовое регулирование, правильно реагировать на изменение существующих и появление новых общественных отношений, а также формировать прогнозы на дальнейшее развитие России.

Для начала определимся, что же следует понимать под термином «российская государственность». До 90-х годов XX века в трудах ученых-теоретиков понятие «государственность» отождествлялось с термином «государство» либо понималось как одна из его характеристик (характеристика органов власти, особенностей типа государства и т.д.). Мы полагаем, что подобное понимание «государ-

ственности» слишком узкое и не отражает всех ее характеристик.

Более широкое понимание государственности и новое теоретическое наполнение данного термина появилось в государствоведении сравнительно недавно. Его возникновение было обусловлено сменой исторических этапов развития России, переходом от советского государства к Российской Федерации. Именно в этот период возникла необходимость в создании новой государственно-правовой модели, воплощении в жизнь демократических механизмов осуществления государственной власти, появлении новых правовых институтов. Современное широкое понимание государственности в целом и российской государственности в частности, было сформировано в трудах таких ученых, как А.Б. Венгеров [3, с. 168], И.А. Бачило [2, с. 26], Л.А. Морозова [6, с. 9-10], А.С. Шабуров [8, с. 4-5].

Мы также считаем, что отождествление понятий «государство» и «государственность» недопустимо, и предлагаем под государственностью понимать «особую форму организации общества, включающую в себя все государственно-правовые явления, динамически развивающиеся во времени, со специфическими, присущими им особенностями и закономерностями, возникшими под влиянием экономической, социальной, духовно-культурной и политической сфер общества» [подр.: 7, с. 9].

На наш взгляд, российская государственность представляет собой исторически сформировавшуюся и динамично развивающуюся форму организации российского общества, характеризующуюся определенным набором государственных, правовых и сопутствующих им социальных явлений.

Исследование особенностей России нашло отражение в трудах Л.А. Морозовой [6, с. 27-28], Т.В. Кашаниной [4, с. 112-114], А.С. Шабурова [8, с. 5-6] и других ученых, которые выделили и раскрыли достаточно большое количество особенностей России. Используя изученные указанными авторами особенности, выделим и раскроем те из них, которые, по нашему мнению, оказали и продолжают оказывать существенное влияние на современное состояние и дальнейшее развитие российской государственности в целом и отдельных государственно-правовых явлений в частности.

Первая особенность заключается в том, что российская государственность имеет евразийский характер. Это стало результатом уникального территориально-географического расположения России, вследствие которого государственность России развивалась под одновременным воздействием европейской и азиатской культур. Недаром еще В.О. Ключевский говорил, что «исторически Россия не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [5, с. 56].

Аналогичную позицию занимали Н.С. Трубецкой, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев,

Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский, так называемые «евразийцы»: «Россия – Евразия – это особый географический и культурный мир, – провозглашали они. – Россия как государственный и культурный организм занимает центральную, срединную часть крупнейшего на планете материка – Евразии и своими восточными и западными границами равно принадлежит как Европе, так и Азии. В силу этого промежуточного положения она всегда имела альтернативную ориентацию на Запад и на Восток и геополитически была призвана выполнять роль некоего синтеза, социокультурно объединяющего и уравнивающего оба этих начала – восточное и западное. Они провозглашали существование особой евразийско-русской культуры...» [1, с. 493].

Действительно, современная Россия имеет свой неповторимый путь развития, объединяя в себе восточный и западный пути развития, умело использует традиционность и модернизацию государственно-правового моделирования.

Именно эта особенность позволяет России развивать свою уникальную государственность, перенимая и используя достижения как Запада, так и Востока. Мы полагаем, что России не нужно выбирать между Европой и Азией, необходимо продолжать развитие собственной модели государственности. При этом, осуществляя государственно-правовое регулирование, не стоит забывать об особенностях европейского и азиатского восприятия государства и права и учитывать эти особенности.

Еще одна особенность российской государственности, достаточно ярко проявлявшаяся на всех этапах ее развития, – это сильная централизованная власть главы государства. Данная особенность обусловлена как географическим фактором и необходимостью координации публичной власти на большой территории государства, так и особым восточно-традиционным отношением к власти.

А.С. Шабуров писал о восприятии главы государства в России как «отца, благодетеля для всего народа. Подданные государства должны слушаться государственную власть, ее представителей, выполнять ее веления

не под угрозой наказания, а из принципа необходимости и при этом возвеличивать, благодарить «отца» своего, дарующего своим подданным права, свободы и различные возможности» [8, с. 5].

История российской государственности показывает, что сильная централизованная власть существовала на всех этапах ее развития и в наиболее тяжелые времена позволяла справиться с имеющимися для России угрозами и способствовала ее прогрессивному развитию. Так, сильная централизованная власть обеспечивала защиту и сохранение территорий Киевской Руси и Московского государства, препятствовала внутреннему сепаратизму и привела к усилению международной роли российского государства.

Сильная власть была свойственна Российской империи во времена правления Петра I, Александра II. Проведенные ими реформы во многом повлияли на дальнейшее прогрессивное развитие государства и права. На советском этапе развития государственности сильная централизованная власть И.В. Сталина предопределила сверхбыстрое индустриально-техническое развитие страны, способствовала победе в Великой Отечественной войне и укреплению молодого советского государства.

На современном этапе развития российской государственности мы также стали свидетелями зарождения и становления сильной централизованной власти президента, обусловленной имеющимися в России историческими особенностями.

Уникальный менталитет россиян – следующая особенность российской государственности. Такие черты менталитета, как мессианство, стремление к идеалам, особое восприятие права, проявляются на всех этапах развития российской государственности и оказывают на нее и на российское общество колоссальное влияние.

Проявляя черты мессианства, Россия постоянно стремится к защите других народов, наций, государств. Причем такая защита издревле осуществлялась уникальным политическим способом. Расширяя свою государственность на другие территории, принося туда новые культурные достижения, россияне берут под свою опеку население, проживающее

на этих территориях. На современном этапе такая защита осуществляется в отношении Крыма, украинского народа, некоторых стран Латинской Америки и Ближнего Востока.

Особое восприятие права является следствием влияния евразийских традиций и выражается в специфической правовой культуре и правовом поведении россиян. До сих пор актуальны знаменитые слова А.И. Герцена, сказанные по этому поводу еще в XIX веке – «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно также поступает правительство».

Исследования правового менталитета россиян показывают, что для них характерны два принципа восприятия права: право – власть и право – справедливость. Это, в свою очередь, обуславливает то, что любое правовое предписание, созданное государством, воспринимается гражданами как средство власти для реализации своих интересов и потребностей и оценивается негативно в случае противоречия субъективным представлениям о справедливости. На сегодняшний день наиболее яркие примеры этому – отношение населения к повышению пенсионного возраста, различным изменениям в правилах дорожного движения, к введению запретов и ограничений в связи с пандемией и т.д.

Учитывая, что подобное восприятие права непосредственно связано с реализацией и эффективностью действия права, государство должно дополнительно разъяснять важность и целесообразность реализации создаваемых правовых предписаний, показывать их социальную справедливость и направленность на удовлетворение конкретных законных интересов человека и общества.

Также следует отметить такую особенность, в том числе и современного этапа развития российской государственности, как несформированность гражданского общества и отсутствие среднего класса.

К сожалению, гражданского общества, ограничивающего и контролирующего деятельность государства, Россия не знала никогда. И сегодня в нашей стране нет социальной основы для построения гражданского общества. В российском обществе до сих пор при-

существует глубокое социальное расслоение, в первую очередь ставшее результатом различного уровня имущественных доходов граждан, средний класс не сформирован, более того, продолжается дальнейшая поляризация общества. Все это существенно затрудняет государственно-правовое регулирование социально значимых общественных отношений и тормозит развитие государственности.

Указанное отражается на всех сферах жизнедеятельности общества и государства – политической, экономической, культурно-духовной и особенно социальной, в которой государство не может четко определить адресатов своей социальной функции и постоянно меняет приоритеты и правила правового регулирования отношений.

Завершая, выделим еще одну особенность российской государственности – наличие национальной идеи. На каждом этапе развития России существовала и воплощалась в жизнь определенная национальная идея, среди таких идей были: идея объединения в борьбе за независимость, религиозная христианская идея, идея самодержавия, идея мессианства, идея модернизации, идея сильного централизованного государства, коммунистическая идея и другие.

Сегодня такой объединяющей идеей, на наш взгляд, выступает идея патриотиз-

ма – любви и преданности России. Данная идея традиционна для российского народа и успешно культивируется нашим государством.

Следует отметить, что всегда, когда появлялась объединяющая национальная идея, российская государственность получала новые силы и существенно ускорялась в своем развитии. В такие периоды Россия демонстрирует остальному миру свою уникальность и способность к качественному прогрессивному государственно-правовому развитию, которое мы можем наблюдать сегодня.

Важно помнить о том, что средства достижения целей в рамках общенациональной идеи должны быть исключительно в правовых формах, в соответствии с Конституцией и законодательством России и учитывать приоритет прав и свобод человека и гражданина.

В заключение отметим, что мы не претендуем на полноту выделенных особенностей российской государственности, при этом каждая из выделенных нами особенностей требует более всестороннего и глубокого исследования. Признавая наличие иных особенностей, полагаем, что обозначенные нами являются основополагающими и придающими уникальность российской государственности.

Библиографический список

1. Азаркин, Н.М. История юридической мысли России : курс лекций / Н.М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 1999.
2. Бачило, И.Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. – 1993. – № 7.
3. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – М.: Новый юрист, 1998.
4. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы / Т.В. Кашанина. – М.: Юрист, 1999.
5. Ключевский, В.О. Собрание сочинений: в 9 т. / В.О. Ключевский. Т. 1. – М.: Мысль, 1987.
6. Морозова, Л.А. Проблемы современной российской государственности : учебное пособие / Л.А. Морозова. – М.: Юрид. лит., 1998.
7. Рябинин, Н.А. Преемственность российской государственности : монография / Н.А. Рябинин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2003.
8. Шабуров, А.С. Теоретические вопросы российской государственности : материалы спецкурса / А.С. Шабуров. – Екатеринбург: Уральский юрид. институт МВД России, 1998.

Максим Владимирович КЛИМЧУК,
помощник судьи Красноярского краевого суда
Klimchuk.m@inbox.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ
ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ**

**URRENT ISSUES OF THE USE OF CORRECTION MEANS OF CONVICTS SERVING
IMPRISONMENT FOR COMMITTING CRIMES AGAINST MINORS
IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROBATION SYSTEM**

В статье рассматривается авторское видение перспектив начала функционирования системы пробации в Российской Федерации, раскрываются особенности ресоциализации лиц в современных условиях. Сформулированы и обосновываются предложения по реализации средств исправления осужденных, отбывающих лишение свободы за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних, в условиях реализации системы пробации. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего развития системы пробации, которая на данный момент только активно формируется.

The article discusses the author's vision of the prospects for the beginning of the functioning of the probation system in the Russian Federation, reveals the features of the resocialization of persons in modern conditions. Proposals are formulated and substantiated for the implementation of means of correction of convicts serving imprisonment for committing crimes against minors, in the context of the implementation of the probation system. Conclusions are formulated about the need for further development of the probation system, which is currently only actively being formed.

Ключевые слова: ресоциализация, осужденные, система пробации, лишение свободы.

Keywords: resocialization, convicts, probation system, imprisonment.

Современная государственная политика России свидетельствует о предпринимаемых государственными органами действиях, направленных на совершенствование системы правоохранительных органов с целью выработки мер по снижению уровня преступности и обеспечения безопасности граждан. В этих условиях одной из основополагающих общегосударственных задач,

требующих принятия первоочередного решения, является создание эффективной системы ресоциализации лиц, входящих в группу риска, путем принятия мер упреждающего воздействия, носящих правовой и социально-экономический характер.

Принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее

– Концепция) ознаменовало новый виток формирования авангардных идей, их критического осмысления и конструктивной материализации. Энергичному научному познанию подверглась вся сфера исполнения и отбывания уголовных наказаний, на поверхность теоретической полемики сублимировались вопросы оптимизации и результативности различных уголовно-исполнительных проектов. Одним из таких проектов выступает создание и развитие системы пробации, которая в Концепции (раздел XVI) отражает одно из основных направлений развития современной уголовно-исполнительной системы (раздел IV). Система пробации ориентирована на создание условий для укрепления и(или) восстановление социальных связей осужденного в период отбывания им уголовного наказания в условиях изоляции от общества, приобретение им навыков жизни в обществе, препятствующих формированию дезадаптивной направленности в поведении личности и совершению повторных преступлений.

Создание системы пробации неоспоримо является значимым событием в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и, на наш взгляд, позволит завершить логическую цепочку воспитательного воздействия в отношении определенной категории граждан, к которой также относятся осужденные за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних.

Разработка системы пробации позволит придать сфере исполнения в первую очередь пенальных уголовных наказаний социально-ориентированный характер, обогатить уголовно-исполнительную политику свежими инструментами исправления и социальной адаптации осужденных, модернизировать организацию деятельности по их ресоциализации и социальной реабилитации, защите прав и законных интересов указанных лиц [6, с. 235].

В Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) указаны цели создания системы пробации, которые находятся в плоскости социального

обеспечения, оказания социальной помощи. Именно поэтому стоит говорить о воспитательном воздействии, так как определенные цели и являются элементами данного процесса и направлены на исправление человека, через оказание ему действенной жизненной помощи, которая впоследствии поможет обустроить свою дальнейшую законопослушную жизнь.

Стоит отметить, что в статье 5 Закона о пробации предусмотрено понятие «пробация», под которым определяется «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц».

Созданная в России служба пробации представляет собой уникальную инновационную систему межотраслевого взаимодействия, учитывающую особенности национального менталитета и регламентирующую выполнение субъектами пробации функций по социальной реабилитации осужденных во время отбывания наказания и после освобождения [2, с. 127].

Говоря о функционировании системы пробации, следует отметить, что отдельные функции службы пробации, исходя из Закона о пробации, в большей мере, по сравнению с другими учреждениями, исполняющими уголовные наказания, реализуют в настоящее время уголовно-исполнительные инспекции. Вместе с тем существенным недостатком такой организации является то, что контрольные функции уголовно-исполнительных инспекций имеют приоритет над социально-реабилитационными задачами, которые органично сочетаются в рамках функционирования системы пробации, представленной в Законе о пробации. Причем приоритет контрольных функций в этой сфере может достаточно логично сочетаться с так называемой камерной моделью общественного кон-

троля в уголовно-исполнительной системе [5, с. 79]. Тем не менее, несмотря на существующие пока еще недостатки, мы полагаем, что первоначальные организационные мероприятия функционирования системы пробации целесообразно проводить на базе действующей системы уголовно-исполнительных инспекций.

По теме нашего исследования необходимо разобрать особенности реализации средств исправления осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних именно в условиях пенитенциарной пробации. Средства исправления осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних должны функционировать по следующим направлениям [3, с. 296]:

- контрольно-надзорное – организация контроля за отбыванием наказания осужденными в рамках определенных судом ограничений и после освобождения от отбывания уголовных наказаний;

- социальное – оказание лицам, отбывающим уголовное наказание, необходимой помощи в целях адаптации к условиям жизни в обществе, содействие в развитии у осужденных навыков социально приемлемого и ответственного поведения в целях дальнейшего предупреждения возможных преступлений;

- психолого-педагогическое – оказание лицам, отбывающим уголовное наказание, содействия в коррекции их поведения, изменении убеждений с криминальных и деструктивных на социально-конструктивные. Важно отметить и признать, что реализация этого направления не будет успешной без включения в функционирование системы пробации всего потенциала исправительных учреждений, обладающих колоссальными знаниями личности осужденных и методологией организации воспитательной работы с осужденными за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних.

Исправление осужденного несомненно находится в тесной взаимосвязи и с целью предупреждения совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, и с целью восстановления социальной справедливости. В действующем законодательстве к основным

средствам исправления осужденных относятся:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим);
- воспитательная работа;
- общественно полезный труд;
- получение общего образования;
- профессиональное обучение;
- общественное воздействие.

Стоит отметить, что данные средства исправления осужденных в условиях развития системы пробации необходимо совершенствовать и расширять в действующей системе средств исправления осужденных, которая закреплена в УИК РФ, в условиях развития системы пробации.

Формирование у осужденного негативного отношения к преступному поведению через признание ошибочности совершенного им поступка и связанных с ним чувств печали и огорчения в полной мере обеспечивает несовершение новых правонарушений как минимум для умышленных преступлений, а в сочетании с общим повышением правовой культуры – и для неосторожных преступлений, поскольку происходит уничтожение самой мотивации для нарушения закона [4, с. 178].

Наиболее важным проявлением приоритизации исправления осужденного за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних представляется возможность разрешения серьезного сущностного противоречия, вытекающего из утверждения о том, что сама преступность является порождением социальной несправедливости. Смещая фокус с наказания преступника на исправление, государство и общество по сути «возвращает долг» индивиду, нейтрализуя те негативные обстоятельства, которые повлияли на выбор преступного поведения в качестве способа удовлетворения потребностей, и меняя при этом систему ценностей, поддерживающих такое поведение.

Несмотря на то, что лишение свободы способно обеспечивать среду, в которой лицо, совершившее преступление в отношении несовершеннолетних, находится под максимальным контролем со стороны государства и

может беспрепятственно испытывать воздействие на свое сознание, учеными отмечалась достаточно низкая эффективность лишения свободы как средства исправления преступников, подчеркивалась необходимость развития воспитательной, образовательной и трудовой деятельности осужденного на уровне, который отвечал бы сегодняшним международным стандартам.

В условиях развития системы пробации целесообразно сделать акцент на таких средствах исправления, как лечение, психологическая и социальная работа.

Представляется правильным описать и дать краткий анализ перечисленным средствам.

Среди всего многообразия исправительных учреждений пенитенциарной системы России, именно в лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждениях содержатся осужденные, которые в первую очередь нуждаются в лечении. Получение лицами, имеющими ряд заболеваний, лечения и медицинской помощи является частью системы средств исправления.

Еще одним средством исправления осужденных является психологическая работа, среди основных направлений которой можно выделить и деятельность сотрудников исправительных учреждений по выявлению лиц, которые склонны к различным видам девиантного, деструктивного поведения, и проведение, в том числе среди таких выявленных лиц, мероприятий, направленных на снижение агрессии, повышение социальной адаптации, ресоциализации, и осуществление различных психодиагностических мероприятий.

Официально также предусмотрено функционирование психологической службы уголовно-исполнительной системы, но ее деятельность предусмотрена лишь на уровне подзаконного нормативного регулирования приказами. Что характерно, основам психологической работы с осужденными за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних не придается большого значения в уголовно-исполнительном законодательстве, она предполагается лишь как некий базис для последующей воспитательной

работы в формах и методах, которые чрезвычайно далеки от психологической помощи как таковой [4, с. 182].

С учетом того, что превенция и сдерживание рецидивизирующей преступности является важнейшей целью создания системы пробации, нельзя недооценивать значимость института содействия в получении образования и трудоустройстве. Если мы преследуем цель вернуть бывших осужденных в общество как законопослушных полноценных граждан, то нельзя ограничивать их трудовые права, всячески отворачиваться от них и препятствовать их нормальному взаимодействию с обществом, равно как и не иметь развитой правовой базы и специальных программ в области постпенитенциарной ресоциализации. Вряд ли можно достичь успеха посредством только лишь создания службы пробации, важно сформировать заинтересованность всевозможных работодателей к использованию труда бывших осужденных (предоставление новых возможностей для развития, налоговых льгот и т.д.), активизировать деятельность гражданского общества в данном направлении [7, с. 18].

Социальная работа как средство исправления осужденных реализуется специально уполномоченными службами социальной защиты осужденных, создаваемыми в каждом исправительном учреждении и СИЗО. Работники указанных служб осуществляют комплекс мероприятий по социальной адаптации осужденных, реализации их прав и свобод, а также законных интересов в сфере социального, семейного, трудового законодательства и содействуют процессу их исправления. Таким образом, работа, выполняемая сотрудниками служб социальной защиты, на сегодняшний день является очень важной и актуальной. В связи с этим считаем возможным закрепление социальной работы в качестве основного средства исправления осужденных в ст. 9 УИК РФ [1, с. 33].

Таким образом, были сформулированы предложения, связанные с постепенной гуманизацией, повышением открытости и взаимной координации с институтами гражданского общества для обеспечения доступа в

исправительные учреждения специалистов, которые помогут организовать медицинское лечение, обучение, психологическую помощь и социальную работу. Уже шла речь об успешном опыте взаимодействия с общественными организациями, существующими на волонтерской основе, которые осуществляют социальную реабилитацию лиц, освобождающихся из мест лишения свободы.

Если судить по заметно большому количеству высказанных предложений и имеющихся методик, проблема реальной достижимости цели исправления исследуемой категории осужденных заключается вовсе не в нехватке апробированных исследований по этой части, но в нежелании государства на данный момент уделять этой материи достойное внимание. Как известно, полноценное реформирование уголовно-исполнительной системы в рамках повышения эффективности уголовных наказаний требует существенных вложений, связанных не только с привлечением в этот процесс высококвалифицированных кадров, но и с улучшением состояния фондов учреждений.

Может возникнуть вопрос о целесообразности столь затратных в финансовом плане мер, а также издержек, связанных с продолжительностью и сложностью психологического анализа поведения, но необходимость

в выборе именно такого подхода объясняется тем, что действительно далеко не всякое внешнее проявление качеств, призванных продемонстрировать глубокое уважение к закону, труду и нормам человеческого общежития выражает истинное отношение преступника к данным ценностям [3, с. 295].

Организованное таким образом становление системы пробации на правовой базе уголовно-исполнительных инспекций, осуществляя организационно-методическое взаимодействие с сотрудниками исправительных учреждений, позволит эффективно решать вопросы ресоциализации осужденных за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних еще при нахождении подопечных в местах заключения.

Таким образом можно прийти к выводу, что в ближайшие годы разработка единой стройной системы пробации может стать весьма перспективным направлением для исследования. Но эти предложения будут жизнеспособны только в условиях их активного взаимодействия с новыми средствами исправления осужденных, имеющими отношение к стабилизации социально-экономической ситуации в стране и повышению правовой культуры населения.

Библиографический список

1. Горбань, Д.В. Нормативное совершенствование действующей системы основных средств исправления осужденных / Д.В. Горбань // Вестник Кузбасского института. – 2019. – N 4. – С. 30-34.
2. Ерохов, И.С. Служба пробации: отечественная практика / И.С. Ерохов // Вестник магистратуры. – 2017. – N 12-3 (75). – С. 127-129.
3. Синькевич, Н.А. Пробация как система альтернативных мер, смягчающих уголовное наказание в Японии / Н.А. Синькевич // Миссия права. Юридическая наука: традиции и инновации : сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, В. Новгород, 16-17 апреля 2020 года. В. Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. – 2021. – С. 293–299.
4. Скиба, А.П. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021-2022 годах / П.А. Скиба, Н.С. Малолеткина // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17(1-4). – N 2. – С. 176-194.

5. Тепляшин, П.В. Общественный контроль в пенитенциарной системе: современная организационно-правовая модель / П.В. Тепляшин, И.В. Тепляшин // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – N 3 (39). – С. 77-82.

6. Тепляшин, П.В. Эффективность пробации: официальная позиция (в контексте проекта федерального закона «О пробации в Российской Федерации») и теоретический дискурс / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний: в 2 т. Т. 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2022. – С. 234-239.

7. Тихонов, Я.И. Постпенитенциарная ресоциализация как развивающийся институт российского права / Я.И. Тихонов, К.А. Подобрей // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – N 8. – С. 16-18.

Рамис Ренатович ГАЗИМОВ,

заместитель начальника
Управления уголовного розыска
МВД по Республике Татарстан – начальник
отдела

rgazimov6@mvd.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ И МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН): КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

FEATURES OF COMMITTING THEFTS AND FRAUDULENT ACTIONS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN): CRIMINOLOGICAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS

В статье рассматриваются особенности совершения краж и мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Республике Татарстан на основании анализа статистических данных о преступности на территории Российской Федерации и Республики Татарстан и материалов правоприменительной практики МВД по Республике Татарстан. Большое внимание уделяется способам совершения исследуемых преступлений в процессе цифровизации. Приводится методика установления лиц, совершающих и (или) совершивших кражи и мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

The article considers the features of committing thefts and frauds using information and telecommunication technologies in the Republic of Tatarstan on the basis of an analysis of statistical data on crime in the territory of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan and materials of law enforcement practice of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan. Much attention is paid to the methods of committing the investigated crimes in the process of digitalization. The procedure for identifying persons who have committed and/or committed thefts and frauds using information and telecommunication technologies is given..

Ключевые слова: преступность, мошенничество, хищение денежных средств, способы совершения, оперативные подразделения, Республика Татарстан, материалы правоприменительной практики.

Keywords: crime, fraud, embezzlement, methods of committing, operational units, the Republic of Tatarstan, materials of law enforcement practice.

Современная преступность ежедневно подвергается трансформации, появляются новые способы совершения противоправных действий, меняется область концентрации преступных элементов. Дан-

ные трансформации затронули и процесс хищения денежных средств посредством краж и мошенничеств. Эти преступления в юриспруденции называют по-разному. Так, И.И. Евтушенко предлагает понятие «дис-

танционное хищение», под которым понимает «телефонные мошенничества, совершенные с помощью сотовой связи, реже стационарной телефонной связи в условиях, когда отсутствует личный контакт преступника и жертвы» [3, с. 66]. На наш взгляд, под совершением краж и мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий следует понимать совершение действий в информационном пространстве, а равно с использованием IT-технологий, направленных на хищение денежных средств как с банковских карт, так и посредством «курьеров».

Век информационных технологий определил устойчивую причинно-следственную связь между количественным разнообразием информационно-коммуникационных технологий и качественными изменениями преступности в целом [5, с. 30]. Согласно статистическим данным за последние пять лет, в 2018 г. были зарегистрированы 174 674, в 2019 г. – 294 409, в 2020 г. – 510 396, в 2021 г. – 517 722, в 2022 г. – 522 065 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Больше половины таких преступлений (52,1%) относятся к категориям тяжких и особо тяжких (272,2 тыс.; -5,6%), почти три четверти (73,0%) совершаются с использованием сети Интернет (381,1 тыс.; +8,4%), более трети (40,8%) – средств мобильной связи (213,0 тыс.; -2,1%). Почти три четверти таких преступлений (71,1%) совершаются путем кражи или мошенничества: 371,2 тыс. (-8,6%)¹.

В Республике Татарстан с 2017 г. значительно снизилось число наиболее распространенных видов преступлений, относящихся к компетенции раскрытия подразделениями уголовного розыска (убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, квартирных краж, краж из автомобильного транспорта, краж и угонов автомобилей, грабежей и разбойных нападений). Вместе с тем, говоря о преступлениях, связанных с кражами и мошенничествами, совершенными

посредством информационно-телекоммуникационных технологий, следует отметить, что в данном направлении динамика обратная. С 2017 г. наблюдается рост «дистанционных» хищений денежных средств, он составил практически 250%. По итогам 2022 г. на территории Республики Татарстан были зарегистрированы 13 452 «дистанционных» хищений денежных средств.

Стоит отметить, что и доля «дистанционных» краж и мошенничеств в общем объеме зарегистрированных преступлений в Республике Татарстан выросла: если в 2017 г. доля «дистанционных» хищений денежных средств от общего числа преступлений составляла всего 8,4%, то по итогам 2022 г. данный показатель вырос до 25,8% (2018 г. – 10%, 2019 г. – 16,3%, 2020 г. – 23,4%, 2021 г. – 27,3%).

Таким образом, следует сделать вывод, что за последние пять лет структура преступности значительно трансформировалась в сторону преступлений в сфере IT. В среднем ежедневно в Республике Татарстан потерпевшими становятся примерно 30-40 человек, еженедельный ущерб от преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159 и ст. 159.3 УК РФ составляет более десяти миллионов рублей. Следует отметить, что чаще потерпевшими становятся лица в следующих регионах страны²: Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край.

По результатам работы органов внутренних дел в 2022 г. Республика Татарстан среди регионов Приволжского федерального округа продолжает занимать первое место по числу расследованных «дистанционных» краж и мошенничеств – 2817 преступлений, а также по количеству лиц, в отношении которых уголовные дела были направлены в суд, – 1793 лица.

В МВД по Республике Татарстан из года в год увеличивается эффективность работы по сопровождению уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159 и ст. 159.3 УК РФ, что

1 Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 26.01.2023).

2 За исключением потерпевших жителей Республики Татарстан.

подтверждается количеством раскрытых преступлений.

На современном этапе развития общества Д.М. Фарахiev к наиболее распространенным способам и схемам совершения мошенничеств и краж относит:

«1) введение жертвы в заблуждение касательно цели денежного перевода посредством телефонных звонков или отправки текстовых сообщений (к примеру, с близким человеком произошло что-то неладное и ему срочно требуется материальная помощь);

2) применение незаконно приобретенных сотовых телефонов с абонентским номером владельца, который подключен к услуге «Мобильный банк»;

3) злоумышленники представляются государственными и иными служащими, сотрудниками службы поддержки мобильного оператора и банковских организаций» [6, с. 235-236].

С.В. Воронцова выделяет такие способы совершения мошенничества, как «фишинг, при котором пользователей заманивают на фальшивые сайты, где получают доступ к данным платежных карт с целью хищения денежных средств; фарминг, когда происходит перенаправление на ложный IP-адрес (напри-

мер, вместо сайта системы дистанционного обслуживания банка, пользователи попадают на мошеннический сайт, где вводят свои персональные данные для проведения платежей); кардинг, т.е. производство расчетных операций с использованием не инициированной (или не подтвержденной) ее владельцем банковской карты или ее реквизитов» [2, с. 14-15].

Другие авторы к наиболее распространенным способам хищения денежных средств, совершаемых с использованием высоких технологий, относят хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания, из банкоматов и с их использованием, в системе POS-терминалов, путем несанкционированного входа в компьютерную систему кредитных организаций либо использования сбоя в ее работе [1, с. 13].

На основе исследования статистических данных, доктринальных источников и проведенного социологического исследования предлагаем рассмотреть наиболее распространенные способы совершения исследуемых преступлений на территории Республики Татарстан:

	По способу (%)										
	Сотрудники банков	Авито, Юла	Заказ товара в Интернете	Взлом соц. сетей (ВКонтакте, ОК)	Инвестирование, биржа	Кредитование	Предоставление услуг	Компенсация за некачественные БАДы	Родственник попал в беду	Грузоперевозки	Иные
2021 г.	33,2	13,5	17,5	0,4	7,5	6	11,5	0,5	3,3	0,2	6,4
2022 г.	22,3	9,8	16,7	0,2	8,3	6	14,6	3,1	8,2	4,3	6,5
+/-%	-10,9	-3,7	-0,8	-0,2	+0,8	0	+3,1	+2,6	+4,9	-4,1	+0,1

	По средствам связи (%)		
	IP	Сотовая связь	сеть Интернет
2021 г.	47,1	23,5	29,4
2022 г.	38,9	21,4	39,7
+/- %	-8,2	-2,1	+10,3

За последние три года наиболее распространенным способом совершения дистанционных хищений в отношении граждан, проживающих на территории Республики Татарстан, являются телефонные звонки от мошенников, которые представляются сотрудниками банковских учреждений, собственной безопасности или сотрудниками правоохранительных органов (более 20% от всех совершенных краж и мошенничеств исследуемой категории в отношении жителей Республики Татарстан). Механизм совершения данных преступлений следующий: потерпевшим поступает телефонный звонок от мошенников, в ходе разговора последние предоставляют ложные данные об оформлении кредитов на потерпевшего, после чего получают необходимые данные о банковских счетах и похищают денежные средства.

Так, в 2022 г. 44-летняя жительница Казани стала очередной жертвой телефонных мошенников. Женщина перевела на неизвестный счет более двух миллионов рублей. В один из дней июля ей позвонили с незнакомого абонентского номера и представились сотрудником банка. В ходе разговора мошенник сообщил, что от ее имени пытаются получить кредит. После чего женщине позвонил лжесотрудник правоохранительных органов в целях подтверждения сказанного первым мошенником. В результате преступных действий потерпевшая перевела на «безопасный счет» денежные средства в размере двух миллионов шестисот тридцати восьми рублей¹. 23-летняя жительница Казани стала жертвой мошенников, поверив злоумышленникам, перевела деньги на «безопасные счета», оформила кредиты и предоставила дистанционный доступ к своему телефону. Мошенники также представились сотрудниками правоохранительных органов².

В 2023 г. потерпевшей позвонил неизвестный и представился сотрудником службы безопасности банка. Он спросил у заявительницы, оставляла ли женщина заявку на оформление кредита. Получив отрицательный ответ, аферист убедил жительницу г. Казани оформить кредит и перечислить деньги на «безопасный счет». По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст.159 УК РФ³.

Жительницу Вахитовского района г. Казани обманули аналогичным образом. Ее вынудили снять более полутора миллионов рублей со своих счетов, а позже заставили продать квартиру стоимостью тринадцать миллионов рублей за семь миллионов семьсот тысяч рублей. Деньги она перечислила мошенникам на «безопасный счет»⁴.

Второе место по количеству заявлений и обращений, поступающих от жителей Республики Татарстан, занимают мошенничества при покупке товара в сети Интернет (16,7%), когда потерпевшие не получают заказанный и оплаченный товар, либо получают «пустые» посылки. Так, в декабре 2020 г. в суд было направлено уголовное дело в отношении 27-летнего жителя Пермской области, который мошенническими действиями похитил более миллиона рублей у 62 женщин (14 из которых жители Республики Татарстан) под предлогом продажи меховых изделий через социальные сети. 13 сентября 2021 г. суд приговорил преступника к 3 годам 9 месяцам лишения свободы [4, с. 33].

В целях повышения эффективности раскрытия и расследования исследуемых преступлений предлагается использовать возможности единой базы данных. К примеру, в ходе сворок нераскрытых преступлений на территории Республики Татарстан были выяв-

1 Жительница Казани перевела мошенникам 2,6 миллиона рублей. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/558111> (дата обращения: 26.01.2023).

2 23-летняя жительница Казани, поверив мошенникам, лишилась свыше 500 тыс. рублей. URL: <https://tatcenter.ru/news/23-letnyaya-zhitelnitsa-kazani-poveriv-moshennikam-lishilas-svyshe-500-tys-rublej/> (дата обращения: 26.01.2023).

3 Жительница Казани перевела мошенникам 228 тысяч рублей. URL: <https://kzn.ru/meriya/press-tsentr/novosti/zhitelnitsa-kazani-perevela-moshennikam-228-tysyach-rublej/> (дата обращения: 26.01.2023).

4 Сайт Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. URL: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/Prjamaja_rech/item/33387673/ (дата обращения: 27.01.2023).

лены совпадения с уголовными делами, возбужденными и раскрытыми в следственных подразделениях системы МВД России. Так, в 2022 г. МВД по Республике Татарстан в инициативном порядке направлено для соединения 93 уголовных дела. Кроме того, истребованы из других субъектов 71 уголовное дело для соединения с раскрытыми уголовными делами, находящимися в производстве следственных подразделений МВД по Республике Татарстан. В целом же в 2022 году направлены 617 запросов о возможности соединения уголовных дел с раскрытыми преступлениями в других регионах страны. Взаимодействие с другими регионами нашей страны на сегодняшний день продолжается.

В этой связи сотрудниками оперативного аппарата Республики Татарстан проводятся мероприятия по информированию граждан о том, что интернет покупки необходимо осуществлять на проверенных интернет-сайтах, после ознакомления с отзывами.

На третьем месте располагается такой способ совершения краж и мошеннических действий посредством информационно-телекоммуникационных технологий, как «предоставление услуг». До 14,6% от всех совершенных преступлений выросло число краж и мошенничеств под предлогом оказания каких-либо услуг («поездки на «BlaBlaCar», поиск попутчиков в сети Интернет, иные разнообразные интернет-услуги). При совершении 39,7% преступлений подозреваемые использовали возможности интернет-соединений.

Четвертое место занимает хищение денежных средств при осуществлении покупок товаров на сайтах бесплатных объявлений.

17 января 2023 г. сотрудниками отдела уголовного розыска отдела полиции № 6 «Савиново» Управления МВД России по г. Казани в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий была установлена личность предполагаемого преступника, который 4 октября 2022 г. нашел объявление о сдаче в аренду музыкальной колонки, договорился

о встрече и получил данную колонку, после чего перестал выходить на связь. Арендованную технику 24-летний задержанный хозяину не вернул. Возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. Задержанный житель г. Казани вину свою полностью признал, расследование уголовного дела продолжается¹.

24 января 2023 г. от действий мошенников пострадал житель Альметьевского района Республики Татарстан, пытаясь продать игровую приставку на сайте бесплатных объявлений. «Потенциальный покупатель нашелся довольно быстро и изъявил желание перечислить предоплату за товар. Мужчина продиктовал данные карты и лишился 40 тысяч рублей», – сообщает пресс-служба ОМВД России по Альметьевскому району².

В данном направлении сотрудниками оперативного аппарата Республики осуществляется виктимологическая профилактика и информирование, направленное на конфиденциальность персональных данных, данных банковских счетов и т.д.

В процессе исследования было установлено, что большинство преступников не проживают на территории Республики Татарстан, что в значительной степени затрудняет процесс раскрытия и расследования преступлений, но перед оперативным аппаратом Республики ставятся высокие задачи вне зависимости от местонахождения преступных элементов. Так, в 2021 г. сотрудниками оперативных подразделений полиции в целях эффективности раскрытия и сопровождения уголовных дел по преступлениям, предусмотренным п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159 и ст. 159.3 УК РФ, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий, были осуществлены более 600 командировок в другие регионы страны, в результате которых были задержаны более 200 лиц, совершивших и (или) совершающих мошенничества в отношении жителей Республики Татарстан

1 Оперуполномоченные отдела полиции «Савиново» задержали мужчину, подозреваемого в мошенничестве. URL: <https://16.mvd.rf/news/item/35129214/v> (дата обращения: 27.01.2023).

2 Игра в одни ворота продолжается – мошенники-альметьевцы – 3:0. URL: <https://xn--80aeia0ach7bg1hd.16.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/10207896/item/35306626/> (дата обращения: 27.01.2023).

и кражи с банковских карт. В настоящее время данная работа продолжается: ежедневно одна-две оперативные группы выезжают в другие регионы страны в целях установления лиц, совершающих мошеннические действия посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Активизирована работа по выявлению «серийности» и дополнительных эпизодов в отношении ранее задержанных лиц. Так, из 617 выявленных лиц, подозреваемых в совершении «дистанционных» краж и мошенничеств, в отношении 268 лиц в суд были направлены дела по 2 и более эпизодам (43,4% задержанных).

Сотрудниками оперативного аппарата Республики осуществляется работа по выявлению и задержанию лиц, совершающих данные преступления на территории Республики Татарстан. Так, в конце 2021 г. в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установлены и задержаны четверо жителей Ульяновской области, которые в арендованном доме на территории пос. Вознесение г. Казани организовали преступный «колл-центр». Реализуя свой преступный умысел, преступники, используя средства связи, совершали мошенничества в отношении жителей других регионов страны под предлогом предоставления компенсации за ранее приобретенные биологически активные добавки и лекарственные препараты. Общая сумма ущерба составила более 10 миллионов рублей. В конце февраля 2022 г. в процессе сопровождения данного уголовного дела сотрудниками Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан в Краснодарском крае был задержан организатор преступной группы, выходец одной из стран СНГ, который был арестован. Всего сотрудниками были установлены 8 фигурантов и 11 эпизодов совершения аналогичных преступлений организованной группой на общую сумму 12 миллионов рублей.

В 2022 г. все чаще стали совершаться «старые», вроде бы уже забытые виды мошенничеств. Так, был отмечен рост телефонных звонков под предлогом «родственник попал в беду или совершил дорожно-транспорт-

ное происшествие». Чаще всего потерпевшими являются пенсионеры. Общий ущерб от данных преступлений составил порядка 80 миллионов рублей. Если в 2021 г. доля таких деяний от всех мошенничеств составляла всего 3%, то в настоящее время данный показатель составляет более 8%. Благодаря своевременно принятым мерам, в 2022 г. были раскрыты 173 преступления исследуемой категории, задержаны 79 лиц (являющихся соучастниками преступлений, выступающих в качестве курьеров преступных колл-центров, находящихся за пределами России).

На наш взгляд, преступные «колл-центры» – это отдельная тема, представляющая интерес для правоохранительных органов. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению преступных «колл-центров», которые находятся за пределами Российской Федерации. К примеру, в городе Набережные Челны Республики Татарстан полицейские зафиксировали более 10 эпизодов мошенничеств под предлогом «родственник попал в дорожно-транспортное происшествие». В процессе осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий, оперативниками был задержан так называемый курьер, который получал денежные средства и перенаправлял их остальным участникам преступной группы. Было установлено, что денежные средства данный курьер перечислял на карту жителя г. Ростова, который обналичивал их и передавал брату, проживающему в другом государстве [4, с. 33].

Также в процессе проведенных оперативно-розыскных и иных мероприятий сотрудниками Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан было установлено, что пенсионерке, проживающей в пос. Юдино, поступил телефонный звонок от незнакомца с мошенническими требованиями, в результате которых пенсионерка передала денежные средства курьеру. В последующем пенсионерка еще раз сняла некоторую денежную сумму с банковского счета в целях повторной передачи курьеру. Преступник-курьер был задержан при получении денежных средств, им оказался 20-летний житель Казани.

На территории Зеленодольского района Республики Татарстан был совершен ряд аналогических преступлений, когда одно и то же лицо приходило к потерпевшим и забирало денежные средства, которые фиктивно предназначены для решения вопроса о непривлечении их родственников к ответственности. В январе 2023 г. сотрудниками оперативного аппарата Управления МВД России по г. Казани в ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий был задержан курьер, подозреваемый в соучастии в мошенничестве. Свою вину 21-летний парень признал полностью¹.

В процессе развития общественных отношений и информационных технологий в Республике Татарстан устанавливается рост мошенничества, совершаемого под предлогом инвестирования, получения пассивного заработка и приобретения криптовалюты (биткойнов).

Данный способ совершения мошенничества заключается в размещении в сети Интернет фишинговой информации о выгодном вложении денежных средств, инвестировании, торгах на фондовой бирже в целях привлечения потенциальных жертв. В ходе общения преступники рассказывают о значительном и легком заработке, что привлекает доверчивых граждан, как Республики Татарстан, так и жителей иных регионов страны. После получения денежных средств, преступники прекращают выходить на связь и игнорируют сообщения потерпевших. В процессе раскрытия и расследования аналогических преступлений было установлено, что мошенники зачастую используют программы удаленного доступа «TeamViewer», «AnyDesk» и др., которые позволяют на расстоянии использовать технические устройства потерпевших.

Большой популярностью у злоумышленников пользуется использование различных VPN-сервисов. Совершая дистанционное хищение денежных средств, преступники используют программное обеспечение и приложения с функцией VPN-соединения, позволяющие шифровать IP-адреса; фальшивые

SIM-карты; представляются различными сотрудниками государственных органов и частных компаний. Сложность раскрытия и расследования дистанционного хищения денежных средств заключается в том, что денежные средства зачисляются на анонимные банковские счета, в том числе зарубежных банков, офшоры. Также преступники используют электронные кошельки (WebMoney, QIWI, Wallet и др.) и системы денежных переводов (WesternUnion, CONTACT), которые оформлены на третьих лиц или по поддельным данным [6, с. 238].

В 2022 г. оперативным аппаратом Республики зарегистрированы более 80 фактов на общую сумму до 100 миллионов рублей. Так, мошеннические действия были совершены в отношении жителя Бавлинского района. На протяжении более шести месяцев мошенники убеждали бавлинца перечислять денежные средства на одну из торговых платформ, общий ущерб превысил 2 миллиона рублей.

Кроме того, в силу политической ситуации в мире и стране на территории Республики Татарстан были зафиксированы факты мошеннических действий, совершенных под предлогом обмена и сохранения денежных средств. К примеру, в г. Набережные Челны 16 марта 2022 г. неизвестная, представившаяся работником Пенсионного фонда РФ, проникла в квартиру пенсионерки, где под предлогом обмена денежных средств, завладела деньгами в размере 470 тысяч рублей. Также был зафиксирован случай в г. Казани, когда неизвестные, используя мессенджер Telegram, под предлогом обмена денежных единиц Российской Федерации на доллары США завладели денежными средствами потерпевшего на общую сумму 200 тысяч рублей.

В процессе раскрытия преступлений, связанных с кражами и мошенничествами, совершенными посредством информационно-телекоммуникационных технологий, применяется следующая методика.

Перед сотрудниками оперативных подразделений стоит задача по установлению

1 В Казани полицейские задержали «курьера», который похитил деньги пенсионерки. URL: <https://16.mvd.pf/news/item/35207300/> (дата обращения: 27.01.2023).

владельцев банковских счетов и абонентских номеров, на которые были переведены денежные средства. На данной стадии имеется проблема, заключающаяся в том, что преступники применяют банковские счета и абонентские номера, которые являются виртуальными, они не зарегистрированы на конкретное физическое лицо. В решении этой проблемы большое значение имеет установление детальных обстоятельств совершения данных преступлений и комплексное проведение опросов потерпевших. При этом потерпевшие, как правило, предоставляют сотрудникам полиции распечатку (скриншот) банковского счета.

Сотрудники оперативных подразделений направляют запросы о предоставлении сведений в банковские учреждения, в целях получения оперативно значимой информации, а именно: кому и куда были переведены денежные средства, для этого они должны получить разрешение суда на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

На сегодняшний день между МВД по Республике Татарстан и банковскими организациями налажен алгоритм совместных действий. Во всех крупных финансовых учреждениях уже внедрена система антифрод, ориентированная на обнаружение попыток совершения мошеннических действий. Заложенный в нее набор правил, списков и фильтров позволяет вычислять подозрительные транзакции и блокировать их до момента перевода денег. Только службой безопасности Сбербанка в Татарстане за 2021 г. выявлены 2200 преступных попыток. А в целях экономии времени на исполнение запросов по движению денежных средств заключено соглашение по использованию электронного документооборота, что значительно облегчает жизнь полицейским.

С сотовыми операторами связи МВД по Республике Татарстан также налажено полное взаимодействие. По сайту федерального агентства «Россвязь» можно посмотреть, каким операторам связи принадлежат абонентские и IP-номера. Также можно вычислить электронный ящик, карту, через которую

пополняется баланс. Следует отметить, что сотруднику полиции придется проанализировать огромное количество информации, прежде чем у него получится установить злоумышленника и привлечь его к ответственности. Так, например, по IP-номерам вычисляли и задерживали подозреваемых и в Заинске, и в Ютазах [4, с. 35].

С учетом тенденции роста преступности исследуемой категории МВД по Республике Татарстан одним из первых в России разработало алгоритм их раскрытия, закрепив его в приказе МВД по Республике Татарстан от 2017 г. Данный алгоритм установил обязательный порядок и сроки принятия процессуальных решений, а также систему производства следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий, создание специализированной следственно-оперативной группы МВД по борьбе с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ССОГ). На наш взгляд, это одно из самых своевременных и правильных решений. В 2019 г. с учетом продолжающегося роста «дистанционной» преступности ССОГ была усилена, а ее руководителем был назначен заместитель министра – начальник ГСУ МВД по Республике Татарстан. В состав данной группы сегодня входят руководители и сотрудники ведущих служб аппарата Республики.

В процессе осуществления профилактики мошеннических действий МВД по Республике Татарстан при поступлении телефонных звонков с неизвестных абонентских номеров рекомендует немедленно прекратить разговор и связаться с родственниками, которыми представляются мошенники для уточнения действительности. В случае если абонентские номера родственников находятся вне зоны действия сети, необходимо связаться с совместно проживающими с ними родными и (или) соседями по месту проживания и сообщить в полицию.

В случае совершения мошеннических действий, связанных с инвестированием, получением пассивного дохода и приобретением криптовалют (биткойнов) МВД по Республике Татарстан настоятельно рекомендуется ис-

пользовать только официальные приложения
для инвестиционной деятельности, которые,

как правило, создаются кредитно-финансо-
выми учреждениями.

Библиографический список

1. Васюков, В.Ф. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / В.Ф. Васюков, Б.Я. Гаврилов, А.А. Кузнецов. – М.: Проспект, 2017.
2. Воронцова, С.В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний / С.В. Воронцова // Российская юстиция. – 2011. – N 2. – С. 14-16.
3. Евтушенко, И.И. Дистанционные хищения: понятие и признаки / И.И. Евтушенко, А. А. Венедиктов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – N 12-2. – С. 65-67. – DOI 10.23672/z6696-2718-7989-m.
4. Держинского, 19 : Журнал Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. – Казань: Мир без границ, 2021-2022.
5. Минзянова, Д.Ф. Организация деятельности оперативных подразделений полиции по раскрытию дистанционного хищения денежных средств в процессе цифровизации / Д.Ф. Минзянова, Д.М. Фарахiev // Современная наука. – 2022. – N 3. – С. 30-33.
6. Фарахiev, Д.М. Трансформация способов и схем совершения мошеннических действий в процессе цифровизации / Д.М. Фарахiev, С.А. Чередниченко // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – N 4(18). – С. 232-241.

Алексей Александрович АЛИМОВИЧ,

начальник отделения
Научно-исследовательского центра
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
им. Ш. Кабылбаева

lehaimovich@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРАКТИКУ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О THE ISSUE OF THE IMPACT OF JUDICIAL INTERPRETATION OF CRIMINAL LEGISLATION ON THE PRACTICE OF APPLYING THE NORMS ABOUT MASS RIOTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена рассмотрению проблемы разграничения и преодоления конкуренции статьи 212 УК РФ (массовые беспорядки) со смежными составами преступлений в контексте ее связи с отсутствием на сегодняшний день каких-либо нормативных предписаний, закрепленных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Раскрывается несовершенство нормы с одновременной критикой внесенных в ее редакцию изменений, которые, по мнению автора, не отвечают критериям системности и законодательной целесообразности. Освещен аспект возможного применения института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, при рассмотрении уголовных дел о массовых беспорядках.

The article is devoted to the problem of differentiation and overcoming competition of article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation (mass riots) with related elements of crimes, in the context of its connection with the absence of any regulatory requirements today, fixed in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The article reveals the imperfection of the norm with simultaneous criticism of the changes made to it, which, in the author's opinion, do not meet the criteria of consistency and legislative expediency. The aspect of the possible application of the institution of necessary defense and causing harm when detaining a person, having committed a crime, when considering criminal cases of mass riots, is highlighted.

Ключевые слова: уголовное законодательство, массовые беспорядки, судебное толкование, практика применения, Российская Федерация.

Keywords: criminal law, mass riots, judicial interpretation, application practice, the Russian Federation.

Мировой опыт успешной реализации технологий государственных бунтов, переворотов и цветных революций, отработ-

ку сценариев которых мы можем наблюдать в происходящих на территории США массовых беспорядках, где поводом для них послужи-

ла смерть темнокожего гражданина Джорджа Флойда от рук полицейских¹, не может не вызывать интерес в контексте сохранения внутренней стабильности и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Проявленная высшим руководством российского государства компетентность в противодействии инспирированным извне деструктивным протестным акциям, носившим название «Болотное движение», не снимает вопроса дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение массовых беспорядков.

Включенные в Уголовный кодекс РФ институты и нормы являются в какой-то степени инструментом легитимной власти в формировании законного барьера злоупотреблениям правом на выражение несогласия в форме массовых акций, собраний, шествий и иных мероприятий, охватываемых лейтмотивом «борьбы с режимом».

К сожалению, уголовное законодательство России, признающее в качестве единственного своего формального источника лишь УК РФ, не лишено дефектов в части описания отдельных составов преступления и регламентации уголовной ответственности за их совершение.

Состав массовых беспорядков, предусмотренный ст. 212 УК РФ, обнаруживает в своем содержании сосредоточение проблем правоприменения, решение которых не может быть достигнуто только лишь путем законодательной коррекции и прямого внесения изменений в текст редакции статьи уголовного закона, на которые потребуется привлечение дополнительных ресурсов, средств и времени.

Обращение к судебному толкованию, формулируемому Пленумом Верховного Суда РФ, выступает в роли устранения недостатков и конкретизации норм УК РФ, снимая тем самым многочисленные вопросы, порождающие неопределенность уголовного закона [4].

Фактически реализация подобных функций Пленумом Верховного Суда РФ осуществляется посредством установления предписаний нормативного характера, юридическая природа которых как основания для принятия судебного решения может быть поставлена под сомнение [1]. Учение о формальных источниках уголовного закона в российском уголовном праве вызывает множество дискуссий о возможности признания постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве таковых.

Однако факт закрепления в ст. 126 Конституции РФ полномочий дачи разъяснений по вопросам судебной практики за Верховным Судом РФ, означает, что постановления его Пленума имеют обязательный характер и оказывают регулятивное воздействие на всех субъектов, вступающих в орбиту уголовного судопроизводства [1].

Фактически в условиях Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда РФ восполняют имеющиеся в УК РФ пробелы, конкретизируя нормы, по которым состояние юридической техники уголовного закона ограничено в возможности его же интерпретации и однозначной трактовки.

На сегодняшний день можно небезосновательно признать, что норма статьи о массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ) не является совершенной ни по критерию системности внесенных в нее изменений, ни по уровню конструкции объективной стороны преступления.

К сказанному добавим, что возможные проблемы в применении нормы о массовых беспорядках могут усугубляться отсутствием каких-либо нормативных предписаний, закрепленных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, необходимость которых обуславливалась бы даже при гипотетически предполагаемой идеальной конструкции нормы ст. 212 УК РФ.

Предваряя вопрос влияния судебного толкования уголовного законодательства на практику применения нормы о массовых бес-

¹ Движение Black Lives Matter выдвинуло требование «коммунистической семьи». URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/06/30/dvizhenie-black-lives-matter-vydvynulo-trebovanie-kommunisticheskoy-semi.html> (дата обращения: 01.11.2020).

порядках в Российской Федерации, хотим обратить внимание на имеющиеся проблемы разграничения и преодоления конкуренции ст. 212 УК РФ со смежными составами преступлений.

Пожалуй, наиболее схожими признаками с участием в массовых беспорядках по конструкции объективной стороны состава преступления обладает хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Применительно к области уголовного противодействия массовым беспорядкам к первоочередной задаче вполне закономерно в этой связи следует отнести решение проблемы разграничения преступлений, предусмотренных нормами ч. 2 ст. 212 УК РФ и ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Законодательно и практически неурегулированное до настоящего времени решение вопроса о преодолении конкуренции между двумя нормами приводило к тому, что отдельными авторами высказывалось мнение об исключении ч. 2 из ст. 212 УК РФ, что означало бы гипотетическое упразднение нормы об участии в массовых беспорядках как самостоятельном преступлении [2, с. 112].

Между тем в судебной практике довольно часто встречаются факты избрания нормы о групповом хулиганстве, в то время как обстоятельства уголовного дела свидетельствуют о необходимости квалификации деяния по статье о массовых беспорядках.

В этой связи иллюстративны следующие примеры из правоприменительной практики.

Широко известно, что массовые драки возникающие между фанатами таких известных российских футбольных клубов, как «ЦСКА», «Спартак», «Зенит» и т.д., проистекают на почве истории противостояния за лидерство в чемпионате, в связи с чем противоправные действия болельщиков никак не могут быть обусловлены хулиганским мотивом, т.е. быть совершенными по незначительному поводу. Исходя из этого, можно признать противоречащей логике позицию отдельных судей, усматривающих в фактах проведения массо-

вых драк футбольных болельщиков признаки группового хулиганства, исключающие применение нормы о массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ).

Наряду с этим следует сказать, что квалификация в таких случаях деяния по ч. 2 ст. 213 УК РФ как хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, осуществляется вне учета понимания сущности деяния, совершенного по хулиганским мотивам, к которым согласно разъяснению, данному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», отнесены действия, совершенные по незначительному поводу либо с использованием незначительного повода.

Однако, как показывает пример одного из материалов правоприменительной практики, судьей был вынесен приговор за совершение группового хулиганства членами фанатского движения «Юнион», действия которых были направлены на организацию коллективного насилия в отношении болельщиков футбольного клуба «ЦСКА». В ходе предварительного следствия по данному уголовному делу было установлено, что неформальная молодежная организация «Юнион» на фоне преданности к футбольному клубу «Спартак» находится в сотрудничестве с такими фанатскими движениями, как «Орелбачерс», «Оппозиция», «Гладиаторы», «Авангард», «Школа», «Индепендемкраут»¹, направление деятельности которых заключается в проведении массовых драк с болельщиками принципиальных соперников «любимой» команды.

Не менее распространенной в судебной практике является проблема преодоления конкуренции между нормами ч. 2 ст. 212 УК РФ и ч. 2 ст. 213 УК РФ применительно к случаям межнациональных конфликтов.

Современные реалии как российской, так и в целом мировой действительности демонстрируют закономерность перерастания бытового конфликта, возникшего между представителя-

¹ Постановление Хамовнического районного суда г. Москвы от 20.05.2013 N 1-115/2013 по делу N 1-115/2013.

ми двух народностей, в масштабное уличное насильственное противостояние, которое приобретает впоследствии оттенок ложно понятой позиции защиты национальных интересов, чести и достоинства нации в целом.

Обращаем внимание на то, что, исходя из содержания проявления мотивов, обстановки как непосредственного совершения групповых насильственных действий, так и им предшествующей, вряд ли можно согласиться в таком случае с выводом отдельных судей о вынесении обвинительного приговора в соответствии с ч. 2 ст. 213 УК РФ и признанием вместе с тем факта хулиганства, совершенного по предварительному сговору.

Такой подход при вынесении судебного приговора, когда фактически совершенные массовые беспорядки квалифицируются как хулиганство, совершенное по экстремистским мотивам, мы хотим продемонстрировать на следующем примере. Судом Степновского района Ставропольского края за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1, ч. 2 ст. 213 УК РФ, были осуждены лица ногайской национальности, которые, по материалам следствия, находясь в группе, состоявшей из 150 человек, по мотивам национальной ненависти причинили вред здоровью членам даргинской семьи¹. Судом в данном случае не были приняты во внимание ни направленность на общественную безопасность как непосредственный объект деяния, ни обстановка совершаемого преступления, и как итог это привело к неверной уголовно-правовой оценке содеянного, усмотревшей всего лишь факт грубого нарушения общественного порядка, в то время когда субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется и обуславливается сложной системой межэтнических взаимоотношений.

Разрешение обозначенных нами проблем видится в закреплении в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» формулировок, касающихся разъяснения отличий группово-

го хулиганства от массовых беспорядков.

Формулировки эти должны производиться с учетом разницы в проявлении мотивов между лицами, совершающими групповое хулиганство и участниками массовых беспорядков. Кроме этого вне учета и внимания не должны остаться такие факультативные признаки объективной стороны преступления, как место, время и обстановка совершаемого деяния.

Техническая реализация, по нашему мнению, должна заключаться в упоминании того, что групповое хулиганство в отличие от массовых беспорядков не приводит к блокированию транспортных коммуникаций, дорожного и пешеходного движения, не создает обстановку, препятствующую бесперебойному функционированию государственных органов, служб и объектов жизнеобеспечения.

К настоящему времени вместе с указанной выше проблемой имеются трудности в отграничении призывов к массовым беспорядкам, квалифицируемых по ч. 3 ст. 212 УК РФ, от публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, квалифицируемых по ст. 280 УК РФ [5].

Разрешить указанную проблему одним лишь способом доктринального толкования вряд ли представляется возможным даже при признании того, что на теоретическом уровне будет сформулировано положение о применимости статьи о массовых беспорядках в случаях, когда имеет место призыв, имеющий привязку к конкретной местности, поводу и характеру применяемого насилия, выступающей специальной нормой по отношению к призывам к осуществлению экстремистской деятельности.

Следовательно, такое положение приобретет действительную юридическую силу и основание для принятия решения по конкретному уголовному делу только после того, когда оно войдет в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

¹ Приговор Степновского районного суда от 26.07.2010. URL: http://stepnovsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud (дата обращения: 02.11.2020).

Изучение уголовных дел о массовых беспорядках попутно вскрывает проблематику применения институтов необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, так как в практике нередки случаи, когда в обстоятельствах уголовного дела фигурировали факты коллективной защиты жизни, здоровья и иных прав обороняющихся.

В контексте затронутой проблемы показательным примером можно считать факт, имевший место в поселке Сагра (Свердловская область), знаменательный тем, что группа мужчин применила коллективную защиту от нападения членов бандитского формирования регионального масштаба, угрожавшего жизни и здоровью мирных жителей населенного пункта [3, с. 185-186].

Небезызвестен другой пример, связанный с событием на Хованском кладбище, произошедшим в мае 2016 г., вызвавшим резонанс фактом вооруженного нападения представителей криминалитета на работников кладбища из числа трудовых мигрантов, которые сумели дать достойный отпор агрессорам и отстоять свое право на необлагаемый «криминальными пошлинами» труд¹.

Отмеченное актуализирует необходимость повышения гарантий на использование гражданами активной защиты от угроз физической расправы и уничтожения имущества, что должно найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Следует сказать, что затронутый статьей спектр проблем не исчерпывается вопросами ограничения массовых беспорядков от группового хулиганства и преступлений экстремистской направленности. Так как формат статьи не позволяет осветить их более подробно, укажем, что в практике применения нормы о массовых беспорядках также суще-

ствуют проблемы преодоления конкуренции с иными видами уголовно наказуемых деяний и остро стоит вопрос применимости института о неоконченной преступной деятельности и соучастия в совершенном преступлении.

Подводя итог, выведем общее заключительное суждение по вопросу о влиянии судебного толкования уголовного законодательства на практику применения норм о массовых беспорядках в Российской Федерации.

Примеры правоприменительной практики говорят о том, что пробелы уголовного закона, которые ему присущи и для него органичны, устраняются посредством способа судебного толкования и регулятивной функцией постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют не только нормативный характер, неся в себе функцию интерпретации и конкретизации норм УК РФ, но и составляют фундамент подзаконного нормотворчества, определяющего развитие уголовного закона в целом.

Решение проблем, связанных с ограничением массовых беспорядков от группового хулиганства и преступлений экстремистской направленности, а также с применением института необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, лежит в русле внесения дополнений и изменений в текст постановлений Пленума Верховного Суда РФ, регламентирующих вопросы рассмотрения данной категории уголовных дел.

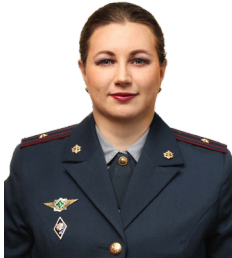
Рассматривая перспективу дальнейшего разрешения противоречий, встречающихся в практике квалификации ст. 212 УК РФ, считаем давно назревшей насущную необходимость разработки постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о массовых беспорядках для приведения судебной практики данной категории дел к обобщению и единообразию.

1 Бой среди могил: что стало причиной драки на Хованском кладбище. URL: [dhttps://www.rbc.ru/story/573780599a79474ac9314b84](https://www.rbc.ru/story/573780599a79474ac9314b84) (дата обращения: 09.11.2020).

Библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовного права / под ред. О.С. Капинус ; рук. авт. кол. К.В. Обращив. – М., 2015.
2. Жих Ю.И. Уголовная ответственность за групповое хулиганство: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Ю.И. Жих – Волгоград: Волгоградский юридический институт, 1998.
3. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Никуленко – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2019.
4. Осокин, Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. ... докт. юрид. наук / Р.Б. Осокин. – М., 2014.
5. Субачев, А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Субачев. – Владивосток, 2019.

Юлия Михайловна ЗАБОРОВСКАЯ,
преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин Кузбасского института ФСИН России
(г. Новокузнецк)

dum333@k.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ПЕНСИОНЕРОВ

TRANSFORMATION OF CRIMINAL ACTIVITY: THE CURRENT TREND IN INCREASE OF CRIME AMONG PENSIONERS

В статье проанализированы статистические данные о росте преступности среди лиц пожилого возраста на фоне тенденции снижения общего количества преступлений в России. Автором разработана классификация трансформации преступной активности в зависимости от возраста преступника за последние 30 лет и сделан вывод о старении «среднестатистического преступника». С помощью анализа поэтапного повышения пенсионного возраста для мужчин и женщин и сравнения его с продолжительностью жизни в России сделан вывод о возможных причинах старения «среднестатистического преступника».

The article analyzes statistical data on the increase of crime among the elderly against the background of a downward trend in the total number of crimes in Russia. The author developed a classification of the transformation of criminal activity depending on the age of the offender over the past 30 years and concluded that the “average criminal” is aging. By analyzing the phased increase in the retirement age for men and women and comparing it with life expectancy in Russia, it was concluded about the possible causes of aging of the “average criminal”.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, преступники зрелого возраста, осужденные пенсионеры, геронтологическая преступность.

Keywords: penal policy, mature age offenders, convicted pensioners, gerontological criminality.

Возраст преступника как одна из основных криминологических характеристик влияет не только на характер совершаемых преступлений, но и на специфику профилактики девиантного поведения, применения средств исправления к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние. Преступная активность населения (криминальная активность) зависит от возрастных характеристик и возраста уголовной ответ-

ственности на момент совершения преступления (от 14 лет и старше). Сведения о преступных деяниях и о возрасте осужденных на момент совершения преступления содержатся на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, их анализ позволяет сделать вывод о трансформации возрастных характеристик преступности в России (табл. 1, рис. 1)¹.

¹ Преступность переходит в зрелость. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/20/644010229a79475029c370d5> (дата обращения: 14.06.2023).

Таблица 1

Состав лиц, осужденных за совершение уголовного преступления
по возрасту в России с 2013 по 2022 гг. (чел.)

	Всего осуждено	14-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	Пенсионный возраст на момент совершения преступления
2022	578751	14214	82647	78483	341752	61655	19286
2021	565523	14863	82605	82601	329301	56153	16936
2020	530998	14702	80261	83828	301037	51170	14698
2019	597441	16851	94087	100040	329785	56678	16254
2018	658291	18826	108144	118083	351171	62067	17481
2017	697054	20631	123262	134372	355127	63662	17479
2016	741339	23939	140842	150023	361228	65297	17325
2015	734581	22863	151894	146045	355492	58287	14089
2014	719297	23586	159261	142934	335240	58276	13434
2013	735340	29205	172635	145175	330150	58175	14322

Число осужденных, тыс. человек

Возраст осужденных на момент совершения преступления

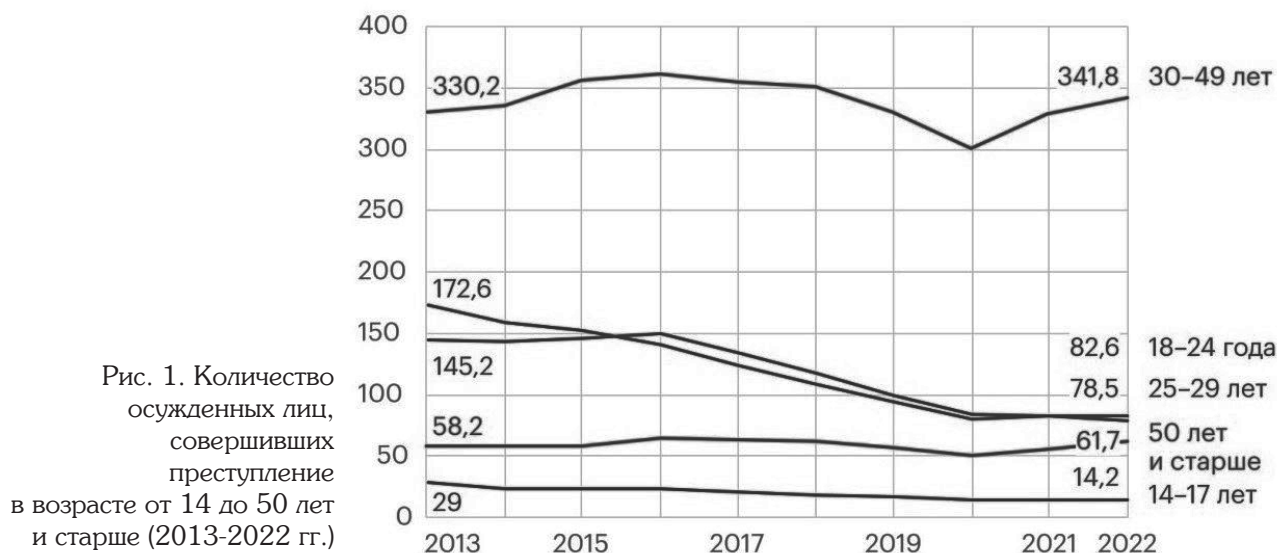

Рис. 1. Количество осужденных лиц, совершивших преступление в возрасте от 14 до 50 лет и старше (2013-2022 гг.)

За последние 10 лет статистические данные в зависимости от возраста преступника на момент совершения преступления позволяют нам увидеть:

тенденцию снижения преступности среди несовершеннолетних лиц в возрасте от 14 лет до 17 лет (с 29 тыс. чел до 14,2 тыс. чел.);

тенденцию снижения преступности среди лиц в возрасте от 18 до 29 лет (с 317,8 тыс. чел. до 161,1 тыс. чел.);

тенденцию роста преступности среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет (с 330,3 тыс. чел. до 341,8 тыс. чел.);

тенденцию роста преступности среди лиц от 50 лет и старше (с 58,2 тыс. чел. до 61,7 тыс. чел.).

Можно констатировать что за последние 10 лет удельный вес преступности среди лиц в возрасте от 14 до 29 лет сократился почти в 2 раза. В то же время характеризуется

Таблица 2

Удельный вес численности лиц, совершивших преступление,
в зависимости от возраста в России с 2013-2022 гг. (%)

	14-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	Из них достигших пенсионного возраста на момент совершения преступления
2022	2,46%	14,28%	13,56%	59,05%	10,65%	3,33%
2021	2,63%	14,61%	14,61%	58,23%	9,93%	2,99%
2020	2,77%	15,12%	15,79%	56,69%	9,64%	2,77%
2019	2,82%	15,75%	16,74%	55,20%	9,49%	2,72%
2018	2,86%	16,43%	17,94%	53,35%	9,43%	2,66%
2017	2,96%	17,68%	19,28%	50,95%	9,13%	2,51%
2016	3,23%	19,00%	20,24%	48,73%	8,81%	2,34%
2015	3,11%	20,68%	19,88%	48,39%	7,93%	1,92%
2014	3,28%	22,14%	19,87%	46,61%	8,10%	1,87%
2013	3,97%	23,48%	19,74%	44,90%	7,91%	1,95%

положительной устойчивостью преступность среди зрелого населения, а именно наблюдается динамика роста преступности в возрастной группе от 30 лет и старше, включая лиц пенсионного возраста (табл. 2).

Рост преступности среди лиц в возрасте старше 50 лет, во-первых, связан с современной политикой в сфере снижения рождаемости и снижением преступности среди несовершеннолетних. Во-вторых, рост преступности среди лиц в возрасте старше 50 лет обусловлен старением населения и продолжением криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления в более молодом возрасте. Рассмотрим данные факторы.

Снижение рождаемости, а также современная уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика [6], характеризующиеся назначением несовершеннолетним наказаний, не связанных с изоляцией от общества, напрямую отразились и повлияли на снижение преступности среди несовершеннолетних. Общая демографическая «яма», как современная российская реальность, связана со снижением рождаемости. Если в семье рождается не более 2 детей, то они займут место матери и отца после их смерти, что станет причиной вымирания нации¹.

Рост криминальной активности лиц, ранее совершавших преступления в более молодом возрасте, ярко виден на диаграмме (рис. 1). По объему и удельному весу в 2022 г. доминирует группа в возрасте 30-49 лет. Е.А. Алексеева справедливо указывает, что лица, совершавшие преступления в 1990-е гг. в возрасте 14-17 лет, продолжают преступную деятельность в 2020-е гг. в возрастной группе 30-49 лет [1, с. 135]. Так, если в 1993 г. лицу было 17 лет, то в 2023 ему исполнилось 47 лет. Учитывая данную динамику и основываясь на статистических данных, мы

можем предположить сохранение динамики роста преступности среди лиц старше 60 лет в долгосрочной перспективе. Старение населения как неотвратимый фактор приведет и к старению лиц, совершающих преступления и осужденных к лишению свободы. Лица, ранее совершавшие преступления, через 10-15 лет продолжат преступную деятельность, потому что в сложившихся социально-экономических условиях, получив новый социальный статус, лица, достигшие пенсионного возраста, будут нуждаться в материальной помощи и социальной поддержке. К тому же криминальный опыт, полученный в более молодом возрасте, не может не оказывать влияние на преступность среди стариков. Если в 2022 г. наблюдался резкий скачок преступности среди лиц старше 50 лет (рис. 2), то рождены они были в 1973 г. или позже, а 17 лет им исполнилось в 1990 г. или позже. Согласимся с

¹ «Мы вымираем»: эксперты – о демографической яме в России. URL: <https://dzen.ru/a/Y2OMXIaCTSKbzcH> (дата обращения: 14.06.2023).

мнением Э.Г. Юзихановой, что около 50-60% рецидивистов начали заниматься преступной деятельностью еще будучи подростками [12, с. 83]. Ответ на причины трансформации преступной активности разных категорий лиц лежит в плоскости происходящих изменений, связанных с реформами в политической и социальных сферах государства. Если рост преступности, в том числе организованной преступности, наблюдался в 1990-е гг. [8, с. 10], то следует проанализировать этапы развития преступности и ее динамику за последние 30 лет. Для России характерны следующие этапы трансформации преступной активности:

1991-1994 гг. – первый этап, для которого характерен резкий скачок преступности в связи с проведенными радикальными реформами;

1994-2003 гг. – второй этап, для которого характерна стабилизация преступной активности (постепенное снижение, незначительный рост и повторное снижение преступности) [4, с. 136-137].

Развивая классификацию об этапах трансформации преступной активности и анализируя официальные статистические данные, представленные в работе О.В. Шумилина и Н.В. Мячина [11], выделим характерные для современной России этапы развития преступной активности:

2002-2006 – третий этап, для которого характерна устойчивая динамика роста числа преступлений;

2006-2014 гг. – четвертый этап, для которого характерна устойчивая динамика снижения числа преступлений;

2014-2018 гг. – пятый этап с выявленной тенденцией снижения преступности (рис. 2, 3).

Проанализировав статистические данные о состоянии преступности за последние 5 лет, можно выделить заключительный шестой этап трансформации преступной активности. Шестой этап (с 2018 г. по настоящее время) характеризуется относительной устойчивостью нахождения преступности на одном уровне с небольшими колебаниями роста и снижения (рис. 3).

Среди развитых преступлений в современный период, как и 10 лет назад, отметим кражу денежных средств из электронных кошельков, банкоматов, электронных счетов

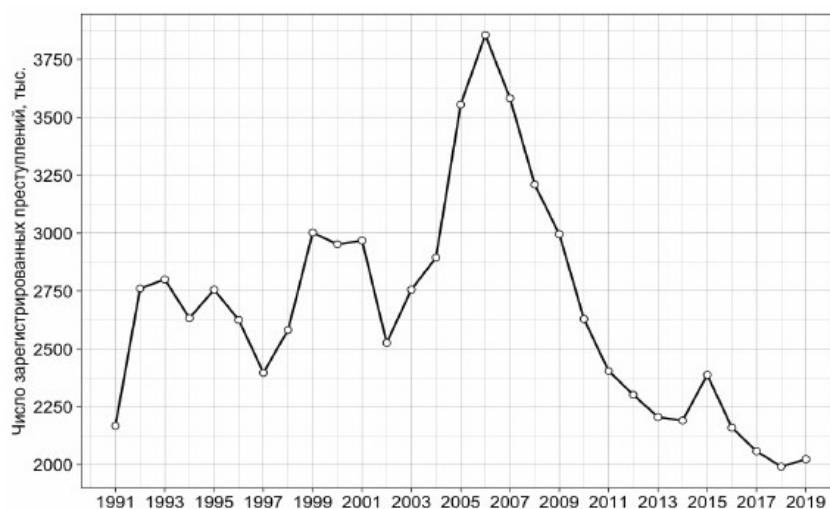

Рис. 2. Число зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в период с 1991-2019 гг.

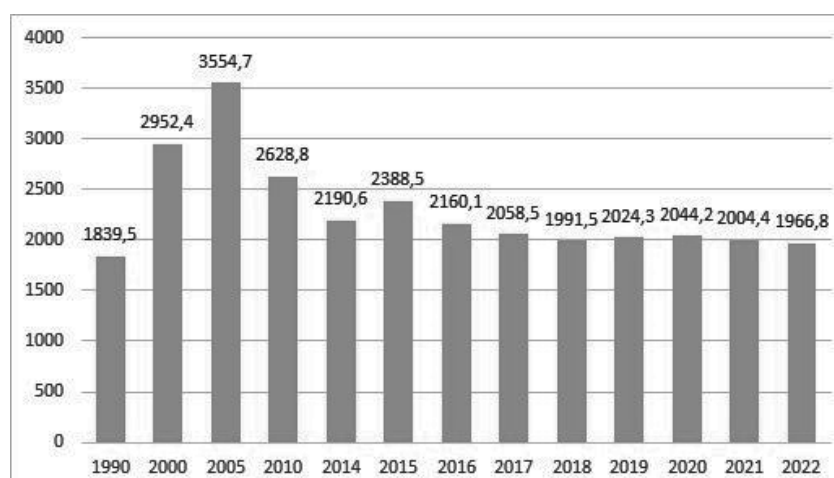

Рис. 3. Число зарегистрированных преступлений в России с 1990-2022 гг. (тысяч)

путем обмана и использования мобильного банка, мошенничество, в том числе с использованием телефонных звонков, сбор информации о имеющихся банковских счетах и др. [5, с. 121].

В то же время, проанализировав возраст лиц, совершивших преступления за последние 10 лет, можно наблюдать некоторые закономерности в изменении характеристики среднестатистического преступника. Отметим, что с 2020 года отмечается рост преступности среди лиц в возрастной группе старше 30 лет, в том числе наблюдается рост как преступности лиц зрелого возраста (30-49 лет), так и преступности среди лиц пожилого возраста (50 лет и старше)¹. Одновременно с этим существует и тенденция снижения преступности среди несовершеннолетних (рис. 1, 4).

На 1 января 2023 г. впервые за 10 лет в структуре преступности пенсионеры (мужчины старше 60 лет) заняли более 10%, а именно 13,3% от общего числа лиц, совершивших уголовное преступление и осужденных по приговору суда в 2022 г. (рис. 4). Во многом это связано с общей тенденцией старения населения и снижением рождаемости, а значит, и преступности среди несовершеннолетних.

Отметим, что тенденция роста числа преступлений среди пенсионеров характерна как для России, так и наблюдается за рубежом [9]. Снижение криминальной активности среди несовершеннолетних (15-17 лет) также является мировой тенденцией. В связи с этим Е.А. Алексеева приходит к выводу, что в ближайшие 10 лет произойдет смена доминирующей категории преступников (с 14-29 лет она увеличится до 30-49 лет). А в связи с увеличением продолжительности жизни мужчин в ближайшее десятилетие произойдет резкий рост преступности среди пожилого

Количество осужденных пенсионного возраста

Рис. 4. Количество осужденных пенсионного возраста мужского пола, достигших к моменту вынесения приговора 60 лет (2013- 2022 гг.)

населения, что приведет к «старению среднестатистического преступника» [1, с. 141]. Действительно, если обратиться к данным о продолжительности жизни, то в 2022 г. впервые с 1990 х гг. наблюдался рекордный прирост в 2,66 года, в связи с чем показатель для женщин увеличился на 3,3 года, что соответствует 77,8 годам, а для мужчин вырос на 2 года, до 67,6 лет², что подтверждает нашу мысль о старении населения и возможном старении среднестатистического преступника.

Наряду с тенденцией увеличения продолжительности жизни происходит реформа поэтапного увеличения возраста, дающего право выхода на пенсию. Так, в 2022 г. данное право появилось у женщин, родившихся в 1965 г. (во втором полугодии), – в возрасте 56,5 года и мужчин, рожденных в 1960 году (во втором полугодии), – в возрасте 61,5 года. Учитывая на 2022 г. общий срок жизни, можно рассчитать, что, выйдя на пенсию в 2022 г., женщины будут находиться в этом статусе 21,3 года, а мужчины примерно 6 лет. Будут ли они совершать преступления, получать дополнительный доход от работы или заниматься активным образом жизни, воспитывать внуков – во многом определяется социальной политикой государства. Так, в

1 Преступность переходит в зрелость. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/20/644010229a79475029c370d5> (дата обращения: 14.05.2023).

2 В России зафиксировали рекордный рост продолжительности жизни. URL: <https://vz.ru/news/2023/3/26/1204742.html> (дата обращения: 14.05.2023).

Государственную Думу России внесен законопроект «О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве», который дает право бабушкам и дедушкам участвовать в воспитательном процессе внуков в статусе законного представителя без нотариальной доверенности¹. Принятие данного законопроекта будет одним из факторов, повлияющих на увеличение общения внуков и пожилых людей, что положительным образом скажется на снижении преступности в данной категории.

Поэтапное увеличение возраста выхода на пенсию также отразится на изменении возраста среднестатистического преступника. К 2024 г. правом выхода на пенсию смогут воспользоваться мужчины 1961 года рождения (достигнув 63 лет) и женщины 1966 года рождения (достигнув 58 лет)². Максимальный

пенсионный возраст будет установлен уже через 5 лет и к 2028 году для женщин, рожденных в 1968 г. и позже, составит 60 лет, а для мужчин, рожденных в 1963 г. и позже, – 65 лет³. Как данная ситуация скажется на преступной активности лиц пожилого возраста?

Согласно официальным данным, средняя пенсия в 2022 г. составила 20,7 тыс. рублей (рис. 5), при этом проведенная государством внеплановая индексация на 10% пенсий непосредственным образом оказала влияние на рост неработающих пенсионеров, для того чтобы получить индексацию, часть пенсионеров были вынуждены уволиться. В итоге в 2022 г. 7,9 млн человек получают пенсию и продолжают работать, а 33,8 млн человек живут на пенсионные выплаты от государства⁴. По состоянию на 1 января 2023 г. доля мужчин-пенсионеров составила 34% (13974 тыс. чел.), а женщин – 66% (27801 тыс. чел.). Из них 10 713 тыс. живут в сельской местности, а 31062 тыс. в городе⁵.

Несмотря на повышение пенсионного обеспечения, остается вопрос: какие причины лежат в основе роста геронтологической преступности. Отчасти рост преступности среди пенсионеров является продолжением закономерного роста преступности среди лиц старше 30 лет. Возрастной кризис, вызванный переходом в новую возрастную группу, как причина совершения преступлений в криминологии мало изучена. Получение нового социального статуса влечет изменение со-

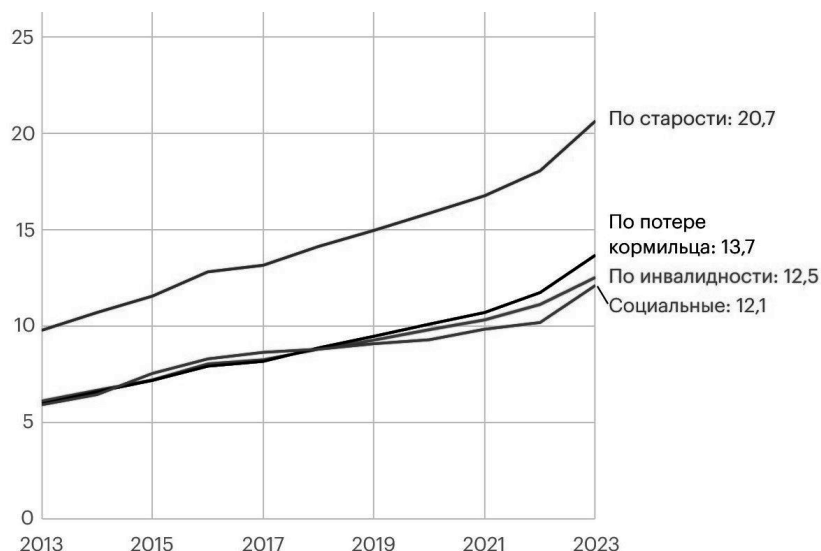

Рис. 5. Средний размер пенсий по видам пенсионного обеспечения на 01.01.2023 (тыс. рублей)

1 Законопроект N 1030390-7 «О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1030390-7> (дата обращения: 14.05.2023).

2 Власти раскрыли число пенсионеров в России и их среднюю пенсию. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2023/63ea289e9a7947201e26b537> (дата обращения: 14.05.2023).

3 Первый этап: как изменился пенсионный возраст с 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2019/5c17bda89a794752bfff8f77> (дата обращения: 14.05.2023).

4 Власти раскрыли число пенсионеров в России и их среднюю пенсию. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/02/2023/63ea289e9a7947201e26b537> (дата обращения: 14.05.2023).

5 Распределение численности пенсионеров по полу и месту проживания в Российской Федерации/Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 14.05.2023).

циальных условий, образа жизни [3, с. 35]. Неэффективное использование потенциала пожилого населения в контексте нарастающей тенденции демографического старения [7], закредитованность населения, которая составляет 2,7 единицы на одного заемщика, долгосрочные ипотечные займы, выданные сроком до 30 лет, которые при плановой уплате будут погашены заемщиками в возрасте не ранее 65 лет¹, также могут способствовать росту геронтологической преступности.

Среди преступлений, совершаемых пенсионерами, лидируют кражи, осуществление фиктивной временной регистрации иностранных граждан в своем жилище, хранение наркотических средств и незаконный оборот алкогольной продукции. Однако не только нестабильная экономическая и политическая ситуация в стране являются причиной совершенных пенсионерами преступлений. Убийства, угроза убийством, причинение вреда здоровью различной степени тяжести также совершаются пенсионерами² в силу внезапного проявления агрессии по отношению к лицам, с которыми сложились длительные неприязненные отношения [2].

Рассмотрев за последние 10 лет изменения, характерные для отечественной преступности, мы пришли к выводу о трансформации преступной активности (снижению удельного веса преступлений совершаемых несовершеннолетними, лицами в возрасте от 18 до 29 лет и росту преступности среди лиц старше 30 лет, в том числе росту преступности среди лиц пожилого возраста в структуре общей преступности) (табл. 1 и 2, рис. 6).

За последние 10 лет абсолютный рост преступной активности наблюдается в группе лиц, достигших пенсионного возраста. В возрастной группе от 14 до 17 лет, от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет с незначительными колебаниями наблюдается снижение криминальной активности. Среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет, в возрасте от 50 лет и старше лет с незначительными колебаниями наблюдается рост криминальной активности (табл. 2, рис. 6). Преступность пенсионеров как социальный феномен и ее рост – это своеобразный социальный индикатор для государства. Среди преступлений, совершенных пенсионерами в 2022 г. (19 286 чел.), почти одна треть совершена женщинами 55-летнего

возраста и старше (5945 чел.)³. Рост тяжких и особо тяжких преступлений как современная криминологическая тенденция [10] привела к росту тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых пожилыми лицами.

Изменение возрастной структуры населения, а именно старение населения как мировая демографическая

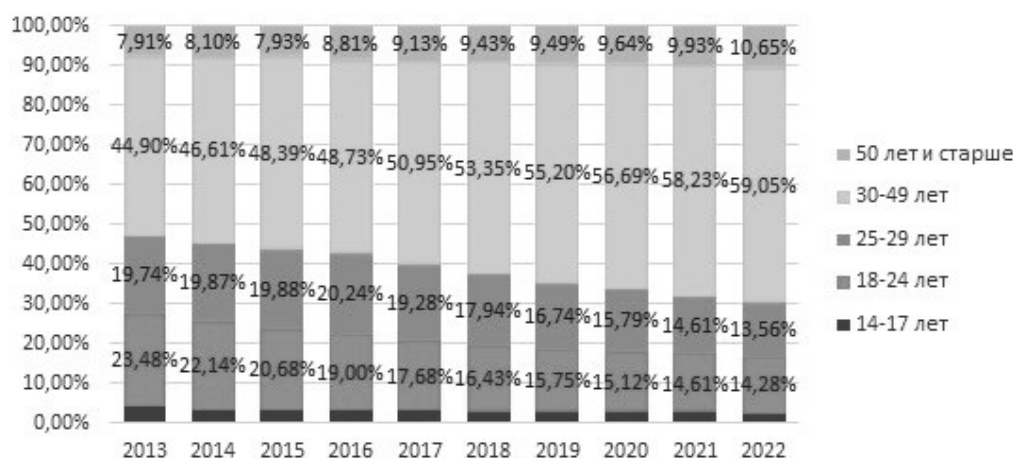

Рис. 6. Удельный вес численности лиц, совершивших преступление, в зависимости от возраста в России с 2013-2022 гг. (%)

1 Прирост просроченной задолженности по ипотеке ускорился до максимума за два года. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/488781-centrobank-soobsil-ob-ekstremal-nom-roste-srokov-ipoteki> (дата обращения: 14.06.2023).

2 Стариками-разбойниками: российские пенсионеры побили 10-летний рекорд по преступности. URL: <https://www.kp.ru/daily/27492/4751681/> (дата обращения: 14.05.2023).

3 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 24.06.2023).

тенденция, отразилось на уровне преступности и как результат – стало одной из причин старения «среднестатистического преступника». Выделение преступности среди лиц пожилого возраста имеет правовые, психологические, физиологические и педагогические основания. Старость, как и несовершеннолетний возраст, характеризуется наличием возрастных психологических и физических особенностей. Пожилой возраст характеризуется эмоциональной неустойчивостью, импульсивностью, зачастую инфантильностью в поведении, обусловленными естественным физическим процессом старения организма, сопровождающимся обострением хронических заболеваний, снижением памяти, сложностью в адаптации, снижением интереса к жизни после выхода на пенсию. Данные факторы, сопровождающиеся одиночеством, отсутствием жизненных перспектив, снижением доступности общения с бывшими коллегами и семьей, снижением физической, сексуальной и интеллектуальной активности, наличием мыслей о приближении смерти, могут способствовать совершению девиантных действий, поскольку в пожилом возрасте личность самостоятельно не может справиться с новым социальным статусом.

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

На фоне снижения преступности в стране наблюдается удельный рост преступлений, совершенных лицами старше 55 лет (женщин) и старше 60 лет (мужчин).

Поскольку возрастные границы перехода в статус лиц, достигших пенсионного возраста, для женщин и мужчин являются различ-

ными, с учетом данных о средней продолжительности жизни криминальная активность женщин на пенсии будет продолжать расти.

На фоне общего преобладания экономических преступлений для лиц, достигших пенсионного возраста, характерно совершение насильственных преступлений (убийство, причинение вреда здоровью), следовательно, далеко не только материальная нужда является причиной совершения преступлений пенсионерами.

Рост насильственной преступности среди пенсионеров требует обратить внимание отечественной пенитенциарной науки на изучение условий отбывания наказания и применения средств исправления к данной категории осужденных, создание «гибридных» исправительных учреждений.

Рост тяжких и особо тяжких преступлений как современная криминологическая тенденция отразилась и на росте тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых пенсионерами, характеризующихся проявлением вспышек агрессии на фоне имеющихся неприязненных отношений.

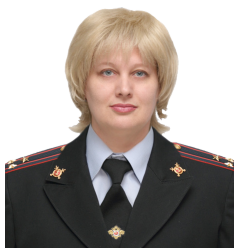
Сосредоточение в исправительных учреждениях наиболее опасных преступников в условиях ежегодной тенденции снижения численности лиц, отбывающих наказание, связанное с изоляцией от общества, наряду с тенденцией роста преступности среди лиц, достигших пенсионного возраста, ставит перед обществом и государством новую задачу – разработку индивидуальных мер профилактики преступности среди лиц пожилого возраста, в том числе направленных на снижение повторной преступности.

Библиографический список

1. Алексеева, Е.А. Трансформация возрастной структуры преступников в России и за рубежом / Е.А. Алексеева // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – N 1. – С. 135-146.
2. Антонян, Ю.М. Причины преступности / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2021. – N 1 (53). – С. 58-64.
3. Варыгин, А.Н. Преступность представителей различного возраста / А.Н. Варыгин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – N 4 (26). – С. 33-35.

4. Крушанова, Л.А. Трансформация преступности в России в 1990-2000-х годах (на примере Дальнего Востока) / Л.А. Крушанова // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – N 6. – С. 131-147.
5. Майоров, А.В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010-2017 гг.) / А.В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – N 1 (16). – С. 120-123.
6. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с.
7. Павленко, О.О. Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения / О.О. Павленко, О.А. Козлова // AlterEconomics. – 2022. – N 19(3). – С. 442-463.
8. Преступность и правонарушения. 1991: статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации. – М.: Финансы и статистика, 1992. – 176 с.
9. Тепляшин, П.В. Тенденция старения осужденных в местах лишения свободы: некоторые проблемы и пути их решения (отечественный и компаративистский аспекты) / П.В. Тепляшин, Ю.М. Заборовская, И.В. Малышева // Правоприменение. – 2023. – Т. 7. – N 1. – С. 145-154.
10. Тепляшин, П.В. Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика / П.В. Тепляшин, В.В. Молоков // Алтайский юридический вестник. – 2023. – N 1(41). – С. 89-97.
11. Шумилин, О.В. Анализ и прогнозирование динамики зарегистрированных преступлений в России на основе временного ряда 1991-2019 гг. / О.В. Шумилин, Н.В. Мячин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – N 4. – С. 137-143.
12. Юзиханова, Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России / Э.Г. Юзиханова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – N 4 (30). – С. 82-87.

Елена Евгеньевна КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ,

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

kontra2505@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE METHODS OF INVESTIGATING CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY COMPLEX

В статье на основе анализа материалов судебно-следственной практики, а также законодательных актов определены основные направления совершенствования методики расследования преступлений в сфере незаконного оборота леса, а именно организационно-тактических аспектов производства следственных действий, применяемых технико-криминалистических средств, организационных форм и видов взаимодействия между различными ведомствами. Приведены примеры практики расследования таких преступлений, даны рекомендации о тактических приемах производства осмотра мест происшествий и возможностях применения современных научно-технических средств в ходе их осуществления.

Based on the analysis of the materials of judicial and investigative practice, as well as legislative acts, the article identifies the main directions for improving the methodology for investigating crimes in the field of illegal timber trafficking, namely: improving the organizational and tactical aspects of the production of investigative actions, the technical and forensic tools used, organizational forms and types of interaction between various departments in the investigation of crimes in the field of the timber industry. Examples of the practice of investigating such crimes are provided. The author gives recommendations on tactical methods for inspecting the scene of incidents and the possibilities of using modern scientific and technical means in the course of their implementation.

Ключевые слова: преступления в лесопромышленном комплексе, место происшествия, следственный осмотр, тактические приемы, беспилотные летательные аппараты.

Keywords: crimes in the timber industry complex, scene of incident, investigative examination, tactics, unmanned aerial vehicles.

Вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений в сфере лесопользования в настоящее время являются весьма актуальными и значимыми как с теоретической, так и с практической точек зрения. Это обуслов-

лено, наряду с иными причинами, тем, что лесопромышленный комплекс традиционно остается одной из наиболее подверженных преступным посягательствам сфер деятельности, что связано с варварским отношением к лесам, приводящим к истощению уже освоенных лесных территорий (напомним, что с 1 января 2023 года лесопользователей обяза-

ли восстанавливать лес в течение года после рубок за свой счет¹); действиями легальных и нелегальных лесорубов, которые забираются вглубь нетронутых лесов, играющих важную роль в сохранении климата и разнообразия животного мира, и т.д. К слову, напомним, что пятая часть мирового леса приходится на территорию России, почти 70% площади которой составляют земли лесного фонда – 1,18 млрд га². Из них, по данным Минприроды, 770 млн га покрыто растительностью, что составляет 46,4% площади России³.

Среди преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) основными являются контрабанда леса (ст. 226.1 УК РФ) (ей может сопутствовать незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ)), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ) и др.

На ежегодном заседании коллегии МВД России по выявлению и раскрытию преступлений в сфере лесопользования, которое состоялось 26 апреля 2022 года, министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев отметил «исключительную важность сохранения нашего национального достояния и рачительного отношения к нему»⁴.

Одним из средств декриминализации лесного комплекса явилось утверждение Стратегии его развития до 2030 года, «которая содержит ключевые направления для позитивных изменений отрасли: от совершенствования государственной системы управления лесами, их использования, охраны, защиты и воспроизводства до выстраивания климатической политики, повышения доходности лесного хозяйства, его цифровой трансформации. Во исполнение поручения Президен-

та Российской Федерации Владимира Путина Министерством с учетом предложений заинтересованных структур разработан межведомственный план. В нем заложен комплекс совместных мер по документированию и пресечению фактов коррупции, хищения и нецелевого расходования бюджетных средств в области природопользования. Во взаимодействии с коллегами из Рослесхоза, Росфинмониторинга, таможенных органов реализуются мероприятия по выявлению и профилактике правонарушений в лесной отрасли»⁵.

Поддерживая идею о необходимости дополнительных механизмов, которые позволят повысить эффективность принимаемых мер по декриминализации отрасли, полагаем, что таковыми могут стать некоторые направления совершенствования методики расследования преступлений, относящихся к категории преступлений в сфере ЛПК.

Среди таковых мы обозначим следующие:

- совершенствование организационно-тактических аспектов производства ряда следственных действий, осуществляемых в ходе их расследования;

- совершенствование технико-криминалистических средств, используемых при производстве ряда следственных действий;

- совершенствование организационных форм и видов взаимодействия между различными подразделениями ОВД с иными ведомствами при расследовании преступлений в сфере ЛПК;

- повышение квалификации сотрудников, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений указанной категории.

Что касается совершенствования организационно-тактических аспектов производства ряда следственных действий, осуществляемых в ходе расследования преступлений в сфере ЛПК, в первую очередь речь должна

1 Статистика вырубки леса в России. URL: https://comfort-invest.ru/vyrubka/vyrubka-lesa-v-rossii-statistika-2019-god.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 27.03.2023).

2 Ежегодно Россия теряет миллионы гектаров леса. URL: https://comfort-invest.ru/vyrubka/vyrubka-lesa-v-rossii-statistika-2019-od.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 23.03.2023).

3 Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 11.02.2021 N 312-р.

4 Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России по вопросу противодействия преступности в сфере лесопользования. URL: <https://мвд.рф./news/item/29820324> (дата обращения: 23.03.2023).

5 Там же.

идти о качественном производстве осмотра места происшествия, что задает перспективу всему дальнейшему процессу расследования с точки зрения формирования качественной доказательственной базы по делу.

Следует отметить, что организационно и тактически данное следственное действие достаточно сложно ввиду следующих факторов:

- значительного размера территории, подлежащей осмотру;
- большого количества объектов, несущих информацию о преступном событии;
- увеличенного состава участников следственного осмотра;
- расширенного круга задач этого действия;
- необходимости использования специальной терминологии в ходе описания места происшествия и объектов на нем.

Примером тому может быть следующий: «Вина ФИО1, наряду с иными доказательствами, подтверждается протоколом осмотра места происшествия от 18.08.2020, фототаблицей, схемой к нему, из которого следует, что осмотрен выдел N квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса..., установлены границы лесосеки, которые определены с использованием навигатора «Гармин», мерной ленты и буссоли. С правой стороны от входящей в лесосеку лесовозной (лесной) дороги на растущих деревьях имеются визирные затески, сделанные топором с трех сторон и обозначающие границу лесосеки, на боковых затесках (обозначающих направление деляночного визира) нанесена краска красного цвета, посередине (затеска, направленная внутрь лесосеки) нанесена краска рыжего цвета. Аналогичные затески на стволах растущих деревьев по границе лесосеки имеются с левой стороны от входящей в лесосеку лесовозной (лесной) дороги. На момент начала осмотра в указанной лесосеке заготовка древесины не производилась, каких-либо лиц или техники в осматриваемой части лесного массива не обнаружено. При натурном осмотре лесосеки установлено, что с правой стороны от входящей в лесосеку лесовозной (лесной) дороги вдоль стенки леса имеется погрузоч-

ная площадка, которая идет от входящей в лесосеку лесовозной (лесной) дороги вдоль стенки леса по направлению к выделу N квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса ... Погрузочная площадка преимущественно расположена в границах выдела N квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса ... Двигаясь от входящей в лесосеку лесовозной (лесной) дороги вправо по имеющимся визирным затескам сделанным топором с трех сторон, обозначающим границу лесосеки, на которых по бокам на затески нанесена краска красного цвета, а посередине местами краска рыжего цвета по границе лесосеки (вырубки) и замкнув ее, снова попадаем на входящую в лесосеку лесовозную (лесную) дорогу. Визуально лесосека вырублена в границах ее отвода, т.е. по визирам в границах выделов 49 и 22 квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса <данные изъяты>. При натурном осмотре границ лесосеки по границам фактической вырубки установлено, что на всем протяжении деляночного визира затески имеют однородный характер, а именно выполнены на одной высоте, степень сруба коры на стволах деревьев схожа. На углах фактической площади вырубки и отвода лесосеки, а именно в северный угол вырубки (северный угол выдела N), северо-западный угол лесосеки (северо-западный угол выдела N), юго-западный угол лесосеки (юго-западный угол выдела N), юго-восточный угол лесосеки (юго-восточный угол выдела N) имеются поворотные деляночные столбы, на которых выполнены затесы вокруг стволов растущего дерева. Краска нанесена по кругу ствола дерева. При осмотре деляночного визира по восточной границе фактической площади вырубки на предполагаемом месте границ выделов N и N деревья с круговым затесом, обозначающим поворот лесосеки, не обнаружены. В данном месте имеются затесы деляночного визира, описанные выше, которые соответствуют по характеру и выполнению затесам на всем протяжении деляночного визира вдоль восточной границы

вырубки. При осмотре деляночного визира по южной границе фактической площади вырубки на предполагаемом месте границ выделов N и N деревья с круговым затесом, обозначающим поворот лесосеки, не обнаружены. В данном месте имеются затесы деляночного визира, описанные выше, которые соответствуют по характеру и выполнению затесам по всей протяженности деляночного визира вдоль южной границы вырубки. После установления истинных границ лесосеки, которые провешивались вешками в виде лент на стволах растущих деревьях или заранее приготовленных жердях и прокрашивались краской, была установлено незаконная рубка лесных насаждений (завизирная рубка) в 22 выделе квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса ... на площади 3,0 га. Осмотром установлено, что заготовка древесины в делянке, на которую имеются разрешительные документы в 49 выделе квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса ... и лесном массиве в 22 выделе квартала N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса ... велась одновременно, о чем свидетельствует направление разрубленных технологических трелевочных волоков, направление трелевки сортиментов и порубочные остатки. Осмотром установлено, что по всей площади осматриваемого выдела 22 имеются пни деревьев породы сосна, ель, береза, осина, которые располагаются равномерно по всей площади вырубки, за исключением сделанной дороги от входящий в выдел 22 квартал N Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса колхоза имени 1 Мая лесовозной (лесной) дороги по выделу 22 в направлении выдела 49, грунт с которой сгребен в вал¹.

Как видно из приведенного примера судебно-следственной практики, в протоколе осмотра детально описывается ход движения следственно-оперативной группы (далее – СОГ), общие и индивидуальные признаки специфических, характерных именно для

данного механизма преступного деяния объектов, встречающихся по пути следования СОГ, в чем отражаются тактические аспекты данного следственного действия, а именно:

- а) определение границ территории, подлежащей осмотру;
- б) концентрический способ осмотра;
- в) описание признаков объектов от общего к частному;
- г) фиксация объектов в статике, а затем в динамике.

Авторы, занимающиеся данной проблематикой, среди рекомендаций по осмотру места происшествия по фактам незаконной рубки леса называют «составление схемы места происшествия и путей вывоза древесины, для чего необходимо использовать копию квартальной карты, имеющейся в органе управления лесным хозяйством, обслуживающим данный лесной участок», и указывают на следующие основные задачи осмотра места происшествия по данной категории преступлений: «1) определение точного географического положения (границ) места происшествия; 2) осмотр пней, фиксация их количества и местоположения; 3) осмотр поврежденных деревьев с указанием направления их падения; 4) осмотр поврежденных деревьев, стоящих на корню; 5) осмотр имеющихся на МП ТС либо их следов; 6) осмотр инструментов и оборудования; 7) фиксация обстановки и обнаруженных объектов; 8) изъятие образцов почвы» [2] и т.д.

Безусловно, данные задачи являются основными при осмотре мест происшествий по рассматриваемым видам преступлений, однако их качественное решение не всегда возможно осуществить без надлежащего технического сопровождения. Например, в настоящее время имеются разработки отечественных ученых о возможностях использования «технологической системы сбора данных о древостое на основе квадрокоптера, которая позволяет обеспечить сбор данных о природно-производственных условиях лесосеки... Предложенная система сбора данных о древостое на базе квадрокоптера позволя-

1 Приговор Мурашинского районного суда Кировской области от 07.02.2022 по делу N 1-2/3/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mrL1Tr9Ac4HT> (дата обращения: 29.03.2023).

ет собрать необходимые для формирования информационной модели лесосеки данные о расположении деревьев и их атрибутах...» [4]

Одним из требований практического характера к результатам осмотра места происшествия по рассматриваемой категории преступлений является необходимость изъятия образцов грунта (почвы) с места происшествия и обязательное изъятие спилов с верхних поверхностей пней (комлевых частей) деревьев. Так, согласно протоколу осмотра места происшествия «26.03.2021 осмотрено место незаконной рубки деревьев в квартале 11 выдел 30 Верхне-Читинского участкового лесничества Верхне-Читинского лесничества, расположенного в 15 км северо-восточного направления от <адрес>, где обнаружены чурки из деревьев лиственница. М. указал на 20 пней, расположенных по периметру территории лесного массива, и указал, что 25.03.2021 он спилил деревья сырорастущие, породы лиственница. Изъяты два спила с пней и два спила с комлевой части распиленных деревьев на чурки»¹.

Что касается второго направления – совершенствование технико-криминалистических средств при производстве следственных действий, то использование современных средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов преступления и иных вещественных доказательств, применение которых целесообразно в процессе расследования незаконного оборота леса и лесопроductии, несомненно, является актуальным и востребованным в практической деятельности правоохранительных органов.

Например, специфическим техническим средством при осмотре места происшествия, используемым для определения границ территории, подлежащей осмотру, является GPS-навигатор – устройство, которое получает сигналы глобальной системы пози-

ционирования с целью определения текущего местоположения устройства на Земле. Устройства GPS обеспечивают информацию о широте и долготе, а некоторые могут вычислить и высоту².

Так, «в судебном заседании представитель потерпевшего ФИО10 показал, что в последних числах сентября при проведении патрулирования совместно с сотрудниками полиции в квартале 225 в урочище «Передежка» вдоль речки Песчаная была обнаружена незаконная порубка деревьев породы «ель», все они были свалены плотно в одном направлении в виде изгороди протяженностью 300 метров, чтобы не проходил скот. После произведения подсчета и замеров всех деревьев получилось 53 дерева, местонахождение, координаты и их принадлежность государственному лесному фонду были определены по навигатору...»³.

По словам специалистов, «в ряде регионов растет число выявлений правонарушений, что связано с дистанционным мониторингом использования лесов, применением беспилотных летательных аппаратов, фотоловушек, изменением маршрутов и числа патрулирования. Методы дистанционного зондирования дают положительный результат. Данные подтверждаются средствами объективного контроля дистанционного мониторинга лесов»⁴.

Примером практического применения дистанционного мониторинга при выявлении факта незаконной рубки может быть следующий: «ФИО1, являясь мастером леса, в период с 21 июня 2019 года по 30 ноября 2019 года осуществлял организацию работ по заготовке древесины в делянке Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса... Однако, достоверно зная о том, что разрешение на рубку лесных насаждений и вывоза древесины из Центрального сельского участкового лесни-

1 Приговор Читинского районного суда (Забайкальский край) от 10.11.2021 по делу N 1-254/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rfqDDnoS2wdx> (дата обращения: 29.03.2023).

2 Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

3 Приговор Шебалинского районного суда Республики Алтай от 03.02.2022 по делу N 1-13/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zjfrkNHskjbV> (дата обращения: 29.03.2023).

4 Объем незаконных рубок в СФО за год сократился на треть // Российская газета – Экономика Сибири. N 226(8874). URL: <https://rg.ru/2022/10/06/reg-sibfo/obem-nezakonnyh-rubok-v-sfo-za-god-sokratilsia-na-tret.html>.

чества Опаринского лесничества леса не имеется, ФИО1... при осуществлении контроля процесса заготовки древесины, находясь в вышеуказанном месте, при отсутствии документов, предоставляющих право на рубку лесных насаждений, ... ввел в заблуждение подрядную лесозаготовительную бригаду о законности производства лесосечных работ путем указания границ делянки, подлежащей рубке, не соответствующих границам делянки, которая разрешена в рубку.

Представитель потерпевшего ФИО8 в судебном заседании пояснил, что в 2020 году дистанционным мониторингом использования лесов в выделе 22 квартала 54 Центрального сельского участкового лесничества Опаринского лесничества леса выявлен участок с рубкой лесных насаждений, отсутствующий в ЛесЕГАИС, площадью 2,8 га. Сумма ущерба, причиненного незаконной рубкой лесных насаждений, ...составляет 3 926 532 рубля. Площадь выдела N квартала N, согласно таксационному описанию, составила 3,3га. Площадь по мониторингу составила 2, 8га. Лесничим была установлена площадь 3 га...

Наряду с иными, вина подсудимого ФИО1 в совершении инкриминируемого преступления подтверждается письменными доказательствами – из материалов космического мониторинга филиала ФГБУ «Рослесинфорг» «Поволжский леспроект» в квартале 54 выделе 22 Центрального сельского лесничества Опаринского лесничества леса Опаринского лесничества выявлены факты незаконной рубки¹.

Еще одним направлением совершенствования технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере ЛПК, о котором мы упомянули чуть выше, является использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) (дронов, коптеров). Это необходимо в труднодоступной лесистой местности, где «применение квадрокоптера позволяет комплексно просмотреть все участки лесного массива, а получение качественных аэрофотоснимков позволит бо-

лее детально изучить окружающую местность, что поможет лучше ориентироваться в пространстве ... Использование квадрокоптеров, ввиду больших возможностей по съемке, проходимости, с учетом значительной экономии средств и функциями цифрового формата, стало более предпочтительным, чем обычные методы аэрофотосъемки и наземные способы создания топографических планов и карт. При этом достигается значительная информативность и точность данных» [1].

Поскольку действия по незаконному обороту леса и лесоматериалов нередко включают цепь взаимосвязанных преступных действий, это обуславливает пространственную обширность территории, подлежащей осмотру, а именно: места рубки, места временного проживания лесозаготовительной бригады, места транспортировки и складирования древесины и лесоматериалов, места нахождения автотранспорта, загруженного древесиной и т.д. Именно в данных условиях возникает необходимость применения при осмотре места происшествия БПЛА в качестве научно-технического средства.

Полагаем, что использование БПЛА в ходе осмотров мест происшествий при расследовании преступлений в сфере ЛПК позволило бы решить следующие задачи данного следственного действия:

- 1) дистанционно осуществить осмотр предметов, включая труднодоступные и значительные по площади участки местности;
- 2) изъять малогабаритные предметы и пробы (почвы, растительности), имеющие значение для дела, в том числе с труднодоступных участков местности;
- 3) зафиксировать окружающую обстановку для составления плана дальнейших действий (расширение границ места происшествия, определение места производства обыска и т.п.);
- 4) установить местонахождение участников лесозаготовительной бригады либо техники на протяженных участках местности и т.д.

Не умаляя всех положительных моментов

1 Приговор Мурашинского районного суда Кировской области от 07.02.2022 по делу N 1-2/3/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mrL1Tr9Ac4HT> (дата обращения: 29.03.2023).

использования БПЛА в деятельности правоохранительных органов, авторы обозначают ряд проблемных вопросов, в той или иной степени препятствующих их применению: «дороговизна оборудования; отсутствие централизованных поставок квадрокоптеров структурным подразделениям и образовательным организациям МВД России; отсутствие как такового обучения сотрудников правоохранительных органов навыкам управления и применения квадрокоптеров; необходимость регистрации летательного аппарата, проведения организационных и разрешительных мероприятий, что, в свою очередь, снижает оперативность его применения; необходимость учета времени года, суток и погодных условий; а также технические проблемы применения – небольшое время полета из-за малой емкости элементов питания, возможность столкновения и как следствие – повреждения квадрокоптера, с птицами, элементами рельефа местности, высотными сооружениями, малый радиус действия пульта управления беспилотного летательного аппарата и др.» [2].

Однако, несмотря на имеющиеся в практике применения БПЛА трудности, все же эффективность их использования в процессе расследования и раскрытия преступлений, в частности, в сфере ЛПК, высока. В первую очередь это обусловлено необходимостью решения таких тактических задач расследования, как «Сбор и фиксация первоначальной информации» и «Поиск лица, совершившего преступление», возникающих при совершении неочевидных преступлений, которые нередко встречаются как при незаконных рубках лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), так и при контрабанде лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ).

Авторы утверждают, что «поскольку качество изображений очень хорошее, то на снимках, полученных с высоты 100 метров, при увеличении масштаба изображения на ноутбуке есть возможность рассмотреть мелкие объекты. Если осмотр осуществляется в условиях города, рекомендуется производить работу с квадрокоптером вдвоем. Один из сотрудников должен непосредственно управлять аппаратом и визуально контролировать

его поведение в воздухе. Второй же будет наблюдать за полетом через экран планшетного компьютера или смартфона, а также при необходимости давать рекомендации по управлению и производить фото- и видеofиксацию» [3].

Подтверждением этому могут служить фотоснимки, полученные при использовании квадрокоптера при проведении учений по осмотру места происшествия на занятиях, проводимых Сибирским юридическим институтом МВД России совместно с Экспертно-криминалистическим центром ГУВД по Красноярскому краю. Помимо возможности точной фиксации геопозиции и узловых и детальных объектов на месте происшествия, еще одним положительным моментом является возможность точного определения размерных характеристик отдельных объектов (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Обзорный снимок территории СибЮИ МВД России, подлежащей осмотру

Рис. 2. Детальный снимок дорожки на территории СибЮИ МВД России

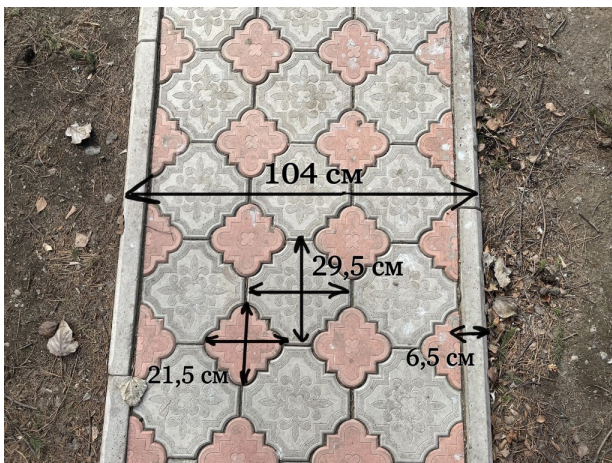

Рис. 3. Детальный снимок дорожки с размерными характеристиками

Таким образом, использование БПЛА при производстве осмотра места происшествия по делам в сфере незаконного оборота леса позволяет осуществить качественную фото-и/или видеосъемку на любой местности, в том числе обширной и труднодоступной, а также решить ряд иных задач осмотра, что может существенно повысить качество и эффективность расследования данных преступлений.

Что касается такого направления, как совершенствование организационных форм и видов взаимодействия между различными подразделениями ОВД с иными ведомствами при расследовании преступлений в сфере ЛПК, полагаем целесообразным рассмотреть этот вопрос после принятия и введения в действие существующего на данный момент в виде проекта приказа МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования» (подготовлен МВД России 03.07.2017)¹.

Повышение квалификации сотрудников, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений указанной категории, несомненно, необходимо, и является предметом обсуждения в плане разработки соответствующих учебных программ в вузах МВД России.

Все вышеобозначенные направления позволяют в целом надеяться на совершенствование методики расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса.

1 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56618498/> (дата обращения: 30.03.2023).

Библиографический список

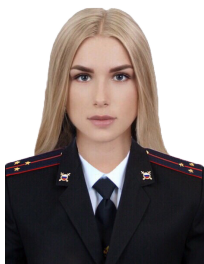
1. Грачев, Ю.А. Современные роботизированные системы, применяемые в органах внутренних дел / Ю.А. Грачев, А.А. Кежов // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы всероссийской научно-практической конференции – СПб., 2016.
2. Королев, А.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Королев. – М., 2009.
3. Лозовский, Д.Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики / Д.Н. Лозовский, Н.Н. Лозовская, И.Р. Ульянова // Юрист-Правовед. – 2021. – N 3 (98).
4. Махмутов, Р.М. Система сбора данных о древостое на базе квадрокоптера / Р.М. Махмутов, Е.М. Онучин, Д.Г. Яранцев // Инновации в химико-лесном комплексе: тенденции и перспективы развития : материал всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Ю.А. Безруких, Е.В. Мельникова. – М., 2019.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 343

DOI 10.51980/2542-1735_2023_3_190

Алина Юрьевна БАРДОВСКАЯ,

адъюнкт Нижегородской академии
МВД России

bardovskaya.lina@yandex.ru

СЛОЖНОСТЬ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 137 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE COMPLEXITY OF THE QUALIFICATION OF CRIMES PROVIDED FOR BY ARTICLE 137 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с квалификацией преступлений по статье 137 Уголовного кодекса Российской Федерации о нарушении неприкосновенности частной жизни как одного из гарантируемых Конституцией Российской Федерации благ. Выявлены недостатки данной нормы, связанные с отсутствием законодательной трактовки предмета преступления, его необоснованной узостью, а также невозможностью применения ст. 137 УК РФ при совершении некоторых действий, также очевидно посягающих на неприкосновенность частной жизни лица. Сделаны выводы о необходимости пересмотра некоторых положений анализируемой нормы.

The article considers the main problems related to the qualification of crimes under Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation on violation of privacy as one of the benefits guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The shortcomings of this rule are identified, related to the lack of a legislative interpretation of the subject of the crime, its unreasonable narrowness, as well as the impossibility of applying Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation when committing certain actions that also obviously infringe on privacy. The author draws conclusions about the need to revise some provisions of the analyzed rule.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, stalking, конфиденциальная информация.

Keywords: *private life, privacy, personal secret, family secret, stalking, confidential information.*

В настоящее время в различных сферах Российского общества и государства происходит большое количество различных процессов, таких как преобразования эконо-

мической системы, борьба с терроризмом и экстремизмом, укрепление вертикали власти, что требует особого внимания законодателя к проблемам защиты прав и свобод человека, из

которых главенствующее значение имеют конституционные права и свободы, в том числе, право на неприкосновенность частной жизни.

Различные авторы трактуют частную жизнь по-разному. Так, П.Н. Макеев считает, что это система социально-правовых признаков, отражающих индивидуальность человека и создающих ему некий иммунитет от других членов общества и самого государства [7, с. 3]. Автор отмечает, что частная жизнь может пониматься в двух смыслах: как внутренняя сфера жизнедеятельности человека, особенности его семейной и частной жизни, которые он не хотел бы делать достоянием общества, а также как правомочия, позволяющие человеку проявлять свою автономию среди других людей.

Э.Ю. Латыпова считает, что частная жизнь включает в себя сферу внутреннего существования личности, а также ее семью, дом, отношения с другими людьми и иные аспекты, недоступные посторонним [6].

Б.Н. Кадников полагает, что право на неприкосновенность частной жизни обозначает объем правомочий конкретного человека на закрытость и защищенность определенных сторон его жизни от общества, государства и других людей, подчеркивая при этом, что именно с помощью этого права человек в полной мере может осознать свое мироощущение и личные интересы [4, с. 3].

Как мы видим, отсутствие четкого законодательного понятия частной жизни порождает большое количество научных точек зрения на трактовку частной жизни, и зачастую они по-разному определяют это понятие. В то же время общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации гражданами своего права на неприкосновенность частной жизни, ввиду своей важности и значимости находятся под охраной уголовного закона и являются объектом одного из преступлений, предусмотренных УК РФ, а именно входящей в его структуру статьи 137, практику применения которой в России нельзя назвать сформированной, в том числе, из-за некоторых дефектов законодательства [16].

Так, за 2022 год по ст. 137 УК РФ осуждены всего лишь 235 человек, из них 9 – к реальному лишению свободы, 14 – к лишению свободы условно, 1 – к ограничению свободы, 104 лицам назначен штраф, 20 – исправительные работы, 70 – обязательные работы¹. Очевидно, что при важности такого объекта уголовно-правовой охраны, как частная жизнь, правоприменитель в целом достаточно мягко относится к его нарушителям. Все это определяет важность и актуальность как конкретизации понятия частной жизни, так и решения иных проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, для обеспечения надлежащей уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений.

Как отмечает В.А. Гайдукова, при анализе содержание понятия «частная жизнь», на первый взгляд может показаться, что сюда будут входить только сведения о внутренних аспектах жизни человека, в частности его сексуальных связях, проявлениях его права на имя, вопросах репутации, чести и достоинства, половой самоидентификации и т.д. [2, с. 362-366] В то же время автор ставит под сомнение ограничение частной жизни только внутренней сферой человека и исключение внешнего мира, ссылаясь на положения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, где в контексте права на неприкосновенность частной жизни говорится о свободе коммуникаций с иными людьми, а также о социальных аспектах частной жизни. Иными словами, рассматриваемое право раскрывается автором также через возможность человека вступать в различные социальные связи с другими людьми, осуществлять различную общественную деятельность, что следует учитывать правоприменителям при квалификации преступлений по ст. 137 УК РФ.

С этой позицией в целом можно согласиться. При этом отметим, что Т.Ю. Сапранкова, анализирующая практику применения ст. 137 УК РФ, сделала вывод, что в большинстве случаев незаконному разглашению подлежат сведения именно об интимных от-

¹ Судебная статистика РФ: официальный сайт. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 17.03.2023).

ношениях и сторонах жизни потерпевшего (в частности, его изображения в обнаженном виде или соответствующие видеозаписи), а также о состоянии его здоровья, разводе или вступлении в брак, участии в уголовном судопроизводстве и т.д. [10, с. 403-406].

Кроме этого, как мы видим, в ст. 137 УК РФ частная жизнь лица определяется через личную и семейную тайну, поэтому данные понятия также нуждаются в трактовке. А.М. Бахтигареев, анализируя работы юристов-теоретиков, делает вывод, что личная и семейная тайна – это конфиденциальная информация о событиях и действиях лица или группы лиц, которые сохраняют ее от иных субъектов и не желают, чтобы данная информация была разглашена [1, с. 75-78]. При этом отношение информации только к одному лицу будет составлять его личную тайну, а если информация относится к отдельно взятой семье – это будет семейная тайна.

Одна из основных проблем, поднимаемых правоведами, изучающими особенности применения ст. 137 УК РФ, – это решение вопроса о том, являются ли конкретные сведения личной или семейной тайной лица. К сожалению, ни действующее законодательство, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ ответа на него не дают. Лишь Конституционный Суд РФ в определении от 28 июня 2012 г. N 1253-О указал, что само лицо или семья могут определить, должны ли определенные сведения, имеющие отношение к его частной жизни, оставаться в тайне от других лиц, и не могут собираться, храниться или использоваться иными лицами ввиду своей конституционной защиты¹.

И.В. Дубенский при этом обращает внимание на несоответствие положений ст. 137 УК РФ конституционным нормам: так, в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ указано о правовой защите неприкосновенности частной жизни человека, его личной и семейной тайны, а также защите чести и доброго имени. В то же время предмет анализируемого преступления ограничен, как мы выяснили, только личной

и семейной тайной, следовательно, далеко не вся частная жизнь находится под защитой уголовного закона [3, с. 222-225]. Логичным представляется изменение диспозиции ст. 137 УК РФ путем приведения ее в соответствие с положениями Конституции РФ, а именно исключения упоминания о личной и семейной тайне, необоснованно сужающего круг возможных преступных посягательств.

Некоторые вопросы у правоприменителей могут возникнуть в связи с квалификацией по ст. 137 УК РФ действий представителей СМИ, освещающих ход и результаты уголовного судопроизводства. Так, Е.С. Пальцева отмечает, что зачастую журналисты используют в публикациях сведения из уголовных дел, приговоры по которым еще не вступили в законную силу, а значит, не могут считаться состоявшимися [8, с. 26-29]. При этом гражданско-правовые способы защиты чести и достоинства в данном случае действовать не будут, так как в ст. 152 ГК РФ речь идет о сведениях, не соответствующих действительности.

Считаем, что такие действия очевидно являются неправомерными, поскольку до вступления приговора в законную силу человек считается невиновным. Между тем не ясно, имеются ли в таком случае основания для привлечения журналиста к ответственности по ст. 137 УК РФ, поскольку до сих пор открыт вопрос: относятся ли сведения об уголовном преследовании лица к его частной жизни.

С одной стороны, на телевидении идет много передач, связанных с событиями криминальной хроники, в том числе имеющими широкий общественный резонанс, и в этом случае широкую огласку получает не только содеянное лицом, но и характеристики его личности, психологические особенности и иные обстоятельства его жизни, хотя приговор может на этот момент еще не вступить в законную силу. Получается, что сведения о частной жизни лица так или иначе становятся достоянием большого круга граждан.

Кроме этого в России установлен гласный характер уголовного судопроизводства,

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N 1253-О. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

предполагающий, что деятельность органов уголовного судопроизводства открыта для всех заинтересованных лиц, в том числе и не имеющих никакого отношения к уголовному делу. В некоторых случаях представители СМИ даже участвуют в совещаниях, проводимых правоохранительными органами.

С другой стороны, мы считаем, что сведения о фактах осуществления в отношении лица уголовного преследования носят частный характер, поскольку в большинстве случаев лицо заинтересовано в их неразглашении, а значит, защита таких сведений также гарантируется Конституцией РФ. Если же приговор еще не вступил в законную силу, всегда остается вероятность, что он будет отменен или изменен, следовательно, разглашение соответствующих сведений на этапе незавершенного уголовного процесса может опорочить репутацию человека.

Помимо этого зачастую при освещении в СМИ хода расследования уголовного дела затрагивается также и потерпевший. Анализируя положения ст. 137 УК РФ, мы видим, что законодатель в ч. 3 упомянул лишь несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста. Это вполне разумно, поскольку интересы таких лиц ввиду социально-правовой незащищенности и психологической незрелости в целом защищаются законодателем усиленно. В то же время полагаем, что частная жизнь совершеннолетних участников уголовного процесса (как потерпевших, так и иных) также должна охраняться уголовным законом, и доведение таких сведений до общественности возможно только с их согласия.

На основании этого считаем, что в целях повышения качества применения ст. 137 УК РФ и разрешения имеющихся на практике проблем необходимо в примечании к данной норме конкретизировать сведения, составляющие частную жизнь лица, с обязательным включением информации об его уголовном преследовании, а также участии в уголовном процессе в ином статусе.

Анализ объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ,

позволяет сделать вывод, что уголовная ответственность возможна лишь в случае совершения таких альтернативных действий, как собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, при отсутствии согласия на это указанного лица. В то же время в ч. 1 ст. 24 Конституции РФ говорится о недопустимости собирания, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица. Получается, что уголовный закон признает преступными только некоторые из действий, которые могут быть совершены с такой информацией: например, лицо, хранящее соответствующие сведения и не распространяющее их, к уголовной ответственности привлечь не удастся, хотя его действия несут в себе общественную опасность и также должны получить уголовно-правовую оценку. В связи с этим считаем, что необходимо включить в перечень возможных действий, составляющих объективную сторону ст. 137 УК РФ, также хранение и использование информации, составляющей предмет преступления.

Достаточно интересное исследование по вопросам применения ст. 137 УК РФ провела Т.И. Сапранкова, указывающая, что действующей редакцией указанной нормы не охватываются действия, называемые «сталкинг», то есть целенаправленное преследование лица, сопровождающееся высказыванием в его адрес угроз, оскорблений или даже применением насилия [9, с. 389-391]. Близость таких действий к действиям, составляющим объективную сторону ст. 137 УК РФ, по мнению автора, очевидна: в их основе также лежит враждебное отношение к потерпевшему, личная неприязнь, ревность и иные подобные эмоции. Виновный осознает, что вмешивается в сферу частной жизни жертвы, поскольку также может получать о ней определенные сведения (например, наблюдая за жилищем или встречами потерпевшего). Таким образом, подобные действия, совершающиеся против его воли, препятствуют осознанию и ощущению человеком своей личной свободы и неприкосновенно-

сти, а также нарушают его эмоциональную стабильность.

Интересно, что в законодательствах ряда стран «сталкинг» является уголовно наказуемым: например, в Бельгии, Голландии, Польше, Германии он считается наиболее тяжкой разновидностью нарушения неприкосновенности частной жизни. Для привлечения к уголовной ответственности необходимо устанавливать характер и регулярность вмешательств (например, назойливых телефонных звонков), активность противозаконных действий (подкарауливание около дома и т.д.).

В России на данный момент ответственность за такие действия должным образом не урегулирована. Согласно ч. 1 ст. 152.2 ГК РФ без согласия гражданина нельзя собирать, хранить, распространять и использовать информацию о частной жизни лица (что корреспондирует ранее рассмотренной нами норме Конституции РФ), однако анализ этого и иных положений показывает, что в основном речь идет о предании информации огласке, о сообщении ее неопределенному кругу лиц. При этом вышеуказанная норма ГК РФ эффективна скорее применительно к ситуациям использования полученных сведений для совершения значимых с правовой точки зрения действий либо привлечения внимания общества к определенному человеку. В то же время сталкинг носит несколько иные цели и имеет другой, более личный характер.

В связи с этим автор считает, что ст. 137 УК РФ необходимо дополнить частью 1.1, где будет предусмотрена ответственность за незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, сопряженное с систематическим преследованием потерпевшего или иным вмешательством в его частную жизнь, и установить в данной норме более строгое по сравнению с простым составом наказание, что обусловлено агрессивностью и навязчивостью, а значит, большей общественной опасностью такого поведения.

Также Т.Ю. Сапранкова полагает, что в примечании к анализируемой статье необхо-

димо закрепить трактовки систематического преследования или иного вмешательства в личную жизнь потерпевшего.

Некоторые сложности связаны также с квалификацией действий виновного по ч. 3 ст. 137 УК РФ, где предусмотрено обязательное наступление в результате противоправных действий иных тяжких последствий, помимо перечисленных, а именно причинения вреда здоровью потерпевшего, психического расстройства несовершеннолетнего. Понятие тяжких последствий используется и в некоторых иных уголовно-правовых нормах, и в каждом случае оно является оценочным: вопрос о том, следует ли относить конкретные последствия к тяжким уполномочен решать только суд, рассматривающий уголовное дело.

А.М. Климанов и Д.В. Пешков в качестве примеров тяжких последствий приводят самоубийство потерпевшего или кого-то из членов его семьи, наступление у указанных лиц психического расстройства, появление у них необходимости изменить свои личные данные или переехать в другое место жительства [5, с. 98-102]. Авторы также обращают внимание на обязательное установление судом причинно-следственной связи между действиями виновного и указанными последствиями. Мы с данной точкой зрения согласны, и считаем, что более правильным было бы закрепить в ч. 3 ст. 137 УК РФ наступление психического расстройства не только у несовершеннолетнего, но и у лиц старше 18 лет, в том числе у самого потерпевшего или членов его семьи. Кроме этого считаем, что пункт с примерным перечнем возможных тяжких последствий указанного преступления необходимо включить в текст постановления Пленума Верховного Суда РФ, обобщающего судебную практику применения норм о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина¹.

Таким образом, основными проблемами квалификации преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, является ограниченность

1 О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 // Российская газета. 2019. 9 января.

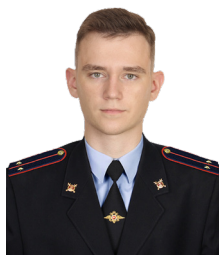
предмета преступления только сведениями, составляющими личную и семейную тайну, отсутствие как в законодательстве в целом, так и в уголовном законе трактовки понятия «частная жизнь», сложность привлечения к ответственности по данной норме лица, осуществляющего систематическое преследование потерпевшего, а также нерешенность вопроса о наличии состава преступления в действиях представителей СМИ, освещающих ход уголовного судопроизводства и информацию о его участниках до момента вступления приговора в законную силу.

Среди направлений возможного совершенствования положений ст. 137 УК РФ,

таким образом, необходимо назвать отказ от упоминания личной и семейной тайны, необоснованно сужающей круг информации, составляющей предмет преступления, закрепление в примечании к указанной статье трактовки частной жизни и ее неприкосновенности, дополнение данной статьи частью, предусматривающей ответственность за распространение сведений о частной жизни лица, сопряженное с систематическим преследованием потерпевшего, а также закрепление в акте толкования Верховного Суда РФ примерного круга возможных тяжких последствий анализируемого преступления.

Библиографический список

1. Бахтигареев, А.М. Определение содержания личной и семейной тайны в целях квалификации деяний в соответствии со статьей 137 уголовного кодекса Российской Федерации / А.М. Бахтигареев // Юридическая наука. – 2019. – N 12. – С. 75-78.
2. Гайдукова, В.А. Современные проблемы реализации права человека на неприкосновенность частной жизни, уважение частной и семейной жизни / В.А. Гайдукова // Наукосфера. – 2022. – N 1 (1). – С. 362-366.
3. Дубенский, И.В. Направления совершенствования ст. 137 УК РФ / И.В. Дубенский // Молодой ученый. – 2018. – N 22 (208). – С. 222-225.
4. Кадников, Б.Н. Уголовно-правовая охрана конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Н. Кадников. – М., 2008. – 196 с.
5. Климанов, А.М. Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ / А.М. Климанов, Д.В. Пешков // Теория и практика общественного развития. – 2015. – N 9. – С. 98-102.
6. Латыпова, Э.Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни / Э. Ю. Латыпова // Oeconomia et Jus. – 2019. – N 2. – URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2019/2> (дата обращения: 16.03.2023).
7. Макеев, П.Н. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П.Н. Макеев. – М., 2006. – 187 с.
8. Пальцева, Е.С. Информационная прозрачность правосудия: пределы и ограничения / Е.С. Пальцева // Информационное право. – 2013. – N 4. – С. 26-29.
9. Сапранкова, Т.Ю. К вопросу о совершенствовании направлений уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни / Т.Ю. Сапранкова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – N3. – С. 389-391.
10. Сапранкова, Т.Ю. Особенности субъективной стороны нарушения неприкосновенности частной жизни / Т.Ю. Сапранкова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – N 4 (17). – С. 403-406.

Никита Андреевич ИЛЬИНЫХ,
адъюнкт Омской академии МВД России
nikitailinyh491@yandex.ru

СТРУКТУРА, УРОВЕНЬ И ДИНАМИКА КИБЕРЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

STRUCTURE, LEVEL AND DYNAMICS OF CYBER EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена изучению структуры, уровня и динамики экстремистских преступлений, совершаемых с использованием возможностей информационно-телекоммуникационных технологий (киберэкстремизм). Исследование основано на анализе материалов судебных решений и актуальных статистических данных. Сделаны выводы о том, какую часть составляют киберэкстремистские преступления в общей совокупности преступлений экстремистской направленности, а также о высоком уровне латентности отдельных киберэкстремистских преступлений. Определены категории населения, представители которых наиболее часто осуществляют публичные призывы к экстремистской деятельности в киберпространстве. Предложены рекомендации по использованию результатов исследования для противодействия экстремизму в России.

The article is devoted to the study of the structure, level and dynamics of extremist crimes committed using the capabilities of information and telecommunication technologies (cyber extremism). The research is based on the analysis of materials of court decisions and up-to-date statistics. Conclusions are drawn about the proportion of cyber extremist crimes in the total number of extremist crimes, as well as about the high level of latency of particular cyber extremist crimes. The categories of the population whose representatives most often publicly call for extremist activities in cyberspace are identified. Recommendations on using the results of the study to counter extremism in Russia are given as well.

Ключевые слова: криминология, экстремизм, статистика, информационно-телекоммуникационные технологии.

Keywords: *criminology, extremism, statistics, information and telecommunication technologies.*

Сегодня крайне актуальной становится проблема противодействия таким наиболее общественно опасным преступлениям, как экстремистские. Согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России, в период с 2019 по 2022 гг. наблюдается постоянный рост числа преступлений указанного вида: в 2019 г. их совершено 585; 2020 г. – 833; 2021 г. – 1057; 2022 г. – 1566. Данную

проблему в своих исследованиях отмечают П.В. Тепляшин [14], Ю.В. Леонтьева и О.А. Овчинко [9], И.Л. Морозов и А.Э. Абрамов [12], А.М. Алхастов [3] и др.

Еще большую актуальность данная проблема приобрела в 2022 году. Прослеживается тенденция к значительному увеличению числа экстремистских преступлений, что отчетливо видно из анализа статистических

данных, характеризующих географию данного вида преступности. Отмечается резкий рост числа экстремистских преступлений в столичных городах и приграничных с вновь присоединенными по итогам референдума 30 сентября 2022 г. южными субъектами Российской Федерации. В Москве с января по декабрь 2022 г. были зарегистрированы 280 таких преступлений, тогда как за аналогичный период 2021 г. – 59, прирост составил свыше 474%. Схожая ситуация наблюдается и в Санкт-Петербурге (+387%). Резкий рост числа преступлений указанного вида по итогам 2022 г. наблюдается в Республике Крым (+313%), Ростовской области (+247%) и Ставропольском крае (+187%). При этом в Республике Дагестан, которая исторически была лидером в этом отношении, число таких преступлений даже снизилось (-3,6%) [4].

Помимо вышеуказанного сегодня наблюдается тенденция к усилению роли средств информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) в совершении всех видов преступлений. В январе-декабре 2022 г. были зарегистрированы 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, что на 0,8% больше чем в 2021 г. Увеличился и удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений (с 25,8% до 26,5%). Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, почти три четверти (72,8%) киберпреступлений совершаются с использованием сети Интернет (342,5 тыс.; +1,9%), более трети (40,4%) – с помощью средств мобильной связи (190,1 тыс.; -5,6%)¹.

С учетом повсеместного использования преступниками возможностей ИТТ значительной трансформации подвергся и способ совершения преступлений экстремистской направленности. По заявлению судьи Верховного Суда РФ Е.В. Пейсиковой, в 2020 г. до 90% осужденных за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности использовали в своей деятель-

ности возможности сети Интернет². Стремительное развитие возможностей ИТТ и всеобщая вовлеченность граждан в их использование создают благоприятную почву для преступников, распространяющих экстремистскую идеологию. Кроме того, при помощи современных технологий преступники активно организуют свою деятельность, а также осуществляют ее финансирование. Тенденцию к росту количества экстремистских преступлений с использованием возможностей ИТТ в своих исследованиях отмечают В.Ю. Мельников [11], О.В. Обернихина [13], Д.А. Акимов [2], В.Н. Макашова и Е.В. Чернова [10], Г.И. Узембаева [15] и др. Кроме того, все большую актуальность приобретает проблема резкого роста числа экстремистских преступлений, связанных с публичным распространением фейковой информации об использовании Вооруженных Сил РФ. При этом, как отмечает А.М. Абдулатипов, ключевую роль в данном процессе играет именно использование экстремистами возможностей социальных сетей и иных средств ИТТ [1].

Указанный факт в совокупности с высокой степенью общественной опасности экстремистских преступлений, совершаемых указанным способом, позволяет утверждать о необходимости выделить такие деяния в отдельную категорию – киберэкстремистские преступления (киберэкстремизм). Однако в связи с отсутствием в нормативных правовых актах закреплённого точного перечня экстремистских преступлений, а также с наличием множества различных мнений исследователей по данному вопросу охарактеризовать структуру киберэкстремизма путем определения соответствующего исчерпывающего списка преступлений на данный момент не представляется возможным.

Тем не менее, на наш взгляд, в структуре киберэкстремизма можно выделить следующие категории составов преступлений, обязательным признаком которых является

1 Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xnp1ai/reports/item/28021552> (дата обращения: 19.02.2023)

2 Более 40% осужденных за экстремизм получили приговоры за призывы в Интернете // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/10/28/bolee-40-osuzhdennyh-za-ekstremizm-poluchili-prigovory-za-prizvy-v-internete.html> (дата обращения: 29.02.2023).

специфический способ их совершения, а именно использование средств ИТТ:

- экстремистские преступления, связанные с искажением информации в противоправных целях (п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 354.1 УК РФ) или с ее использованием в любых формах для распространения экстремизма (ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, ст. 282 УК РФ);
- организация экстремистского сообщества и участие в его деятельности (ст. 282.1 УК РФ и ст. 282.2 УК РФ);
- преступления, связанные с финансированием экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

Диаграмма 1. Доля публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности с использованием ИТТ в общей совокупности экстремистских преступлений

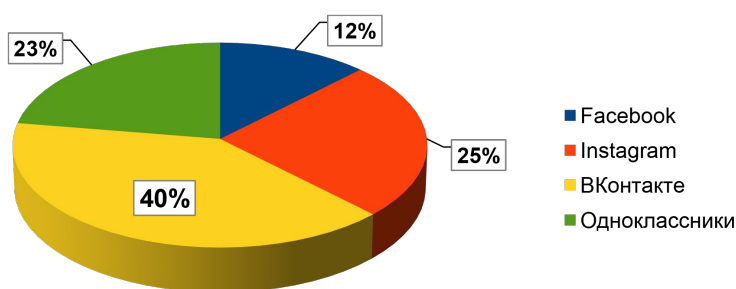

Диаграмма 2. Социальные сети, используемые для распространения экстремистских материалов и привлечения новых последователей)

Указанные категории выделены на основе анализа материалов 103 судебных решений по преступлениям экстремистской направленности за 2020-2022 гг., в большинстве из которых в качестве способа совершения преступления использовались средства ИТТ. Отметим, что совокупность вышеприведенных составов преступлений не образует исчерпывающий список киберэкстремистских преступлений, однако они в целом дают общее представление о структуре данного вида преступности.

Отметим, что на сегодняшний день, согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, наиболее часто совершаемыми киберэкстремистскими преступлениями являются деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей или СМИ). В 2022 г. удельный вес данных преступлений составил 30,2% от всей совокупности зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (473 из 1566). Данный показатель остается стабильно высоким на протяжении последних лет: 2019 г. – 44%, 2020 г. – 40%, 2021 г. – 43% (диаграмма 1).

В ходе проведенного анализа судебной практики по данным преступлениям удалось выявить наиболее часто используемые экстремистами средства ИТТ. Установлено, что для указанных целей преступники наиболее часто использовали социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram» и «Facebook» (диаграмма 2).

На наш взгляд, приоритет отечественных социальных сетей для преступников обусловлен их наибольшей популярностью среди граждан России.

Однако сфера применения преступниками средств ИТТ не ограничивается исключительно осуществлением призывов к экстремистской деятельности.

На основе материалов судебной практики установлено, что новые возможности средств ИТТ активно используются экстремистами для организации и финансирования своей деятельности, а также для связи между собой. Для организации деятельности и связи экстремисты активно используют возможности мессенджеров с защищенными протоколами шифрования сообщений («Open Whisper Signal» у WhatsApp и «MTProto» у «Telegram»). Для финансирования экстремистской деятельности все чаще используются анонимные средства платежа (криптовалюта).

Кроме того, характеризуя способ совершения киберэкстремистских преступлений, следует отметить активное использование злоумышленниками средств ИТТ, позволяющих им скрывать свою личность и местоположение. В качестве примера такой технологии можно привести VPN (Virtual Private Network). Данная технология позволяет устанавливать защищенное соединение между устройством пользователя и Интернетом. Она шифрует данные, которые передаются через Интернет, и маскирует пользовательский IP-адрес, скрывая тем самым местоположение пользователя. В результате снижается эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению указанных преступлений и лиц, их совершающих. По нашему мнению, данный факт может свидетельствовать о высоком уровне латентности экстремистских преступлений, совершаемых с использованием ИТТ.

Характеризуя структуру лиц, совершивших указанные виды преступлений, отметим, что прослеживается тенденция к уменьшению количества преступлений, совершенных лицами в возрасте 18-29 лет. По состоянию на первое полугодие 2022 г. удельный вес осужденных по ч. 2 ст. 280 УК РФ лиц в указанной возрастной категории составил 32%. За аналогичный период 2021 г. данное значение составляло 42%. В научном исследовании И.В. Букова содержится информация о том, что в 2018 г. в 57% случаев указанные преступления совершались молодыми людьми до 30 лет [5]. Д.Н. Еремин отмечает, что по состоянию на 2011 г. доля молодых людей, совершивших экстремистские преступления

в Интернете, составляла 70% [6]. Таким образом, можно говорить об уменьшении количества лиц в возрасте до 30 лет, осуществляющих публичные призывы к экстремистской деятельности с использованием ИТТ, и увеличении их в возрастной категории от 30 до 49 лет. При этом в качестве главной цели своего деструктивного воздействия такие преступники чаще всего выбирают молодых людей в возрасте 18-29 лет.

Далее приведем еще ряд немаловажных фактов, характеризующих личность киберэкстремиста, на основе статистических данных Судебного Департамента Верховного Суда РФ. Установлено, что лица, осужденные за экстремизм с использованием ИТТ, чаще всего имеют среднее профессиональное (39,2%) или среднее общее образование (25,5%). Как правило, указанные виды преступлений совершаются людьми без постоянной работы (52,5%) либо представителями рабочих профессий (35,6%).

Традиционно доля указанных преступлений, совершаемых женщинами, является небольшой (в 2022 г. – 8,8%). Однако по сравнению с данными 2021 г. (5,7%) наблюдается увеличение показателя.

Подавляющее большинство осужденных за киберэкстремистские преступления являются постоянными жителями данной местности (94,4%). Для сравнения: доля экстремистских преступлений, совершаемых без использования ИТТ постоянными жителями (на примере ч. 1 ст. 280 УК РФ), достигает 100%. Однако возможности ИТТ позволяют распространять экстремистскую идеологию из любой точки мира, чем активно пользуются злоумышленники. Кроме того, как отмечают В.В. Меркуев и О.В. Боброва, сегодня в указанных процессах растет роль экстремистских организаций, курируемых недружественными странами [4]. По нашему мнению, выявление их представителей и привлечение к уголовной ответственности в силу целого ряда технических и организационных проблем на сегодняшний день крайне затруднительно, что не может не отражаться на статистических данных.

Таким образом, установлено, что за последний год преобладающим мотивом совер-

шения экстремистских преступлений вместо религиозного стал политический. Кроме того, наблюдается и резкое изменение в географии указанного вида преступности. Наиболее криминогенными стали приграничные с территорией Украины южные регионы России, а также столичные города. При планировании противодействия экстремизму следует обращать наиболее пристальное внимание на сложившуюся ситуацию.

Результаты исследования показали, что использование средств ИТТ играет все большую роль в совершении преступлений экстремистской направленности. Установлено, что подавляющее большинство данных преступлений так или иначе совершаются с использованием средств ИТТ. Наиболее часто встречающимся на данный момент являются преступления, связанные с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности с использованием средств ИТТ, а также деяния, связанные с распространением определенной фейковой информации в киберпространстве.

Отметим, что новые возможности современных технологий позволяют экстремистам наиболее эффективно и анонимно организовывать свою деятельность (ст. 282.1 УК РФ и ст. 282.2 УК РФ) и осуществлять ее финансирование (ст. 282.3 УК РФ). К тому же полагаем, что в результате использования экстремистами особенностей функционирования отдельных технологий значительное количество указанных преступных деяний

остаются скрытыми от правоохранительных органов. Данный факт может свидетельствовать о высоком уровне латентности отдельных киберэкстремистских преступлений.

В результате исследования также установлено изменение среднего возраста совершения киберэкстремистских преступлений. Прослеживается тенденция к ежегодному снижению доли указанных преступлений, совершаемых молодыми людьми в возрасте 18-29 лет. В 2022 г. свыше 62% указанных деяний совершались людьми в возрасте 30-49 лет. Молодежь по-прежнему остается наиболее подверженной воздействию экстремистских идей, к тому же они наиболее активно используют в повседневной жизни мессенджеры, социальные сети и другие инструменты ИТТ, чем активно пользуются экстремисты более старшего возраста. О том, что молодежь сегодня активно вовлекается в экстремистскую деятельность, свидетельствуют результаты многочисленных научных исследований. Данная проблема по-прежнему актуальна, и ее решение требует дальнейшей научной проработки. Вместе с тем считаем, что при разработке мер профилактики и предупреждения киберэкстремизма необходимо уделять больше внимания населению средней возрастной категории, поскольку преступники именно указанного возраста наиболее часто осуществляют публичные призывы к экстремистской деятельности в киберпространстве, избирая своей целью молодых людей.

Библиографический список

1. Абдулатипов, А.М. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности / А.М. Абдулатипов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – N 2. – С. 121-126.
2. Акимова, Д.А. Современные каналы формирования и распространения идей экстремизма и терроризма в молодежной среде / Д.А. Акимова // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества : сборник статей по итогам III Всероссий-

ской студенческой научно-практической конференции. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. – С. 98-105.

3. Алхастов, А.М. Актуальные проблемы молодежного экстремизма: юридический анализ, современные способы противодействия / А.М. Алхастов // Юридическая наука. – 2022. – N 7. – С. 130-134.

4. Боброва, О.В. Радикальные религиозные организации угроза национальной безопасности и средства противодействия им / О.В. Боброва, В.В. Меркурьев // Обозреватель. – 2022. – N 10. – С. 106-126.

5. Буров, И.В. Криминалистическая характеристика личности преступника-экстремиста в Интернете / И.В. Буров // Вестник науки. – 2019. – N 1. – С. 57-60.

6. Еремин, Д.Н. Применение дерматоглифических исследований в решении следственных задач при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом / Д.Н. Еремин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – N 9. – С. 138-142.

7. Клейменов, М. П. Криминология в современном мире / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – N 1. – С. 5-13.

8. Куликов, Е.А. Цифровой экстремизм: общее, особенное и единичное / Е.А. Куликов // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества : сборник статей по итогам III всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. – С. 11-13.

9. Леонтьева, Ю.В. Экстремизм в России: цифры и размышления / Ю.В. Леонтьева, О.А. Овчинко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – N 3. – С. 133-140.

10. Макашова, В.Н. Информационные технологии как фактор распространения идей киберэкстремизма в молодежной среде / В.Н. Макашова, Е.В. Чернова // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2013. – N 9. – С. 328-335.

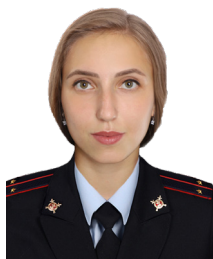
11. Мельников, В. Ю. Преступления экстремистской направленности в Российской Федерации / В.Ю. Мельников // Журнал юридических исследований. – 2020. – Т. 5. – N 2. – С. 14-22.

12. Морозов, И.Л. Государственная стратегия противодействия экстремизму в современной России / И.Л. Морозов, А.Э. Абрамов // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – N 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/ngosudarstvennaya-strategiya-protivodeystviya-ekstremizmu-v-sovremennoyrossi> (дата обращения: 03.03.2023).

13. Обернихина, О.В. Криминологическая характеристика киберэкстремистской преступности в России и способы ее профилактики / О.В. Обернихина // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества : сборник статей по итогам III всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. – С. 29-34.

14. Тепляшин, П.В. Криминологические аспекты идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях / П.В. тепляшин // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : сборник научных статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск Национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 208-212.

15. Узембаева, Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Узембаева. – М., 2016. – 24 с.

Диана Владимировна КУЛАКОВА,

адъюнкт Академии управления МВД России
(г. Москва)

tsurkan-diana@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АКТОВ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE ACTS OF THE COMMISSIONER FOR THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES

В статье рассматриваются решение и удостоверение как акты уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Основным вопросом является определение их общих и особенных юридических характеристик, их значения в механизме защиты прав потребителей.

The article considers the decision and the certificate as acts of the Commissioner for the rights of consumers of financial services. The main issue is the definition of their general and special legal characteristics, their significance in the mechanism of consumer protection.

Ключевые слова: уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, финансовый уполномоченный, решение, удостоверение, правовой институт, защита прав и свобод потребителя.

Keywords: commissioner for the rights of consumers of financial services, financial commissioner, decision, certificate, legal institution, protection of consumer rights and freedoms.

Целью любого правового демократического государства является охрана, защита и обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Тенденцией организационного обеспечения правозащитной деятельности стало создание института уполномоченного¹, который за долгие годы своей деятельности зарекомендовал себя в качестве эффективного и востребованного механизма по восстановлению нарушенных прав личности.

Развитие денежного обращения, появление новых отраслей экономики способствовали увеличению количества услуг, оказываемых потребителю, на финансовом рынке. С целью соблюдения и защиты экономических интересов потребителей в 2018 году был принят Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – ФЗ N 123)², установивший дополнительную государственную гарантию

1 Термины «уполномоченный» и «омбудсмен» в данном исследовании рассматриваются как аутентичные, к чему располагает их соотносимое содержание.

2 Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг : Федеральный закон от 04.06.2018 N 123-ФЗ // Российская газета. 2018. 6 июня.

по защите прав граждан в лице финансового уполномоченного. Функционирование нового института призвано обеспечить правовую защиту при оказании потребителям финансовых услуг, оптимизировать работу финансовых организаций, разрешить споры между данными субъектами без дополнительных денежных и временных издержек, а также впоследствии снизить социальную напряженность в обществе в целом и нагрузку на судебную систему в частности. В нашем государстве давно требовался институт защиты прав получателей финансовых услуг, которые оказались стороной диспропорционального спора с профессиональным участником рынка.

В России в результате образования института финансового уполномоченного был сформирован обязательный досудебный порядок урегулирования спора между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией.

Финансовый омбудсмен, рассматривая обращение потребителя, принимает меры по достижению соглашения между сторонами. Финансовый уполномоченный, в отличие от суда, не только разрешает спор, но и призван находить пути решения конфликта и его благополучное разрешение [6, с. 168]. Однако в случае недостижения компромисса между потребителем и финансовой организацией самостоятельно омбудсмен рассматривает обращение потребителя и выносит по нему решение. Данное решение является заключительным актом финансового уполномоченного после истребования документов и проведения экспертизы по предмету спора, производимых в случае необходимости, решение является результатом проведения проверки уполномоченного. Актами финансового уполномоченного являются решение и удостоверение омбудсмана, определение их юридических характеристик и особенностей является предметом настоящего исследования, что необходимо для понимания и дальнейшего научного осмысления новоучрежденного института.

Для начала оговоримся, что финансовый уполномоченный может принять одно из трех возможных решений: решение о полном удовлетворении обращения, о его частичном удовлетворении или об отказе в удовлетворении обращения. Законом установлено, что решение омбудсмана должно включать вводную, мотивировочную и резолютивную части, в которых должна быть отражена информация о сторонах спора, предоставленных ими материалах, а также содержаться информация о нормативно-правовых актах, которыми руководствовался финансовый уполномоченный при принятии решения. Помимо этого указывается, что данное решение должно быть обоснованным, соответствовать требованиям законодательства и принципам российского права, включая добросовестность, разумность и справедливость. Согласно отчету за 2022 год омбудсменом были вынесены 104 915 решений по обращениям потребителей¹.

Решение финансового омбудсмана:

- имеет индивидуальный характер, так как направлено на решение конкретного спора между субъектами;
- обязательно для исполнения, может быть обжаловано только в судебном порядке, а для приостановления исполнения решения финансовая организация должна направить финансовому омбудсмену ходатайство о приостановлении исполнения;
- выступает в качестве юридического факта, то есть вызывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений;
- имеет однократное применение, не может быть источником для разрешения иных правовых споров;
- не является правовой нормой, выражением правотворческой деятельности;
- обеспечено государственным принуждением;
- имеет определенные требования к форме, структуре и реквизитам документа.

Решение омбудсмана обладает общими признаками любого правоприменительного акта. В нем отражается действие конкрет-

¹ Отчеты о деятельности: официальный сайт финансового уполномоченного URL: <https://clck.ru/34he3m> (дата обращения 10.06.2023).

ного компетентного органа, имеющее индивидуальное значение. Оно основывается на правовых нормах, следует им, но обеспечивает своевременное и правильное выполнение нормативных предписаний субъектами права. Решение финансового омбудсмана, безусловно, содержит результаты толкования законов, регулирующих финансовую сферу, но оно призвано удовлетворить практические потребности в организации и надлежащем функционировании определенных общественных отношений.

Н.Н. Вопленко в качестве основных отличительных признаков правоприменительного акта выделяет его государственно-властное значение, наличие индивидуального правового предписания, порождение, изменение или прекращение правоотношений, официальную форму издания [3, с. 35].

Таким образом, решение финансового уполномоченного можно охарактеризовать как правоприменительный акт, под которым в научной юридической литературе понимается «официальный документ, изданный компетентным органом или должностным лицом по какому-либо делу (вопросу) в отношении конкретного субъекта или субъектов на основе соответствующей правовой нормы» [5, с. 332]. «Акт применения, – пишет С.С. Алексеев, – индивидуальное, государственно-властное веление (предписание), вынесенное в результате решения юридического дела» [1, с. 68]. Ученый относит правоприменительный акт к элементам механизма правового регулирования [2, с. 199].

В.В. Лазарев выделяет социальное, воспитательное и юридическое значение правоприменительных актов [4, с. 89-106]. Социальное значение решения финансового уполномоченного проявляется в его особой роли, необходимости и полезности в механизме защиты прав потребителя. Оно должно обладать высокой эффективностью для результативного и экономичного разрешения спора.

Обязательные взносы финансовых организаций для обеспечения деятельности финансового омбудсмана формируются путем умножения ставки, определяющейся Сове-

том директоров Центрального Банка РФ, на количество обращений, поданных в отношении конкретной организации. Соответственно, финансовой организации более выгодно самостоятельно разрешить спор с потребителем, основываясь на положениях законов, без включения в дело уполномоченного и вынесения решения. В содержании решения омбудсмен приводит разъяснения норм права, прав и обязанностей субъектов, а также при его вынесении имеет возможность дифференцированного и индивидуального подхода к тому или иному делу. В этом проявляется воспитательное значение данного акта.

Юридическое значение решения раскрывается в его юридической силе, обязательности как для потребителя, так и для финансовой организации. Как мы отметили ранее, отменить или изменить решение финансового уполномоченного может только суд.

Также выделим особенные признаки решения омбудсмана, в которых выражается его специфика:

- решение должно быть принято в течение 15 рабочих дней со следующего дня направления обращения потребителем (либо в течение 30 рабочих дней при условии направления лицом, которому уступлено право требования потребителя финансовых услуг);
- особый порядок доведения до потребителя (по общему правилу в течение одного рабочего дня со дня его принятия направляется потребителю в форме электронного документа, но по ходатайству заявителя может быть вручено на бумажном носителе или направлено на почтовый адрес);
- подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью (в случае направления электронного документа);
- особый порядок доведения до финансовой организации (доводится в течение одного рабочего дня со дня его принятия через личный кабинет организации или по электронной почте);
- может быть обжаловано в суде (в случае несогласия с решением финансового уполномоченного как потребитель, так и финансовая организация вправе обратиться в суд об отмене или изменении решения);

– особое вступление в силу (решение финансового омбудсмана вступает в силу по истечении 10 рабочих дней после дня подписания);

– в случае судебного обжалования исполнение решения может быть приостановлено при направлении финансовой организацией ходатайства омбудсмену;

– имеет доказательство соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора в рамках гражданского судопроизводства. В силу ст. 25 ФЗ N 123 и ст. 135 ГПК РФ потребитель помимо иных материалов предоставляет в суд непосредственно решение омбудсмана, либо уведомление о принятии обращения к рассмотрению, либо уведомление об отказе в принятии обращения к рассмотрению. При отсутствии такого документа судебное производство по иску потребителя не может быть возбуждено, а начатое – подлежит оставлению без рассмотрения по существу заявленных требований. В целом решение финансового уполномоченного является документальным свидетельством его внесудебной деятельности по разрешению конфликта между заинтересованными сторонами. В целях обеспечения единой судебной практики Верховный Суд Российской Федерации принял ряд постановлений¹ и разъяснения² по вопросам, связанным с применением ФЗ N 123, тем самым установив, в каких случаях досудебный порядок считается соблюденным.

В целом решение финансового уполномоченного обладает как общими признаками любого правоприменительного акта, так и особенными, присущими ему, спецификами.

Выделенный нами признак обеспеченности решения омбудсмана государственным принуждением в полной мере нельзя отнести к собственно самому решению финансового уполномоченного, поскольку само по себе

решение не предполагает включения процедуры воздействия государственного принуждения на финансовую организацию для исполнения решения. Законом урегулировано, что решение омбудсмана подлежит исполнению финансовой организацией в срок, установленный данным решением. При этом установленный срок не может быть менее 10 и более 30 дней, который определяется уполномоченным самостоятельно с учетом специфики тех или иных правоотношений. При неисполнении данного решения финансовой организацией в течение трех месяцев со дня истечения срока исполнения потребителю необходимо обратиться с заявлением к финансовому уполномоченному, на основании которого последний выдает потребителю удостоверение в течение 30 календарных дней со дня подачи заявления.

Удостоверение финансового уполномоченного является вторым официальным документом, который может вынести финансовый омбудсмен. Удостоверение является исполнительным документом, поэтому к нему, как и ко всем исполнительным документам предъявляются определенные требования по оформлению и содержанию, на его основании возбуждается исполнительное производство. Форма удостоверения определена постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2021 г. N 1944 «Об утверждении формы удостоверения, являющегося исполнительным документом и выдаваемого уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». «Удостоверение предназначено для исполнения решений финансового уполномоченного в принудительном порядке, – заявляет Главный финансовый уполномоченный Юрий Воронин, – а степени его защиты сопоставимы со степенью

1 О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 г. N 31; О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. N 18 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.03.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ми защиты бланков исполнительных листов, выдаваемых судами»¹.

Удостоверение уполномоченного как один из видов исполнительного документа закреплен в ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Ю.А. Свириной определяет исполнительный документ как акт, составленный в предусмотренной законом форме специально на то уполномоченными органами, являющийся основанием для возбуждения исполнительного производства и дающий право взыскания по имущественным требованиям [7]. Задачей удостоверения является правильная и своевременная реализация решения финансового уполномоченного в целях защиты и восстановления нарушенных прав потребителей.

При подаче заявления на выдачу удостоверения омбудсменом потребителю необходимо указать дальнейшее направление документа. Возможны два варианта: предъявление удостоверения в банк или иную кредитную организацию или направление удостоверения Федеральной службе судебных приставов (далее – ФССП).

В первом случае удостоверение выдается финансовым уполномоченным потребителю на бумажном носителе, а во втором – омбудсмен самостоятельно направляет удостоверение для принудительного исполнения ранее вынесенного решения. При этом если первоначально удостоверение было выдано потребителю для предъявления в банк или иную кредитную организацию на бумажном носителе, а затем потребитель обратился к финансовому уполномоченному для направления удостоверения последним в ФССП, то удостоверение, выданное ранее на бумажном носителе, должно быть возвращено уполномоченному. То есть решение финансового уполномоченного обеспечивается государственным принуждением с помощью направления соответствующего удостоверения, тем самым оно приобретает исполнительную силу. Законодательное нововведе-

ние выдачи удостоверения – превосходная возможность для потребителя быстро и эффективно восстановить свои нарушенные права.

Считаем необходимым отметить, что вынесение финансовым уполномоченным удостоверения по собственной инициативе (без подачи потребителем заявления) законом не предусмотрено. Для окончательного восстановления нарушенных прав требуется инициатива потребителя и соблюдение им трехмесячного срока, установленного законом.

Удостоверение, выданное финансовым уполномоченным, имеет срок действия. Потребитель обязан предъявить его в банк или иную кредитную организацию не позднее трех месяцев со дня его получения. При пропуске данного срока по уважительной причине потребителю необходимо подать ходатайство омбудсмену, который вправе восстановить такой срок.

Таким образом, институт уполномоченного в российской правовой системе продолжает специализироваться, что образует дополнительную гарантию обеспечения прав и свобод человека. Финансовый уполномоченный призван охранять законные интересы потребителей финансовых услуг, что реализуется практически в досудебном регулировании споров потребителей с финансовыми организациями. Акты финансового омбудсмана только начинают встраиваться в существующий механизм правового регулирования, однако они играют значимую роль по защите имущественных прав потребителей. Акты уполномоченного дополняют друг друга, именно на основании удостоверения решение уполномоченного приводится в исполнение в принудительном порядке и только после принятого решения может быть выдано удостоверение омбудсмана. В качестве актов финансового уполномоченного выступают решение омбудсмана, являющееся правоприменительным актом, необходимым доказательством подтверждения досудебного порядка урегулирования спо-

1 Вестник Службы финансового уполномоченного. 2020. N 02 (02). С. 7. URL: <https://clck.ru/34iRqk> (дата обращения: 05.06.2023).

ра, и удостоверение, являющееся исполнительным документом, придающим решению исполнительную силу. Они устанавливают определенные правила поведения субъектов правоотношений, обеспечивают реализацию и соблюдение норм права для осуществления

правового воздействия на общественные отношения, позволяют быстро и эффективно восстановить нарушенные права потребителя и разрешить спор между ним и финансовой организацией.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 4 / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1996.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М., 1982.
3. Вопленко, Н.Н. Реализация права / Н.Н. Вопленко. – Волгоград, 2001.
4. Лазарев, В.В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев. – М., 2010.
5. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М., 2017.
6. Проблемные аспекты реализации института уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в России / О.А. Рябова, Н.А. Кузнецова, Т.П. Матвеева [и др.] // MODERN SCIENCE. – 2020. – N 1-1.
7. Свирин, Ю.А. Понятие исполнительного документа / Ю.А. Свирин // Современное право. – 2008. – N 9-1.

Людмила Михайловна МАНДАРХАНОВА,
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России
(г. Иркутск)

lm.iv@mail.ru (т.89501310068)

ДОПРОС КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦОМ

INTERROGATION AS ONE OF THE MAIN INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF TRAFFIC CRIMES COMMITTED BY AN UNIDENTIFIED PERSON

В статье рассмотрена сущность допроса различных участников уголовного процесса при расследовании дорожно-транспортных преступлений, совершенных неустановленным лицом. Внимание уделяется аспектам подготовки к допросу потерпевших, свидетелей, подозреваемых. Описаны типичные следственные ситуации, возникающие при расследовании уголовных дел данного вида. Отмечены основные тактические и психологические приемы работы со свидетелями в случае дачи ими противоречивых показаний. Определены проблемные вопросы первоначального этапа расследования, связанные с отсутствием достоверных данных о водителе и других участниках дорожно-транспортного происшествия. Определен набор познаний и навыков, которыми должен обладать следователь для успешного проведения допроса. Приведены в качестве примеров из следственной практики негативные факторы, при расследовании данного вида уголовных деяний.

The article examines the essence of the interrogation of various participants in the criminal process during the investigation of traffic crimes committed by an unidentified person. Attention is paid to aspects of preparation for the interrogation of victims, witnesses, suspects. Typical investigative situations arising during the investigation of criminal cases of this type are described. The main tactical and psychological methods of working with witnesses in the case of giving contradictory testimony are noted. The problematic issues of the initial stage of the investigation related to the lack of reliable data on the driver and other participants in the traffic accident have been identified. The set of knowledge and skills that an investigator must possess for successful interrogation is defined. Negative factors in the investigation of this type of criminal acts are given as examples from investigative practice.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, дорожно-транспортные преступления, дорожно-транспортное происшествие, транспортное средство, осмотр места происшествия, допрос, ложные показания.

Keywords: violation of traffic rules, traffic crimes, traffic accident, vehicle, inspection of the scene, investigator, interrogation, false testimony.

На сегодняшний день транспортное средство (далее – ТС) является непрерывным атрибутом повседневной жизни большинства граждан, это обусловлено его практичностью и легкостью в использовании, что неизбежно влечет вероятность попадания его в неблагоприятные дорожные ситуации. Также не стоит забывать, что статусом участника дорожного движения обладают абсолютно все граждане, вне зависимости от наличия автомобиля, и некоторые из них не имеют возможности повлиять своим поведением на ту или иную дорожную ситуацию, становясь ее заложниками. Последствия автокатастроф масштабны, поэтому данные преступления деяния представляют собой высокую общественную опасность.

Дорожно-транспортные преступления, совершенные неустановленным лицом, заслуживают отдельного внимания, так как привлечение виновного лица к ответственности и защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является первостепенной задачей уголовного судопроизводства.

Рассматривая совокупность способов выяснения обстоятельств по уголовным делам в сфере безопасности дорожного движения при отсутствии данных о водителе следует признать, что одним из наиболее ценных и ключевых следственных мероприятий в плане получения доказательств причастности лица к управлению автомобилем в момент дорожной аварии является допрос. Допрос как следственное действие является источником получения от лица вербальной информации, имеющей наиболее важное доказательственное значение при расследовании любого уголовного дела [5, с. 57].

Вопросам тактики проведения допросов в криминалистике уделялось достаточно внимания [4; 7-9], но сущность допросов по дорожно-транспортным преступлениям, совершенным неустановленным лицом, не исследована, имеется необходимость в разборе специфичности допросов при раскрытии данного вида деяний.

Анализ уголовных дел показал, что осуществить допрос надлежащим образом может не

каждое должностное лицо, так как его проведение требует от следователя знаний Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ) наличия и специальных познаний в области управления ТС.

Вместе с этим из следственной практики стало очевидным, что чаще всего в расследовании возникает одна из перечисленных ситуаций:

1) лицо признает факт того, что является участником дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), но отрицает факт управления ТС, выдавая себя за пассажира переднего либо задних сидений;

2) лицо признает событие ДТП с его участием, но не помнит, где именно оно находилось в салоне автомобиля в момент происшествия;

3) лицо не признает факт участия в ДТП;

4) выжившие в ДТП участники поясняют, что водителем является погибшее лицо;

5) все участники происшествия скончались от полученных телесных повреждений;

6) лицо в первоначальном объяснении признает управление автомобилем в момент аварии, но в последующем отказывается от своих первоначальных объяснений, отрицая свою виновность.

Основной проблемой для правоохранительных органов на исходной стадии расследования рассматриваемых преступлений при любой из вышеперечисленных ситуаций становится отсутствие достоверных данных о том, кто из пострадавших участников является потерпевшим, а кто подозреваемым. Лицо, которому причинен тяжкий вред здоровью, может быть, как потерпевшим, так и подозреваемым. В связи с этим по данным уголовным делам имеет место быть обоснованный факт позднего признания пострадавшего потерпевшим.

Качественное проведение допроса непосредственных участников ДТП невозможно без четкого представления о круге обстоятельств, которые должны быть выявлены у его очевидцев. В криминалистической литературе это относится к сбору подлежащих установлению исходных данных. При этом объем такой информации может быть различен, как

и уровень осведомленности лиц, владеющих данной информацией [12, с. 221].

Специфика осуществления допросов для каждой категории лиц своя, но для всех имеется одно общее требование – тщательная тактическая, информационная и техническая подготовка должностного лица к допросу каждого участника уголовного процесса.

Перед началом любого допроса в каждой ситуации следователь обязан изучить все процессуальные документы, акцентируя внимание на материалах доследственной проверки, так как следственная ситуация может меняться. Например, водитель сначала установлен и опрошен, но в последующем он отказывается от факта управления автомобилем; нужно учитывать, что первичные показания участников имеют важнейшее значение и чаще всего являются самыми правдивыми, так как если пострадавшие участники доступны контакту, то сотрудники правоохранительных органов сразу истребуют от них показания.

Детально нужно изучить протокол осмотра места происшествия, фототаблицу и схему к нему, где зафиксированы координаты расположения ТС, окружающих его и проезжую часть предметов, трупов, повреждения на автомобиле, трупах и других объектах. Следователю необходимо как следует осмотреть участок проезжей части, где произошла авария, по делам требуется произвести не один раз дополнительный осмотр места ДТП, и в обязательном порядке, если должностное лицо не участвовало в первоначальном осмотре либо осмотр производился в темное время суток. Сориентировавшись на месте происшествия, следователь сможет в ходе допроса уточнить все необходимые данные, проверить имеющиеся и определить, насколько достоверно допрашиваемое лицо излагает обстановку и обстоятельства ДТП. Также желательно и лично осмотреть ТС с участием специалиста, его повреждения, наличие и расположение биологических следов (крови, волос) в его салоне, на стеклах и сидениях.

Разумеется, после возбуждения уголовного дела в течение 3-х суток после ДТП первоначально все участники допрашиваются в качестве свидетелей. После этого, как пра-

вило, и формируется одна из следственных ситуаций, перечисленных выше. Следователь начинает проверять достоверность показаний участников происшествия путем допроса свидетелей и выполнения иных следственных действий. В ситуации, когда все участники погибли либо выжившие находятся на лечении и контакту недоступны, допрашиваются в качестве свидетелей их близкие родственники.

Наиболее эффективным способом подготовки к допросу пострадавших, находящихся на длительном лечении, на этапе, когда заключение судебно-медицинской экспертизы по их телесным повреждениям не готово, будут являться истребование и изучение карт вызова скорой медицинской помощи и медицинских документов пострадавших. В анамнезе медицинских документов указываются обстоятельства получения травмы и первоначальный диагноз, что поможет выдвинуть следователю версии о том, какие телесные повреждения получены и для кого они характерны: для пассажира или водителя в соответствии с сопоставлением повреждений на ТС и наличием следов в его салоне.

Таким образом, на первоначальном этапе подготовки к допросу, исходя из анализа вышеуказанных материалов, следователь планирует производство допроса, подготавливает ряд вопросов для каждого участника (пассажиров, водителей, свидетелей) с учетом всех исследованных данных. В ходе допроса следователю будет необходимо сопоставлять показания лица конкретно по времени, механизму происшествия, обстановке, участникам аварии с имеющимися доказательствами по делу, своевременно задавать дополнительные вопросы, помогающие зафиксировать ложность показаний.

Стоит отметить, что в распоряжении следователя имеется достаточная совокупность тактических приемов по установлению психологического контакта и конструктивного сотрудничества, восполнению забытого и изобличению во лжи. [1, с. 132]. Отсюда вытекает следующий этап подготовки к допросу – подробное изучение личности допрашиваемых лиц. Здесь же можно определить круг и

последовательность лиц, подлежащих вызову на допрос. Согласно УПК РФ следователь может истребовать показания от свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта и подозреваемого (обвиняемого).

К свидетелям относятся непосредственные очевидцы происшествия, лица, участвовавшие в осмотре места происшествия, сотрудники специальных служб, выезжавших на место ДТП в соответствии со своими служебными обязанностями, и другие лица, которым известны обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Важно отметить, что должностным лицам нужно не только грамотно зафиксировать последствия ДТП, но и установить хронологию событий, предшествующих его моменту, откуда направлялись пострадавшие, с какой целью. Должностным лицам нужно учитывать, что перед моментом ДТП водитель мог заезжать на АЗС, в кафе и т.п., где пассажир с водителем могли поменяться местами. Установленные в этих местах свидетели могут пояснить и описать, какое лицо село за управление автомобиля, сколько человек было, в каком состоянии они находились.

Чаще всего свидетели по делам дорожно-транспортных преступлений являются добросовестными, поэтому их допрос происходит в условиях бесконфликтной ситуации, возможно применение классических тактических приемов с целью активизации памяти. Основные причины дачи неточных показаний свидетелями связаны, как правило, с ошибкой восприятия, оценкой его содержания и запоминания, волнением или физиологическими данными, поэтому следователем применяются тактические приемы, направленные на уточнение и проверку данных, оказание помощи в припоминании посредством контрольных вопросов, предъявления фото- или видеоматериалов [2, с.58].

Например, во время установления водителя по уголовному делу, возбужденному по п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, свидетель Б. указывал, что в момент обнаружения им пострадавших, гражданин З. находился на водительском сидении, свидетель Р. указывал, что гражданин З. находился вне салона автомоби-

ля, т.е. показания свидетелей отличались, так как свидетели находились в разное время на месте ДТП, что было установлено благодаря карте вызова скорой медицинской помощи, где был зафиксирован звонок свидетеля Б., оказавшегося на месте ДТП раньше, чем свидетель Р. Карта вызова скорой медицинской помощи подтверждала показания свидетеля Б. Позже было установлено, что свидетель Р. прибыл на место ДТП намного позже, в тот момент, когда гражданин З. уже покинул салон автомобиля, поэтому данный свидетель не мог прямо указывать, что гражданин З. находился на водительском сидении в салоне ТС. Данные обстоятельства подтверждают, насколько важно подробно выяснять у свидетелей, в какой промежуток времени они находились на месте ДТП, что именно видели и в каком порядке, видели ли они иных свидетелей, кроме них самих, какие службы находились и в каком порядке прибывали на место аварии, данные о погодных и дорожных условиях. Как правило, одни свидетели останавливаются, делают что-то, через некоторое время уезжают, в это же время приезжают другие свидетели. Обстановка места происшествия постоянно меняется, прибывают сотрудники скорой медицинской помощи, пожарные, МЧС, ГИБДД и другие лица, более точные и детальные показания могут дать те свидетели, которые остановились первыми на месте происшествия и видели процесс покидания салона автомобиля теми или иными лицами либо видели первоначальное расположение тел пострадавших и трупов, в случае если они покинули салон во время опрокидывания или съезда с проезжей части ТС.

Тактика допроса свидетелей во многом зависит от имеющегося количества качественной информации об обстоятельствах дела, а также необходимого количества подлежащих установлению фактов, которыми обладает свидетель. При планировании и производстве каждого взятого в отдельности допроса свидетеля необходимо вносить определенные коррективы, зависящие от имеющегося у свидетеля объема информации по обстоятельствам уголовного дела [11, с. 121]. В конечном итоге показания всех

свидетелей должны составить общую картину происшествия и его последствий. Важно составлять допросы таким образом, чтобы они дополняли друг друга, устранять противоречия незамедлительно и уточнять те или иные возникающие вопросы.

В своей совокупности показания допрошенных свидетелей, сопоставленные со всеми материалами уголовного дела, будут представлять собой полноценные доказательства вины того или иного лица. Лишь только после выполнения этих задач следователь может начать планировать проведение дальнейших следственных действий с потенциальными потерпевшими и подозреваемыми.

В ситуации если пострадавшие указывают друг на друга, после проведения судебных экспертиз и допросов всех свидетелей показания того или иного пострадавшего подтверждаются. Например, по уголовному делу по обвинению гражданина М., на первоначальном этапе двое пострадавших из одного автомобиля давали показания против друг друга. После установления тяжести вреда здоровью каждого из них, разграничения их телесных повреждений, допроса всех свидетелей, указавших все события после столкновения, показания одного из пострадавших подтвердились, вследствие чего он был признан и допрошен в качестве потерпевшего. Допрос потерпевшего проводится обычно в бесконфликтной обстановке в соответствии с УПК РФ. Однако не стоит забывать, что следователю приходится работать с лицом, которое пребывает в сильном эмоциональном потрясении. В таком состоянии показания могут быть ошибочными и искаженными, следователю придется выявлять и учитывать эти погрешности при оценке и использовании показаний [3, с. 181]. Говоря о контакте с потерпевшими – родственниками погибших, не стоит забывать, что важно грамотно оперировать и аргументированно объяснять последовательность и порядок проведения всех следственных действий, причину длительности сроков расследования, ведь у родственников обострено чувство восстановления справедливости и желание скорейшего вынесения наказания.

При подготовке допроса подозреваемого либо его близких необходимо провести психологическое исследование личностных качеств допрашиваемых, полученные данные помогут следователю определить, какие тактические приемы нужно будет использовать.

В процессе допросов виновной стороны вероятно возникновение противостояния и разногласий. Соответственно, здесь важна и психологическая подготовка следователя, иначе неопытный следователь при возникновении конфликтной ситуации во время проведения допроса теряется, демонстрируя волнение и неспособность к подавлению конфликта с участниками проводимого следственного действия, тем самым разрушает предпосылки к установлению психологического контакта [13, с. 433]. В рассматриваемой группе дорожно-транспортных преступлений, подозреваемый свою вину всегда отрицает (как правило, до конца предварительного и судебного следствия), поэтому виновные, их представители или родственники ведут себя чаще всего враждебно.

В работе над неочевидными преступлениями представители закона постоянно имеют дело с возражениями, следственная работа протекает в условиях сопротивления и противостояния сторон. В данных ситуациях чаще всего виновные проявляют скрытность, лживость, хитрость, чтобы добиться своих интересов, избежать наказания любым путем [10, с. 222].

К моменту допроса обвиняемого взаимодействие следователя с ним будет происходить уже более спокойнее, так как следователь имеет представление о данном лице, а тот, в свою очередь, начинает понимать неотвратимость привлечения его к уголовной ответственности. Главной задачей следователя в ходе допроса будет являться соблюдение всех норм закона и заполнения протокола следственного действия в соответствии с предписанными требованиями УПК РФ. Следует помнить, что важно выполнить процедуру уведомления лица об обвинении заранее, разъясняя при этом его права и обязанности.

Стремительное развитие всех сфер деятельности в настоящее время диктует необ-

ходимость сотрудникам органов внутренних дел идти в ногу со временем, использовать в процессе раскрытия, расследования и пресечения преступлений современные достижения науки и техники [6, с. 128]. Именно поэтому в процессе расследования взаимодействие следователя со специалистами и экспертами осуществляется на постоянной основе. Целью допросов лиц, обладающих специальными познаниями, является разъяснение данных, полученных в ходе проведения того или иного следственного действия с участием специалиста, а также получение информации, касаемой видеорегистраторов, видеозаписей, ТС и других моментов, связанных непосредственно с той или иной дорожной ситуацией, полученные показания, как правило, включаются в объем доказательств со стороны обвинения.

Подводя итог, целесообразно отметить, что проведенные следователем тактически

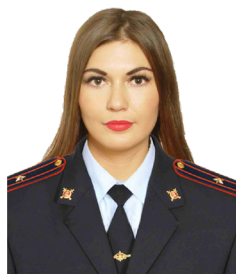
грамотные допросы участников процесса позволяют создать основу для доказательственной базы. Наличие у следователя специальных познаний в области устройства автомобиля, ПДД РФ, психологии, навыков своевременного использования тактических приемов и урегулирования конфликтных ситуаций обеспечат высокую эффективность получения показаний. Именно с помощью допроса следователь устанавливает обстоятельства, предшествовавшие моменту совершения преступления, хронологию событий, сам механизм ДТП, а также данные обо всех участниках. Осуществление допросов на должном уровне благоприятствует установлению подлинности всех событий, обеспечивает достижение высоких результатов в раскрытии дорожно-транспортных преступлений, совершенных неустановленным лицом.

Библиографический список

1. Варданян, А.В. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А.В. Варданян, А.А. Говоров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – N1 (88). – С. 127-136.
2. Ващенко, Б.М. Роль и значение допроса свидетелей при расследовании преступлений в сфере нарушений безопасности междугородних пассажирских автоперевозок / Б.М. Ващенко // Сибирские и уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – N 3 (25). – С. 54-61.
3. Гафаров, У.И. Психологические основы допроса потерпевших / У.И. Гафаров, Е.А. Егорышева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – N 4– 2 (67). – С. 180-182.
4. Горбачев, Н.А. Сущность и значение производства допроса при расследовании дорожно-транспортных преступлений / Н.А., Горбачев, В.Н. Чернышов // Цели и пути устойчивого экономического развития : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 234-237.
5. Грибунов, О.П. Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта / О.П. Грибунов, М.О. Долматова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – N 1. – С. 56-65.
6. Грибунов, О.П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств / О.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – N 3 (90). – С. 125-132.

7. Грибунов, О.П. Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества / О.П. Грибунов, Е.А. Малыхина // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – N 4 (7). – С. 28-32.
8. Грибунов, О.П. Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля / О.П. Грибунов // Российский следователь – 2016. – N 5. – С. 3-7.
9. Залескина, А.Н. Тактические особенности проведения допроса подозреваемого при расследовании мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности / А.Н. Залескина // Безопасность бизнеса. – 2021. – N 2. – С. 59-64.
10. Зибер, А.Э. Психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом / А.Э. Зибер, Е.Л. Рубачева // Журнал: Общество и право. – 2014 – N 4 (50). – С. 222-224.
11. Малыхина, Е.А. Тактические особенности допроса свидетелей по делам о хищениях комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта / Е.А. Малыхина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. сборник научных трудов. – Иркутск, 2016. – С. 117-125.
12. Песенкова, Д.П. Установление причинной связи при допросе водителя, совершившего ДТП / Д.П. Песенкова // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. – Томск, 2009. – С. 221-222.
13. Трубкина, О.В. Тактические особенности допроса подозреваемых / О.В. Трубкина // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 т. – Иркутск, 2017. – Т. 1. – С. 432-436.

Марина Александровна РАДОВА,
адъюнкт Омской академии МВД России
neiman.marina@mail.ru

ЗАЩИТА СВЕДЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЗАЯВИТЕЛЯ НА СТАДИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

PROTECTION OF INFORMATION ABOUT PRIVATE LIFE OF THE APPLICANT AT THE STAGE OF VERIFICATION OF A CRIME REPORT

Порядок принятия заявления о преступлении не только исключает его анонимность, но и предписывает осуществление комплекса регистрационных действий, в ходе которых происходит фиксация достоверной информации о личности заявителя и совершенном преступлении. Это способствует созданию угроз жизни и здоровью таких граждан, ограничивает эффективную реализацию применяемых мер безопасности. Исследование позволило сформулировать предложения, направленные на устранение имеющихся в данной сфере пробелов уголовно-процессуального законодательства на стадии проверки сообщения о преступлении.

The procedure for accepting a crime report from a citizen not only excludes the citizen's anonymity, but also prescribes a set of registration actions, during which reliable information about the applicant identity and the crime reported is fixed. This contributes to threats to the life and health of such citizens, limits the effective implementation of the applied security measures. The research made it possible to formulate proposals to eliminate gaps in the criminal procedure legislation in this area at the stage of verifying a crime report.

Ключевые слова: заявитель, сообщение о преступлении, меры безопасности, участники уголовно-судопроизводства, защита сведений о частной жизни.

Keywords: applicant, crime report, security measures, participants of criminal proceedings, protection of information about private life.

Осуществление уголовного преследования предполагает существование рисков в сфере безопасности участников уголовного процесса. Сам факт участия граждан в уголовном процессе может создать угрозы для их жизни и здоровья, в связи с чем на государство возлагаются обязанности по принятию соответствующих мер.

С одной стороны, «закон обязывает выполнять служебные обязанности, способ-

ствует осуществлению общественного или гражданского долга, с другой стороны, практически отсутствуют механизмы реальной защиты от запугивания, угроз, насилия и других видов воздействия со стороны преступников» [2, с. 49]. Так, 39,6% опрошенных сотрудников правоохранительных органов пояснили, что в своей работе встречались со случаями угроз и/или насилия в адрес участников уголовного судопроизводства. В основном

угрозы высказывались со стороны подозреваемых (обвиняемых) и (или) их близких родственников в отношении свидетелей и потерпевших. При этом 45,1% респондентов испытывали такие угрозы в свой адрес и (или) своих коллег.

Стоит отметить, что программа защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства появилась относительно недавно. Впервые вопрос о разработке подобной программы встал в СССР еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда Ростове-на-Дону появилась банда братьев Толстопятовых. Но даже без официального закрепления мер безопасности в законодательстве при расследовании и рассмотрении этого уголовного дела в суде уже тогда они применялись (конспиративная квартира, грим и т.д.) в отношении свидетелей [6, с. 95].

Аналогичным может быть пример уголовного дела банды «Хади Такташ», в процессе расследования которого свидетелей доставляли в зал судебного разбирательства на бронированных автомобилях, размещали в отдельных комнатах, оборудованных техническими средствами, изменяющими голос, гримировали, надевали маски, парики, мешкообразные пальто-балахоны, скрывающие фигуру, изменяли паспортные данные и т.д.

Приведенные примеры говорят лишь о том, что еще до закрепления в законодательстве мер по защите различных участников уголовного судопроизводства, в их применении существовала объективная необходимость¹. Однако указанные проблемы до принятия УПК РФ находили отражение только в научных трудах ученых, которые обращали внимание на создание нового для отечественного законодательства института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, позволяющего гарантировать важнейшие конституционные права и свободы личности, обеспечивать безопас-

ность всех лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [3, с. 20].

Риски раскрытия сведений о частной жизни человека в результате его участия в уголовном процессе не только возрастают сами по себе, но и несут в себе дополнительные угрозы безопасности. В связи с данными обстоятельствами ч. 3 ст. 11 УПК РФ устанавливает для суда, следователя, дознавателя полномочия по принятию мер безопасности к участникам уголовного процесса (далее – меры безопасности).

Круг лиц, в отношении которых могут быть приняты меры безопасности, определенный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, носит усеченный характер, охватывая (помимо потерпевшего и свидетеля, прямо указанных в норме) понятием «иные участники уголовного судопроизводства» всех потенциально вовлеченных в производство по уголовному делу лиц. Также меры безопасности могут быть приняты в отношении родственников или близких лиц участников уголовного судопроизводства. В отличие от этого усеченного формата более подробно круг лиц, в отношении которых применяются меры безопасности, устанавливается в ст. 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ N 119)². Указанным законом устанавливается возможность применения мер безопасности по отношению ко всем участникам уголовного судопроизводства, не наделенным властными полномочиями, к которым относятся: потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и

1 «Закат казанского феномена»: как появилась ОПГ «Хади Такташ» и почему суд над ее участниками вошел в историю российского правосудия // URL: <https://sntat.ru/news/zakat-kazanskogo-fenomena-kak-poyavilas-opg-xadi-taktas-i-pocemu-sud-nad-ee-ucastnikami-vosel-v-istoriyu-rossiiskogo-pravosudiya-5832754> (дата обращения: 14.05.2023).

2 О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. N 34, ст. 3534.

психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Основанием для применения мер безопасности является наличие достаточных данных (в трактовке ст. 16 ФЗ N 119 – просто данных) о существовании угроз противоправных действий (убийство, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества и иное) в отношении участников уголовного судопроизводства. Ю.С. Аваков и О.В. Карягина отмечают неоднозначность в соотношении реальности угрозы и достаточности сведений о ее наличии. Нет четких критериев оценки достаточности таких данных. Этот вопрос остается предметом дискреции правоприменителя [4, с. 54].

Источником подтверждения реальности имеющейся угрозы могут быть результаты следственных действий или оперативно-розыскной деятельности. Однако меры безопасности могут быть применены и до возбуждения уголовного дела [12, с. 154].

Преобладающая часть принимаемых мер безопасности в той или иной мере направлена на сокрытие от публичной огласки или свободного доступа конфиденциальной информации об охраняемом лице [7, с. 6]. Е.А. Катков отмечает, что меры безопасности не должны избыточным образом посягать на права личности, в том числе на неприкосновенность частной жизни [5, с. 12].

Как известно, одним из способов обеспечения конфиденциальности сведений об участнике уголовного судопроизводства является использование псевдонима (подложного имени). Открытым остается вопрос об использовании псевдонима при подаче заявления о преступлении. Это действие требует от заявителя предоставления достоверных данных, включая подлинные сведения о личности, и подтверждающих документов. Хотя уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность использования псевдонима, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), в части, касающейся подачи заявления

о преступлении, такая возможность отсутствует. Складывается ситуация, при которой лицо сначала должно выступить в качестве заявителя под своим настоящим именем (с процессуальной фиксацией такого) и лишь затем приобрести возможность скрывать свою личность под псевдонимом при проверке сообщения о преступлении.

В юридической доктрине распространение мер безопасности на участников досудебного производства при приеме сообщения о преступлении рассматривается в том числе и в контексте подачи заявления о преступлении [9, с. 218]. Однако подобный подход не представляется конструктивным. Понятие «сообщение о преступлении» не тождественно понятию «заявление о преступлении» с учетом факта нормативной фиксации четырех поводов, которые являются достаточными для возбуждения уголовного дела, среди которых термин «сообщение» применяется лишь к одному (ст. 140 УПК РФ). Не известно, распространяется ли понятие «сообщение о преступлении» также и на заявление о преступлении. Вместе с тем предусмотренный порядок принятия заявления о преступлении не только исключает его анонимность, но и предписывает осуществление комплекса регистрационных действий, в ходе которых происходит фиксация достоверной информации о личности заявителя, включая его персональные данные [14, с. 146]. Использование псевдонима противоречило бы логике всего процесса регистрационного производства в отношении заявления о преступлении, так как лишало бы существующий механизм возможности идентификации заявителя.

Отметим также в качестве специфической черты рассматриваемого вопроса то обстоятельство, что в процессе подачи заявления о преступлении у уполномоченного субъекта с высокой степенью вероятности не будет времени и возможности проверки и оценки характера возможной угрозы. Данное обстоятельство фактически побуждает уполномоченные органы полагаться на достоверность сведений и субъективных оценок самого заявителя в случае, если им сообщается о наличии подобного рода угрозы его безопасности.

Рассматриваемый аспект проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни тесным образом связан со слабой процессуальной проработкой статуса заявителя. На этот факт обращали внимание ученые-процессуалисты еще до внесения изменений в УПК РФ и принятия ФЗ N 119, предлагая применять меры безопасности к нему [15] и ко всем лицам, которые с ним связаны [10].

На текущий момент процессуальный статус заявителя законодательно не определен. В контексте прямого запрета на подачу анонимных заявлений о преступлении представляется необходимым рассмотреть вопрос о способе сохранения в тайне информации о нем в рамках обеспечения как его личной безопасности, так и неприкосновенности его частной жизни. Между тем именно на этапе подачи заявления о преступлении для заявителя может существовать прямая угроза его личной безопасности. Именно наличие таких реальных угроз является одним из факторов, обуславливающих уровень латентной преступности, – лица, в отношении безопасности которых имеет место реальная угроза, просто отказываются от обращения в правоохранительные органы. М.М. Богинский справедливо отмечает, что уголовно-процессуальная деятельность начинается до возбуждения уголовного дела, а потребность личности в безопасности не ограничивается пределами самого уголовного процесса [1, с. 94]. Согласимся с предложением Н.В. Маликовой о том, что при принятии и проверке сообщения о преступлении участникам уголовного судопроизводства необходимо разъяснять право на государственную защиту [8, с. 35].

Согласно ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимные заявления не подлежат регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях (далее – КУСП)¹ и не могут служить поводом для возбуждения уголовно-

го дела. Запрет на анонимность предполагает размещение в тексте заявления конфиденциальных сведений (персональных данных), позволяющих осуществить идентификацию заявителя. Одним из возможных вариантов разрешения проблемы безопасности заявителя о преступлении может быть, обработка анонимных сообщений с последующим оформлением его результатов в качестве рапорта об обнаружении признаков преступления [8; 13]. Интересно отметить, что в правоприменительной практике такие случаи встречаются. Так, П.Р.А. был осужден за приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. При этом признаки совершенного им преступления были обнаружены оперуполномоченным ГКОН МО МВД России «Березовский» в результате отработки анонимного заявления о том, что по определенному адресу хранятся наркотические средства. Результаты этой работы были оформлены в виде рапорта об обнаружении признаков преступления².

Вопрос о правомерности подобных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов вызывает обоснованные сомнения, хотя следует отметить, что суд не только не нашел оснований для признания неправомерности данных действий, но и открыто изложил в тексте судебного решения информацию об анонимности поступившего сообщения о преступлении. В юридической печати можно встретить позиции, согласно которым из анонимного заявления правоохранительным органам только предстоит сформировать законный повод для возбуждения уголовного дела [11, с. 120]. Это говорит о высокой степени толерантности, как правоприменительной практики, так и теории к осуществлению уполномоченными органами работы по проверке анонимных сообщений (заявлений) о преступлении. Вместе с тем подобный инструментальный подход в большей

1 Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29.08.2014 N 736 (ред. от 09.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Приговор Березовского районного суда Красноярского края от 16.01.2020 N 1-34/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O2ZVvca27fLS/> (дата обращения: 11.05.2023).

степени является новаторством в правоприменении, нежели конструктивным способом модернизации уголовно-процессуального законодательства, едва ли может быть признан подходящим для решения данной проблемы.

Таким образом, предусмотренный порядок регистрации заявления о преступлении противоречит возможности применения мер безопасности в отношении заявителя. Имеющиеся предложения о возможности рассмотрения и проверки анонимных сообщений также едва ли будут конструктивным способом изменения текущей ситуации. Как представляется, в изменении нуждается сам механизм регистрации заявления о преступлении, как на уровне законодательства, так и на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Отправной точкой для изменения данного регистрационного механизма может быть внесение двух изменений в текст уголовно-процессуального закона.

Во-первых, требуется конкретизация возможности применения мер безопасности в отношении заявителя, для чего необходимо добавить в часть 1.1 статьи 144 УПК РФ слова «и регистрации заявления о преступлении» после слов «при приеме сообщения о преступлении».

Во-вторых, требуется внесение возможности регистрации устного заявления о преступлении при личном обращении гражданина с применением к нему предусмотренных мер безопасности. Так, норму части 2 статьи 141 УПК РФ можно дополнить положением следующего содержания: «При подаче заявления в случае, если у заявителя существуют основания предполагать наличие угрозы его безопасности, регистрация данного заявления осуществляется с применением мер безопасности, предусмотренных в отношении участников уголовного судопроизводства».

Библиографический список

1. Богинский, М.М. Межотраслевая взаимосвязь мер обеспечения безопасности личности в механизме обеспечения безопасности личности как гарантии нейтрализации противодействия уголовному судопроизводству / М.М. Богинский // Евразийская адвокатура. – 2021. – N 3(52). – С. 93-97.
2. Брусницын, Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК / Л. Брусницын // Российская юстиция. – 2003. – N 5. – С. 48-50.
3. Зайцев, О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации / О.А. Зайцев // Уголовная юстиция. – 2014. – N 2(4). – С. 18-23.
4. Карягина, О.В. Поводы и основания применения мер безопасности защищаемого лица в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы / О.В. Карягина, Ю.С. Аваков // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – N 2(34). – С. 52-55.
5. Катков, Е.А. Меры безопасности как правовая категория / Е.А. Катков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – N 4. – С. 11-15.
6. Киселев, А.М. Становление института государственной защиты свидетелей в Российской Федерации / А.М. Киселев // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 30-31 октября 2019 года / отв. ред. А.Г. Чириков. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 94-101.
7. Лапин, Е.С. К вопросу о принципе конфиденциальности в российском уголовном процессе / Е.С. Лапин // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – N 2(8). – С. 5-8.

8. Маликова, Н.В. Некоторые проблемы применения мер безопасности на стадии возбуждения уголовного дела / Н.В. Маликова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – N 3(81). – С. 34-37.
9. Надуев, М.Н. Особенности применения сокрытия данных о личности как мера безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении / М.Н. Надуев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2015. – Т. 25, N 6. – С. 168-170.
10. Новиков, И.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства на стадии приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении / И.В. Новиков // Современное право. – 2011. – N 2. – С. 102-105.
11. Пироговский, И.Г. Закрепление информации о преступлении: система поводов к возбуждению уголовного дела / И.Г. Пироговский // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – N 1. – С. 117-133.
12. Попов, В.Л. Классификация мер безопасности, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства / В.Л. Попов, Н.В. Макеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – N 5. – С. 152-155.
13. Прыткова, Е.В. К вопросу о процессуальном порядке применения меры безопасности, предусмотренной частью 1.1 статьи 144 УПК РФ / Е.В. Прыткова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – N 17-1. – С. 144-145.
14. Удовыдченко, И.В. Актуальные проблемы использования псевдонимов в уголовном процессе / И.В. Удовыдченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – N 3. – С. 145-148.
15. Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности) : дис. ... докт. юрид. наук / Г.П. Химичева. – М., 2003. – 399 с.

Анжелика Сергеевна РОЖКОВА,

адъюнкт Орловского юридического института

МВД России имени В.В. Лукьянова

rozhkovalika9@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 264.1 УК РФ:
ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

**FEATURES OF ESTABLISHING THE EVENT OF A CRIME
UNDER ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
LAW ENFORCEMENT ISSUES**

Вопросы доказательственного права, в том числе доказывания при расследовании отдельных категорий преступлений, всегда привлекают внимание ученых-процессуалистов. Особенности изобличения подозреваемого в совершении противоправного действия, связанного с повторным управлением транспортным средством в состоянии опьянения, не является исключением. Имеющиеся противоречия правоприменительной практики и отсутствие единого мнения в литературе вызывают необходимость детального анализа вопросов установления события при расследовании преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Issues of evidentiary law, including issues of proof in the investigation of certain categories of crimes, always attract the attention of procedural scientists. The peculiarities of exposing a person suspected of committing an unlawful act related to repeated driving while intoxicated is no exception. Existing contradictions in law enforcement practice and the lack of consensus in the literature cause the need for a detailed analysis of the issues of establishing the event in the investigation of a crime under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: доказательства, обстоятельства, подлежащие доказыванию, предмет доказывания, управление транспортным средством в состоянии опьянения, административная преюдиция.

Keywords: evidence, circumstances to be proven, subject of proof, driving a vehicle while intoxicated, administrative prejudice.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, требуют отдельного анализа при расследовании любого преступления, в том числе и нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством, ранее подвергнутого административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). Указанные обстоятельства закреплены в ст. 73 УПК РФ и являются своего рода «обязательной программой» для дознавателя при установлении всех признаков совершенного противоправного деяния. Конечно, универсального алгоритма действий лица, ведущего производства по делу, не существует даже для отдельно взятого преступления. Вместе с тем, деятельность дознавателя, направленная на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по ст. 264.1 УК РФ,

зательной программой» для дознавателя при установлении всех признаков совершенного противоправного деяния. Конечно, универсального алгоритма действий лица, ведущего производства по делу, не существует даже для отдельно взятого преступления. Вместе с тем, деятельность дознавателя, направленная на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по ст. 264.1 УК РФ,

должна осуществляться в процессуальных рамках и иметь определенные критерии с учетом достаточности собранных доказательств для направления уголовного дела в суд. В этой связи особое внимание следует уделить установлению события преступления (время, место, способ, и другие обстоятельства) как основного элемента, входящего в предмет доказывания.

Каждое такое обстоятельство, в том числе и предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, подлежит установлению совокупностью доказательств, которые при расследовании нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством, ранее подвергнутого административному наказанию, собираются путем производства следственных и иных процессуальных действий.

Как отмечает В.А. Лазарева, «событие преступления не абстрактная категория, а деяние, объективные признаки которого соответствуют признакам объективной стороны конкретного состава» [3, с. 101], которое подлежит доказыванию в зависимости от состава преступления и тех действий, которые предприняло лицо для реализации преступного умысла.

Преступления данной категории имеют формальный состав объективной стороны и считаются оконченными с момента начала осуществления действия. Интересы частных лиц данным деянием не затрагиваются, вред им не причиняется, по этой причине следует констатировать отсутствие потерпевших. В этой связи одними из основных источников доказательств, устанавливающих событие по ст. 264.1 УК РФ, являются показания свидетелей – сотрудников Госавтоинспекции, ограничивших управление механическим транспортным средством, а также граждан, являвшихся понятыми при прохождении водителем медицинского освидетельствования для подтверждения признаков опьянения.

Предметом получения показаний от сотрудников полиции с учетом правил, предусмотренных ст. 187-190 УПК РФ, должны

стать сведения о должностных обязанностях, а также о причинах нахождения на маршрутах патрулирования и остановки транспортного средства лица, у которого в дальнейшем были выявлены признаки опьянения. У сотрудников Госавтоинспекции необходимо также выяснить основания, побудившие их осуществить освидетельствование, и процесс его осуществления.

Пример получения показаний можно привести из анализа следственной практики. Так, по уголовному делу N 1220154000886 в ходе допроса свидетеля К. тот пояснил, что «...при общении с водителем К. у меня возникло подозрение, что он находится в состоянии опьянения, так как его речь была нарушена, изо рта исходил резкий запах алкоголя ... В присутствии понятых водитель К. был отстранен от управления транспортным средством, о чем мною был составлен протокол об отстранении от управления транспортным средством... После прохождения освидетельствования водителя К., примерно через 30 секунд, прибор выдал чек, в котором была указана степень алкогольного опьянения. ... Это означало, что он находится в состоянии алкогольного опьянения»¹.

Следует также остановиться на демонстрации результатов алкотестера понятым, согласия водителя с этими данными, подписании чека понятыми, составлении акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения в присутствии понятых, написании правонарушителем в данном акте «Согласен» и фиксации его подписи.

В ходе допроса указанных должностных лиц необходимо также установить, были ли выявлены признаки состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, сотрудниками Госавтоинспекции и осуществлялась ли с этой целью проверка документов водителя по федеральной информационной системе ГИБДД². Это необходимо для того, чтобы удостовериться, был ли ранее водитель подвергнут административному наказанию за аналогичное правонарушение (ст.12.8 КоАП

1 Уголовное дело N 1220154000886 // Архив Советского районного суда г. Орла (возбуждено 23.08.2022).

2 О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции : приказ МВД России от 05.02.2016 N 60 (ред. от 22.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

РФ) либо невыполнение законного требования должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст.12.26 КоАП РФ) либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264.1 УК РФ.

В юридической литературе [2, с. 225] обращается внимание на недостатки законодательного регулирования, к которым можно отнести невозможность привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ, если первоначальное решение суда не вступило в законную силу на момент установления повторного опьянения. Это же подтверждается результатами анкетирования сотрудников ГИБДД. Кроме того, отмечается, что в некоторых случаях имеет место несвоевременность внесения таких сведений в соответствующие базы данных [5, с. 88-89]. Лицо фактически управляет транспортным средством в состоянии опьянения повторно, однако избегает уголовной ответственности в виду ненадлежащего правового закрепления.

Получение показаний свидетелей, являвшихся понятыми при прохождении водителем медицинского освидетельствования для подтверждения признаков опьянения, также осуществляется по правилам, предусмотренным ст. 187-190 УПК РФ, и направлено на выяснение обстоятельств, связанных с приглашением для удостоверения факта состояния опьянения водителя транспортного средства на месте совершения административного правонарушения. Кроме того, предметом допроса является разъяснение понятым прав, подписание протокола об отстранении от управления транспортным средством и дальнейшее освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, подпись чека, в котором указана степень алкогольного опьянения.

Анализ уголовных дел, расследуемых по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, позволил выявить производство еще одного следственного действия, направленного на подтверждение ранее данных показаний свидетеля и уточне-

ние их на месте совершения преступления¹. Целесообразность производства проверки показаний на месте возникает в случае сомнений в показаниях свидетелей, являвшихся понятыми при освидетельствовании водителя на состояние опьянение.

Признаки противоправного действия, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, связанного с фактом (временем, местом) нахождения лица в состоянии опьянения, как правильно отмечается в литературе [1, с. 62], подтверждаются в том числе документами, находящимися у сотрудников Госавтоинспекции. Это могут быть: протокол об отстранении от управления транспортным средством; акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и чек алкотестера. Как разъясняет Верховный Суд РФ, в случае невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения эти данные должны быть документально подтверждены².

В таком случае необходимо вынести постановление о производстве их выемки, изъять в порядке, предусмотренном ст. 183 УПК РФ, провести осмотр данных документов (ст. 176-177, 180 УПК РФ), после чего составить постановление о признании и приобщении изъятых к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Приведем пример такого осмотра: «Объектом осмотра является копия протокола 57 РО N ... об отстранении от управления транспортным средством. Данный протокол представляет собой...». Далее указано: «при наличии оснований – выявление административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 12.7 КоАП; наличие достаточных оснований полагать, что лицо, которое управляет транспортным средством, находится в состоянии опьянения (наличие у лица одного или нескольких признаков: запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы, нарушение речи, поведение не соответствующие обстановке) отстранен(а) от управления транс-

1 Уголовное дело N 1220154000710 // Архив Заводского районного суда г. Орла (возбуждено 04.07.2022).

2 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

портным средством до устранения причины отстранения. Отстранение от управления транспортным средством осуществлено в присутствии понятых, которым разъяснены их права, обязанности, предусмотренные ст. 25.7 КоАП РФ». В графе «понятые» имеются соответствующие сведения о них. Далее следует графа с подписью лица, составившего протокол. В графе «копию протокола получил» стоит подпись правонарушителя¹.

Доказательством, что лицо ранее было подвергнуто административному наказанию по ст. 12.8 КоАП РФ либо не выполнило законные требования должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ), является имеющее значение преюдиции постановление мирового суда, а наличия судимости за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264.1 УК РФ, – приговор районного суда.

В этой связи возникает вопрос: в течение какого срока можно привлечь лицо к ответственности по ст. 264.1 УК РФ после первого наказания? На отсутствие в диспозиции данной статьи конкретного срока указывают также Т.И. Михалева и О.Н. Пахомова [4, с. 24]. Согласно ст. 4.6. КоАП РФ такой срок исчисляется со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (до истечения одного года со дня уплаты административного штрафа), а в случае привлечения лица к уголовной ответственности по указанным выше статьям – срок наличия непогашенной или неснятой судимости.

Вместе с тем в правоприменительной практике встречаются случаи признания лица подвергнутым административному нака-

занию и привлечению к ответственности по ст. 264.1 УК РФ и по истечении данного срока.

Так, постановление мирового судьи о признании С. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, вступило в законную силу 28 ноября 2014 г.; приговором Заводского районного суда г. Орла гражданин С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, с назначением наказания в виде ... часов обязательных работ, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, 30 января 2023 г., т.е. повторное правонарушение было совершено более чем через восемь лет².

Подобный факт объясняется положением ч. 2 ст. 32.7 КоАП РФ, согласно которой, если водительское удостоверение не было изъято при оформлении нарушения, а водитель не сдал его или не заявили об утрате в течение трех дней после вступления в законную силу постановления суда, течение срока лишения права управления прерывается до дня его сдачи или изъятия либо до дня получения органами ГИБДД заявления о его утрате.

Кроме того, Верховный Суд РФ разъяснил, что течение прерванного срока лишения права управления транспортными средствами продолжается со дня сдачи лицом либо изъятия у него соответствующего удостоверения³.

Следовательно, течение срока лишения права управления транспортным средством, может быть прервано на неограниченный промежуток времени. В связи с чем считаем, что такое расширительное толкование признания лица подвергнутым административному наказанию не вполне оправданно и неприменимо к уголовно-правовым отноше-

1 Уголовное дело N 12201540014000709 // Архив Заводского районного суда г. Орла (возбуждено 01.07.2022).

2 Уголовное дело N 12201540014001023 // Архив Заводского районного суда г. Орла (возбуждено 24.09.2022).

3 О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N 20 // СПС «КонсультантПлюс».

ниям. С учетом развития научно-технических средств управление водителем транспортным средством может быть выявлено средствами фото-, видеофиксации, а сотрудниками Госавтоинспекции такое правонарушение пресечено и водительское удостоверение изъято.

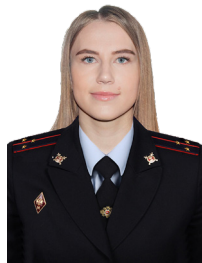
Еще одним доказательством, подтверждающим событие рассматриваемого противоправного деяния, как правило, являются показания самого подозреваемого. Анализ уголовных дел позволил констатировать, что в большинстве случаев (девять из десяти уголовных дел) лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 264.1 УК РФ, сознается в совершении преступления и дает изобличающие себя показания. Предметом допроса такого лица с учетом требований ст. 46, 189, 190, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ должны стать данные, подтверждающие выполнение объективной стороны вменяемого состава преступления, т.е. обстоятельства, как предшествующие остановки управляемого лицом в состоянии опьянения транспортного средства, так и после выполнения законных требований сотрудников Госавтоинспекции.

Подводя итоги рассмотрения вопросов правоприменения в части установления события преступления, возбужденного по ст. 264.1 УК РФ, следует отметить правильный вектор движения практики. С учетом изложенного, обстоятельство, входящее в предмет доказывания, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, должно подтверждаться совокупностью доказательств, а именно: показаниями свидетелей, показанием подозреваемого, вещественными доказательствами, протоколами следственных действий и иными документами. Наличие указанных источников следует признать достаточными для направления уголовного дела в суд в совокупности с установлением других обстоятельствами, входящих в предмет доказывания.

Вместе с тем отдельные законодательные неточности, затронутые в содержании исследования, следует нивелировать для более эффективного процесса расследования преступления по ст. 264.1 УК РФ.

Библиографический список

1. Булыжкин, А.В. Особенности правоприменения положений статьи 264.1 УК РФ: а есть ли проблема? / А.В. Булыжкин // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Орел, 2016. – С. 60-64.
2. Жуков, А.М. Практические проблемы применения статьи 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию) / А.М. Жуков // Эволюция государства и права: история и современность. Ч. 2. – Курск, 2017. – С. 224-227.
3. Лазарева, В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России / В.А. Лазарева. – Самара, 2007. – 303 с.
4. Михалева, Т.И. Актуальные вопросы уголовной ответственности за преступное управление транспортным средством (статьи 264, 264.1 УК РФ) / Т.И. Михалева, О.Н. Пахомова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – N 4. – С. 23-25.
5. Рубцова, А.С. Ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию / А.С. Рубцова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Том 15. – N 1. – С. 86-91.

Елизавета Владимировна ШИМАНОВИЧ,
адъюнкт Омской академии МВД России
liza_shimanovi4@mail.ru

**УЧЕТ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
УКАЗАННЫХ В ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 61 УК РФ, ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ**

**CONSIDERATION OF MITIGATING CIRCUMSTANCES SPECIFIED
IN PART 1 OF ARTICLE 61 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION WHEN IMPOSING A SENTENCE**

Автором рассматривается проблема придания судами одинакового значения смягчающим обстоятельствам, которые указаны и не указаны в уголовном законе. Отмечается, что типовые смягчающие обстоятельства, указанные в законе, должны иметь больший вес при назначении наказания, чем иные смягчающие обстоятельства, поскольку их наличие предполагает в любом случае снижение общественной опасности преступления или лица его совершившего. Решение данной проблемы предлагается путем изменения статей 15, 64 и 73 УК РФ таким образом, чтобы одним из условий их применения являлось наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ.

The author considers the problem of attaching by the courts equal importance to mitigating circumstances, which are indicated and not indicated in the criminal law. It is noted that the typical mitigating circumstances specified in the law should have more weight in imposing punishment than other mitigating circumstances, since their presence in any case implies a reduction in the social danger of the crime or the person who committed it. The solution of this problem is proposed by amending Art. 15, 64 and 73 of the Criminal Code of the Russian Federation in such a way that one of the conditions for their application is the presence of mitigating circumstances under Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: перечень смягчающих обстоятельств, назначение наказания, не указанные в законе, условное осуждение, рецидив преступлений, изменение категории преступления, исключительные обстоятельства.

Keywords: list of mitigating circumstances; sentencing, not specified in the law; probation, recidivism of crimes, change of category of crime, exceptional circumstances.

Действующий на сегодняшний день УК РФ почти 30 лет является единственным уголовным законом Российской Федерации. За это время в него были внесены множество изменений и дополнений, что обосновывается, на наш взгляд, тем, что на-

учное сообщество и законодательная власть ищут возможные варианты доведения уголовного закона до так называемого «идеала», исключив из него все существующие пробелы и противоречия. Помимо этого, с учетом изменения социального положения и обстановки

в стране, некоторые общественно опасные деяния перестают быть таковыми, вследствие чего их декриминализуют, а другие, наоборот, становятся общественно опасными, и путем их криминализации появляются новые статьи в УК РФ.

Что касается нормы о смягчающих наказание обстоятельствах, за время существования УК РФ в нее были внесены лишь два незначительных изменения: в п. «и»¹ и в п. «а»² ч. 1 ст. 61 УК РФ. Однако это не говорит об идеальности данной нормы, так как об изменении многих положений этой статьи, а также иных статей Общей части УК РФ, которые содержат в себе ссылки на смягчающие наказание обстоятельства, ведутся активные дискуссии среди ученых [1, с. 120-121; 4, с. 9-10; 9, с. 1-12]. Нами в данной статье будет обозначена проблема, связанная с необходимостью совершенствования некоторых норм Общей части УК РФ, а также предложено ее решение.

Согласно официальным статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 г. смягчающие обстоятельства были применены судом примерно к 58% осужденных, в 2017 г. – к 78%, в 2018 г. – к 80%, в 2019 г. – к 84%, в 2020 г. – к 85%³. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что востребованность ст. 61 УК РФ у правоприменителей с каждым годом растет. Всего в период с 2016 г. по 2020 г. включительно были осуждены 3 225 886 лиц, из них к 2 450 389 (76%) были применены смягчающие обстоятельства.

Количество смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, возможно установить лишь эмпирическим путем. Проведенное нами исследование⁴ показало, что в проанализированных приговорах судами были учте-

ны 41 смягчающее обстоятельство, из них 35 не указанных в законе. В общей сложности в этих приговорах были выявлены 2065 случаев применения смягчающих обстоятельств, из них 1397 (67,65%) не указанных в уголовном законе (на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ). Таким образом, смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, значительно преобладают над теми, которые приводятся в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Одной из проблем, рассматриваемой в данной работе, является тот факт, что суды не разграничивают смягчающие обстоятельства, которые перечислены в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ и которые не указаны в законе, придавая им при этом одинаковый правовой статус, чего, на наш взгляд, не должно допускаться. Считаем, что основным инструментом судьи для применения смягчающих обстоятельств должен служить перечень, предусмотренный ч. 1 ст. 61 УК РФ, а ч. 2 данной нормы может быть лишь вспомогательным элементом индивидуально для каждого лица и совершенного им деяния. Более редкое применение судами смягчающих обстоятельств из ч. 1 ст. 61 УК РФ как раз обусловлено тем, что в перечне должны быть закреплены не самые широко применяемые смягчающие обстоятельства, а типовые, то есть те, которые гарантированно снижают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, независимо от обстоятельств совершенного преступления, а обстоятельства, не указанные в УК РФ, учитываются применительно к конкретному преступлению и преступнику, в связи с чем должна быть обязательная мотивировка суда, почему они уменьшают общественную опасность преступления или лица, его совершившего. По мнению Л.Л. Кругликова, основными особенностями смягчающих обстоятельств, указанных в законе, должны быть

1 Пункт в редакции Федерального закона от 29.06.2009 N 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

2 Пункт в редакции Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3 Здесь и далее, если не указано иное, показатели рассчитаны по: Форма N 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 месяцев 2016-2020 гг.

4 Проанализированы 500 приговоров с применением смягчающих обстоятельств, вынесенных судами во всех субъектах Российской Федерации в период с 2016 по 2020 год, а также проведено анкетирование 99 судей Омской и Иркутской областей, республик Ингушетия и Коми, Красноярского края.

типичность, обязательность (безусловность) и строго определенная направленность влияния [5, с. 18].

Объяснить такое частое на сегодняшний день обращение правоприменителя к ч. 2 ст. 61 УК РФ можно тем, что в ряде статей УК РФ законодатель указывает на наличие смягчающих обстоятельств в целом, т.е. имеет в виду не только те, которые указаны в конкретном закреплённом перечне, но и иные, которые может определять таковыми и применять суд на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ. Речь идет о ст. 15, 64 и 73 УК РФ.

При этом в ряде иных статей УК РФ законодатель указывает на то, что при учете смягчающих обстоятельств необходимо обращать внимание лишь на те, которые закреплёны в перечне, установленном ч. 1 ст. 61 УК РФ. Примером является ч. 3 ст. 68 УК РФ, в которой говорится, что при любом виде рецидива преступлений срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, лишь при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, то есть закреплённых в перечне ч. 1 данной статьи. Положения ч.ч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ также устанавливают пределы правоприменителю в смягчении наказания, ограничиваясь не только определенной частью ст. 61 УК РФ, но и конкретными пунктами этой статьи.

Считаем, что следует изменить положения ст. 15, 64 и 73 УК РФ таким образом, чтобы основанием для применения указанных в них мер являлось наличие смягчающих обстоятельств, указанных в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ [подр.: 16, с. 82-84]. Это будет способствовать поднятию роли типовых смягчающих обстоятельств, которые, по нашему мнению, должны иметь привилегированное значение по сравнению с теми, которые применяются на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ, так как они гарантированно снижают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, независимо от обстоятельств совершения преступления. Значительная часть опрошенных (38 (38,38%) судей) также считают, что типовым смягчающим обстоятельствам следует придавать большее значение

при назначении наказания, чем тем, которые устанавливает суд, руководствуясь ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Так, в ч. 2 ст. 64 УК РФ указано, что «исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств». Получается, что в качестве таковых могут выступать как указанные, так и не указанные в законе. Еще в советское время М.М. Исаев, М.Н. Гернет, А.Н. Трайнин указывали на то, что исключительными могут считаться только те смягчающие обстоятельства, которые закреплёны в предложенном законодателем перечне [2, с. 12; 14, с. 75]. Ряд ученых считают, что в качестве исключительных могут учитываться как указанные, так и не указанные в законе смягчающие обстоятельства, главное, чтобы они образовывали совокупность [10, с. 170-171; 12, с. 190]. Некоторые исследователи предлагают вовсе исключить ст. 64 из УК РФ [11, с. 168; 13, с. 114]. А.Е. Кукушкиным был предложен следующий вариант изменения данной формулировки: «Исключительными признаются два или более смягчающих обстоятельства из числа указанных в части первой статьи 61 настоящего Кодекса, если они связаны с поведением виновного во время и после совершения преступления и существенно уменьшают степень общественной опасности данного преступления» [6, с. 85]. Мы рекомендуем изложить ч. 2 ст. 64 УК РФ в более удобоваримом варианте: «Исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 61 настоящего Кодекса». В 1994 г. группой ведущих российских ученых при подготовке проекта Общей части УК РФ уже предлагалось признавать в качестве исключительных только те смягчающие обстоятельства, которые предусмотрены установленным законодателем перечнем, однако это не было учтено при разработке и принятии действующего на сегодняшний день УК РФ.

В ч. 2 ст. 73 УК РФ указано, что «при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности

совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства». Условное осуждение является более мягкой альтернативой реального отбывания наказания. На наш взгляд, в таких ситуациях должны учитываться не просто смягчающие обстоятельства, а именно те, которые гарантированно уменьшают степень общественной опасности преступления или лица, его совершившего, т.е. указанные в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ. Считаем, что ч. 2 ст. 73 УК РФ необходимо изменить, внося в нее следующие дополнения: «...в том числе смягчающие обстоятельства, предусмотренные частью первой статьи 61 настоящего Кодекса...».

В ч. 6 ст. 15 УК РФ говорится об изменении категории преступления с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности и при наличии смягчающих наказание обстоятельств, а также отсутствии отягчающих наказание обстоятельств. При изменении категории преступления суды чаще всего перечисляют любые смягчающие обстоятельства, как указанные, так и не указанные в законе, так как в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. N 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что по делу могут приниматься во внимание не только перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающие обстоятельства, но и не вошедшие в данный перечень. При этом, как отмечает Л.О. Кулева, некоторые фактические обстоятельства совершенного преступления не свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности и могут ставить под сомнения учтенные судом смягчающие обстоятельства [8, с. 34]. А.Г. Кулев предлагает вовсе убрать из ч. 6 ст. 15 такое условие, как наличие смягчающих наказание обстоятельств [7, с. 432]. А.А. Хайдаров считает, что для изменения категории преступления должны учитываться только смягчающие обстоятельства из ч. 1 ст. 61 УК РФ [15, с. 41-42]. Некоторые ученые считают такую позицию спорной и невозможной для реализации

на законном уровне, аргументируя это в том числе тем, что перечень смягчающих обстоятельств не является исчерпывающим [3, с. 84-90; 9, с. 61]. Мы поддерживаем позицию А.А. Хайдарова и считаем, что данную проблему можно решить с помощью внесения в ч. 6 ст. 15 УК РФ дополнений: «...при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 61 настоящего Кодекса...». На наш взгляд, данные изменения усилят значение типовых смягчающих обстоятельств относительно тех, что в законе не указаны, и будут способствовать снижению такого частого учета смягчающих обстоятельств, не указанных в законе.

В завершение статьи можно сделать вывод, что смягчающие наказание обстоятельства, указанные в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ, должны иметь привилегированное значение относительно тех, что в законе не указаны (применяемые на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ). Усилению значения смягчающих наказание обстоятельств, указанных в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ, может способствовать более взвешенный подход судей к учету смягчающих обстоятельств. В целях ограничения расширительного судебного усмотрения по применению ч. 2 ст. 61 УК РФ, а также с учетом того, что смягчающие обстоятельства, включенные в перечень ч. 1 ст. 61 УК РФ, носят исключительный характер, считаем, что именно они и должны рассматриваться в качестве одного из условий, дающих право применять меры, указанные в положениях ч. 6 ст. 15, ч. 2 ст. 64 и ч. 2 ст. 73 УК РФ.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие возможные варианты изменения отечественного уголовного закона.

1. Внести изменения в часть 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 15. Категории преступлений

6. С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 61 настоящего Кодекса, и при отсутствии отягчающих на-

казание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы».

2. Внести изменения в часть 2 статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 64. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление

...

2. Исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 61 настоящего Кодекса».

3. Внести изменения в часть 2 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 73. Условное осуждение

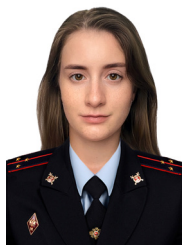
2. При назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие обстоятельства, предусмотренные частью первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отягчающие обстоятельства».

Библиографический список

1. Дударь, Н.Н. Общие начала назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Н. Дударь. – М., 2004. – 199 с.
2. Исаев, М.М. Дела о прогулах и самовольном уходе и вопросы общей части уголовного права / М.М. Исаев // Советская юстиция. – 1941. – N 7. – С. 9-14.
3. Карпова, Н.А. Изменение категории преступления на менее тяжкую: теория и практика применения / Н.А. Карпова, Я.С. Калининская // Современное право. – 2016. – N 11. – С. 84-90.
4. Качан, М.И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в Российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.И. Качан. – Ростов-на-Дону, 2005. – 199 с.
5. Кругликов, Л.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве : учебное пособие / под ред. Е.А. Фролова. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1977. – 83 с.
6. Куковякин, А.Е. исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Е. Куковякин. – Омск, 2018. – 182 с.
7. Кулев, А.Г. Изменение категории преступления судом в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10 / А.Г. Кулев, Л.О. Кулева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 429-435.
8. Кулева, Л.О. Изменение категории преступления: анализ судебной практики / Л.О. Кулева // Уголовное право. – 2022. – N 1. – С. 33-44.
9. Мингалимова, М.Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ф. Мингалимова. – М., 2019. – 254с.
10. Мифтахов, А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.М. Мифтахов. – Нижний Новгород, 2012. – 203 с.

-
11. Мишкин, В.Б. Влияние исключительных обстоятельств на назначение наказания / В.Б. Мишкин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – N 4. – С. 164-169.
 12. Николаева, Т.В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.В. Николаева. – Уфа, 2005. – 190 с.
 13. Степашин, В.М. Специальные правила назначения наказания : монография / В.М. Степашин – Омск, 2011. – 360 с.
 14. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. – М.: Право и Жизнь, 1925. – 460 с.
 15. Хайдаров, А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую / А.А. Хайдаров // Законность. – 2015. – N 2. – С. 38-42.
 16. Шиманович, Е.В. Место смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, в системе смягчающих обстоятельств / Е.В. Шиманович // Преемственность и новации в юридической науке : материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Вып. 18. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. — С. 82-84.

Полина Олеговна ШЛЕГЕЛЬ,

адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
kpo.kras@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

RELIGIOUS ASPECT OF THE IDEOLOGICAL COMPONENT OF THE LAW ENFORCEMENT MECHANISM

В статье рассматривается религиозное идейное содержание идеологического компонента механизма обеспечения правопорядка. Автор анализирует основополагающие религиозные идеи и коррелирующие с ними правовые идеи. Констатируется, что благодаря рассмотренным религиозным идеям, лежащим в основе правовой идеологии в механизме обеспечения правопорядка, сам правопорядок становится ценностью, а субъекты этого механизма в лице государственного аппарата наделяются высшим авторитетом и особым правом. Кроме того, благодаря рассмотренным религиозным идеям, становится возможно проведение дискурса по выработке правовых ценностей и идей, определяющих поведение участников правоотношений, а именно дискурса порядка и справедливости между государством и гражданским обществом по поводу создания и обеспечения общего конвенционального правопорядка в политически организованном обществе..

The article considers the religious ideological content of the ideological component of the law enforcement mechanism. The author analyzes fundamental religious ideas and legal ideas correlating with them. It is stated that due to the considered religious ideas underlying the legal ideology in the mechanism of ensuring the rule of law and order, the rule of law and order itself becomes a value, and the subjects of this mechanism in the person of the state apparatus have the highest authority and a special right. In addition, due to the religious ideas considered, it becomes possible to conduct a discourse on the development of legal values and ideas that determine the behavior of participants in legal relations, namely a discourse of order and justice between the state and civil society regarding the creation and maintenance of a common conventional law and order in a politically organized society.

Ключевые слова: правопорядок, государство, религиозные идеи, ценности, правовая идеология, гражданское общество, механизм обеспечения правопорядка.

Keywords: law and order, state, religious ideas, values, legal ideology, civil society, law enforcement mechanism.

Основным содержательным элементом идеологического компонента любой системы является идея, выражающая определенную ценность. Другие содержательные элементы в виде понятий, концепций, тео-

рий, мифов представляют собой проявления этих идей [4, с.33]. Эти идеи в механизме обеспечения правопорядка находят отражение во всех его компонентах и на протяжении всего процесса обеспечения правопорядка:

в нормативно-правовом выражении через законодательство, регулирующее процесс обеспечения правопорядка, формы обеспечения правопорядка, полномочия субъектов и средства его обеспечения, а также в сознании субъектов обеспечения правопорядка, ориентируя на исполнение правовых предписаний и воплощение должного правового поведения.

Стоит отметить, что значение идеологии в разных правовых системах неодинаково, соответственно, отличаются и процессы образования права, и восприятие правопорядка [9]. Например, в религиозных правовых системах она имеет существенное значение, играет правообразующую роль [2, с. 26]. Однако и идеология в данном случае является религиозной, а значит, что определяющее место занимают религиозные представления и верования. Рассматривая же правовые системы западного типа, стоит отметить, что правопорядок здесь складывается из представлений государства и общества, синтезируясь в общий конвенциональный правопорядок, легитимность которого обеспечивается правовой идеологией. Однако содержание такой идеологии носит не только собственно правовой характер. В данной статье пойдет речь о религиозных представлениях, наиболее ярко отражающихся в идеологическом компоненте механизма обеспечения правопорядка политически организованного общества.

Религиозный компонент в целом имманентно присущ российскому правосознанию, это обусловлено исторической реальностью. В праве он выражается, в основном, как раскрывающий его «истинное назначение и глубину смысла в воспитании человека право-обязанного и право-ответственного...» [6, с. 3]. Духовности следует определять особое место в побуждениях человека поступать определенным образом и выбирать конкретную модель правового поведения. Религия позволяет человеку осознать необходимость соблюдения правил совместного мирного жительства, ответственность перед ближними за свои поступки, прийти к покаянию. Все это выражается в сфере правопорядка как соблюдение установленных правил и пра-

вовых норм, наличие позитивной и ретроспективной юридической ответственности, неуклонение от ответственности и сотрудничество в случае совершения правонарушения. Благодаря тому, что духовные ценности институционализировались в обществе и праве, исполнение обязательных правовых требований становится осознанным выбором каждого человека. Так или иначе любой человек нуждается в авторитетном указании на выбор способа своего поведения, особенно в праве, и религиозные основы как не что лучше поддерживают его стремления к созидательному, а не разрушительному варианту развития общего мироустройства.

В рамках механизма обеспечения правопорядка религиозные идеи играют роль ориентирующую, направляющую. Неотъемлемые духовные идеи и ценности в российской правовой реальности существенным образом отражаются и в правосознании субъектов механизма обеспечения правопорядка, влияя на их поведение и принимаемые решения, и на выборе средств и качестве форм обеспечения правопорядка, но также прослеживаются в нормативной правовой базе, регламентирующей деятельность по обеспечению правопорядка. Представляется возможным рассмотреть идейно-ценностный аспект взаимосвязи религии и права в механизме обеспечения правопорядка – то есть те религиозные идеи, которые через правовую идеологию оказывают влияние на механизм обеспечения правопорядка и благодаря которым происходит сакрализация как самого права, так и государственных институтов, обеспечивающих правопорядок.

Стоит признать, что все религиозные идеи следуют от идеи закона и идеи порядка, установленного Богом. Этот закон неоспорим, он является наивысшим правилом для всех, источник всех дозволений и запретов. Порядок же аксиоматически справедлив, он служит основой жизни людей и естественно, что в современном политически организованном обществе эта идея проявляется как идея правопорядка, установленного и обеспечиваемого как нечто ценное. Признание существования и необходимости ценности

побуждает задумываться о ее оберегании, здесь подключаются различные механизмы обеспечения той или иной ценности. В механизме обеспечения правопорядка ценности идеологического компонента берут на себя смысловую ориентацию деятельности субъектов этого механизма, как основных, в лице органов государственной власти, так и вспомогательных, в лице гражданского общества. При этом для государства таким естественным порядком является государственный правопорядок, а для гражданского общества, соответственно, правопорядок гражданского общества, но везде идея порядка несет в себе смысл неприкасаемого в плане посягательства на него. Общий конвенциональный правопорядок, таким образом, соединяет эти представления и стремится отразить публичные и частные интересы. Все это отражает *идею священного*, которая в контексте исследования правопорядка выражается в признании за правом и законом высшей ценности.

Далее, наиболее очевидной и ярко выраженной является *идея греха*. Грех – это нарушение божественного закона подобно правонарушению, престапующему закон земной, «гражданский». Эта идея напрямую связана с порядком, а точнее, с его нарушением, так как грех вносит хаос в порядок божественный. Проявление этой идеи в механизме обеспечения правопорядка выражено в представлении о противоправном, о том, что нарушает установленные правила и правовой порядок. Здесь вплетается тесно связанная с идеей греха *идея воздаяния*. Она означает справедливую награду за угодное поведение и возмездие за поведение, нарушающее установленные правила. Данная идея в рассматриваемой нами системе проявляется в идее неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение, которая является формой восстановления правопорядка. Как мы сказали, воздаяние существует не только в негативно претерпеваемых последствиях. Видится, что человек, ориентируясь на позитивное воздаяние, верит, что он в случае соблюдения им установленных правил и норм как бы приносит добро, вносит то положительное в су-

шествующий правопорядок, что сохраняет и укрепляет его.

Значимой для уяснения содержательной стороны идеологического компонента механизма обеспечения правопорядка также является *идея суда*. Божий Суд следует за нарушением закона Божьего, этот процесс как бы непрерывен, суду подвергается вся деятельность человека – «яже сотворих в сей день делом, словом и помышлением...». В праве эта идея приобретает понятие правосудного, однако на суд выносятся лишь деяния человека, то есть то, что проявлено вовне. В рамках механизма обеспечения правопорядка данная идея больше всего актуализируется в форме восстановления правопорядка, то есть, привлечение нарушителей правопорядка к юридической ответственности и возмещение вреда.

Огромное значение в условиях усиления угроз правопорядку приобретает прослеживаемая в идеологическом компоненте исследуемого механизма религиозная (в большей степени характерная для православного христианства) *идея соборности*, понимаемая как стремление к единению, к солидарной ответственности, к примирению друг с другом; эта идея несет смысл «единства во множестве», «единодушие совершенного» [8, с.242]. В правовой системе данная идея противопоставляется индивидуализму, состоит в поиске того, что объединяет общество. Видится, что в качестве такого объединения в рамках правового государства выступает общий правопорядок, обеспечение которого лежит на плечах как государства, так и гражданского общества. Диалог же по поводу правовой базы, форм участия, способов и методов обеспечения правопорядка вносит коррективы и актуализирует работу механизма обеспечения правопорядка. Кроме этого такое объединение позволяет найти общенациональную идею, которая ляжет в основу построения и укрепления правового государства.

Отметим еще одну, связанную с предыдущей идеей, которая, по нашему мнению, на смысловом уровне прослеживается в механизме обеспечения правопорядка – это идея *сакральности власти* (как наделенных Богом

особым правом). И хотя в многовековой истории нашего государства уровень доверия к власти и ее органам претерпевал изменения, ценность того главного, что может организовать и объединить весь народ, выслушать и помочь в трудные времена, никогда не утрачивала своего значения. При этом данная идея не должна несколько умалять роль участия гражданского общества в процессе построения правового государства. Основная задача по обеспечению правопорядка все же ложится на органы государственной власти, они же наделены и большими полномочиями, в связи с чем представляется, что эта идея выражается, в первую очередь, в необходимости признания за государством возможностей социально-организационного, законодательного и иного характера, важных для создания и совершенствования таких правовых механизмов.

Рассмотренные идеи не являются единственными, другие также имеют значение, но как видится, в контексте исследования механизма обеспечения правопорядка носят неявный характер.

Данные религиозные идеи в контексте идеологического компонента механизма обеспечения правопорядка наиболее четко прослеживаются в рамках реализации форм обеспечения правопорядка – охраны, защиты и восстановления. Религия и механизм обеспечения правопорядка главным образом взаимосвязаны через сознание как субъектов механизма его обеспечения, так и других участников правоотношений. Идея порядка является смыслообразующей для правосознания профессионального, а идея справедливости – для правосознания массово-обыденного, присущего большинству граждан, соответственно [5, с.258]. Поэтому взаимодействие между государством и гражданским обществом по поводу основ правопорядка в целом и механизма обеспечения правопорядка в частности становится возможным благодаря дискурсу порядка и справедливости, где больше всего прослеживаются именно религиозные идеи (где единый порядок, созданный Богом по своей природе справедлив) [3, с.109].

В механизме обеспечения правопорядка важно, чтобы субъекты его обеспечения ориентировались на разумное соотношение этих двух обозначенных идей через диалог, а целью и в конечном итоге результатом работы механизма, должно стать сохранение и совершенствование правопорядка путем охраны, защиты и восстановления. Основная роль в этом процессе отводится как раз правовой идеологии, вбирающей в себя юридическую идеологию и идеологию гражданского общества.

Религиозные идеи так или иначе ориентируют субъектов механизма на деятельность по сохранению и укреплению правовых основ общества, поскольку задают ценностный смысл и качественный уровень правовой жизни, определяя основу правосознания [1, с.31]. «Соединяясь с правосознанием, религия находит новый могучий путь для преобразования жизни; соединяясь с религиозностью, правосознание придает себе безусловную основу, утверждая «волю к духу», как волю к Богу» [2, с.224].

Итак, религиозные идеи, находя выражение в правовой идеологии в механизме обеспечения правопорядка, проявляются следующим образом: нацеливают на признание правопорядка как высшей ценности, необходимой к сохранению; наделяют субъектов механизма обеспечения правопорядка в лице государственного аппарата высшим авторитетом, тем самым определяя их восприятие участниками правоотношений в качестве обладателей особого права [3, с.116]; подготавливают «почву» для возможности проведения дискурса по выработке правовых ценностей и идей, определяющих поведение участников правоотношений; придают такой форме обеспечения правопорядка, как его восстановление, сакральный характер (в первую очередь при совершении преступления), поскольку здесь центральной становится идея суда; имеют определяющее значение в дискурсе порядка и справедливости между государством и гражданским обществом по поводу создания и обеспечения общего конвенционального правопорядка в политически организованном обществе.

Библиографический список

1. Зыкова, С.В. Элементы религиозности в российском праве : монография / С. В. Зыкова. – М.: Московский университет МВД России, 2008. – 114 с.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин ; подготовка текста и вступ. статья И. Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. – 235 с.
3. Клименко, А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография / А. И. Клименко. – М.: Норма, 2017. – 384 с.
4. Клименко, А.И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства : монография / А. И. Клименко. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2007. – 139 с.
5. Малахов, В.П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В.П. Малахов. – М.: ЮНИТИ_ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.
6. Слинченко, О.А. Религиозное духовно-нравственное сознание человека в формировании правосознания общества и укрепления основ правопорядка / О.А. Слинченко // Юридическая наука. – 2019. – № 3. – С. 3-9.
7. Хомяков, А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Работы по богословию / А.С. Хомяков. – М.: «Медиум», 1994. – 476 с.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

- текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;

- в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;

- научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

- пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);

- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

- шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»), межстрочный интервал полуторный;

- объем статьи 8-16 страниц;

- сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

- сноски на работы, опубликованные в Вестнике Сибирского юридического института МВД России;

- многочисленные (более одной) сноски на собственные публикации автора;

- опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Дмитрий Владимирович Ким, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Николай Николаевич Цуканов, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, главный специалист редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск);

Земцова Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Дудина Надежда Афанасьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по учебной работе) (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Chief Specialist of the Editorial Department of the Research and Editorial Publishing Department of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Marina A. Galimova, Candidate of Law Sciences, Head of the Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk);

Svetlana I. Zemtsova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Andrey Yu. Ivanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nadezhda A. Dudina, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (for Academic Affairs) (Krasnoyarsk);

Elena Ye. Kosmodemyanskaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Куприянчик Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, врио начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Тетерятников Николай Юрьевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Чумарова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Tatyana V. Kupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny A. Molyarov, Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Dmitry D. Nevirko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the MIA of Russia (St. Petersburg);

Pavel V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay Yu. Teteryatnikov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Denis V. Tokmantsev, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Ekaterina Yu. Chumarova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Ass. Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Daniil G. Shashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 15.09.2023

Вышел в свет 30.09.2023

Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Souvenir.

Печать офсетная. Усл. печ. листов 27,25.

Тираж 100 экз.

Заказ 169.

Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО.

Сибирский юридический институт МВД России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.